

Л. А. Мерцалова

**НЕМЕЦКОЕ
СОПРОТИВЛЕНИЕ**

**В историографии
ФРГ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

Борьба
народов
против
фашизма
и агрессии

Л.А. Мерцалова

НЕМЕЦКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ В ИСТОРИОГРАФИИ ФРГ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. А. СЕКІСТОВ

МОСКВА «НАУКА» 1990

ББК 63.3(0)
М52

Рецензенты:

кандидат исторических наук Н. И. КАНИЩЕВА,
доктор исторических наук Л. И. ГИНЦБЕРГ

Мерцалова Л. А.

**М52 Немецкое Сопротивление в историографии ФРГ.— М.:
Наука, 1990.— 224 с.
ISBN 5-02-009005-0**

Книга посвящена анализу современных исследований ученых ФРГ по истории немецкого фашизма и антифашистского Сопротивления. Особое внимание уделяется изучению новейших концепций борьбы немецких прогрессивных сил, содержащихся в современной буржуазной и социал-демократической историографии. Читатели познакомятся с западногерманской литературой о жизни Германии 1933–1945 гг., представляющей собой попытку нового осмысления проблем социальной базы происхождения фашизма и различных аспектов антифашистской борьбы.

Для историков.

М $\frac{0503010000+077}{042(02)-90}$ —62—90—II полуг.

ББК 63.3(0)

ISBN 5-02-009005-0

© Л. А. Мерцалова, 1990

ВВЕДЕНИЕ

Разгром агрессивного фашистского блока во второй мировой войне открыл новые возможности для борьбы народов за мир, демократию, национальное освобождение и социализм. Анализ различных аспектов этого события является важной задачей исторической науки. Одна из основных — проблема фашизма и Сопротивления. Актуальность этой темы очевидна. Империализм, породивший кровопролитные войны нашего века, ответственный за гонку вооружений, в современных условиях представляет собой угрозу самому существованию человечества. Изучение становления фашизма и особенно опыта борьбы с ним способствует лучшей организации борьбы против милитаризма в наши дни. Эту связь времен понимают и многие историки ФРГ¹.

История немецкого Сопротивления не столь масштабна, как история Сопротивления в других странах. Однако Германия была главным виновником второй мировой войны и главной силой фашистского агрессивного блока. Это придавало деятельности немецких патриотов особый характер. Они также внесли свой вклад в разгром фашизма. В результате победы СССР и его союзников по антифашистской коалиции на немецкой земле возникли два государства — ФРГ и ГДР. История германского фашизма и Сопротивления на протяжении послевоенных десятилетий вызывает неизменный интерес населения этих стран.

В ФРГ создана одна из крупнейших в капиталистическом мире историография истории Германии фашистского периода, второй мировой войны. Эту войну многие ученые ФРГ считают «центральным событием мировой истории»². Уже в первые послевоенные годы названные темы стали главными в западногерманской исторической и мемуарной литературе³. В 70-х — на-

¹ Blätter für deutsche und internationale Politik. 1985. H. 3. S. 316 (далее: BdiP).

² Hürten H. Zwischenkriegszeit und Zweiter Weltkrieg. Stuttgart, 1982. S. 96.

³ Библиографию см., например: Bracher K. D., Jacobsen H.-A. Bibliographie zur Politik in Theorie und Praxis. Düsseldorf. 1970, 1973, 1976, 1982; Hochmuth U. Faschismus und Widerstand, 1933–1945. Frankfurt a. M., 1973; Laak U. Bibliographie zur Geschichte von Widerstand und Verfolgung in Bayern, 1933–1945. München, 1978; Jahrbuch für antifaschistische Literatur. Frankfurt a. M., 1979; Winkler H. A., Schnabel T. Bibliographie zum Nationalsozialismus. Göttingen, 1979; Hüttenberger P. Bibliographie zum Nationalsozialismus. Göttingen, 1980; Bibliographie des deutschen Widerstandes. Pullach, 1984. Bd. 1–3; Cartarius U. Bibliographie «Widerstand». München, 1984; Bibliographie zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bonn, 1984; Dowe D. Führer zu den Archiven, Bibliotheken und Forschungseinrichtungen zur Geschichte der europäischen Arbeiterbewegung. Bonn, 1984; The Third Reich, 1933–1939. Oxford, 1982; The Third Reich at War. Oxford, 1984.

чале 80-х годов значительно усилилось внимание к этим темам в целом, в том числе и к истории немецкого Сопротивления.

Общезвестно, что западногерманская историография неоднородна. Так же как консервативные историки отражают охранительные тенденции в политической жизни страны, историки неконсервативных направлений, усилившие свое влияние в последние годы, связаны с различными альтернативными движениями⁴. Для ФРГ характерна резкая идейно-политическая поляризация: с одной стороны — рост активности сторонников НАТО, с другой — активизация противников этого блока, успехи борьбы за разоружение, за охрану окружающей среды, против «запрета на профессии». Подавляющее большинство населения страны, по свидетельству одного из лидеров СДПГ — В. Брандта, «больше не хотят иметь ничего общего со злым прошлым», стремятся к сотрудничеству с СССР⁵. Разгром фашизма — «это не только история, но и день нынешний»⁶. Различные политические силы современности стремятся извлечь уроки из опыта прошлого. Западногерманские реваншисты и их зарубежные единомышленники обращаются к истории, чтобы попытаться обосновать свои несправедливые и опасные требования пересмотреть итоги войны⁷. В то же время ФРГ не может преодолеть наследие «третьего рейха», «не отдавая должного антифашистскому Сопротивлению во всем его многообразии», полагает социал-демократический исследователь Д. Пойкерт⁸. Историки-марксисты и другие прогрессивные ученые в борьбе за мир видят одну из главных задач исторической науки⁹.

Анализ западногерманской историографии фашизма и Сопротивления помогает понять как достижения, так и просчеты немарксистского обществоведения. Принципы научной критики — партийность и объективность — предполагают умение оценивать любое общественное явление с четких классовых позиций, компетентность, постоянное использование достижений передовой науки. Научная критика рассматривает предмет анализа в его развитии, подходит к нему дифференцированно. Расслоение немарксистской историографии, специфика различных направлений в различных странах отражают неоднородность непролетарских

⁴ Подробнее см.: Федоров В. П. ФРГ: 80-е годы. М., 1986; Худавердян В. Ц. Современные альтернативные движения. М., 1986.

⁵ См.: Правда. 1985. 30 мая; см. также: Правда, 1986. 18 мая; Известия. 1988. 5 сент.; За рубежом. 1988. № 50. С. 1.

⁶ См.: Сорокалетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1985. С. 96.

⁷ См.: Коммюнике совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора // Правда. 1986. 12 июня; Rechtsextremismus in der Bundesrepublik. Frankfurt a. M., 1985.

⁸ Peukert D. Die KPD im Widerstand. Wuppertal, 1980. S. 429.

⁹ Тема борьбы за мир в прошлом и настоящем, ответственности историка в ядерный век за сохранение мира на земле стала предметом обсуждения на XVI Международном конгрессе историков в Штутгарте. Подробнее см.: Вопр. истории. 1986. № 1. С. 6; Новая и новейшая история. 1986. № 2. С. 12; см. также: Friedensdokumente aus fünf Jahrhunderten. Kiel, 1986.

слоев, углубляющуюся «неравномерность развития стран внутри капиталистической системы»¹⁰. Сформулированные в трудах основоположников марксизма-ленинизма задачи научной критики — разграничение положительного и отрицательного, использование достижений буржуазной историографии, развитие научного знания — перекликаются с положением Программы партии; «КПСС — сторонница широкого взаимного обмена подлинными культурными ценностями между всеми странами»¹¹. Научная критика немарксистской историографии находит отражение в работах Ю. Н. Афанасьева, Л. А. Безыменского, И. Я. Биска, Л. И. Гинцберга, В. И. Дашичева, Р. В. Долгилевича, Н. П. Комоловой, Д. Э. Куниной, Г. Лоцека, Б. И. Марушкина, А. Н. Мерцалова, Б. Г. Могильницкого, М. И. Орловой, Д. М. Проэктора, А. И. Патрушева, П. Ю. Рахмирова, В. И. Салова, А. М. Самсонова, В. А. Секистова, С. З. Случа, В. А. Тишкова, Н. С. Черкасова и др. Более глубокому пониманию фашизма и антифашизма, а также освещению их в немарксистской исторической литературе, в частности анализу известной доктрины тоталитаризма, способствует осуществляемая в СССР после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС критика сталинизма. В трудах советских общественников раскрываются истоки и сущность сталинизма, его вредные проявления во внутренней и внешней политике, экономической и духовной сферах¹².

Для изучения избранной темы важное значение имеют содержащиеся в трудах основоположников марксизма-ленинизма, документах Коминтерна, КПСС и зарубежных коммунистических партий характеристики германского рабочего движения, анализ империализма вообще и германского империализма и милитаризма в особенности. В своем исследовании автор опирается на труды советских ученых и историков ГДР о немецком Сопротивлении. В первую очередь это специальные работы А. С. Бланка, Е. А. Бродского, Л. И. Гинцберга, Я. С. Дабкина, Г. В. Кацмана, Д. Е. Мельникова, В. Бертольда, К. Дробиша, Х. Кюнриха, Х. Лашицы, Г. Лоцека, К. Маммаха, А. Нордена, К. Финкера, О. Хеннике, Л. Штерна, Г. Шумана, Э. Энгельберга (ГДР). Эти работы содержат анализ Сопротивления 1933—1945 гг.: его характера, места в борьбе народов, политических программ, социального состава и методов борьбы основных оппозиционных групп, ведущей роли рабочих в движении, борьбы КПГ в Германии и вне ее пределов за единый фронт всех антифашистских сил во имя установления демократической республики. В значительной степени освещены деятельность Национального комитета «Свободная Германия» (НКСГ) и Союза немецких офицеров

---

¹⁰ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 8—16, 131—133.

¹¹ Материалы XXVII съезда... С. 178; Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 16 июня 1986 г. М., 1986. С. 17, 24.

¹² См., например: *Гордон Л. А., Клопов Э. В. Как это было?* М., 1989.

(СНО), отдельных молодежных антифашистских групп, буржуазной оппозиции¹³.

Представляют интерес материалы проведенного редакцией «Новой и новейшей истории» «круглого стола» по теме «Движение Сопротивления в странах Европы». В выступлениях А. М. Самсонова, С. Л. Тихвинского и др. были подвергнуты критике отказ некоторых буржуазных историков рассматривать Сопротивление как целостное социально-политическое явление, попытки размыть его рамки, затушевать роль в движении различных классов и партий¹⁴. Проблемы истории Сопротивления стали предметом обсуждения на XVI Международном конгрессе историков¹⁵.

Эти вопросы в той или иной мере освещены также в изданных в 80-е годы трудах по истории Коминтерна, второй мировой войны, антифашистской борьбы в Германии 1920—1945 гг., в многотомных изданиях «История немецкого рабочего движения»¹⁶, «Германия во второй мировой войне» (ГДР)¹⁷. В 80-е годы в ГДР вышел ряд общих исследований о Сопротивлении¹⁸, а также о КПГ¹⁹, НКСГ²⁰, буржуазной оппозиции, эмиграции²¹. В ГДР широко издаются документы Сопротивления. Ведущие научные журналы опубликовали материалы движения «Свободная Германия» в различных странах, о фронтовой деятельности этой организации. Отдельными изданиями вышли документы, отражающие участие христиан в НКСГ, борьбу мюнхенских студентов-антифашистов, нелегальные листовки 1933—

---

¹³ Гинцберг Л. И. Отважные борцы против фашизма. М., 1984; *Он же*. Борьба немецких патриотов против фашизма, 1939—1945. М., 1987. См. также его обзоры советской литературы 60—70-х годов о германском фашизме и антифашизме: Studien zur Geschichte des Faschismus und des antifaschistischen Widerstandes. В., 1983.

¹⁴ Новая и новейшая история. 1985. № 3.

¹⁵ Подробнее см.: *Вопр. истории*. 1986. № 1. С. 8—10.

¹⁶ *Шириня К. К.* Стратегия Коминтерна в борьбе против фашизма и войны. М., 1979; *Семенов И. В.* Рабочий класс и антифашистская борьба в Германии (1933—1945 гг.). Челябинск, 1981; *Антифашистская борьба в Германии (1920—1945 гг.)*. Челябинск, 1982; *Бродский Е. А.* Славная страница пролетарского интернационализма. М., 1980; *Международное рабочее движение*. М., 1981. Т. 5; *Коммунисты в борьбе за единый рабочий и народный фронт*. М., 1985; «Круглый стол»: Некоторые вопросы истории Коминтерна // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 75—107; *Правда*. 1989. 7 апреля, 30 июня.

¹⁷ Deutschland im zweiten Weltkrieg. В., 1974—1985. Bd. 1—6; Die Kommunistische Internationale, 1919—1943. В., 1984; Die Arbeiterbewegung europäischer Länder im Kampf gegen Faschismus und Kriegsgefahr. В., 1981.

¹⁸ См., например: Studien zur Geschichte des Faschismus und des antifaschistischen Widerstandes; *Mammach K.* Widerstand, 1933—1939. В., 1984.

¹⁹ См., например: *Kraushaar L.* Berliner Kommunisten im Kampf gegen den Faschismus, 1936 bis 1942. В., 1981; *Pikarski M., Uebel G.* Die KPD lebt! Flugblätter aus dem antifaschistischen Widerstandskampf der KPD 1933—1945. В., 1982; Die KPD im Kampf gegen Faschismus und Krieg. В., 1985; *Кюнрих Г.* КПГ в борьбе против фашистской диктатуры. М., 1986.

²⁰ См. также: *Wolff W.* Auf der richtigen Seite. В., 1985.

²¹ Подробнее см.: *Jahrbuch der Deutschen Bücherei*. Leipzig, 1973; *Peters J.* Exilland Schweden. В., 1984.

1945 гг.²², сборники биографий участников Сопротивления и их воспоминания²³.

Особо должна быть отмечена конференция историков ГДР, проведенная в Берлине в 1984 г. в связи с 40-летием покушения на Гитлера. Она была посвящена теме: «Место 20 июля 1944 г. в истории германского антифашистского Сопротивления»²⁴. Суждения, высказанные на конференции, получили развитие в статьях специалистов из ГДР. Так, О. Грёлер требует более «дифференцированно и исторично, чем это имеет место», оценить значение заговора 20 июля, «влияние тех политиков, военных, ученых и представителей экономики, чье поведение в определенной исторической ситуации отличалось реализмом»²⁵. Покушение 20 июля, по мнению автора, объективно означало разрыв заговорщиков с фашизмом. Фактически «люди 20 июля» «примкнули к силам немецкого антифашистского Сопротивления»²⁶. В ряде работ проводится мысль об «антифашистском движении Сопротивления буржуазных политиков и военных», пытавшихся совершить «антифашистский государственный переворот»²⁷.

Проблемы истории фашизма и антифашизма нашли свое отражение также в документах ГКП²⁸, в трудах ее руководителей²⁹ и в марксистской литературе ФРГ. После легализации деятельность Германской коммунистической партии активизировалась не только в области политической, но и в области идейно-теоретической³⁰. Многие материалы ГКП способствуют изучению антифашистской борьбы, а также осмыслению исторической и публицистической литературы о Сопротивлении как особого

---

²² См., например: *Wir schweigen nicht!* В., 1983; *Die illegale Tagung des Zentralkomitees der KPD am 7. Februar 1933 im Ziegenhals bei Berlin.* В., 1982; *Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung.* 1984. Н. 4. (далее: ВЗГ).

²³ См., например: *Гофман Г. Маннгейм — Мадрид — Москва.* М., 1982; *Далем Ф.* Накануне второй мировой войны. М., 1982. Т. 1—2; *Кегель Г.* В бурях нашего века. М., 1987; *Наши жертвы были не напрасны.* М., 1988; *Хонеккер Э.* Из моей жизни. М., 1982; *Resistance.* В., 1985.

²⁴ Подробнее см.: *Der 20. Juli 1944 in der Geschichte des antifaschistischen Widerstandskampfes in Deutschland // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.* 1985. Н. 3. (далее: ЗфГ).

²⁵ *Ibid.* Н. 4. S. 322.

²⁶ *Ibid.* S. 318.

²⁷ *Ibid.* Н. 8. S. 764—765.

²⁸ Эссенский (1968 г.) и Дюссельдорфский (1971 г.) съезды Германской коммунистической партии. М., 1973; Гамбургский съезд Германской коммунистической партии (1973 г.). М., 1975; Боннский съезд Германской коммунистической партии (1976 г.). М., 1977; Мангеймский съезд Германской коммунистической партии. 1978. М., 1979; VI съезд Германской коммунистической партии. 1981. М., 1982; VII съезд Германской коммунистической партии. 1984. М., 1985; *Правда.* 1986. 3, 4 мая.

²⁹ См., например: *Рейман М.* Решения. М., 1975; *Бахман К.* Кем был Гитлер в действительности. М., 1981; *Bachmann K.* 1933. Frankfurt a. M., 1982; *Мис Г.* Избранные статьи и речи. М., 1981; *Он же.* Поворот вправо? М., 1983.

³⁰ Подробнее см.: *Никулин Н. М.* Германская коммунистическая партия в борьбе за мир и социальный прогресс. М., 1983.

явления современной общественной мысли ФРГ, анализу ее социальной сущности, функций, а также идеологического и иного назначения тех или иных исторических концепций.

В документах ГКП проанализированы главные тенденции развития ФРГ, даны характеристики военно-промышленного комплекса, идейно-политических доктрин западногерманской буржуазии, антиимпериалистического движения буржуазных демократов³¹. ГКП четко разграничивает реакционные тенденции, с одной стороны, и буржуазно-либеральные, демократические, — с другой. На Дюссельдорфском съезде отмечался «раскол общества на два объективно враждебных лагеря»: «немногочисленную, но чрезвычайно могущественную верхушку владельцев предприятий, банков» и «большинство народа». В демократическом движении, по мнению съезда, должны «объединиться для совместных действий люди различных социальных слоев, политических направлений и мировоззрений — социал-демократы и коммунисты, прогрессивные либералы и католики»³². Эти идеи нашли свое подтверждение на VIII съезде ГКП³³.

Документы ГКП обогащают представления о социальных функциях исторической науки в целом. «Ориентировка на будущее, — писал Г. Мис, — не означает забвения истории. Многие десятилетия истории немецкого революционного рабочего движения — это для нас не мертвый балласт. Наша история живет в ее заветах и уроках, определяющих нашу политическую практику, а также нашу программу, намерения и действия»³⁴. Выступления руководителей ГКП вскрывают несостоятельность тезиса об отказе КПП в годы фашизма от сотрудничества с другими оппозиционными течениями. Но реальное объединение всех антиимпериалистических сил было и сейчас остается основным лозунгом КПП и ГКП. «На VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала и на Брюссельской конференции КПП в 1935 г.»³⁵, — вспоминает М. Рейман, — мы поставили в центр внимания нашей партийной работы сосредоточение всех сил против... надвигающейся опасности войны»³⁶. Однако и в предвоенные годы, и в годы войны в рядах КПП сохранялись культивируемые сталинизмом предубеждения против социал-демократов, пацифистов, буржуазной интеллигенции. Этим, в частности, можно объяснить тот факт, что различные антифашистские движения в Германии 1939—1945 гг. действовали разрозненно.

В 50—60-е годы вокруг ряда центров изучения и пропаганды борьбы против фашизма, представляющих демократическое на-

³¹ См.: Эссенский... и Дюссельдорфский съезды... С. 214—217, 343; Социал-демократический и буржуазный реформизм в системе государственно-монополистического капитализма. М., 1980.

³² Эссенский... и Дюссельдорфский съезды... С. 337, 340.

³³ Правда. 1986. 3 мая.

³⁴ Мис Г. Избранные статьи и речи. С. 472.

³⁵ В действительности эта конференция проходила под Москвой.

³⁶ Рейман М. Указ. соч. С. 17; Коммунист. 1976. № 8. С. 99; Гамбургский съезд... С. 242.

правление в исторической науке, и группировались не только прогрессивные буржуазные историки, но и отдельные исследователи левосоциалистической и коммунистической ориентации. Это сотрудничество в наше время стало систематическим. Издано значительное число трудов ученых из ГДР³⁷. Интенсивно развивающаяся западногерманская марксистская историография³⁸ оказывает влияние на литературу других направлений. Орган ЦК ГКП газета «Унзере цайт» регулярно освещает проблемы фашизма и антифашизма. В целях изучения истории рабочего движения, а также современной стратегии и тактики ГКП был создан Институт марксистских исследований во Франкфурте-на-Майне. Институт издает журнал «Марксистиче блеттер» и ежегодник «Марксистиче штудиен», высоко оцененные на Гамбургском съезде ГКП.

На страницах журнала освещаются причины возникновения и классовая сущность фашизма, история Сопротивления³⁹. Значительный вклад в изучение проблемы внесли помещенные в журнале статьи К. Бахмана⁴⁰. Вопросам методологии исторической науки, критике немарксистской историографии посвящен специальный номер журнала за 1981 г. «Изучение истории, ее публицистическое изложение всегда занимали важное место в идеологической деятельности революционного рабочего движения», — отмечалось в публикации члена Президиума, секретаря Правления ГКП В. Гернса. Партия стремится к «интенсивному развитию среди ее членов и сторонников исторического сознания как исключительно важной составной части социалистического сознания»⁴¹.

Основанное в 1969 г. издательство под тем же названием «Марксистиче блеттер» выпускает книги и брошюры в нескольких сериях: «Классики социализма», «Актуальный марксизм», «Критика буржуазной идеологии», «В центре мировой политики» и др. Здесь публикуют свои работы члены ГКП, профсоюзов, марксистского союза студентов — «Спартак». Издательство выпускает труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, сборники документов, исследования по истории КПГ, международного ком-

³⁷ См., например: *Lewerenz E.* Die Analyse des Faschismus durch die Kommunistische Internationale. Frankfurt a. M., 1975; *Czichon E.* Wer verhalf Hitler zur Macht. Köln, 1978; *Faschismus in Deutschland — Faschismus der Gegenwart.* Köln, 1980; *Gossweiler K.* Kapital, Reichwehr und NSDAP. Köln, 1982; *Pätzold K., Weissbecker M.* Geschichte der NSDAP. Köln, 1982; *Ruge W.* Hitler, Weimarer Republik und «Machtergreifung». Köln, 1983; *Menzel A.* Klassenstruktur und politische Bewegung. Frankfurt a. M., 1985; *Mader J.* An der geheimen Front. Köln, 1987.

³⁸ Общую характеристику марксистской литературы ФРГ см.: Новая и новейшая история. 1983. № 6. С. 74–75; 1985. № 3. С. 158–170.

³⁹ *Marxistische Blätter.* 1978. Н. 5; 1981. Н. 3. См. также статью Г. Юдика «КПГ против фашизма и войны, 1939–1941» (Ibid. 1982. Н. 1).

⁴⁰ См. также: *Bachmann K.* Op. cit.; *Bachmann K., Carlebach E.* Kauf dir einen Minister. Frankfurt a. M., 1985 (рус. пер.: *Бахман К., Карлебах Э.* Купи себе министра. М., 1988).

⁴¹ *Marxistische Blätter.* 1981. Н. 5. С. 15.

мунистического и рабочего движения. В частности, были изданы материалы VII конгресса Коминтерна.

Издательство и журнал публикуют документы и исследования по истории фашизма и Сопротивления в Германии⁴². Отметим сборник материалов о молодежном рабочем движении 1904—1945 гг.⁴³ Третий раздел сборника отражает борьбу Коммунистического союза молодежи Германии в период фашизма. Некоторые аспекты интересующей нас проблемы нашли свое отражение в общих работах⁴⁴. В ряде публикаций вскрыты корни, организационная структура, стратегия и тактика реваншистских организаций ФРГ, их влияние на общественную жизнь страны, поддержка их со стороны государственных органов⁴⁵. В серии «Антифашистские исследования» издана книга Г. Гауча «Фашизм и анализ фашизма»⁴⁶. Автор рассматривает критику консервативных и социал-реформистских концепций истории фашизма как «политическую задачу» демократов ФРГ. Он критикует доктрину тоталитаризма, взгляды Е. Блоха и В. Райха, которые трактуют фашизм как захват власти средними слоями; взгляд на фашизм как политическое господство над крупным капиталом; взгляды У. Тальгеймера, а также тезис Р. Кюнля о союзе крупного капитала и фашизма. В заключительной главе книги изложена марксистско-ленинская концепция фашизма⁴⁷. Проблемы фашизма и антифашизма отражены в материалах конференции историков в Мангейме, состоявшейся в мае 1980 г.⁴⁸ Из новейших публикаций несомненный интерес представляют также работы Д. Гернс об основании концерна «Герман Геринг»⁴⁹, об оккупационном режиме на территории СССР⁵⁰.

Насколько историография немецкого Сопротивления изучена в марксистской литературе? В специальных исследованиях ученых СССР и ГДР, а также в их общих трудах по истории Германии рассматриваются изданные в 50-х — начале 70-х годов работы западногерманских авторов о немецком Сопротивлении,

⁴² См., например: Zur Aktionseinheit der KPD. Frankfurt a. M., 1976; Fülberth G. Konzeption und Praxis sozialdemokratischer Kommunalpolitik, 1918—1933. Marburg, 1984.

⁴³ Aus der Geschichte der deutschen Arbeiterjugendbewegung 1904—1945. Frankfurt a. M., 1975.

⁴⁴ См., в частности: Gleisberg G. SPD und Gesellschaftssystem. Frankfurt a. M., 1973; Marxistische Studien. Jahrbuch des IMSF. Frankfurt a. M., 1985. N 8. S. 132—145.

⁴⁵ См., например: Herde G., Wagner A. Revanchistische Politik. Frankfurt a. M., 1977.

⁴⁶ Hautsch G. Faschismus und Faschismus-Analysen. Frankfurt a. M., 1974.

⁴⁷ См. также: Opitz R. Über Faschismustheorien und ihre Konsequenzen. Hamburg, 1974; *Idem.* Die Faschismusdefinition Dimitroffs — ihre Bedeutung für heute // Marxistische Blätter. 1982. N. 4; *Idem.* Faschismus und Neofaschismus. Frankfurt a. M., 1984 (есть русский перевод).

⁴⁸ Wie Faschismus entsteht — und verhindert wird. Frankfurt a. M., 1980.

⁴⁹ Marxistische Studien. Jahrbuch des IMSF. Frankfurt a. M., 1985. S. 145—164.

⁵⁰ Gerns D. Hitlers Wehrmacht in der Sowietunion. Frankfurt a. M., 1985.

главным образом о буржуазной оппозиции. Определенное освещение получили расслоение и эволюция историографии, были подвергнуты критике наиболее распространенные в те годы буржуазные концепции Сопротивления⁵¹. Однако общей работы об историографии оппозиционных движений в Германии 1933—1945 гг. до сих пор нет. Большая часть публикаций, в первую очередь конца 70-х — начала 80-х годов, остается не изученной.

Советская критическая литература прошедших десятилетий в значительной степени следовала сталинской методологии (односторонность в освещении истории и историографии, апологетика, фактографизм). Вульгаризация классового подхода к осмыслению прошлого исключала признание борьбы за общечеловеческие ценности как мотива антифашистского Сопротивления, исключительное внимание уделялось лишь КПГ и НКСГ, другим движениям по существу отводилось второстепенное место.

Во многих историографических работах прослеживается разрыв в анализе немарксистских трактовок буржуазной оппозиции и борьбы КПГ. Немецкое Сопротивление на самом деле представляет собой весьма сложное и противоречивое социально-политическое явление, включавшее в себя деятельность представителей различных слоев общества. Это движение не имело единого центра, значительная часть его групп и организаций не только не разделяла политической программы КПГ, главной и единственно последовательной антифашистской силы, не была связана с ней, но и выступала по отношению к ней с враждебных позиций. И тем не менее представляется необоснованным разделять это движение на «германское Сопротивление» и «верхушечную оппозицию», поскольку объективно в Германии существовала возможность создания единого антифашистского фронта. Не только коммунисты, но и многие другие прогрессивно мыслящие люди предпринимали конкретные шаги к созданию народного фронта. К движению «Свободная Германия» присоединились и многие офицеры вермахта, в недавнем прошлом фактические единомышленники «верхушечной оппозиции». Немарксистская историография вовсе не разделена на литературу о «движении 20 июля» и об НКСГ. Лишь немногие историки ФРГ специализируются исключительно на изучении того или иного отдельно взятого оппозиционного движения 1933—1945 гг.

Значительны расхождения в оценке расслоения историков. Обнаруживается тенденция к отождествлению всей буржуазной литературы с консервативной, консервативной — с неофашистской публицистикой, литературы социал-демократической — с буржуазной, т. е. тенденция к преуменьшению степени расслоения немарксистской историографии. Нет единого мнения о названиях направлений. Подчас некоторых немарксистских историков ошибочно относят к тому или иному направлению. Так, умеренного

⁵¹ Подробнее см.: *Гинцберг Л. И.* Советские историки об истории фашизма и антифашистской борьбе в Германии (60-е — начало 80-х годов) // Новая и новейшая история. 1985. № 2; *Unbewältigte Vergangenheit*. В., 1977.

консерватора⁵² К. Д. Брахера с его ярко выраженными консервативными убеждениями называют либералом⁵³, не учитывая эволюции его взглядов. Вызывает сомнения вывод о постоянном и общем развитии вправо западногерманской литературы о немецком Сопротивлении в начале 80-х годов⁵⁴. Может быть, это и справедливо по отношению к крайне реакционным представителям, но они, как известно, не определяют характера всей западногерманской историографии. Слабой стороной критической литературы является то обстоятельство, что анализ немарксистских трактовок Сопротивления, как правило, производится вне рассмотрения соответствующих суждений о фашизме.

Предмет исследования составили в первую очередь опубликованные в 70-х — начале 80-х годов специальные труды видных представителей главных направлений буржуазной и социал-демократической историографии ФРГ, а также документы и материалы политических партий, в которых отражены те или иные моменты Сопротивления. По существу эта тема находится в центре внимания авторов всех работ по истории новейшего времени. Многие крупные ученые ФРГ разрабатывают одновременно проблемы Сопротивления, фашизма, второй мировой войны, пытаясь рассмотреть эти события и явления в их взаимозависимости. Такой подход значительно расширяет понятие историографического источника. Историографический источник по этой теме включает специальные историографические и библиографические работы; документальные и мемуарные публикации; различные материалы, отражающие деятельность ряда западногерманских исследовательских учреждений и издательств (мюнхенского Института современной истории, Института им. Ф. Эберта и его филиалов, «Рёдербергферлаг», других демократических издательств, а также библиотек, журналов и т. д.); материалы конференций по истории Сопротивления, отчеты о работе съездов Общества западногерманских историков. Значительный интерес вызывают труды, изданные в связи с 50-летием прихода к власти фашизма, 40-й годовщиной покушения Штауффенберга, 40-летием окончания второй мировой войны в Европе. Многие из них носят итоговый характер. Особое внимание привлекает не изученное еще освещение фашизма и антифашизма в трудах школы Ф. Фишера, а также других либералов, западногерманская историография обыденной жизни, особенно в 1933—1945 гг., представляет собой новое явление в историографии ФРГ. Ее создатели углубляют знания о фашизме и Сопротивлении.

⁵² Далее принадлежность того или иного историка к умеренно-консервативному направлению не оговаривается.

⁵³ См., например: *Бессонов Б. Н.* Фашизм: идеология, политика. М., 1985. С. 9. См. также: *Черкасов Н. С.* Новый вариант старой теории: (К концепции «тоталитаризма» К. Д. Брахера) // *Методологические и историографические вопросы исторической науки.* Томск, 1980. С. 22—31.

⁵⁴ См.: *Бланк А. С., Болдырева Г. Н., Рудой Г. Я.* Новые попытки реабилитации германского фашизма в ФРГ // *Новая и новейшая история.* 1983. № 6. С. 74—75; *Бланк А. С.* Неофашизм — реваншизм. М., 1985. С. 208—210.

Расширение предмета исследования диктуется и другими обстоятельствами. В последние полтора-два десятилетия сильно возрос интерес к методологическим⁵⁵, историографическим, библиографическим аспектам исследований современной истории. Наиболее дальновидные представители историографии ФРГ стремятся вывести ее из кризиса⁵⁶, они понимают, что без совершенствования теоретического инструментария историческая наука не может выполнять своих социальных функций. Весьма актуальная литература по истории фашизма и антифашизма используется этими учеными в качестве своеобразной лаборатории для разработки наиболее эффективных с их точки зрения методов и приемов исследования прошлого и использования научных достижений в идеологических и политических целях.

Усиление внимания к методологии связано также и с тем, что история Сопротивления, фашизма, второй мировой войны представляет собой главную арену полемики, которая обострилась в связи с выдвиганием на первый план проблем войны и мира в современном диалоге представителей двух общественных систем. Речь идет не только о господствующих в историографии ФРГ умеренных консерваторах. Стремление СДПГ, СвДП и иных партий и организаций использовать историческое знание в идеологических и политических целях обусловили повышенный интерес к теории науки также и со стороны других немарксистских историков.

Адекватное представление о западногерманской историографии немецкого Сопротивления можно получить, лишь рассматривая ее в широком методологическом контексте.

Другой характерной чертой современного этапа историографии является дальнейшее ее расщепление, развитие буржуазно-демократического и социал-демократического направлений. В настоящей книге принята классификация немарксистской историографии, разработанная Г. Лоцеком, А. Н. Мерцаловым, В. А. Тишковым и др.⁵⁷ Поскольку часть концепций уже подвергалась научной критике, автор полагает возможным не анализировать их, ограничиваясь ссылками на соответствующие работы историков-марксистов.

В литературе двух консервативных направлений (крайне и умеренно-консервативного) отражены неоднородность крупной буржуазии, различные политические линии ее группировок.

Взгляды консервативных историков в большей или меньшей степени характеризуют антикоммунизм, антидемократизм, мили-

---

⁵⁵ Проблемы методологии, как известно, заняли значительное место на XVI Международном конгрессе историков. См.: *Вопр. истории*. 1986. № 1. С. 13-19.

⁵⁶ Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1980. С. 3-21.

⁵⁷ См.: *Unbewältigte Vergangenheit*. В., 1967; *Мерцалов А. Н.* В поисках исторической истины. М., 1984; *Он же.* Великая Отечественная война в историографии ФРГ. М., 1989; *Тишков В. А.* История и историки. М., 1985.

таризм, шовинизм⁵⁸. Многие исходят из тех или иных идеалистических концепций. Теоретическую основу их работ составляют современные модификации так называемого «германского историзма». Методологическую основу консервативной трактовки Сопротивления составляют доктрины тоталитаризма и другие империалистические политико-философские концепции. В целом в историографии новейшего времени либеральное направление, как известно, отражает интересы монополистических слоев буржуазии. В методологическом отношении его отличие от литературы умеренно-консервативного направления незначительно. Однако идейно-политические различия существенны. Либеральным исследователям свойственны пацифизм, гуманизм, признание принципов мирного сосуществования, в известной степени — антимиитаризм и антифашизм, неприятие антикоммунизма, особенно в его крайних формах. Субъективно они стремятся к правдивой реконструкции истории. Обнаруживаются идейные, а подчас и организационные связи историков консервативных направлений с ХДС/ХСС, а историков-либералов — с СвДП. Представители буржуазно-демократического направления группируются вокруг Немецкого союза мира, Объединения лиц, преследовавшихся при нацизме — Союзе антифашистов и других прогрессивных политических организаций. Эти ученые близки к марксистской историографии. Как известно, названные организации активно сотрудничают с ГКП, а представители демократического направления западногерманской литературы — с исследователями-коммунистами. Изучение трудов историков-демократов особенно актуально в свете положения XXVII съезда КПСС о новом массовом демократическом движении современности, в том числе антивоенного, антиядерного⁵⁹.

Социал-демократическое направление в историографии ФРГ представлено трудами историков — членов СДПГ, а также публикациями исследовательских центров этой партии. Для правых социал-демократов характерны отказ от классовой оценки исторического развития, нейтралитет в мировоззренческих вопросах, отказ от марксизма, замена концепции революции социал-реформистской концепцией. В подходах к прошлому их многое сближает с историками-либералами. Тем не менее в целом социал-демократическая историография отражает интересы рабочего класса⁶⁰. Часто в трудах одного и того же ее представителя заблуждения сочетаются с весьма объективными трактовками фашизма и антифашистской борьбы немцев, в первую очередь

---

⁵⁸ См.: *Кёнеци Б.* Неоконсерватизм и «новые правые». М., 1986.

⁵⁹ См.: Материалы XXVII съезда... С. 8, 137.

⁶⁰ Подробнее см.: Эссенский... и Дюссельдорфский съезды... С. 290—291; *Щепетов К. П.* Идеология и политика западногерманской социал-демократии. М., 1984; *Неймарк М. А.* Западноевропейский социал-реформизм и идеологическая борьба. М., 1986.

рабочих. В этой литературе выделяется левосоциалистическое направление, по своим трактовкам фашизма и антифашизма близкое к марксистской историографии.

Главные особенности западногерманской немарксистской историографии немецкого Сопротивления обусловили и структуру монографии. В первой главе книги анализируются методологические аспекты освещения в ФРГ фашизма и антифашизма. Во второй и третьей главах рассматриваются концепции Сопротивления, выработанные различными направлениями буржуазной и социал-демократической историографии. Четвертая глава посвящена разбору литературы о повседневной жизни в фашистской Германии.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ФАШИЗМА И АНТИФАШИЗМА

Темы фашизма и антифашистского Сопротивления связаны не только логически и исторически. Тесно связаны они и историографически. Так, в рамках персонафикации фашизма борьба с ним, как правило, сводится к устранению Гитлера; с расширением же круга лиц, социальных групп, ответственных за фашизм, изменяется и трактовка антифашистской борьбы. Из оценки фашизма как движения народных масс следуют выводы о невозможности народного Сопротивления и свержения фашизма лишь с помощью внешних сил или путем верхушечного государственного переворота¹. То же самое необходимо сказать и о вовлечении в исследование некоторых трудов о второй мировой войне. Дело здесь не только в специфике методологии, требующей рассмотрения трудов по смежным темам. Проблемы изучения фашизма, войны, антифашистской и антивоенной борьбы не только связаны друг с другом, но и в значительной степени совпадают. Это знают и некоторые немарксистские авторы².

В марксистской историографии в той или иной степени подвергнуты анализу некоторые методологические принципы освещения в немарксистской литературе (60-х — середины 70-х годов) фашизма и антифашизма³. Новейшая буржуазная и социал-демократическая историография ФРГ уделяет большое внимание методологии исследования, социальным функциям исторической науки. Вышел ряд специальных трудов о теоретических проблемах истории, ее связи с другими отраслями общественнознания. Появились очерки методологии в крупных конкретно-исторических исследованиях. Так, в очерке Г.-А. Якобсена выделены основные подходы к изучению истории второй мировой войны, в статье Э. Алеффа — истории фашизма. Заслуживают внимания попытки

¹ Более или менее четко эта мысль высказывается и в немарксистских изданиях ФРГ. См.: *Krink A. Nationalsozialismus und Widerstand als erfahrbare Geschichte // Aus Politik und Zeitgeschichte*. 1979. Bd. 22. (далее: APZ); *Stimmen der Zeit*. 1983. N 5. S. 3.

² См., например: *Wippertmann W. Europäischer Faschismus im Vergleich, 1922—1945*. Frankfurt a. M., 1983. S. 19.

³ См., например: *Гинцберг Л. И. Современная буржуазная историография об установлении фашистской диктатуры в Германии // Вопр. истории*. 1986. № 1; *Рахмимир П. Ю. Современная буржуазная историография о генезисе фашизма // Новая и новейшая история*. 1982. № 3; *Федоров А. В., Филатов М. Н. Критика современных интерпретаций фашизма // Вопр. философии*. 1978. № 10; *Лоуцек Г., Рихтер Р. К критике основных буржуазных теорий фашизма // Ежегодник германской истории*. 1980. М., 1982; *Unbewältigte Vergangenheit*. В., 1977; *Faschismusforschung*. В., 1980; *Das Zeitalter im Widerstreit*. В., 1982; *Geschichte, Ideologie, Politik*. В., 1983.

авторов труда «Германская империя и вторая мировая война» усовершенствовать методы исследования этой темы⁴.

Многочисленны книги и статьи, авторы которых расширяют функции исторической науки, стремясь вывести ее из узких рамок пропаганды, определенных в свое время крайними консерваторами. Эти ученые подчеркивают возрастание роли исторической науки в западногерманском обществе, прямо или косвенно отмечают ее партийный характер⁵. Ряд историков обратились к вопросу об использовании исторических знаний правительствами ФРГ. На самом деле правительства и политические партии широко применяют достижения историков не только в идеологии, но и в управлении обществом, экономикой и военным делом, во внутренней и внешней политике. Различные политические силы ФРГ и связанные с ними историографические направления, естественно, изучают историю фашизма и антифашизма в различных целях: консерваторы — в интересах ремилитаризации, ограничения демократии; либералы и особенно демократы — в интересах укрепления международной безопасности, укрепления и расширения демократических прав народа⁶.

1. Методы изучения истории фашизма

В марксистской историографии уже была показана несостоятельность попыток поставить фашизм вне истории, связать его возникновение лишь с деятельностью его лидеров, представить как исключительно идеологическое, психологическое, биологическое по своей природе явление, возложить ответственность за фашизм на народные массы, изобразить его в виде революции, свести его лишь к антимарксизму, бонапартизму, антигуманизму, антисемитизму, антирелигии. Все эти попытки в той или иной степени характерны для консервативной литературы 50—60-х годов⁷.

Не претендуя на полный разбор всех новых тенденций в литературе ФРГ 70—80-х годов, попытаемся в общих чертах показать изменения в методологии исследования фашизма, проанализировать суждения немарксистских историков о понятии «фашизм», о преемственности германского империализма XIX—XX вв., природе фашизма, о связях с ним различных групп правящей элиты.

⁴ Das Dritte Reich. Hannover, 1983; *Jacobsen H.-A.* Der Weg zur Teilung der Welt. Koblenz, 1978; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979—1983. Bd. 1—5.

⁵ См., например: *Jäger W.* Historische Forschung und politische Kultur in Deutschland. Göttingen, 1984. S. 197.

⁶ Подробнее см.: *Мерцалова Л. А.* Освещение в ФРГ истории германского фашизма и антифашистского Сопротивления: Вопросы методологии // Новая советская литература по общественным наукам: История. Археология. Этнография. 1986. № 8. С. 59.

⁷ Проблема сущности фашизма заняла определенное место в работе XVI Международного конгресса исторических наук (Вопр. истории. 1986. № 1. С. 9).

Исследование фашизма и Сопротивления, использование историографии в политических и идеологических целях претерпели в ФРГ определенную эволюцию. Освещение темы в современной историографии уходит своими корнями в публицистику военных лет — от демократической и либеральной (в эмиграции) до официальной в самой Германии. Именно в то время начинают складываться и многие современные концепции. Во второй половине 40-х годов в литературе Западной Германии были довольно широко представлены антифашистские тенденции. Фашизм и антифашизм освещались сравнительно объективно. Западногерманский историк В. Альтгельд широко издававшуюся тогда мемуарную литературу участников Сопротивления верно оценивает как «продолжение борьбы за лучшее будущее Германии»⁸.

«Холодная война» затормозила развитие научного знания. Крайне консервативные историки, мемуаристы, публицисты представляли фашизм лишь как порождение порочных идей Гитлера и его ближайших сообщников, выдавали его за «народное движение», умышленно смешивая массовую базу фашизма и его социальную сущность, отрицали связи фашизма с монополистическим капиталом, военными и штатскими чиновниками. Эти же авторы апологетически оценивали заговор 20 июля 1944 г., хотя фактическое его влияние на ход войны было незначительным. В юбилейных речах и журналистских статьях феномен Сопротивления был сужен до покушения 20 июля, а мотивы его ограничены религиозно-этическими. Тема покушения политически была весьма удобной. Попытка представить всех причастных к покушению подлинными антифашистами, демократами и патриотами была созвучна пропагандистскому лозунгу «преодоления прошлого», выдвинутому руководством ХДС/ХСС. Эти партии прямо называли себя преемниками «движения 20 июля».

В то же время крайние консерваторы отрицали прогрессивное значение деятельности КПП и других демократических сил в 1933—1945 гг. Неофашистская публицистика, возродившая в 50-е годы традиции фашистской пропаганды, использовала старую легенду об «ударе в спину», обвиняя в «национальном предательстве» на сей раз не только коммунистов, но и «людей 20 июля». Альтгельд с полным основанием отмечает, что в 50-е и последующие годы в ФРГ вспыхивали кампании травли Сопротивления. «Прославление нацистского господства до сих пор (автор писал эти строки в 1984 г.— Л. М.) встречается в старо- и новонацистских кругах»⁹.

В самой ФРГ не скрывали причин особого интереса официальной прессы и историографии к фашизму и антифашизму. По мнению Т. Фогельзанга, это внимание «не в последнюю очередь определялось политическими соображениями»: «Было необходимо упряднить некоторые предрассудки западных победителей в

⁸ 20. Juli 1944. Düsseldorf, 1984. S. 378.

⁹ Ibid. S. 379—380.

отношении „людей 20 июля“ и поддержать научными исследованиями включение Западной Германии в Атлантическое сообщество наций»¹⁰. Однако автор обошел молчанием другую цель этих исследований — зачеркнуть роль КППГ как организатора борьбы против фашизма, принизить заслуги других антифашистских движений. Консервативная политическая программа ряда участников заговора, по справедливому суждению Финкера, стала в ФРГ «исходной концепцией для всех акций монополистической буржуазии, направленных против социальных преобразований»¹¹.

В последние 20 лет значительная часть консервативных историков ФРГ отмежевалась от грубых искажений в трактовке фашизма и Сопrotивления. Именно эти ученые и составили умеренное направление в западногерманской историографии. Определенное усиление реалистических моментов характерно для историографии 60-х и последующих годов. Это отмечали ведущие представители советской исторической науки¹². Значительное развитие получила в эти годы либеральная, демократическая, социал-реформистская, левосоциалистическая литература о фашизме и Сопrotивлении. В это время в ФРГ, как уже отмечалось, возникла также марксистская литература. В целом реакционное влияние на освещение фашизма и Сопrotивления уменьшилось, однако наибольшее распространение в начале 80-х годов по-прежнему имеют труды консерваторов. В умеренно-консервативном и социал-реформистском направлениях возник новый подход к истории фашизма и антифашизма. Его называют по-разному: «критический социально-исторический анализ» (Г. Шульц)¹³, «критическое исследование» (Альтгельд)¹⁴. Альтгельд связывает возникновение этого подхода со «всеобщими изменениями политического образа мышления». Носителями «нового метода» в литературе о фашизме и Сопrotивлении он называет Г. Грамля, Х. Моммзена, Г. Роона, П. Хофманна; не без оснований говорит он и о «широкой источниковой базе» их исследований¹⁵. На изменение характера историографии ФРГ, помимо факторов международного порядка, оказывали, несомненно, влияние и такие политические факторы внутри страны, как приход к власти социал-либеральной коалиции, некоторая демократизация внутренней жизни, существенные изменения во внешней политике; стремление СДПГ создать собственную историографию, в первую очередь истории новейшего времени.

¹⁰ *Vogelsang T.* Die nationalsozialistische Zeit. [West] Berlin, 1967. S. 12–14.

¹¹ *Финкер К.* Заговор 20 июля 1944 года. М., 1976. С. 376.

¹² См., например: *Нарочницкий А. Л.* К итогам XIII Международного конгресса исторических наук // Новая и новейшая история. 1970. № 6; *Бланк А. С.* Неонацизм — реваншизм. М., 1985. С. 182–183.

¹³ См.: *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte.* 1984. Н. 3. S. 335 (далее: VfZ).

¹⁴ См.: 20. Juli 1944. S. 380.

¹⁵ Новые явления в историографии ФРГ пытаются осмыслить и другие западногерманские ученые. См., например: *Hillgruber A.* Europa in der Weltpolitik der Nachkriegszeit. München, 1981. S. 381.

Впрочем, немалую роль сыграли и внутринаучные факторы. В первую очередь нужно отметить общее повышение профессионального уровня исторической литературы, расширение ее источниковой базы. В науку пришли молодые ученые, в меньшей степени обремененные старыми традициями¹⁶. Это прежде всего В. Випперманн, В. Егер, Д. Пойкерт. На первый план выдвигается либеральная школа Ф. Фишера, отличающаяся объективной трактовкой первой мировой войны, особенно ее генезиса, роли Германии в ее развязывании. Развивается историография истории рабочего движения¹⁷. Весьма плодотворными являются попытки многих историков разработать методологическую концепцию «социальной истории» в противовес старой концепции «истории событий»¹⁸.

Ряд ученых еще на рубеже 60–70-х годов обратились к теме империализма. Так, в секции новейшей истории на 28 конференциях Союза западногерманских историков обсуждались социальные, экономические, политические факторы современного империализма. В выступлениях В. Й. Моммзена, Р. Лёвенталья и других империализм трактовался как «следствие экономического кризиса», как «средство сохранения преимущественных позиций господствующей элиты в быстро изменяющихся общественных структурах», «инструмент интеграции восходящих слоев буржуазии в традиционную политическую систему», «средство свержения господства традиционной элиты», «политика территориальной экспансии государства в целях укрепления власти внутри страны»¹⁹. В 1977–1984 гг. вышли специальные работы В. Моммзена²⁰. Объективно налицо стремление наиболее дальновидных представителей буржуазного обществоведения выработать некий противовес ленинской теории империализма. В то же время нельзя не видеть в этой концепции определенного шага вперед по сравнению с консервативной.

Новейшая литература о фашизме и антифашизме в Германии характеризуется небывалым количественным ростом. Ее составляют ныне множество общих²¹ и специальных трудов по самым

¹⁶ Подробнее см.: *Deutsche Historiker*. Göttingen, 1982. S. 143.

¹⁷ Подробнее см.: *ZfG*. 1985. Н. 2. S. 168.

¹⁸ Подробнее см.: *Паргушев А. И.* Неолиберальная историография ФРГ. М., 1981.

¹⁹ См.: 28. *Versammlung deutscher Historiker in Köln/Rhein*. Stuttgart, 1971. S. 14.

²⁰ *Mommsen W. J.* Imperialismustheorien. Göttingen, 1977; *Idem.* Das Zeitalter des Imperialismus. Frankfurt a. M., 1984. Новейший марксистско-ленинский анализ империализма представлен в материалах конференции, проведенной Лейпцигским университетом в 1984 г. См.: *ZfG*. 1985. Н. 8. S. 739–740.

²¹ См. например: *Der Nationalsozialismus*. Bonn, 1980; *Grimm G.* Der Nationalsozialismus. München, 1981; *Das Dritte Reich. Ursprünge, Ereignisse, Wirkungen*. Freiburg, 1983; *Das Dritte Reich: Herrschaftsstruktur und Geschichte*. München, 1983; *Nationalsozialistische Diktatur 1933–1945*. Düsseldorf, 1983; *Overesch M.* Das Dritte Reich 1939–1945. Düsseldorf, 1983; *Der Nationalsozialismus an der Macht*. Göttingen, 1984.

различным вопросам. В последнее время появился и ряд историографических исследований²². Характеризуя новый подход в самых общих чертах, необходимо отметить более или менее последовательный отказ исследователей от старого, весьма узкого, и формирование более широкого (хронологически, географически и тематически) взгляда на предмет исследования. Была создана литература по региональной истории страны²³. Историки обратились к генезису фашизма и Сопротивления. В несравненно большей степени получили освещение преимущество германского милитаризма и империализма в XIX—XX вв., ответственность за установление фашистской диктатуры и ее преступления владельцев монополий, военного и штатского чиновничества, глобальный характер завоевательной программы германского фашизма.

Возникла литература по экономической истории Германии периода господства фашистов, что нашло свое отражение, в частности, в 1-м томе десятитомника «Германская империя и вторая мировая война». Во второй части тома сравнительно полно освещены многие специальные аспекты военно-экономической подготовки агрессии. Автор этой части Г.-Е. Фолькманн обращается к таким нетрадиционным для большинства историков ФРГ темам, как мировой экономический кризис 1929—1933 гг. и попытки преодолеть его на путях милитаризации экономики; фашистская организация народного хозяйства; внешнеэкономи-

---

²² См. например: *Franz G.* Das Geschichtsbild des Nationalsozialismus und die deutsche Geschichtswissenschaft // *Geschichte und Geschichtsbewußtsein*. Göttingen, 1981; *Neue politische Literatur*. 1982. H. 1. S. 20—47 (далее: NPL); *Der «Führerstaat»*. Stuttgart, 1981 (Rez.: NpL. 1985. H. 2. S. 326—328); *Schreiber G.* Hitler Interpretationen. 1923—1983. Darmstadt, 1984; *Ender W.* Konservative und rechtsliberale Deuter des Nationalsozialismus, 1930—1945. Frankfurt a. M., 1984; *Rechtsextremismus in der Bundesrepublik*. Frankfurt a. M., 1985. S. 45—68, 68—97. См. также новейшую английскую работу: *Kershaw I.* The Nazi Dictatorship. L., 1985.

²³ См., например: *Kösters H.* Essen Stunde Null. Düsseldorf, 1982; *Hessen unterm Hakenkreuz*. Frankfurt a. M., 1983; *Klein A.* Köln im Dritten Reich. Köln, 1983; *Mirkes A. et al.* Mühlheim unter den Nazis 1933—1945. Frankfurt a. M., 1983; *Seuß S.* Morgenrot und Panzerfaust. Bischofsheim, 1983; *Warnke H.* Die verratene Traum. Hamburg, 1983; *Bajohr F.* Verdrängte Jahre. Essen, 1984; *Das Erzbistum München und Freising in der Zeit der nationalsozialistischer Herrschaft*. München, 1984; *Fritsch R.* Nürnberg im Krieg. Düsseldorf, 1984; *Provinz unterm Hakenkreuz*. Bielefeld, 1984; *Wuppertal in der Zeit des Nationalsozialismus*. Wuppertal, 1984; *Münkler H.* Machtzerfall. [West] Berlin, 1985; «...vergessen kann man die Zeit nicht, das ist nicht möglich». Köln, 1985; *Greiff W.* Das Boderhaus in Löwenberg/Schlesien 1933—1937. Sigmaringen, 1985. Среди книг о фашизме в отдельных городах и провинциях Германии особое место занимают работы по истории Пруссии (см., например: *Gerlach H.* Nur der Name blieb. München, 1981; *Regierung, Bürokratie und Parlament in Preußen und Deutschland von 1848 bis zur Gegenwart*. Düsseldorf, 1983; *Höner S.* Der nationalsozialistischer Zugriff auf Preußen. Bochum, 1984), а также историографические статьи (см.: *Historisches Jahrbuch*. 1983. Hbd. 1. S. 166—185; *Archiv für Sozialgeschichte*. 1985. S. 467—508 (далее: AfS)).

ческая экспансия; военное хозяйство и агрессия 1936—1939 гг.²⁴ Оценка ряда конкретных моментов не вызывает сомнений. Таковы суждения об экономических мотивах акций от ремилитаризации Рейнской зоны до захвата всех чешских земель; об экономических выгодах агрессивной политики нацистов, о «включении Юго-Восточной Европы в германский военно-экономический регион»²⁵. Авторы тома верно полагают, что в условиях ограниченных ресурсов Германии фашисты могли рассчитывать на успех лишь в кратковременных войнах против отдельных изолированных противников²⁶. Тезис об авантюристичности агрессивной программы, особенно об ее военно-экономической необеспеченности, находит отражение и во многих других трудах историков ФРГ²⁷.

Весьма широкое развитие получила литература о внешней политике германского фашизма²⁸ и его преступлениях²⁹, в том числе концлагерях³⁰. Характерно, что если в ранних трудах преобладал интерес к нравственной стороне проблемы, то в поздних — к ее социально-экономическим аспектам. Так, в 11-м томе «Германской истории» показано, что «использование Бухенвальда давало ежемесячный доход в 2 млн марок»³¹. Наряду с созданием правдивой картины фашистских злодеяний в ряде книг

---

²⁴ Литература по экономической истории отражена в двухтомном справочнике: *Volkman H.-E. Wirtschaft im Dritten Reich*, München, 1980, 1984. Bd. 1—2. См. также: *Geyer M. Deutsche Rüstungspolitik, 1860—1980*. Frankfurt a. M., 1984. О марксистско-ленинской концепции германской военной экономики 1939—1945 гг. см.: *Eichholtz D. Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft*. В., 1985.

²⁵ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Stuttgart, 1979. Bd. 1. S. 313—331, 608, 712.

²⁶ *Ibid.* S. 19, 154, 701.

²⁷ См., например: *Bagel-Bohlan A. E. Hitlers industrielle Kriegsvorbereitungen, 1936—1939*. Koblenz, 1975. S. 135; *Kühn H. Widerstand und Emigration*. Hamburg, 1980. S. 292.

²⁸ Подробнее см.: Новая советская литература по общественным наукам: История. Археология. Этнография. 1984. № 12; *Die Westmächte und das Dritte Reich*. Paderborn, 1982; *Teichert E. Autarkie und Großraumwirtschaft in Deutschland*. München, 1984; *Wellems H. Von Versailles bis Potsdam*. Frankfurt a. M., 1985.

²⁹ См., например: *Jäger H. Verbrechen unter totalitärer Herrschaft*. Frankfurt a. M., 1982; *Rückerl A. NS-Verbrechen vor Gericht*. Heidelberg, 1982; *Hillgruber A. Der Zweite Weltkrieg*. Stuttgart, 1983; *Kempner R. M. K. Ankläger einer Epoche*. Frankfurt a. M., 1983; *Nationalsozialistische Massentötungen durch Gift*. Frankfurt a. M., 1983; *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*. 1984. H. 2. S. 86—91 (далее: GWU); *Gewerkschaftliche Monatshefte*. 1984. H. 2. S. 65—85 (далее: GM); *Aly G. et al. Aussonderung und Tod*. [West] Berlin, 1985; *Beiträge zur nationalsozialistischer Gesundheits- und Sozialpolitik*. [West] Berlin, 1985. Bd. 1; *Dokumente zur «Eutanasie»*. Frankfurt a. M., 1985 (Rez.: *Historische Zeitschrift*. 1986. H. I. S. 211—212 (далее: HZ)).

³⁰ См., например: *Die vergessenen KZ-s? Borthheim; Merten*, 1983; *Heydecker J. J. Das Warschauer Getto*. München, 1983; *Buchenwald*. Frankfurt a. M., 1984; *Hohlmann S. Pfaffenwald*. Kassel, 1984; *Verfolgung, Ausbeutung, Vernichtung*. Hannover, 1985.

³¹ *Deutsche Geschichte*. Gütersloh, 1985. Bd. 11. S. 202; см. также: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Stuttgart, 1983. Bd. 4, S. 1084.

консервативных историков представлен несостоятельный тезис об общей ответственности за преступления всех участников войны³². Получили большее или меньшее распространение труды о церкви обеих конфессий³³, юстиции³⁴, науке и школе³⁵, художественной литературе в фашистской Германии³⁶. Заметное место заняла литература о повседневной жизни в Германии 1933—1945 гг.³⁷ и связанные с нею труды об интеллигенции, женщинах, молодежи³⁸. Особое место занимает ряд работ о разгроме фашизма, о «Германии в час 0»³⁹.

Искажения, свойственные в первую очередь консервативной историографии, стали носить, как правило, изощренный характер⁴⁰. Лавируют даже неофашистские публицисты. Так, Э. Хельмдах фарисейски отмежевывается от «коричневых комиссаров» с их «тотальной ненавистью к славянству», с их «несолдатскими приказами». Другие приняли тезис умеренных консерваторов об «общей ответственности за преступления обеих воюющих сторон». Неофашистские издания предоставляют свои страницы для воспоминаний рядовым и унтер-офицерам вермахта⁴¹. Отказ от

³² См.: *Jahn H. E.* Die deutsche Frage von 1945 bis heute. Mainz, 1985. S. 18—19; см. также: *Lenz S.* Ein Kriegsende. Hamburg, 1984; *Letzte Tage in Ostpreußen.* [West] Berlin, 1985; *Die Vertriebenen.* Reinbek, 1985.

³³ См., например: *Kirche, Katholiken und Nationalsozialismus.* Mainz, 1980; *Evangelische Kirche und Drittes Reich.* Göttingen, 1983; *Reppen K.* Katholizismus und Nationalsozialismus. Köln, 1983; *Padberg R.* Kirche und Nationalsozialismus am Beispiel Westfalens. Paderborn, 1984; *Mayer-Zollitsch A.* Nationalsozialismus und evangelische Kirche in Bremen. Bremen, 1985. Ср.: *Meier K.* Die evangelische Kirche im Kampf. Halle, 1984. Bd. 3; *Ковальский Н. А.* Империализм. Религия. Церковь. М., 1986.

³⁴ См., например: *Horkheimer P.* Wirtschaft, Recht und Staat im Nationalsozialismus. Frankfurt a. M., 1981; *NZ-Recht in historischer Perspektive.* München, 1981; *Blasius D.* Geschichte der politischen Kriminalität in Deutschland 1800—1980. Frankfurt a. M., 1983; *Recht, Justiz und Faschismus nach 1933 und heute.* Köln, 1984; *Hirsch M. et al.* Recht, Verwaltung und Justiz im Nationalsozialismus. Köln, 1985.

³⁵ См., например: *Heinemann M. et al.* Erziehung und Schulung im Dritten Reich. Stuttgart, 1980. Bd. 1—2; *Intellektuelle im Bann des Nationalsozialismus.* Hamburg, 1980; *Böhles H. J. et al.* Frontabschnitt Hochschule. Gießen, 1982; *Karbordt S.* Wissenschaft und Nationalsozialismus. [West] Berlin, 1983; *Heil Hitler, Herr Lehrer.* Reinbek, 1983; *Hochhuth M.* Schulzeit auf dem Land, 1933—1945. Kassel, 1985; *Scholtz H.* Erziehung und Unterricht unterm Hakenkreuz, 1985; *Wissenschaft im Dritten Reich.* Frankfurt a. M., 1985.

³⁶ См., например: *Literatur und Germanistik nach der «Machtübernahme».* Bonn, 1983; *Tendenzen der deutschen Literatur zwischen 1918 und 1945.* Stuttgart, 1985. S. 48—72, 73—100.

³⁷ См. гл. 4 наст. книги.

³⁸ См., например: *Boberach H.* Jugend unter Hitler. Düsseldorf, 1982; *Wittrock C.* Weiblichkeitsmythen. Frankfurt a. M., 1983.

³⁹ См., например: *Niehaus W.* Endkampf zwischen Rhein und Weser. Stuttgart, 1983; 1945: Deutschland in der Stunde Null. Hamburg, 1985; 1945: Neunzehnhundert fünf und vierzig. Hannover, 1985; *Schnabel T., Ueber-schär G. R.* Endlich Frieden. Freiburg, 1985.

⁴⁰ Это обстоятельство отмечают и некоторые буржуазные исследователи (Структурэлементы des Nationalsozialismus. Köln, 1981. S. 7).

⁴¹ *Helmdach E.* Überfall. Neckargemünd. 1976. S. 20—22, 69; *Nation-Europa.* 1984. Н. 2 (далее: NE); *Der Freiwillige.* 1985. Н. 3.

упрощенных построений, например от полного отрицания ответственности кого-либо из немцев за преступления, свидетельствует об успехах историографии.

Приступая к характеристике важнейших новых моментов в буржуазной и социал-демократической трактовке фашизма, необходимо напомнить некоторые положения. Известно, что фашизм был порожден капитализмом на империалистической его стадии. Советские и зарубежные исследователи опираются на ленинское учение об империализме, государственно-монополистическом капитализме, на положения Ленина о двух формах господства буржуазии, повороте империалистической буржуазии от демократии к политической реакции, на марксистско-ленинскую трактовку милитаризма, мелкой буржуазии, стремления буржуазии к разжиганию «дурных страстей темной массы»⁴².

Впервые определение фашизма было дано XIII пленумом ИККИ в декабре 1933 г. в тезисах «Фашизм, опасность войны и задачи коммунистических партий»: «Фашизм есть открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала. Фашизм пытается обеспечить за монополистическим капиталом массовый базис среди мелкой буржуазии, апеллируя к выбитому из колеи крестьянству, ремесленникам, служащим, чиновникам и, в частности, деклассированным элементам крупных городов, стремясь проникнуть также в рабочий класс»⁴³. Существенно дополнил эту характеристику Г. М. Димитров, подчеркнув, что германский фашизм — это «ударный кулак международной контрреволюции», «главный поджигатель империалистической войны», «зачинщик крестового похода против Советского Союза»⁴⁴.

Естественно, что в этих определениях нашло отражение лишь самое главное, что происхождение и сущность фашизма этими чертами полностью не исчерпываются. На формирование идеологии и практики фашизма оказали влияние, в частности, его идейные предшественники, непосредственно не связанные с крайне реакционными кругами германской буржуазии 20–40-х годов XX в. Характер внутренней и внешней политики фашизма, безусловно, несет на себе печать мировоззрения Гитлера и других фашистских лидеров. Таков, например, механизм действия воспринятых ими великогерманского шовинизма и расизма, возникших задолго до 30 января 1933 г. Напомним о физическом уничтожении евреев, цыган, лиц других национальностей, разграблении материальных и духовных ценностей, концлагерях, куда были

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 132; см. также: Там же. Т. 27. С. 323; Т. 41. С. 14; Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 9–11.

⁴³ XIII пленум ИККИ: Стеногр. отчет. М., 1934. С. 589.

⁴⁴ Димитров Г. М. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. М., 1935. С. 9.

согнаны свыше 18 млн человек, из которых 11 млн погибли. Еврейский народ относительно своей численности понес в годы войны наибольшие жертвы. Антисемитизм фашистов не ограничивался лишь сферой пропаганды. Уничтожение 6 млн евреев — исторический факт. Подчас постулаты фашистов подавляли их прагматизм. Во время летней кампании 1942 г., пишут А. Хиллогрубер и его единомышленник Х. Мальтиц, когда все силы и средства были подчинены стратегически важнейшей цели, когда все острее вставала проблема рабочей силы, фашисты тем не менее отправляли железнодорожные составы «с еще могущими работать евреями в лагерь уничтожения», отвлекая для этой цели «многих здоровых немцев»⁴⁵.

Идея «исключительности арийской расы» проявилась и в решении вопроса о жизни и смерти немцев. По данным историков ГДР, в 1933—1945 гг. из 300 тыс. коммунистов подвергались аресту 150 тыс. человек, 15—20 тыс. были убиты. Общее же число казненных в Германии антифашистов во время войны составило 200 тыс. человек (согласно переписи 1939 г., население страны составляло 69,3 млн человек)⁴⁶.

Заботе о «германской расе» служила в известной мере социальная политика фашистов. Эта политика определялась постоянным страхом властей перед возможным политическим переворотом в стране. Естественно, что она осуществлялась в значительной степени за счет ограбления других народов. В конечном счете, однако, фашизм поступал негуманно по отношению и к собственному народу. Итоги его господства и развязанной им войны были весьма драматическими для самих немцев — свыше 6 млн убитых, 17,5 млн лишившихся крова, значительный материальный ущерб, нравственная деградация части населения⁴⁷.

В новейшей немарксистской литературе нет единства в применении самого понятия «фашизм», хотя дискуссия по этому поводу и не прекращается в течение нескольких десятилетий. Вопрос о терминах не может быть ограничен областью одной лингвистики. Известно, что они несут большую идеологическую и методологическую нагрузку. Не случайно этот вопрос стал предметом специальных исследований ряда западногерманских ученых⁴⁸.

В трудах большинства немарксистских историков понятия «фашизм» и «антифашизм» рассматриваются в свете известной доктрины тоталитаризма. Ее авторы и последователи искусственно сконструировали некую социально-политическую систему, которая будто бы характерна и для фашизма, и для коммунизма. По незнанию или умышленно они отождествляют фашизм и социализм, пишут о режимах Гитлера и Сталина, широко оперируя

⁴⁵ Maltitz H. The Evolution of Hitler's Germany. N. J., 1973. P. 171; Hitler, Deutschland und die Mächte. Düsseldorf, 1977. S. 112.

⁴⁶ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. B., 1966. Bd. 5. S. 436.

⁴⁷ Deutschland im zweiten Weltkrieg. B., 1985. Bd. 6. S. 782.

⁴⁸ См., например: Historisches Jahrbuch. 1983. Hbd. 1. S. 193—198.

негативными фактами действительной истории СССР конца 20-х начала 50-х годов. При этом за социализм принимаются грубые его деформации, произведенные Сталиным и его окружением. Проблему идентичности гитлеризма и сталинизма необходимо еще изучить. Нужен их глубокий сравнительный анализ. Тем не менее нынешний уровень знания позволяет отнести эти режимы к авторитарным. Они, несомненно, имеют определенное сходство: культ «вождя», массовые репрессии и др.

В литературе консервативных направлений обобщенные термины «фашизм», «антифашизм», принятые марксистско-ленинским обществоведением, как правило, не применяются. Там речь идет о германском «национал-социализме», итальянском «фашизме», «немецком Сопротивлении», «европейском Сопротивлении» — о «тоталитаризме и антитоталитаризме». По утверждению авторов книги «Выбор между силой и идеологией», доктрина тоталитаризма показывает будто бы «шаткость понятий фашизма и антифашизма», последние якобы легко переходят в свою противоположность⁴⁹. Историки из ГДР А. Лёсдау и Г. Лопек⁵⁰ с полным основанием показали, что консерваторами взят термин «национал-социализм (сами фашисты демагогически называли свою партию «национал-социалистской рабочей партией») с тем, чтобы скомпрометировать реальный социализм⁵¹. Консерваторы отклоняют и «антифашистское понимание демократии (буржуазной.— Л. М.)», поскольку, по их мнению, это способствовало бы «марксистско-ленинским формам мышления»⁵². Понятие «антифашистское сопротивление» неприемлемо для них и потому, что это движение олицетворяло собой в национальном и интернациональном масштабах идею Народного фронта, антифашистскую коалицию, ненавистные современной реакции.

В немарксистской литературе по-прежнему на первый план выдвигаются те или иные отдельные черты фашизма, действительные или сконструированные авторами. Так, в работе известного историка Х. Моммзена «существо фашизма» сведено к «циничному презрению к человеку»⁵³, что само по себе верно,

---

⁴⁹ Hillgruber A., Hildebrand K. *Kalkül zwischen Macht und Ideologie*. Zürich, 1980. S. 60.

⁵⁰ См.: Einheit. 1984. Н. 4. S. 361; Pätzold K., Weissbecker M. *Geschichte der NSDAP*. Köln, 1982.

⁵¹ Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung. Bonn, 1983. 1. Febr. S. 103 (далее: Bulletin).

⁵² Die Zeit. 1977. 2. Dez. S. 9.

⁵³ Deutsche Historiker. S. 141. Некоторые советские критики относят Моммзена к консервативному направлению. Они опираются при этом на отдельные ошибочные суждения историка, в частности о поджоге рейхстага. Однако более углубленное знакомство с творчеством этого ученого, главным образом с его трудами о фашизме и Сопротивлении, требует отнести его к социал-демократам. Нельзя также полагать, что они свободны от каких-либо консервативных влияний. Важно отметить участие Моммзена в широкой дискуссии с консервативными историками в прессе ФРГ в 1986 г. и в последующие годы по оценке германского фашизма. См.: Die Zeit. 1986. 26. Juli; «Historiker-Streit». München, 1987. S. 156–189.

но недостаточно для определения фашизма. По мнению Г. Ротфельса, которое разделяют и многие его последователи, фашизм возник как следствие упадка буржуазной идеологии, подъема националистических течений, утраты личных контактов. Он утверждал, что «либерализм, демократия и марксистский социализм в большей степени ответственны (за приход фашизма к власти.— Л. М.), чем охранительные силы консерватизма»⁵⁴. К. Д. Эрдманн, который принимает общий термин «фашизм» и отвергает представление об особой «эпохе фашизма» (1917—1945 гг.), выдвигает тезис о некоем «треугольнике» — либерализм, фашизм, коммунизм, — который будто бы и определяет лицо этой эпохи⁵⁵. Автор не разделяет апологетического тезиса Ротфельса о непричастности к фашизму консерватизма. Но в его схеме подчас либерализм и коммунизм в равной степени становятся ответственными за фашизм. Эрдманн игнорирует классовые противоречия современной эпохи⁵⁶.

Г. Хюртен, как и большинство буржуазных историков, также игнорирует социальную сущность фашизма. По его мнению, «своеобразие фашизма состоит в роли партии», которая имеет «неограниченную власть в государстве и обществе». Для этого режима, полагает автор, характерны также опора на вооруженные силы, культ «фюрера», антимарксизм, антиинтеллектуализм и антитеоретичность⁵⁷. Менее содержательно определение фашизма, принятое авторами книги о сопротивлении и эмиграции германских рабочих. Они отмечают наличие «потрясенных кризисом средних слоев», «части арийско-германских господствующих слоев, стремившихся к мировой гегемонии». Так, они смешали самые различные слои современного общества, присоединив к ним еще и некую, «не связанную с определенными социальными группами универсальную приверженность идее семитского врага»⁵⁸.

Более близким к истине необходимо признать определение фашизма как «открытой террористической диктатуры буржуазии», как «особенно опасной и агрессивной формы капитализма», представленное в той части 1-го тома десятитомника «Германская империя и вторая мировая война», которая написана М. Мессершмидтом⁵⁹. К сожалению, автор не заметил, что граница между так называемым «национализмом» немецких консерваторов, тре-

⁵⁴ Deutsche Historiker. S. 142.

⁵⁵ Подробнее см.: GWU. 1985. Н. 4. S. 236—247.

⁵⁶ Критику схемы Эрдманна см. также: *Lozek G., Richter R. Legende oder Rechtfertigung?* В., 1979. S. 43.

⁵⁷ *Hürten H. Zwischenkriegszeit und Zweiter Weltkrieg.* Stuttgart, 1982. S. 27.

⁵⁸ *Widerstand und Exil der deutschen Arbeiterbewegung, 1933—1945.* Bonn, 1981. S. 46.

⁵⁹ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Stuttgart, 1979. Bd. 1. S. 601. Тезис о фашизме как «порождении капитализма» мы встретили также в трудах Хильдебранда, других умеренных консерваторов и социал-реформистов. См.: *Hildebrand K. Das Dritte Reich.* S. 127; *Kolb E. Die Weimarer Republik.* München, 1984. S. 214, 215.

бывавших восстановления статуса «великой державы», и идеологией фашистов была весьма нечеткой.

С позиций, близких к социал-реформистским, А. Плак подвергает критике тезис Ф. И. Штрауса и других крайних консерваторов о фашизме как «варианте социализма». Автор приводит утверждения из официальных документов ХСС о фашистских лидерах как «марксистах» и показывает, что они исключительно в пропагандистских целях называли себя «социалистами», «людьми из рабочего класса»; их «социализм» — лишь лицемерные слова. В программе НСДАП, пишет автор, на самом деле были некоторые социалистические моменты, в частности «требование раздела прибылей крупных предприятий», но, придя к власти, «фюрер» отнюдь не осуществил их. Его «социализм» был органически связан с мечтами о мировой германской империи, а его «социальная революция» сводилась к превращению всех немцев в «народ господ». Он не хотел бесклассового общества, выступал вовсе не за передел богатства в пользу неимущих социальных слоев, но за раздел завоеванных земель.

Однако доктрина тоталитаризма сильно ослабляет позиции автора. Он относит фашизм к числу так называемых тоталитарных режимов, по существу отказываясь от анализа его социально-экономических основ. Характерна для книги следующая фраза, на первый взгляд безупречная в научном отношении: «Империализм и социализм в принципе исключают друг друга, потому что завоевание и управление новыми областями делают излишними социальные преобразования в собственной стране. Разумеется, нацизм был типичным правоориентированным движением»⁶⁰. Однако империализм рассматривается здесь с традиционных позиций лишь как политика внешних завоеваний. И главное: лишь внешние обстоятельства, по мнению автора, отнюдь не органически присущие фашизму свойства, делают его несовместимым с социализмом.

Значителен вклад ряда историков в исследование преемственности германского милитаризма и империализма XIX—XX вв. В 30—40-е годы эту преемственность признавали лишь коммунисты и отдельные представители немарксистской общественной мысли. Ныне же ложное представление о фашизме как «провале» в германской истории, будто бы лишенном «германских корней», разделяют лишь немногие консерваторы. В известной мере это представление сохранилось, например, в концепции В. Тормина. «Фашизм,— пишет он,— появился в Германии случайно, он — своего рода несчастный случай на производстве, который мог бы произойти везде... Нацизм по сути своей не является специфически немецкой опухолью, он является немецкой формой европейского явления — однопартийным диктаторским государством. Но это происходит не из древних традиций, а из сугубо современ-

---

⁶⁰ Plack A. Wie oft wird Hitler noch besiegt? Düsseldorf, 1982. S. 252—256, 273.

ного кризиса либерального общества...»⁶¹ При изучении генезиса фашизма вообще и германского в частности советские историки вскрыли социально-экономические условия, породившие его. Опираясь на ленинский анализ особенностей германского империализма, они показали те реакционные, милитаристские, шовинистические традиции прусско-германской истории, которые способствовали возникновению фашизма⁶².

Этот подход в значительной степени был воспринят видными западногерманскими либеральными и социал-демократическими историками в исследовании роли германского империализма в разрывании первой мировой войны. Вопреки господству консерваторов в буржуазной литературе о первой мировой войне, подчеркивают советские историографы, был «введен в научный оборот огромный фактический материал, дано верное объяснение многим событиям. Имеются в ней и труды, авторы которых (Г. Хальгартен, Ф. Фишер, И. Гайсс и другие) ... смогли подняться до верной оценки причин и характера первой мировой войны»⁶³. Тем самым внутри буржуазной историографии нанесен сильный удар по реакционной концепции фашизма как «проявления» в истории.

Еще в 1933 г. в Германии была написана книга Хальгартена, которая была опубликована в ФРГ лишь в 1951 г.⁶⁴ (Издание книги во Франции в 1935 г. было неполным.) Крайние консерваторы сумели нейтрализовать ее влияние. Поступить так с аналогичной книгой Фишера в новых условиях им не удалось. Книга Фишера «Рывок к мировому господству» вышла в свет в 1961 г.⁶⁵ С тех пор в ФРГ и в какой-то мере за ее пределами не прекращается дискуссия⁶⁶. Автор отверг тезис о невинности Германии. Он показал, что политическое и военное руководство кайзеровской империи в целом, а не «отдельные фантасты», как пытались представить крайние консерваторы, целенаправленно разрабатывали обширную программу аннексий, чтобы превратить Германию в ведущую мировую силу. Считая канцлера в первую очередь «исполнителем» (а не «творцом») политики, ав-

⁶¹ Das Dritte Reich. Hannover, 1983. S. 14–15. Марксистско-ленинскую критику тезиса о «несчастном случае на производстве» см.: Carlebach E. Hitler war kein Betriebsunfall. Frankfurt a. M., 1978.

⁶² См., напр.: Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1989; Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. 1–2; Аникеев А. А. Германский фашизм и крестьянство (1933–1945). Ростов н/Д, 1979; Бессонов Б. Н. Фашизм: идеология, политика. М., 1985; Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989.

⁶³ Цит. по: Коммунист. 1984. № 11. С. 97–98.

⁶⁴ См. русский перевод: Хальгартен Г. Империализм до 1914 г. М., 1961 (предисл. А. С. Ерусалимского).

⁶⁵ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1961.

⁶⁶ Подробнее см.: Unbewältigte Vergangenheit. В., 1977. S. 304–317; Schöllgen G. «Fischer-Kontroverse» und Kontinuitätsproblem // Ploetz. Geschichte der Weltkriege. 1900–1945. Freiburg, 1981; см. также: Deutscher Konservatismus im 19. und 20. Jahrhundert. Bonn, 1983; Историография всеобщей истории. Куйбышев, 1976. С. 42–56; Новая и новейшая история. 1963. № 2. С. 158–161; 1979. № 3. С. 39–53; Вопр. истории. 1981. № 3. С. 67–82.

тор доказал, что названная программа служила интересам и требованиям могущественных групп германской крупной буржуазии и юнкерства, что именно они определяли экспансионистскую внешнюю и реакционную внутреннюю политику. Агрессивность германского империализма Фишер объясняет тем, что Германия с опозданием вошла в круг великих держав, когда мир был уже поделен, а также стремлением правящих элит с помощью внешнеполитических акций отвлечь внимание от социальных конфликтов и таким образом укрепить свое господство. Не без оснований объясняет последователь Фишера В. Егер научные достижения Фишера тем, что он отказался от традиционного преимущественного внимания к дипломатической истории и обратился «к анализу функций и экономических движущих сил гегемонистской политики»⁶⁷.

Предметом специальных исследований Фишера стала преемственность целей германского империализма XIX—XX вв. В новых своих работах Фишер с успехом распространяет разработанный им подход к истории первой мировой войны на историю фашизма и связанной им второй мировой войны. Такова книга «Союз элит», посвященная проблеме развития государственных структур в Германии 1871—1945 гг.⁶⁸ Этому же вопросу был посвящен доклад автора на XXXII конференции Союза западногерманских историков в Гамбурге. Весьма интересна оценка автором эволюции внешней политики Германии: «В Веймарской республике высшие слои аграриев и промышленников в содружестве с ведущими военными надеялись в победоносной войне восстановить и укрепить монархическую систему и тем самым — свое положение в обществе, подготовить в своих интересах внешнеполитический базис империи сначала в Европе, потом во всем мире». С полным основанием автор связывает с этими целями доктрину «о срединном положении Германии в Европе», о Восточной империи, о «Германской Центральной Африке». «Несмотря на парламентскую форму правления, — справедливо отмечает Фишер, — сохранялись старые «элиты власти» вместе с их прочными позициями в экономике и обществе, в высшей бюрократии и юстиции, и прежде всего — в армии. Они были носителями преемственности германских великодержавных устремлений». Но они не имели массовой базы, и им предложил свои услуги Гитлер, который «с помощью экстремистского национализма и антисемитизма сформировал массовую партию преимущественно из деклассированных средних слоев мелкой буржуазии и крестьянства»⁶⁹.

В своей итоговой статье «К проблеме преемственности в германской истории от Бисмарка до Гитлера» Фишер подверг кри-

⁶⁷ Jäger W. Historische Forschung und politische Kultur in Deutschland. Göttingen, 1984. S. 132.

⁶⁸ Fischer F. Bündnis der Eliten. Düsseldorf, 1979; см. также: Nationalsozialistische Diktatur, 1933—1945. Bonn, 1983.

⁶⁹ Цит. по: Bericht über die 32. Versammlung deutscher Historiker. Stuttgart, 1979. S. 113—114.

тике «дипломатический метод» изучения империализма, принятый Хилльгрубером и другими консерваторами, и обосновал необходимость «комплексного исследования факторов социально-исторических, экономических, внутривнутриполитических, а также внешнеполитических и военных». Автор вскрыл несостоятельность известного апологетического тезиса об «экономике под принуждением». В противовес этому Фишер показывает активное воздействие крупных промышленников и аграриев на формирование внутренней и внешней политики «третьей империи», их антикоммунизм и антисоветизм, разоблачает известные претензии на «немецкое руководство человечеством».

Анализируя условия прихода фашистов к власти, Фишер раскрывает в общих чертах причины раскола рабочего движения в стране, показывает оппортунизм правых социал-демократических и профсоюзных деятелей, их отказ от лозунга социализации собственности. Вместе с этим Фишер вовсе не разделяет тезиса консерваторов об ответственности германского рабочего класса за установление террористической диктатуры. Новым для литературы ФРГ является попытка историка исследовать отношение к фашизму отдельных групп германской буржуазии. Фишер по существу не выделяет двух основных классов буржуазии и пролетариата. Не без влияния известной концепции М. Вебера автор рассматривает их в одном ряду с другими «социальными группами» (бюрократия, военные, профессура и др.)⁷⁰.

Ученики и последователи Фишера составили известную во всем мире школу. Среди них — историки либерального и социал-демократического направлений К. Вернеке, Й. Гайсс, В. Егер, Г. Хардах, Д. Штегманн и др. По мнению Егера, Штегманн, например, в книге «Наследие Бисмарка» «подверг более критическому и прямому анализу, чем это сделал Фишер, не личности, а классы и общественные группы» Германии 1897—1918 гг.⁷¹ Перу Штегманна принадлежит также работа о преемственности внешнеэкономической политики Германии в 1925—1934 гг.⁷²

Если в либеральных и демократических кругах работы Фишера и его школы встретили весьма положительные отклики, то официальный Бонн и историки-консерваторы, особенно крайние, приняли их в штыки. Они воспрепятствовали научной командировке Фишера в США, осудив его книгу, которая будто бы сознательно направлена на «расторжение западного сообщества»⁷³.

---

⁷⁰ Fischer F. Bündnis der Eliten; *Idem.* Zum Problem der Kontinuität in der deutschen Geschichte von Bismarck zu Hitler // Nationalsozialistische Diktatur, 1933—1945. См. также труды о фашизме других либеральных историков ФРГ, в частности: Коска J. 1945; Neubeginnen oder Restauration? // Wendepunkte deutscher Geschichte, 1848—1945. Frankfurt a. M., 1979; APZ. 1980. Н. 25. С. 3—15.

⁷¹ Jäger W. Op. cit. S. 313.

⁷² См.: Stegmann D. Industrielle Gesellschaft und politisches System. Bonn, 1978.

⁷³ Цит. по: Dalberg T. Franz Josef Strauß. Gütersloh, 1968. S. 235.

По мнению Риттера, эта книга ведет к «подрыву немецкого национального сознания». Э. Цехлин, К. Д. Эрдманн открыто отмежевались от Фишера, в первую очередь от осуждения им политики силы и от метода «политико-социальной истории». Они противопоставили этим принципам геополитический подход к истории Германии. Ее политика в XX в., так же как и ее поражение, будто бы обусловлены «срединным положением в Европе между другими великими державами»⁷⁴, «бедностью занимаемого ею пространства». Они отмечали «опоздание Германии к разделу мира», но исходили при этом из автономии внешней политики по отношению к внутренней, пытаясь подорвать таким образом одну из основных верных теоретических посылок Фишера. Риттер вопреки фактам пытался представить фашизм «инородным телом в истории Германии» и отрицал особую агрессивность германского империализма. Цехлин подчеркивал «оборонительный характер» германской политики. Политическая цель консерваторов была очевидной: «Вселить в современников новую веру в немецкую традицию»⁷⁵.

Однако не удалось ни устранить с историографической арены концепцию Фишера, ни локализовать ее областью истории первой мировой войны. Его трактовка целей Германии в 1914 г. привела к пересмотру другими учеными многих аспектов новейшей истории в целом⁷⁶.

Влияние школы Фишера распространилось в значительной степени и на умеренно-консервативное направление. По мере освобождения от «старой апологии» в литературе о первой мировой войне менялась и картина германской истории 1871—1945 гг.⁷⁷ Имея в виду это изменение, Г.-Г. Янссен писал в 1979 г.: «Еще двадцать, даже десять лет тому назад, вероятно, было бы невозможно изображать „третью империю“ в качестве преемника бисмарковской империи, вильгельмовской Германии... и обвинять в катастрофе 1945 г. традиционную правящую элиту»⁷⁸. Важно подчеркнуть, что школа Фишера оказала сильное влияние и на трактовку политической позиции правого крыла заговорщиков 20 июля. К. Гёрделер и Л. Бек непосредственно принадлежали к той элите, роль которой в истории Германии показал Фишер⁷⁹.

Деятельность Фишера и его последователей вызвала интерес к сравнительному анализу двух мировых войн. Это нельзя не приветствовать. Известно предостережение основоположников

---

⁷⁴ См., например: *Zechlin E. Krieg und Kriegsrisiko. Düsseldorf, 1979. S. 7–14; Hillgruber A. Großmachtpolitik und Militarismus im 20. Jahrhundert. Düsseldorf, 1974. S. 11–36.* Решительно возражает против тезиса о «срединном положении» Германии Г.-У. Велер. См.: *Der Monat. 1982. Bd. 3. S. 64–67.*

⁷⁵ *Jäger W. Op. cit. S. 204–205.*

⁷⁶ См. *Nationalsozialistische Diktatur, 1933–1945. S. 770–771.*

⁷⁷ См. также: *Jäger W. Op. cit. S. 154.*

⁷⁸ *Die Zeit. 1979. 16. Nov.; см. также: APZ. 1984. N 7. S. 33–45.*

⁷⁹ Подробнее см. изданную к 75-летию Фишера кн.: *Deutscher Konservatismus.*

марксизма-ленинизма против абстрактного рассмотрения той или иной войны, их требование понять место данной войны во всемирной истории, познать ее специфику. В. И. Ленин осуждал «неумение исторически разобрать значение и смысл каждой отдельной войны»⁸⁰. Для сравнительного анализа мировых войн чрезвычайно важно исследовать эволюцию целей германского империализма, явившегося главным виновником обеих войн. Ленин подчеркивал в 1916 г., что целью германских империалистов был захват колоний, но «вовсе не установление чуженационального господства над французами или русскими»⁸¹. В то время передел колоний и сфер влияния мог быть осуществлен без уничтожения суверенитета и национальной независимости великих держав. Иное дело — вторая мировая война.

Очевидно, ближе других консерваторов подошел к решению проблемы Якобсен. Этот автор видит «новое качество» фашистского империализма в том, что его целями были «не только расширение территорий, захват хозяйственных объектов и гегемония над чужими народами — это было характерно для политики всех империалистических великих держав, но и в конечном итоге окончательное физическое уничтожение «врага» с тем, чтобы осуществить тотальное духовное рабство народа и строительство «нового порядка» в Европе на основе расовых принципов и качественно измененных ценностных понятий». Автор показывает также, что целью фашизма было «мировое господство великогерманской империи»⁸².

Однако в других своих работах историк подчас ограничивает сравнение констатированием второстепенных моментов: экономическая ситуация в Германии 1939 г. была «несколько лучше», чем в 1914 г.⁸³ Отметим специфику фашистской завоевательной программы, Якобсен тем не менее не увидел, что эта специфика создала условия для объединения в рамках единой военной коалиции государств с различными социальными системами. Не замечает автор и другой главной особенности второй мировой войны. Она началась в условиях существования социалистического государства и небывало высокого развития международного освободительного движения, что создавало условия для ее предотвращения, а когда она тем не менее была развязана — для превращения из несправедливой с обеих сторон в справедливую со стороны противников фашистского блока.

Ряд авторов ограничиваются верным по существу констатированием того, что «возникновение, ход и итоги второй мировой войны нельзя понять без изучения первой мировой войны»⁸⁴. Другие сосредоточивают свое внимание на различных частных

⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 82.

⁸¹ Там же. С. 83.

⁸² Цит. по: Hitlerwelle und historische Fakten. Königstein, 1979. S. 78, 79.

⁸³ Jacobsen H.-A. Der Weg. S. 14, 488.

⁸⁴ Franz-Willing G. Der Zweite Weltkrieg. Leoni, 1980. S. 239; см. также: Die Niederlage, die eine Befreiung war. Köln, 1985. S. 153–154.

моментах. По мнению Г. Хольмстена, бывшего сотрудника фашистской службы информации, в Германии 1939 г. не было такого шовинистического угара, как накануне первой мировой войны⁸⁵. Хильдебранд видит отличие фашистского внешнеполитического курса в том, что его основу составляли «антисемитизм, антибольшевизм и доктрина „жизненного пространства“»⁸⁶. Однако все эти весьма разные по своей сути факторы на самом деле в программе фашистов приобрели новое качество.

Интерес к сравнению мировых войн свойствен и исследователям других стран. Такую попытку, хотя и неудачную, сделал на симпозиуме в Штутгарте в 1981 г. Г. Дойч (США). Так, он считает, что в первой мировой войне преобладали будто бы политические и военные цели, а во второй мировой войне — идеологические. «Империалистические и территориальные цели» автор упоминает лишь вскользь, причем делает это настолько нечетко, что читатель остается в неведении, к каким участникам обеих мировых войн это относится⁸⁷.

Несомненно также, что школа Фишера способствовала усилению интереса к научной и политической функциям исторической литературы. Уже первые рецензии на книгу Фишера «Рывок к мировому господству» верно показали, что она «должна служить напоминанием современным политикам» о событиях 1945 г., что «прежде всего относится к восточной политике Германии», что «устранение злого наследия германских политиков должно стать центральной сегодняшней задачей»⁸⁸. Позднее Гайсс на основе изучения истории «германских гегемонистских устремлений» сделает верный вывод о том, что «мир в Европе может быть сохранен лишь в том случае, если ФРГ откажется от посягательств на нынешнее статус-кво»⁸⁹. Автор полагает: новая германская история учит тому, что «на немецкой земле невозможно объединение государственной власти», что «любая попытка воссоздать великую державу неизбежно привела бы к третьей мировой войне»⁹⁰. На самом деле «объединение немцев» на империалистической основе, как об этом до сих пор мыслят определенные круги в ФРГ и за ее пределами, — план, обреченный на провал.

Под влиянием школы Фишера в либеральной историографии возникла группа ученых, объединенных вокруг журнала «Гешихте унд Гезельшафт»⁹¹. В первую очередь к ней необходимо от-

⁸⁵ *Holmsten G. Kriegsalltag 1939–1945 in Deutschland. Düsseldorf, 1982.*

⁸⁶ *Hildebrand K. Deutsche Aussenpolitik 1933–1945. Stuttgart, 1971. S. 83 (2. Aufl. 1980); см. также: Bracher K. D. Die Krise-Europas, 1917–1945. Frankfurt a. M., 1979. S. 256; Handbuch der europäischen Geschichte. Stuttgart, 1979. Bd. 7/1. S. 254–256, 267–268.*

⁸⁷ Цит. по: *Kriegswende Dezember 1941. Koblenz, 1984. S. 234, 263.*

⁸⁸ *BdiP. 1962. H. 7. S. 474; GM. 1962. H. 13. S. 290.*

⁸⁹ *Geiss I. Studien über Geschichte und Geschichtswissenschaft. Frankfurt a. M., 1972. S. 57.*

⁹⁰ *Ibid. См. также: Правда, 1990. 3, 11 февр.*

⁹¹ *Unbewältigte Vergangenheit. S. 314–315. Новая и новейшая история. 1979. № 3. С. 52; 1985. № 3. С. 30–41; Вопр. истории. 1986. № 1. С. 16–17.*

нести Г.-У. Велера и Ю. Кокку⁹². Они пытаются исследовать историю XIX—XX вв. на основе доктрины индустриального общества, обращая преимущественное внимание на социально-экономические проблемы. Во многих трудах профессора всеобщей истории Билефельдского университета Кокки вполне определенно проведены мысли о связи фашизма с капитализмом, прежде всего с «владельцами тяжелой промышленности и банков», об «антидемократической и антилиберальной ориентации значительной части германских правящих слоев»⁹³.

В специальной работе о происхождении фашизма Кокка принимает в принципе верную оценку его природы. «Тезис о том, что германский фашизм явился результатом кризиса капиталистического хозяйства и буржуазного общества и с определенной необходимостью следовал из него, представлен во многих публикациях, особенно марксистских», — отмечает автор. «Правомерность этого тезиса» Кокка подтверждает тем, что кризис 1929 г., «выросший из внутренних противоречий частновладельческой системы, без сомнения, способствовал подъему нацистского движения». Автор обращает внимание на «политическое поведение капиталистов с 1932 г. ... существенно усиливших свое внимание к НСДАП». «Предпринимателями руководил скорее не страх перед КПГ или коммунистической революцией, — подчеркивает Кокка, — а стремление отеснить с помощью Гитлера профсоюзы и парламентаризм...»⁹⁴

Автор сообщает далее, что «в результате нацистской политики 1933—1939 гг. крупнейшие промышленники и их организации — и это весьма характерно — сохраняли самостоятельность в отличие от других (средних и мелких предпринимателей. — Л. М.)». Объясняя это весьма существенное обстоятельство, автор, однако, сводит дело к тому, что НСДАП «нуждалась в экономике... для подготовки войны». Иными словами, Кокка следует известной концепции параллельного существования фашизма и монополий.

Не без некоторых оснований Кокка находит, что в политике фашизма не все можно «объяснить экономическими интересами или стремлением к самосохранению капиталистической системы». Он называет в этой связи «агрессивный натиск» фашизма, который «подчинил себе экономические и политические интересы; «бесчеловечные черты диктатуры»⁹⁵. Но сущность фашистской

⁹² См.: *Wehler H.-U. Bismarck und der Imperialismus*. Köln, 1969; *Idem. Das Deutsche Kaiserreich, 1871—1918*. Göttingen, 1973; *Idem. Nationalitätenpolitik in Jugoslawien*. Göttingen, 1980; *Kocka J. Die Angestellten in der deutschen Geschichte, 1850—1980*. Göttingen, 1981; *Idem. Sozialgeschichte*. Göttingen, 1977; APZ. 1980. Н. 25. С. 3—15; HZ. 1981. Н. 1. С. 39—61. См. также вышедшие под редакцией Кокки книги: *Lederer E. Kapitalismus, Klassenstruktur und Probleme der Demokratie in Deutschland 1910—1940*. Göttingen, 1979; *Feldmann G. D. Vom Weltkrieg zur Weltwirtschaftskrise*. Göttingen, 1984.

⁹³ См. также выступление П. Хюттенбергера на конференции по теме «Структура господства и общество „третьей империи“», организованной Лондонским институтом германской истории (GWU). 1981. Н. 12. С. 740).

⁹⁴ APZ. 1980. Н. 25. С. 3—5.

⁹⁵ *Ibid.* S. 6—7.

формы империализма как раз и составляют крайне агрессивные цели завоевания мирового господства и соответствующие им крайне жесткие средства. Именно таким образом фашизм отразил важные свойства капитализма. Ни одна из названных автором черт фашизма (в первую очередь антисемитизм) не была чем-то инородным по отношению к империализму, хотя некоторые из них и имеют докапиталистическое происхождение. «Империализм,— подчеркивалось на XXVII съезде КПСС,— в силу своей общественной природы постоянно генерирует агрессивную, авантюристическую политику»⁹⁶.

В ряде антибуржуазных элементов идеологии, в меньшей степени «практики» фашизма, Кокка отмечает также известные антимонополистические, антииерархические лозунги, миф «крови и земли». Но весь «антикапитализм» был лишь искусной демагогией, «практика» фашизма вопреки его идеологии отнюдь «не затронула основ частного капитализма»⁹⁷. Кокка сообщает о «двуликости нацистского движения, его одновременной идеологической реакционности и революционности»⁹⁸. При этом он явно смешивает сущность и явление, легко принимая на веру известные догматы фашистской пропаганды. Впрочем, в другой своей работе — «Трегья империя: ряды почти сомкнуты. Какие перспективы открывает исследование повседневной жизни?» — автор не приемлет ложного представления о фашизме как революции⁹⁹.

Пытаясь доказать, что фашизм «нельзя считать исключительно порождением позднего капитализма»¹⁰⁰, автор сообщает, что «фашистские движения победили в Германии и Италии, но не в Англии и США», т. е. странах, где капитализм получил более полное развитие. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов особенности эволюции Германии и других государств, ставших фашистскими. Нужно учитывать и специфику их политического и экономического положения в 20—30-е годы.

Однако автор абсолютизирует эти особенности, пытаясь рассматривать их в отрыве от капиталистического развития стран, в которых победил фашизм. Сам же по себе учет многих действительных черт истории Германии вполне обоснован. Таковы указания на то, что «Германия никогда не пережила успешной буржуазной революции»; что «в индустриальной Германии сохранились феодальные и милитаристские традиции, чрезвычайная власть бюрократии и военных»; что захват власти фашистам «удался лишь после того, как они объединились со старыми правыми, частью консервативной элиты в индустрии, сельском хозяйстве, среди военных и бюрократии». Кокка показывает также

⁹⁶ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 11.

⁹⁷ *Kocka J. Ursachen des Nationalsozialismus // APZ. 1980. N. 25. S. 5.*

⁹⁸ *Ibid. S. 10.*

⁹⁹ *Kocka J. Drittes Reich // Die Zeit. 1983. N 42. S. 30—31.*

¹⁰⁰ *Kocka J. Ursachen des Nationalsozialismus // APZ. 1980. N. 25. S. 6.*

влияние военного поражения Германии в 1918 г., тяжелые репарационные обязательства по Версальскому договору, резкое усиление шовинизма в стране; ослабление рабочего движения в 1929—1933 гг. Верно полагает автор, что захват власти фашистами «ни в коей мере не был единственной возможностью преодолеть кризис»¹⁰¹. Кокка справедливо отмечает, что изучение национальной специфики фашизма требует «комплексного анализа положения дел в различных странах на протяжении длительного времени»¹⁰².

Кокка отверг ложное суждение о будто бы «смежном характере нацизма и социализма». При этом он не ограничивается выяснением их несовместимости в области политической и нравственной. Автор показывает, что фашизм в отличие от социализма «насквозь пронизан расизмом, антисемитизмом, враждебностью к демократии, свободе, прогрессу». Он довольно четко высказывается против «сближения систем, которые резко отличаются друг от друга по социально-экономическим условиям их возникновения, классовому базису, социальным последствиям». Кокка приходит к выводу о «социально-историческом бесплодии» доктрины тоталитаризма. Он считает, что ее адепты «с большим опозданием попадают на удочку нацистской пропаганды», выдававшей фашизм за социализм.

При этом автор подчеркивает, что в фашистской Германии «остались незыблемыми основные принципы капиталистического хозяйства, а социалисты и коммунисты были подвергнуты преследованиям». Подчеркивает он и тот факт, что «коммунисты оказались более стойкими в противоборстве с нацизмом, чем различные либеральные и консервативные течения», и, как следствие этого, «рабочие были подвергнуты влиянию нацистов несравненно в меньшей степени, чем бюргерство, крестьяне и высшие слои». Признавая, что в становлении германского фашизма большую роль сыграл его лидер, Кокка справедливо считает, что «в научном отношении интереснее, а в политическом — разумнее раскрыть те экономические, социальные, политические и культурные структуры и процессы, которые сделали возможным успех» этого лидера. По существу, ученый критикует персонификацию истории¹⁰³.

Однако противопоставляя фашизму социализм, Кокка обнаруживает по меньшей мере непоследовательность. Подчас в самой его концепции прослеживается влияние доктрины, в целом отвергаемой автором. Он явно заблуждается, полагая, что «традиции свободы» будто бы чужды «коммунистическим диктатурам вообще»¹⁰⁴. По существу Кокка отождествляет истинный социализм

¹⁰¹ Ibid. S. 3—9.

¹⁰² Die Zeit. 1983. N 42. S. 31. О выступлении Кокки на XVI Международном конгрессе исторических наук см.: Вопр. истории. 1986. № 1. С. 16; Новая и новейшая история. 1986. № 2. С. 7—8, 14—15.

¹⁰³ См. также: Ruge W. Hitler — ein Einzeltäter? // BdiP. 1983. N. 1.

¹⁰⁴ APZ. 1980. N 25. S. 13—15; см. также изданную под редакцией Кокки кн.: Theorien in der Praxis des Historikers. Göttingen, 1974.

с теми грубейшими отступлениями от принципов социализма, которые связаны со Сталиным и его окружением¹⁰⁵. Следует заметить, что ныне многие последователи доктрины тоталитаризма распространяют ее лишь на историю СССР 30-х — начала 50-х годов¹⁰⁶.

В книге К. Фюльберга-Штольберга недвусмысленно показано, что антикоммунисты и не ставят себе цели научного исследования истории. Они «стремятся просто дискредитировать коммунистическую систему путем отождествления ее с фашизмом». Автор верно показывает, что с прекращением деятельности антифашистской коалиции и началом «холодной войны» доктрина была использована главным образом для нападок на коммунизм, хотя до тех пор она была ориентирована преимущественно против фашизма. Разделяя в принципе эту точку зрения, нельзя согласиться с представлением о том, что «в научной литературе» ФРГ от доктрины «почти отказались, ее влияние сохранилось лишь в учебной и пропагандистской литературе»¹⁰⁷. В действительности антикоммунистически ориентированные историки отнюдь не отказались от нее. Доктрина тоталитаризма, писал Хильдебранд в 1979 г., «и сегодня занимает решающие позиции в исследовании фашизма»¹⁰⁸. Это подтверждает и дискуссия в западногерманской прессе, начавшаяся в 1986 г. В ходе дискуссии спор о месте фашистских преступлений в новейшей истории перерос в обсуждение сущности самого фашизма¹⁰⁹.

Возникновение и развитие либеральных школ новейшего времени связаны с применением ими диалектико-материалистического метода. Так, основные выводы Фишера и его последователей ранее были сделаны историками-марксистами. Можно допустить, что отдельных ученых-немарксистов к этим выводам привела сама логика научного исследования. Но это не меняет дела. В этой связи едва ли правомерно ставить в один ряд два фактора развития буржуазной историографии ФРГ: «влияние марксизма» и «прорыв Фишера»¹¹⁰. Нельзя и преуменьшать гражданское мужество Фишера — он смело шел против течения — и его профессиональное мастерство — он, по крайней мере, на новом гигантском материале подтвердил очень важные для науки выводы.

Школе Фишера свойственны ошибки, обусловленные известной классовой и гносеологической ограниченностью, с ними связано и недостаточное знание трудов представителей марксистской историографии. Так, Фишер и часть его последователей полагают, что германский империализм уже в 1914—1918 гг. преследовал

¹⁰⁵ Правда. 1986. 3 нояб.

¹⁰⁶ Historiker-Streit. München, 1987. S. 292.

¹⁰⁷ Füllberg-Stolberg C. Op. cit. S. 54, 58–60.

¹⁰⁸ Hildebrand K. Das Dritte Reich. S. 124–125; ср.: Beyme K. Op. cit.

S. 12.

¹⁰⁹ Historiker-Streit.

¹¹⁰ Unbewältigte Vergangenheit. S. 314.

цели мирового господства¹⁴¹. Некоторые из авторов школы Фишера ошибочно ограничивают эти цели во второй мировой войне лишь рамками Европы или задачами завоевания «позиций великой державы» среди других таких же держав. Нет единства в оценке ответственности за обе мировые войны. Одни авторы возлагают ее исключительно на одну Германию (Гайсс), не замечая других империалистических государств; иные пишут о значительной вине Германии¹⁴². Егер неверно полагает, что цели кайзеровской Германии были одновременно и оборонительные и захватнические. Эта «неспособная к реформам, неповоротливая империя» была не в состоянии «защищаться от демократических тенденций внутри страны и поэтому прибегла к агрессивной внешней политике»¹⁴³. В принципе нельзя отрицать такой тенденции. Предотвратить революцию посредством агрессии — давно известный прием реакции. Но как совместить тезис автора о порочности кайзеровской империи и утверждение о «защите» (?) ее от «демократических тенденций»? Напомним, что единомышленник Егера Гайсс признает законный характер революции. Можно было бы упрекнуть Егера лишь в некорректном обращении с терминами, если бы не весьма существенный недостаток, который присущ самому Фишеру. Речь идет об известной недооценке им реальных возможностей противников германского империализма и милитаризма в самой стране¹⁴⁴. Слабые моменты в трудах учеников Фишера способствуют консерваторам в их стремлении совместить на приемлемой для них основе новую концепцию со старой; утвердить некую эластичную манеру, допускающую использование некоторых новых фактов и обобщений при сохранении консервативной позиции.

По поводу преемственности в политике германского империализма XIX—XX вв. в литературе буржуазных и социал-демократического направлений 70—80-х годов представлены самые различные точки зрения. Встречаются попытки свести эту серьезную проблему к поверхностному сопоставлению личностей властителей Германии на протяжении нескольких веков. Так, научное приложение к официальному «Дас Парламент» цитирует слова известного немецкого писателя Э. Людвига о фашистском лидере, воспринявшем все отрицательные черты многих германо-прусских монархов: будто бы он «имеет большое сходство с ранними германскими кайзерами... На Барбароссу он похож своей жестокостью, на Генриха V — стремлением к мировому господству, на Генриха VI — привычкой шантажировать. С Сигизмундом его сближает искусство лжи, с Венцелем — антисемитизм. Как и Карл IV, он мстит за плохое детство; как Карлу V, ему свойствен мистицизм. От Фридриха I он перенял страсть к пышному

¹⁴¹ Bericht über die 32. Versammlung deutscher Historiker. S. 114.

¹⁴² Подробнее см.: *Jäger W. Op. cit.*

¹⁴³ См.: *Ibid.* S. 206.

¹⁴⁴ На этот недостаток уже указывали историки ГДР. См.: *Unbewältigte Vergangenheit.* S. 309.

строительству, от Фридриха-Вильгельма I — недостаток образования, от Фридриха Великого — импотенцию»¹¹⁵.

Брахер отмечает, что «вильгельмовская империя подготовила путь фашистской». И далее: «Консервативно-авторитарная система и военная организация Пруссии оказали слишком глубокое влияние на политическое мышление немцев и сделали реально-стью нацизм...»¹¹⁶. По мнению В. Михалки, «30 января 1933 г. не представляло собой радикального разрыва с немецкой внешней политикой предшествующих лет»; «концепция Риббентропа исходила из традиционных целей»¹¹⁷.

Авторы 1-го тома десятитомника «Германская империя и вторая мировая война» верно отмечают милитаристскую традицию в Германии последних 150 лет. Они показывают, что основу агрессивной политики начиная с 1933 г. составляли не только фашистская идея «жизненного пространства», но и жившее с начала столетия в сознании германских элитарных кругов стремление к власти; что «современники германской великодержавной политики» 1914—1918 гг. на рубеже 20—30-х годов «вызвали силы, целью которых была экспансия»; что и в это время «среди большей части населения страны были живы милитаристские традиции вильгельмовской эпохи». Авторы устанавливают «причинные связи» между возникновением второй мировой войны и поражением Ноябрьской революции 1918—1919 гг. и Версальским договором. И это верно, если иметь в виду, что в Германии действительно не был ликвидирован империализм, отличавшийся в данной стране наибольшей реакционностью и агрессивностью¹¹⁸.

В связи с усилением интереса к проблеме преемственности агрессивной политики германского империализма необходимо учитывать весьма развитую в последнее время литературу о Веймарской республике¹¹⁹, а также многочисленные труды о захвате власти фашистами в 1933 г.¹²⁰ Один из них принадлежит перу

¹¹⁵ APZ. 1970. Н. 2. S. 42.

¹¹⁶ Цит. по: 20. Juli 1944. S. 13.

¹¹⁷ Michalka W. Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik. München, 1980. S. 146, 304—305.

¹¹⁸ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 11, 30, 554, 705, 707, 715, 716; Bd. 4. S. 18, 1079—1080; см. также: Schausberger N. Der Griff nach Österreich. München, 1979; Zur Problematik: Preußen und das Reich. Köln, 1984; Krüger P. Die Aussenpolitik der Republik von Weimar. Darmstadt, 1985. S. 555; Niederlage, die eine Befreiung war. S. 25.

¹¹⁹ См.: Овчинникова Л. В. Крах Веймарской республики в буржуазной историографии ФРГ. М., 1983; Die Weimarer Republik. Hanstein, 1980; Köhler H. Geschichte der Weimarer Republik. [West] Berlin, 1981; Kirchheimer O. Von der Weimarer Republik zum Faschismus. Frankfurt a. M., 1981; Die Weimarer Republik. Hamburg, 1983; Gumbel E. J. Verschwörer. Frankfurt a. M., 1984; Kolb E. Op. cit.; Krüger P. Op. cit.; Staatslehre in der Weimarer Republik. Frankfurt a. M., 1985; см. также: Zerstörung und Selbstzerstörung der Demokratie Europa 1918—1938. Stuttgart, 1984; cp. Ruge W. Hitler, Weimarer Republik und «Machtergreifung». Köln, 1983.

¹²⁰ Подробнее см.: Гинцберг Л. И. Современная буржуазная историография об установлении фашистской диктатуры в Германии // Вопр. истории. 1986. № 1; см. также: 1933: Wie die Deutschen Hitler zur Macht verhalfen.

директора института современной истории в Мюнхене М. Брошата. Автор показывает активную роль монополистов в установлении фашистской диктатуры. В книге приведена петиция их представителей президенту республики от 19 ноября 1932 г., призывавшая назначить Гитлера канцлером. Автор критикует поведение Брауна, Зеверинга и других правых лидеров германской социал-демократии, которое способствовало успеху НСДАП. Книга отличается серьезным анализом установления фашистского режима в Германии¹²¹. Некоторые историки обратились к проблеме мирового экономического кризиса. «Падение мирового экономического хозяйства», не без оснований пишут авторы книги «Роль нации в германской истории», было «одной из существенных предпосылок фашистского пути преодоления кризиса» и «крайне националистической агрессивной политики»¹²². В ряде публикаций вопрос о преемственности в германской истории рассматривается весьма широко: не только до, но и после 1933—1945 гг. Многие авторы изучают в свете названной преемственности и развитие самой ФРГ¹²³.

В умеренно-консервативном направлении начиная с рубежа 60—70-х годов проблема преемственности во многом сводится к вопросу о «носителях германской политики войны». Сравнительно полное отражение это получило в 1-м томе десятитомника «Германская империя и вторая мировая война». Его авторы под «носителями» понимают «буржуазно-националистические слои» и «их представителей в министерстве иностранных дел, вермахте, экономике и науке... которые приветствовали милитаризацию». «Разногласия экономических кругов, вермахта и дипломатов с Гитлером, — подчеркивают авторы, — возникли только в 1937 г. и касались лишь темпов вооружения». И далее. «Никто... не оспаривал решения начать войну, насилие само собой подразумевалось». Тезис о «ведущих силах общества» при всей его расплывчатости представляет собой определенный шаг вперед. Однако владельцы крупнейших монополий, чиновники, штатские и военные, дипломаты и ученые в числе ответственных за войну вопреки истине поставлены в книге на одну доску. Авторы не показывают особую ответственность за фашизм и войну наиболее реакционных кругов монополистической буржуазии¹²⁴. Более последовательно

Reinbek, 1983; 1933: *Wie die Republik der Diktatur erlag*. Stuttgart, 1983; *Hitlers Machtergreifung 1933*. München, 1983; *Machtverfall und Machtergreifung*. Hannover, 1983; *Höhne H. Die Machtergreifung*. Reinbek, 1983; *Idem. Mordsache Röhm*. Reinbek, 1984; *Kampflose Kapitulation*. Arbeiterbewegung 1933. Reinbek, 1984 (Rez.: NpL. 1985. Н. 3. S. 517—518).

¹²¹ *Brozgat M. Die Machtergreifung*. München, 1984.

¹²² Die Rolle der Nation in der deutschen Geschichte und Gegenwart. [West] Berlin, 1985. S. 176; см. также: *Die große Krise der 30-er Jahre*. Göttingen, 1985.

¹²³ См., например: *Sozialgeschichte der BRD*. Stuttgart, 1982; HZ. 1984. Bd. 239. Н. 3. S. 603—614.

¹²⁴ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 1. S. 700, 715; см. также: NpL. 1981. Н. 1. S. 44.

и глубоко проблема раскрыта в трудах историков-демократов¹²⁵. Особое место среди «носителей германской политики войны» занимали руководители рейхсвера-вермахта. В 40—50-е годы и в меньшей степени — в последующие крайне консервативные историки и мемуаристы очень многое сделали, чтобы реабилитировать германских генералов и офицеров, совершивших тяжкие военные преступления. Эта тенденция обнаруживается и в новейшей литературе. Так, авторы книги о фельдмаршале Э. Манштейне — Р. Манштейн и Т. Фукс пытаются оправдать сотрудничество генералов с НСДАП их «страхом перед коммунистической революцией»¹²⁶.

Однако ведущие буржуазные специалисты вслед за историками СССР и ГДР ныне констатируют это преступное сотрудничество. Рейхсвер был военной и политической реальностью, его внутривойсковые позиции укрепились. Он пытался извлечь соответствующие уроки из поражения в первой мировой войне. В нем усиливались великодержавные устремления. Военно-политическая доктрина Грёнера соответствовала интересам всех реакционных сил. Республика под руководством Шляйхера, опиравшегося на доверие Гинденбурга¹²⁷, превращалась в милитаристское государство¹²⁸.

В 1-м томе десятитомника раскрывается роль армии в подготовке войны. В. Дайст показал, как с приходом фашистов к власти небольшая армия, численность и вооружение которой были сильно ограничены в Версале, превратилась в многомиллионный вермахт, вооруженный по последнему слову техники. Вопреки известным крайне консервативным утверждениям о «миролюбии» генералитета, автор подчеркнул, что ему были предоставлены широкие полномочия, что «постоянные старания» генералов В. Фрича и Л. Бека «ускоряли германское вооружение». В этой же связи Й. Дюльффер пишет о кумире консерваторов ФРГ: «Именно Бек уже в 1935 г. выступил за усиление темпов вооружения, ссылаясь на обострение внешнеполитической ситуации». На самом деле, справедливо полагает автор, напряженность как раз и возникла вследствие германского вооружения. Вопреки известному тезису об авантюризме одного лишь Гитлера и высокой квалификации генералитета Дайст верно считает, что «оперативное планирование вермахта полностью соответствовало ошибочным расчетам Гитлера». И далее. «Уже на раннем этапе и в военном руководстве место профессионального осмысления заняли догматы веры». Иными словами, автор правильно отмечает, что

---

¹²⁵ Bartsch M., Schebesch H.-F., Scheppelmann O. O. Der Krieg im Osten 1941—1945. Köln, 1981. S. 12, 20—23.

¹²⁶ Manstein R., Fuchs Th. Manstein. Soldat im 20. Jahrhundert. München, 1981.

¹²⁷ П. Гинденбург, В. Грёнер и К. Шляйхер — генералы, политические деятели Веймарской республики.

¹²⁸ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 705.

классово обусловленный авантюризм был общим пороком Гитлера и генералов. В научном и политическом отношении заслуживает внимания наблюдение, сделанное Дюльффером на основе материалов работы Дайста. По его мнению, «недостаточно полная оценка возможных намерений и мероприятий» фашистского вермахта со стороны его вероятных противников «оказалась исторически чрезвычайно действенной в развязывании и ведении им второй мировой войны»¹²⁹.

М. Мессершмидт и Ю. Фёрстер сравнительно объективно показали фактическое единство большинства офицеров и НСДАП в их «мировоззренческой войне» против Советского Союза. Эти офицеры полагали, что «государство Ленина представляло угрозу для германского господства над Европой». Они были согласны с Гитлером в том, что «будущее немецкого народа зависит» от захвата «жизненного пространства на Востоке»; разделяли и другой вымысел — о «превентивном» характере нападения на СССР. Опубликовано известное соглашение генерального штаба, армии и руководства СС о совместных действиях по уничтожению советского населения¹³⁰.

Важное значение для понимания немарксистской литературы имеет отношение ее представителей к вопросу о роли монополий в новейшей истории Германии вообще, в становлении и развитии фашизма в особенности. Этот вопрос имеет и политическое значение. Известно, насколько велика роль военно-промышленного комплекса в современном мире капитализма. Впервые применивший термин «военно-промышленный комплекс» американский генерал периода войны, впоследствии президент США Д. Эйзенхауэр с полным основанием призывал остерегаться катастрофического потенциала, которым располагает комплекс, грозных последствий сочетания огромного государственного военного ведомства и промышленности средств уничтожения.

В советской литературе есть мнение об игнорировании подавляющим большинством историков ФРГ вопроса о монополиях начиная с первых послевоенных лет¹³¹. Дело, однако, обстоит не совсем так. В первые годы после окончания войны в общественном мнении ФРГ преобладали антимонополистические настроения. Это отражалось и в исторической литературе. По мнению автора «Политической истории Федеративной республики» Г. К. Руппа, «на антимонополистических позициях стояли все политические направления от ХДС до КПП». Они понимали «тя-

---

¹²⁹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 412, 437, 529, 708; NpL. 1981. Н. 1. S. 46; см. также: *Geyer M. Aufrüstung oder Sicherheit.* Wiesbaden, 1980.

¹³⁰ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 18–25, 446–447; см. также: *Das Dritte Reich.* Hannover, 1983. S. 192. Подробнее об агрессивных целях германского фашизма в Восточной Европе см.: *Исторические записки. М., 1986. Т. 113. С. 271–272.*

¹³¹ См. например: *Вопр. истории. 1981. № 3. С. 75; Вторая мировая война: Итоги и уроки. М., 1985. С. 377; Вопр. истории. 1987. № 12. С. 144.*

железую историческую вину германских крупных промышленников», которые финансировали захват власти фашистами¹³².

В буржуазной литературе США, Англии, Франции нет табу на освещение этого вопроса. Там многие констатируют активную роль крупных германских промышленников и в установлении фашистской диктатуры, и в развязывании второй мировой войны¹³³. Сыграли роль известные суды над германскими промышленниками, осуществленные американской военной администрацией в Германии вскоре после Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками. Характерно, что многие исследователи опирались на материалы этих процессов.

В годы «холодной войны» и реставрации господства финансового капитала в Западной Германии в консервативной историографии под эгидой Риттера была принята формула умолчания или тактика прямых атак против научного тезиса о преступной роли монополий. Однако уже на рубеже 50–60-х годов появились признаки отказа от этих фальсификаций. В 1969 г. отмечалось, что почти все ведущие исследователи умеренно-консервативного направления в той или иной степени отказались от умолчания или открытого отрицания роли монополий в установлении фашистской диктатуры и развязывании войны¹³⁴. Часть же умеренных консерваторов продолжала придерживаться старой позиции. Якобсен, например, и в 1968 г. в книге о внешней политике фашистской Германии отрицал тезис об ответственности монополий¹³⁵. Это отмечали и демократические историки ФРГ¹³⁶.

В 70–80-е годы роль монополии в подготовке второй мировой войны стала предметом специальных изысканий¹³⁷. Этой проблемой интересуются многие исследовательские центры, среди них — Институт германской истории в Лондоне¹³⁸. Эта проблема занимает видное место в общих трудах умеренно-консервативного

---

¹³² Rupp H. K. Politische Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart, 1978. S. 11; см. также: Цислак В. Освободительная миссия Советского Союза // Коммунист. 1985. № 15. С. 80–82.

¹³³ См., например: Manchester W. Krupp. München, 1968; Боркин Д. Преступление и наказание «ИГ Фарбениндусти». М., 1982; Хайэм Ч. Торговля с врагом. М., 1985.

¹³⁴ Мерцалов А. Н. Западногерманские консервативные историки и мемуаристы о второй мировой войне // Вопр. истории. 1969. № 11. С. 83; см. также: Лоцек Г., Риллер Р. К критике основных буржуазных теорий фашизма // Ежегодник германской истории. 1980. М., 1982.

¹³⁵ Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Aussenpolitik, 1933–1938. Frankfurt a. M., 1968. S. 598.

¹³⁶ См., например: Halfmann D. Der Anteil der Industrie und Banken an der faschistischen Innenpolitik. Köln, 1974. S. 43.

¹³⁷ См., например: Neebe R. Großindustrie, Staat und NSDAP, 1930–1933. Göttingen, 1981; Trumpp T. Zur Finanzierung der NSDAP durch die deutsche Großindustrie // GWU. 1981. Н. 1; Ruppert W. Die Fabrik. München, 1983; Wengst U. Großindustrie und Nachtergreifung // Politische Studien. 1983. N 267; Turner H. A. Big Business and der Aufstieg Hitlers. [West] Berlin, 1985; VfZ. 1985. Н. 2. S. 310–338.

¹³⁸ Подробнее см.: GWU. 1981. Н. 12: Der «Führerstaat». S. 73–96.

направления. Такова книга «Гитлер, Германия и державы»¹³⁹, в которой собраны работы многих крупнейших специалистов из ФРГ и других стран Запада. В главе «Политика, хозяйство и вооружение при нацизме» Фолькманн утверждает, что «нацистский режим не был назначен германским капиталом в целях расширения экономической базы путем фашистских агрессий и территориальной экспансии... В данном случае можно говорить лишь о том, что ведущие германские хозяйственные круги поставили себя на службу насильственным стремлениям германского фашистского правительства, чтобы тем самым создать в значительной мере независимое от мировой экономической конъюнктуры замкнутое европейское экономическое пространство и реализовать автаркию в полном смысле этого слова»¹⁴⁰. Автор полемизирует с действительно догматическим тезисом о «назначении» Гитлера капиталом¹⁴¹. Ход рассуждений Фолькманна обнаруживает, однако, неудачную попытку реабилитировать монополии. Разве монополии просто «служили», разве «автаркия», созданная в интересах «германских хозяйственных кругов» «насильственными» средствами, не равносильна «агрессии и экспансии», к которым монополии будто бы не причастны?

Другой соавтор сборника — Хильдебранд, отнюдь не отказываясь от многих консервативных стереотипов в оценке фашизма, констатирует, что «хозяйственным интересам отдельных концернов, например, „ИГ Фарбениндустри“»¹⁴² в определенной степени соответствовала динамика гитлеровского экспансионизма». К сожалению, автор не показывает, как велико было число таких концернов, были ли в Германии вообще такие монополистические объединения, которые не поддерживали фашизм и тем более выступали против него¹⁴³. Автор с полным основанием отмечает далее «непрямую», хотя и «логическую» связь между названной «динамикой» и Освенцимом. Он сообщает о «разногласиях», возникших между Гитлером и Шахтом, а также другими представителями финансового капитала, еще до начала войны по поводу предстоявших агрессий и экономической экспансии, в том числе и планируемых насильственных переселений и геноцида на Во-

---

¹³⁹ Hitler, Deutschland und die Mächte. Düsseldorf, 1976 (2. Aufl. 1978). В этой связи мы не можем разделить весьма категорические утверждения, например, о том, что буржуазные историки единодушны в полном отрицании представления о фашизме «как кровавой диктатуре наиболее реакционных кругов финансового капитала» (Бланк А. С. Неонацизм — реваншизм. С. 56).

¹⁴⁰ Hitler, Deutschland und die Mächte. S. 290—291.

¹⁴¹ См., например: История второй мировой войны. 1939—1945. М., 1973. Т. 1. С. 118—120; ср.: Самсонов А. М. Объективность и тенденциозность в освещении событий второй мировой войны // Вторая мировая война: Общие проблемы. М., 1966. С. 265.

¹⁴² Подробнее см.: Боркин Дж. Указ. соч.

¹⁴³ Подробнее о преступной деятельности фактически всех крупных германских концернов во время минувшей войны см.: Анатомия войны. М., 1971; Анатомия агрессии. М., 1975.

стоке. Автор отмечает, что «разногласия» касались лишь «формы» будущих акций¹⁴⁴.

Нельзя разделить замечания Ш. Блоха, автора одной из глав сборника, о «ликвидации Гитлером автономии хозяйства»¹⁴⁵. Правда, автор относит «ликвидацию» только к позднему периоду «третьей империи». Должен быть отвергнут и тезис о монополиях как «инструменте в руках Гитлера». Тем более что в эту схему явно не укладывается даже тот материал, который приведен самим Блохом. Он сообщает, в частности, что между Герингом как уполномоченным по четырехлетнему плану (автор с полным основанием называет этот план «прямым средством вооружения») и промышленниками сохранялись «хорошие отношения», «полное взаимопонимание». Вооружение обеспечивало «более высокие прибыли, чем прежде». Ссылаясь на «ИГ Фарбениндустри», автор заключает: «Во всяком случае нельзя говорить о полном лишении крупной индустрии политической власти». Лишь немногие из господствующей элиты составили «принципиальную оппозицию» Гитлеру (Бек и Гёрделер), хотя «все яснее становилось, что его фанатизм, жажда власти и завоеваний становятся источником все больших преступлений...». Блох объясняет это не только страхом элиты перед репрессиями, но и ее «национализмом»¹⁴⁶.

Яacobсен сделал шаги в сторону научного решения вопроса о связи фашизма с «поздним капитализмом», но не освободился от груза традиций. В книге «Путь к разделу мира» он отмечает, что фашистские державы «несомненно, стремились переделить источники сырья и жизненное пространство... Их цели в конечном счете были формой выражения позднеимпериалистической политики силы». Автор принимает тезис о том, что содержание политики Японии, Германии, Италии в первую очередь составляла экспансия (как и в период классического империализма), причем вследствие не только «избытка капитала, людей и товаров, но и политической депрессии, экономического кризиса и обеднения». Он пишет об «экономической эксплуатации» как одной из главных целей фашизма в Восточной Европе; отмечает, что в «строительстве великого экономического региона... во время войны все возрастающих масштабах активно участвовала ради эксплуатации и собственной выгоды большая часть германской индустрии». Автор публикует иллюстрирующее эту мысль сообщение германской имперской группы «Индустрия» о заседании ее внешнеторговой комиссии 8 ноября 1941 г. Но здесь же Яacobсен возвращается к своим старым утверждениям о расистских догмах, которые будто бы «в первую очередь» составляли основу «нового

---

¹⁴⁴ Hitler, Deutschland und die Mächte. S. 92.

¹⁴⁵ Критику тезиса см.: *Gerns D. Gemeinsamkeiten und Widersprüche zwischen Monopolkapital und Nazistaat am Beispiel der Auseinandersetzungen um die Gründung der Reichswerke «Germann Göring» // Marxistische Studien. 1985. S. 146.*

¹⁴⁶ Hitler, Deutschland und die Mächte. S. 215, 219, 221.

устройства Европы». Расистские догмы фашистов было бы ошибочно сбрасывать со счетов, но не меньшей ошибкой было бы считать их «основой» их программы и практики. Эволюцию его взглядов нельзя считать устойчивой¹⁴⁷.

Весьма противоречива позиция авторов десятитомника, в первую очередь Фолькманна. Он верно полагает, что, хотя «в предвоенное время предпринимательская инициатива в Германии и сокращалась» — вследствие усиления государственно-монополистических тенденций это было вполне естественным, — она сократилась «лишь частично». «В то же время росло политико-экономическое влияние крупных предпринимателей, — пишет Фолькманн. — Особенно это характерно для большой химии, во главе которой стоял „ИГ Фарбениндустри“». Автор приводит заимствованное им из марксистско-ленинской историографии одно существенное обобщение. Сообщая о «замещении важных, если не важнейших постов в государственных хозяйственно-политических ведомствах многочисленными представителями промышленного капитала», он называет в этой связи владельца машиностроительных заводов Плейгера, текстильного фабриканта Керля, директора «ИГ Фарбениндустри» Крауха¹⁴⁸. В целом, однако, Фолькманн, и это отмечает Дюльффер¹⁴⁹, при освещении экономических мотивов военных решений германо-фашистского руководства недооценивает влияние монополистического капитала на формирование фашистской экспансионистской политики.

Авторам 1-го тома десятитомника «Германская империя и вторая мировая война» свойственно преимущественное внимание к специальным вопросам военной экономики и военного строительства в Германии 1933—1939 гг., при этом многие принципиальные социально-экономические факторы остаются в тени или просто игнорируются. Они констатируют, например, «взаимное согласие вермахта, партии и экономики», характеризуют «отношения между носителями власти» как «пакт большого бизнеса, рейхсвера и нацизма»¹⁵⁰. Но отказ от анализа социальной сущности «пакта» не позволяет этим историкам твердо встать на научные позиции, тем более что, по их мнению, по мере укрепления режима, усиления репрессивного аппарата и расширения агрессии «политика взаимных уступок» внутри «пакта» сменялась насилием со стороны партии. В этом труде по существу доминируют известные концепции «параллельного существования» трех участников «пакта», «экономики под принуждением»¹⁵¹.

Более рельефно, чем в самом 1-м томе, это выступает в рецензии на него. Автор рецензии В. Бредов считает, что в книге

---

¹⁴⁷ Jacobsen H.-A. Der Weg zur Teilung der Welt. Koblenz, 1978. S. 15, 230, 280.

¹⁴⁸ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 285—287.

¹⁴⁹ NpL. 1981. H. 1. S. 45.

¹⁵⁰ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 210, 701.

¹⁵¹ Освещение историками-марксистами названных концепций см., в частности: Unbewältigte Vergangenheit. S. 334—345.

«зрело исследован... процесс сближения кругов индустрии с нацистской партией». Однако это «сближение» он ограничивает глубоко технической стороной дела. «Все более тесное соединение индустрии и военных в авиации,— полагает автор,— ни в коей мере не было специфичным для немецкого вооружения, это характерно для всех стран вплоть до наших дней»¹⁵². Кардинальные же вопросы, в первую очередь о классовой основе этих «сближений» и «соединений», остаются без ответа. Между тем ряд немарксистских исследователей освещает эту проблему более объективно¹⁵³.

Один из авторов книги «Нацистская внешняя политика» — В. Карр констатирует, что военные заказы гарантировали крупной индустрии «высокие прибыли», что «тесно связанные с вооружением вермахта» концерны Маннесманна, «Герман Геринг», «ИГ Фарбениндустри», ведущие банки, особенно Дрезденский и Немецкий, «развивали свои собственные экспансионистские планы». На рубеже 20—30-х годов «значительная часть крупной буржуазии обратилась к идее создания экономической монополии в Центральной и Юго-Восточной Европе». К сожалению, автор не сумел подняться до понимания органической связи между фашизмом и крайне империалистическими кругами монополистической буржуазии. Карр вводит понятие «экономический империализм» концернов и банков, который, по его мнению, сам по себе «не привел бы к войне» и лишь в союзе с «империализмом нацистов представлял особо взрывоопасную силу»¹⁵⁴.

Карр следует концепции параллельного существования фашизма и монополий. Эта концепция, несомненно, содержит рациональное зерно, но в целом не дает еще полного знания. Методологически близко к ней освещение сотрудничества фашистов и монополистов в духе известной сказки о волшебнике, выпустившем злого джинна из бутылки и потерявшем контроль над ним. Эта идея не нова. Она была высказана Эрдманном еще в 60-е годы¹⁵⁵. Сегодня мы встречаем ее у либерального историка Янссена: «ведущие буржуазно-консервативные круги» Германии, предоставив власть Гитлеру, «выпустили джинна из бутылки и сами оказались в плену его демонической силы». Заметим, что «нравственное разложение» этих слоев отнюдь не вызывает сомнения у автора¹⁵⁶.

Весьма распространен тезис о своеобразном разделении функций, будто бы существовавшим между НСДАП, с одной стороны, и сотрудничавшими с ней монополистами, дипломатами, чиновни-

¹⁵² AfS. 1980. S. 560—565.

¹⁵³ См., например: APZ. 1975. N 9; 1980. N 25. S. 3—5; Bayern in der NS-Zeit. München, 1977—1983. Bd. 1—6; см. также: Schreiber P. W. IG-Farben — die unschuldigen Kriegsplaner. Stuttgart, 1978; Seebold G.-H. Ein Stahlkonzern im Dritten Reich. Wuppertal, 1981; Brzoska M. et al. Das Geschäft mit dem Tod. Frankfurt a. M., 1982.

¹⁵⁴ Nationalsozialistische Außenpolitik. Darmstadt, 1978. S. 444.

¹⁵⁵ Erdmann K.-D. Die Zeit der Weltkriege. Stuttgart, 1961. S. 190—192.

¹⁵⁶ Цит. по: Die Zeit. 1979. 16. Nov. S. 23.

ками, генералами, деятелями искусства и т. д. — с другой. Согласно такой версии, даже один из самых приближенных к Гитлеру убежденных фашистов — А. Шпеер, министр военной экономики, выступает в виде простого исполнителя поручений фюрера. Призванием же всей жизни Шпеера будто бы была и осталась архитектура¹⁵⁷. Тезис о монополистах, далеких от политики, имеет распространение и в историографии и других стран Запада. Так, английский ученый А. Милуард утверждает, что, кроме СССР, во всех странах — участниках войны «широко привлекались к управлению хозяйством предприниматели, но сугубо в специальных целях»¹⁵⁸. Утверждения эти основываются на полуправде. Объективно они служат реабилитации тех лиц в Германии, кто сознательно и активно сотрудничал с фашистами во имя общих с ними целей, и в конечном счете ведут к оправданию агрессивных устремлений империализма.

В одном из недавних западногерманских изданий мы читаем: «деньги Круппа не объясняют ни агрессивность Гитлера, ни газовых камер», «расизм — вот в чем суть нацизма»¹⁵⁹. В целом в этой литературе более или менее последовательно отмечается преступная роль монополий, что, как правило, сопровождается теми или иными оговорками, естественно снижающими, но не перечеркивающими определенного положительного значения новой тенденции.

Более последовательно освещается проблема ответственности монополии в литературе либерального и демократического направлений. Либеральный историк А. Кун в статье о советско-германских отношениях книги «Гитлер, Германия и державы» подчеркивает, что агрессивная политика Германии была поддержана не только фашистской партией, она была «санкционирована определенными общественными группами», что «промышленники, группировавшиеся вокруг Я. Шахта, позднее — вокруг Геринга, носились с идеями германской экономической гегемонии над Центральной и Восточной Европой»¹⁶⁰. В книге Д. Хальфманна «Роль индустрии и банков в фашистской внутренней политике» показано, что крупные стальные, электротехнические, химические монополии определяли главные направления вооружения «третьей империи» и руководили осуществлением программы вооружения¹⁶¹.

В книге К. Мегерле «Захват власти нацистами» довольно объективно показаны их тесные связи с «традиционной руководящей элитой Веймарской республики». В специальном разделе «Роль индустрии в захвате власти» отмечено влияние Круппа и других крупнейших «представителей промышленности, торговли и сельского хозяйства» на решение президента Гинденбурга передать

¹⁵⁷ *Speer A. Erinnerungen. Frankfurt a. M., 1969. S. 213, 227.*

¹⁵⁸ *Milward A. S. Der Zweite Weltkrieg. München, 1977. S. 376–377.*

¹⁵⁹ *Aspekte zu Deutschland heute. Bonn, 1980. S. 55.*

¹⁶⁰ *Hitler, Deutschland und die Mächte. S. 640, 643.*

¹⁶¹ *Halfmann D. Op. cit. S. 43.*

власть НСДАП. Главное внимание автора уделено внутривнутриполитическим целям фашистов и их покровителей. Книга подтверждает выводы о капиталистическом характере фашизма и его внешней политики. По мнению автора, введение в научный оборот «многочисленных новых материалов архивов фирм» способствует решению вопроса «об особой ответственности индустрии за разрушение республики, захват и укрепление власти» фашистами¹⁶².

Кюнль в статье о литературе по истории фашизма приходит к обоснованным выводам о том, что «соотношение между социально-экономическими интересами, политическими инстанциями и идеологическими формами (в фашистской Германии.— Л. М.) вызывает растущий интерес» в буржуазной историографии ФРГ, хотя этот интерес и ограничивается иногда исследованием лишь локальной истории, отдельных слоев и групп. Автор подчеркивает, что наряду с этим персонификация, по его терминологии «персоналистская точка зрения», отнюдь не сошла со сцены. Осталась также тенденция к «сокрытию реальных социальных сил, которые содействовали фашизму и определяли его политику». Характерна в этой связи критика автором трудов ученика Хильгрубера Е. Тиса о целях внешней политики Германии. Отметим «убедительное подтверждение» Тисом факта стремления фашизма к мировому господству, принятие им тезиса о завоевании СССР как «ключе к решению всех социальных, экономических, мировоззренческих проблем», а также об «увеличивающемся с каждым годом обширном обличительном материале об участии большой экономики и партии в захватнической политике», Кюнль показывает, что вопреки этому Тис стремится противопоставить «программу Гитлера» интересам господствующих классов¹⁶³.

Преступная роль монополий показана также в книге М. Бурке-Вайт «Германия: Апрель 1945». Автор пишет о «готовности промышленников Рейна, Рура, Саара служить Гитлеру», об их «общей заинтересованности» друг в друге. Без участия промышленников «не было бы ни „третьей империи“, ни Гитлера». «Крупные, Стайнесы и им подобные... позволили фашистам прийти к власти, они обогащались за счет рабского труда», играли «ведущую роль» в системе концлагерей. В то же время автор ошибочно возлагает ответственность за становление фашизма «в равной степени и на вермахт, чиновников, немцев вообще», утверждает, что индустрия будто бы «не имела собственного политического веса»¹⁶⁴.

В литературе получила подтверждение давно установленная в документах коммунистических партий 20—30-х годов истина:

¹⁶² Megerle K. Die nationalsozialistische Machtergreifung. [West] Berlin, 1982. S. 291—293.

¹⁶³ NpL. 1983. H. 1. S. 75, 189, 192; Thies J. Architekt der Weltherrschaft. Düsseldorf, 1980. S. 192.

¹⁶⁴ Bourke-White M. Deutschland: April 1945. München, 1979. S. 17—19, 92, 114; см. также: Hörster-Phillips U. Im Schatten des grossen Geldes. Köln, 1985.

«Фашизм — это война»¹⁶⁵. Практика показала, что фашизму по самой его природе свойственна война, что без нее он не может существовать. «Война и уничтожение составляли закон развития нацизма», — пишет Дюльффер. «Применение военной силы было естественным путем» осуществления внешнеполитической программы фашизма, отмечает Янссен¹⁶⁶. Некоторые историки приводят соответствующие суждения Гитлера, которые отнюдь нельзя воспринимать лишь как сугубо пропагандистские. Скорее это программа НСДАП: «война — всегда и везде», «война — это жизнь, это самое естественное и самое обыденное», «это то, что не имеет начала и не будет иметь мирного конца»¹⁶⁷.

Очевидно, из всех работ умеренных консерваторов наиболее полно эта мысль проведена в 1-м томе десятитомника «Германская империя и вторая мировая война». Многими его авторами подчеркнуто, что «германская политика с 1933 г. была ориентирована на войну», что эта «генеральная линия» определяла все решения и действия диктатуры¹⁶⁸. Авторы более или менее последовательно раскрывают истоки милитаристской идеологии, показывают «пропагандистскую мобилизацию» населения на войну, «идеологическую унификацию» государства и общества, роль вермахта в психологической подготовке войны, внутреннюю политику, поставленную «на службу подготовки войны». Один из главных выводов В. Ветте гласит: «В идеологии и политической практике германского фашизма насилие играло настолько значительную роль, что и после его поражения в 1945 г. во всех языках понятие „фашизм“ и „насилие“ остались тождественными»¹⁶⁹. Впрочем, есть и отступления от этой общей правильной линии. Отметим, в частности, утверждение одного из авторов, М. Мессершмидта, о том, что Гитлер делал якобы ставку на «миссионерскую деятельность людей высшей расы, которая должна была охватить весь мир»¹⁷⁰.

С полным основанием отмечают авторы тома, что «военные цели фашизма не ограничивались «пересмотром» Версальского договора»¹⁷¹. Этот вывод был обоснован в документах коммунистических партий, марксистской литературе 30-х годов. Во многих трудах историков ФРГ также показано, что «ревизия Версаля» была лишь «транзитным пунктом». Якобсен отвергает тезис о «мирном» периоде в развитии фашизма: «Несомненно, это ложь, что нацистская внешняя политика 1933—1939 гг. делилась на периоды ревизии (версальских ограничений для Германии.— Л. М.) и экспансии (1933—1937 и 1938—1939 гг.). Напротив,

¹⁶⁵ Подробнее см.: Die Berner Konferenz der KPD. В., 1974.

¹⁶⁶ Цит. по: NpL. 1981. Н. 1. С. 42; см. также: Stimmen der Zeit. 1983. N 5. S. 3.

¹⁶⁷ Цит. по: Rings W. Leben mit dem Feind. München, 1979. S. 37—38.

¹⁶⁸ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 539, 708, 712, 716.

¹⁶⁹ Ibid. S. 31.

¹⁷⁰ Ibid. S. 542.

¹⁷¹ Ibid. S. 715.

речь идет о том, что до 1937 г. была фаза скрытой подготовки агрессии, с 1938 г. началась фаза открытой экспансии средствами угрозы применения силы и развязывания войны в 1939 г.». Автор отвергает попытки фашистов и неофашистов представить внешнюю политику Германии 1939—1945 гг. в виде «революционных», «справедливых», «оборонительных» войн. «Крестовый поход против большевизма» «также был в первую очередь вывеской, используемой в пропагандистских целях»¹⁷².

Исследователи полагают, что «размах и собственная динамика вооружения формировали внешне- и внутривнутриполитическое развитие Германии 1933—1939 гг. в гораздо большей степени, чем это предполагалось до сих пор, что вся экономика страны развивалась под знаком подготовки к войне», что «слишком большие инвестиции» в экономику вооружения сами по себе вели к войне. В книге показано, что фашистские лидеры видели во внешних захватах единственный выход из «перманентного перенапряжения экономики»¹⁷³. Обосновывая в речи перед главнокомандующими вермахта 22 августа 1939 г. предстоящее нападение на Польшу, Гитлер «не в последнюю очередь» ссылался на «безнадежное состояние экономики, которое не оставляло империи другого выбора». Эту мысль принял М. Гейер. Он показал, что ответственным лицам в Германии уже в 1935—1936 гг. было ясно, что перед страной вскоре откроется альтернатива: или кризис хозяйственной и государственной системы, или она будет искать выход в войне¹⁷⁴.

Хилльгрубер и Хильдебранд также считают, что одним из побудительных мотивов развязывания войны в 1939 г. было понимание того непреложного факта, что в начатой ею гонке вооружения Германия исчерпала все свои возможности и вскоре безнадежно отстанет от своих потенциальных противников¹⁷⁵. Этот вывод разделяет и Янссен. «Безудержно-авантюристическая гонка вооружений очень скоро истощила экономические возможности империи,— констатирует он.— Нехватка рабочей силы, узость сырьевой базы уже в 1938 г. не оставили руководству другого выбора, как скорейшее расширение сферы господства империи»¹⁷⁶.

«Планирование вооружения,— пишет Дайст,— определялось задачами подготовки агрессии», а не стремлением «достичь равной безопасности», как утверждали пропаганда и дипломатия. «Германское вооружение привело в 1933—1939 гг. к радикальному и быстрому изменению в соотношении сил в Европе»; «готовый к нападению вермахт превосходил все европейские армии»,

¹⁷² Подробнее см.: Hitlerwelle und historische Fakten. S. 76—79.

¹⁷³ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 697, 701, 708, 711, 712.

¹⁷⁴ Ibid. S. 697, 712; Geyer M. Aufrüstung. S. 498.

¹⁷⁵ Hillgruber A., Hildebrand K. Kalkül zwischen Macht und Ideologie. S. 22; см. также: NpL. 1981. Н. 1. S. 49. Ср.: Европа в международных отношениях, 1917—1939. М., 1979. С. 376.

¹⁷⁶ Die Zeit. 1979. 16. Nov. S. 23.

подчеркивает автор, имея в виду Западную Европу¹⁷⁷. Фолькманн показывает, что «устранение безработицы в Германии осуществлялось не на здоровой мирной конъюнктуре», а с помощью государственных мероприятий, прямо или косвенно направленных на вооружение. И далее: «Кто выделяет в развитии нацистской политики период создания рабочих мест и лишь впоследствии — период вооружения, тот не понимает связи между политикой и экономикой в „третьей империи“»¹⁷⁸. В книге О. Фримерта «Производственная эстетика в фашистское время» затронута весьма важная сторона проблемы. Автор показывает, что война была естественным условием существования фашизма, она «освобождала фашистов от лавирования в отношениях с рабочими, война и военное право вполне удовлетворяли претензии господствующих кругов»¹⁷⁹.

В новейшей литературе о фашизме усилилось внимание к специфике его национальных форм¹⁸⁰. Это вызвано не только повышением профессионального уровня историографии, но и интересами политической борьбы с экстремизмом. Якобсен сводит названную специфику к «основательно отличавшимся друг от друга политическим системам Германии, Италии, Японии», в конечном счете к вопросу о том, кто персонально осуществлял политику в этих странах. В Европе, по его мнению, экспансию проводили «в первую очередь беспокойные диктаторы с их специфическими руководящими элитами, развязавшими войну против воли многих генералов», в Японии — воинствующий армейский генералитет, выступавший против руководства морского флота и министерства иностранных дел. Автор преувеличивает степень разногласий внутри японской правящей верхушки. И главное. Он оказался не в состоянии раскрыть то принципиально важное, что обложало агрессивные «политические системы», т. е. свойственный им всем государственно-монополистический капитализм, империализм в его крайних проявлениях. Автор лишь туманно упоминает некие «могущие быть доказанными параллели» или называет эти страны «неимущими», подразумевая их опоздание в разделе мира¹⁸¹. В отличие от Якобсена Т. Шидер пытается

¹⁷⁷ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 436, 529, 611.

¹⁷⁸ Ibid. S. 244; см. также: Grube F., Richter G. Alltag im Dritten Reich. Hamburg, 1982. S. 6, 14. По выражению Генриха Бёлля, работой, которую получили германские безработные, «была война». См.: Лит. газ. 1985. 18 сент.

¹⁷⁹ Friemert C. Produktionsästhetik im Faschismus. München, 1980. S. 9; см. также: Das Dritte Reich. Hannover, 1983. S. 14, 132; Machtbewußtsein in Deutschland am Vorabend des Zweiten Weltkrieges. Paderborn, 1984.

¹⁸⁰ См., например: Neulen H. W. Europafaschismus und der Zweite Weltkrieg. München, 1980; VfZ. 1981. H. 1. S. 48–73; Europa unterm Hakenkreuz. Köln, 1982; Faschismus als soziale Bewegung. Göttingen, 1983; Wippermann W. Europäischer Faschismus; Der italienische Faschismus. München, 1983; VfZ. 1984. H. 3. S. 370; Rafalski T. Italienischer Faschismus in der Weltwirtschaftskrise. Opladen, 1984. См. также: История фашизма в Западной Европе. С. 384, 388–389.

¹⁸¹ Jacobsen H.-A. Der Weg. S. 14.

учесть специфику фашизма в аграрных странах (Венгрия, Испания, Румыния), аграрно-индустриальных (Италия) и индустриальных (Германия), однако делает это весьма непоследовательно, тем более что ставит под сомнение правомерность самого понятия «фашизм»¹⁸².

Историки ГДР подчеркивают, что сравнительный анализ фашизма в различных странах в первую очередь должен учитывать «уровень развития капиталистических производственных отношений, а также зависимость этих государств от германского империализма»¹⁸³. Однако, на наш взгляд, этого недостаточно. На самом деле, как верно считал Г. С. Филатов, в Германии «фашизм обрел самую совершенную форму»¹⁸⁴, и это, несомненно, связано с тем, что в этой стране был наиболее высокий уровень развития капитализма. Но приведенная схема не объясняет того факта, что высокий уровень был свойствен не только германскому капитализму. Специфику фашизма нельзя исследовать вне анализа особенностей империализма в различных странах.

Так, выясняя агрессивность германского империализма, В. И. Ленин отмечал определенное запоздание в его развитии¹⁸⁵. Отставание Германии проявилось и в том, что в стране сохранили сильное влияние в экономике, политике, идеологии докапиталистические силы, буржуазно-демократические же традиции в отличие от США, Англии, Франции здесь были весьма слабыми. В первой мировой войне германские капиталисты не только не реализовали своих захватнических устремлений, но и были вынуждены подписать, как отмечал Ленин, «грабительский» Версальский договор¹⁸⁶.

Особенно важно подчеркнуть следующее обстоятельство. Ленинский анализ особенностей империализма был основан в первую очередь на доскональном изучении экономики того или иного государства. Но экономическая история Германии, в той или иной мере и других участников фашистского блока, до сих пор изучена слабо. Это препятствует плодотворному исследованию национальных особенностей фашизма.

С трактовкой фашизма и антифашизма в Германии непосредственно связана оценка роли Гитлера¹⁸⁷. Буржуазная историография всех направлений в прошлые десятилетия в той или иной мере отличалась персонификацией истории. Этот методологиче-

¹⁸² Критику концепции Т. Шидера см.: *Unbewältigte Vergangenheit*. S. 339–340.

¹⁸³ Цит. по: *Unbewältigte Vergangenheit*. S. 339–340. О типологии фашизма см. также новейшие работы Госсвайлера: *Gossweiler K. Kapital, Reichswehr und NSDAP*. В., 1983; *ZfG*. 1985. Н. 8. S. 701–718.

¹⁸⁴ История фашизма в Западной Европе. С. 6; см. также: *Вопр. истории*. 1984. № 12. С. 32.

¹⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 83.

¹⁸⁶ Там же. Т. 41. С. 218.

¹⁸⁷ Подробнее см.: Критика современных буржуазных исторических концепций. Ярославль, 1977. С. 137–155. Эта проблема нашла отражение и в буржуазной историографии. См., например: *Schreiber G. Hitler-Interpretationen*.

ский принцип, видимо, так же стар, как и сама литература о прошлом человечества. Несостоятельность метода была очевидна многим мыслителям, даже не владевшим историческим материализмом. «...Потребность отыскивать причины вложена в душу человека,— писал Л. Н. Толстой.— И человеческий ум, не вникнувши в бесчисленность и сложность условий явлений, из которых каждое отдельно может представляться причиною, хватается за первое, самое понятное сближение и говорит: вот причина. В исторических событиях (где предметом наблюдения суть действия людей) самым первобытным сближением представляется воля богов, потом воля тех людей, которые стоят на самом видном историческом месте,— исторических героев. Но стоит только вникнуть в сущность каждого исторического события, то есть в деятельность всей массы людей, участвовавших в событии, чтобы убедиться, что воля исторического героя не только не руководит действиями масс, но сама постоянно руководима»¹⁸⁸.

Марксизм-ленинизм никогда не отрицал роли личности в истории, но всегда выступал против ее преувеличения. К. Маркс писал: «При исследовании явлений государственной жизни слишком легко поддаются искушению упускать из виду объективную природу отношений и все объяснять волей действующих лиц»¹⁸⁹. Необходимо подходить к той или иной личности с точки зрения ее действительного места в сложной системе социально-экономических, политических, идеологических и других факторов исторического развития¹⁹⁰.

Несостоятельность метода персонификации стала наиболее явной после второй мировой войны. В этом событии роль народных масс проявилась с небывалой силой. Тем не менее принцип персонификации получил в ФРГ распространение, особенно в литературе консервативных направлений¹⁹¹. Культ сильной личности составлял основу фашистской внутри- и внешнеполитической пропаганды. Империалистической буржуазии персонификация истории фашизма выгодна в целях собственной реабилитации. В ФРГ в 70—80-е годы продолжают попытки обосновать персонификацию теоретически. Так, в «Биографическом словаре всемирной истории», изданном Г. Херцфельдом, видным крайне консервативным историком, «действия отдельной личности» названы «внутренней сущностью истории». Роль же Гитлера определена очень туманно. Он якобы был «инструментом раскованной динамики переходного времени»¹⁹². Видные представители умерен-

¹⁸⁸ Толстой Л. Н. Собр. соч. М., 1951. Т. 7. С. 69.

¹⁸⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 1. С. 192.

¹⁹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 85; Плеханов В. Г. Избр. философские произведения. М., 1956. Т. 2. С. 300.

¹⁹¹ См., например: Ritter G. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1964; Stökl G. Osteuropa und die Deutschen. Oldenburg, 1967. S. 167—177; Speer A. Op. cit. S. 267.

¹⁹² Цит. по: ZfG. 1972. Н. 5. S. 624; подробнее см.: Ruge W. Hitler — ein Einzeltäter? // BdiP. 1983. Н. 1; Pyge B. Как Гитлер пришел к власти. М., 1985.

ных вопреки опубликованным ими же самими материалам пытаются представить фашизм в виде «специфической формы господства одного человека»¹⁹³.

Хильдебранд, хотя и отмечает роль монополий в захвате фашистами власти, по существу анализирует только личные планы Гитлера, а программу мировой гегемонии выводит из его расистских воззрений¹⁹⁴. В книге Брахера читаем: «Ответственность за переворот в Европе главным образом лежит на Гитлере с его агрессивной войной, зверскими формами господства...»¹⁹⁵. Слова — «гитлеровская внешняя политика», «развязанная Гитлером война», «единоличная диктатура Гитлера» — часто встречаются и в литературе 80-х годов¹⁹⁶. Испещрены подобными фразами и многие страницы десятилетия: «лишь Гитлер располагал массовой базой», «гитлеровские программные (!) установки», «гитлеровское господство», «гитлеровская идея жизненного пространства».

В целом же трактовка проблемы в этом издании отличается большой противоречивостью. Во введении ставится специальная задача «выяснить роль Гитлера в нацистской системе с точки зрения подготовки и ведения войны». Эта задача, однако, далеко не выполнена, нет взвешенной оценки объективных и субъективных факторов военно-политического курса «третьего рейха». «Роли Гитлера, руководителей вермахта, хозяйства, иных учреждений в подготовке войны и ее ведении нельзя разграничить, поэтому вопрос о дирижере и исполнителях ставить не целесообразно», — писал автор введения Мессершмидт. Он отмечал, что «если б не было» Гитлера и 1 сентября 1939 г. не была бы развязана война, то «очень вероятно, что произошла бы другая война, хотя и при другом стечении обстоятельств». Но тот же автор утверждает и нечто иное: «в конечном итоге Гитлер определял политический военный курс на войну»; «воздействие отдельных групп оказывалось безрезультатным, если их взгляды расходились с курсом Гитлера, направленным на войну»¹⁹⁷.

Авторы же 4-го тома этого издания верно считают, что «войну на уничтожение против СССР» нельзя объяснить «патологической психикой одного Гитлера». К этому причастны «партия, вермахт, хозяйство и государственный аппарат». Но в то же время, по их мнению, «рассмотрение мировоззрения и политических целей» Гитлера как «доминирующей фигуры германской полити-

¹⁹³ Критику данного тезиса см.: *Wippermann W.* Europäischer Faschismus. S. 20.

¹⁹⁴ *Hildebrand K.* Das Dritte Reich. S. 12, 55.

¹⁹⁵ *Bracher K. D.* Europa in der Krise. Frankfurt a. M., 1979. S. 288.

¹⁹⁶ *Erdmann K. D.* Deutschland unter der Herrschaft des Nationalsozialismus, 1933—1945. München, 1980. S. 227; *Either H.-J.* «Der Führer», München, 1981; *Stern J. P.* Hitler. München, 1981; *NpL.* 1982. H. 1. S. 47—70; *VfZ.* 1983. H. 4. S. VII; *Der Westen und die Sowjetunion.* Paderborn, 1983. S. 61; 20. Juli 1944. S. 43.

¹⁹⁷ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 1. S. 18, 22, 545, 646, 648.

ки 1933—1945 гг.» должно стать «исходным пунктом анализа причин нападения на Советский Союз». Гитлер часто заслоняет собой роль других представителей «старых и новых германских элит», о которой эти авторы сообщили немало правдивого¹⁹⁸. И в данном случае они оказались не в состоянии воспользоваться даже теми научными достижениями, которые имеются в самой буржуазной историографии ФРГ¹⁹⁹.

Персонализация фашизма широко наблюдается и в исторической литературе других стран. Известный швейцарский автор В. Хофер поставил вопрос об «особой ответственности господствовавшей в вильгельмовской Германии социальной элиты, прусско-германских военных, крупной промышленности, конкерства, но также и всей буржуазии в целом, за возникновение впоследствии нацизма». Уже сама по себе постановка такого вопроса — явление положительное. Однако четкого ответа читатель не получил. Более того, автор утверждает, что «мало смысла противопоставлять личностям структуры». Предупреждая своих оппонентов против одной крайности, автор сам впадает в другую. Оказывается, «трудно представить себе, если вообще это возможно, нацизм как историческую реальность без Гитлера, а уж вторую мировую войну — тем более невозможно»²⁰⁰. Подобные суждения прозвучали на симпозиуме в Штутгарте. Итальянский историк А. Сантони объяснил «катастрофу держав „оси“» «стратегией Гитлера», а «слабость итальянских вооруженных сил» — «политикой Муссолини»²⁰¹.

Тем не менее усиление противоречивости суждений по проблеме «Гитлер — элита», а также опубликование материалов о роли монополий, военного и штатского чиновничества свидетельствуют о подрыве принципа персонализации. Это подтверждает также проходящая дискуссия по вопросу «была ли „третья империя“ „монархией“ или „поликратией“»²⁰², в частности спор между либералом А. Куном и неофашистским публицистом из Великобритании Д. Ирвингом²⁰³. «Гитлер не один ответствен, — пишет Кун. — Представление о монолитной и волей фюрера направляемой системе относится равным образом к легендам, созданным самими нацистами... оно неверно отражает суть фашист-

¹⁹⁸ Ibid. Bd. 4. S. 23, 1079—1080; см. также: Bd. 1. S. 18, 210, 282, 538—541, 557, 480, 695, 700, 712, 714—715; Bd. 4. S. 7, 13, 15, 18, 25.

¹⁹⁹ См., например: Hitler, Deutschland und die Mächte. S. 115, 640.

²⁰⁰ GWU. 1983. N 1. S. 24; cp.: Overi R. J. Goering, the «iron man». L., 1984; Fleming G. Hitler and the final solution. Oxford, 1986.

²⁰¹ Цит. по: Kriegswende. S. 166, 171; см. также: Craig G. A. Deutsche Geschichte, 1866—1945. München, 1980. S. 672; Collier R. Mussolini. München, 1983; Aylett J. F. Russia under Stalin. L., 1984; Böttger P. Winston Churchill und die Zweite Front. Frankfurt a. M., 1984; Kuusisto S. Alfred Rosenberg in der nationalsozialistischen Aussenpolitik, 1933—1939. Helsinki, 1984. S. 27—28. О персонализации фашизма в американской буржуазной историографии см.: Вopr. истории. 1985. № 1. С. 162, 163.

²⁰² Подробнее см.: Der Führerstaat. S. 73—96.

²⁰³ Kuhn A. Das nationalsozialistische Deutschland und die Sowjetunion // Hitler, Deutschland und die Mächte. S. 609, 703, 726, 727.

ского государства». Гитлера поддерживали не только НСДАП, но и «определенные хозяйственные группы»²⁰⁴. «Нацизм, „третья империя“, развязывание завоевательной войны на уничтожение не были личным делом человека по имени Гитлер», — подчеркивает Хансен. Они были обусловлены «развитием прусско-германского национального государства, которое определялось общественными, экономическими, социально-психологическими, политическими, военными и идеологическими факторами»²⁰⁵.

Михалка с полным основанием выделяет среди западных исследователей фашистской внешней политики две группы: следующие принципу персонификации и «стремящиеся анализировать структурные элементы, постоянно действующие факторы, национальные и интернациональные рамки внешней политики»²⁰⁶. Такая частная классификация хотя и плодотворна в определенной степени, но недостаточна. Лишь комплексный анализ всех сторон творчества историков создает полную картину их расслоения. В статье «Нацистская внешняя политика под знаком концепции плюрализма» Михалка отвергает утверждение о «тотальной унификации внешней политики „третьего рейха“, единолично направляемой исключительно Адольфом Гитлером». Он приводит суждения современников о «значительных противоречиях и разногласиях в осуществлении нацистской внешней политики» как об «установленном» факте. Михалка приводит, в частности, замечание итальянского министра Чиано (1937 г.): «Слишком много петухов в курятнике». Министр имел в виду то обстоятельство, что по меньшей мере четыре лица — Гитлер, Геринг, Нейрат, Риббентроп — определяли направление внешней политики Германии²⁰⁷.

Интересна попытка показать несостоятельность персонификации фашизма в свете преемственности реакционной и агрессивной традиций германской истории. «Не только нацистские пропагандисты, — отмечает Х.-Н. Буркерт, — он и историки, которых считают серьезными, называют „третью империю“ „государством Гитлера“». После 1945 г., продолжает автор, многие думали, что Гитлер — это «демон, который привел германский народ к катастрофе». Действительно, нельзя сбрасывать со счетов важную роль Гитлера в установлении в стране фашистской диктатуры. Но его личность, подчеркивает Буркерт, «еще не объясняет, почему миллионы немцев голосовали за НСДАП, а индустрия и сельское хозяйство дали ей миллионы марок. Многие историки в Западной и Восточной Европе показали ложный путь германской истории от Лютера до Гитлера... „третья империя“ фактически находится в несомненной преемственности с германской историей. Националистические, антисемитские, антисоциалистические и

²⁰⁴ Ibid. S. 640.

²⁰⁵ Ibid. S. 115; см. также: *Hildebrand K. Das Dritte Reich. S. 12, 55; GWU. 1982. H. 4. S. 214–226.*

²⁰⁶ *Nationalsozialistische Aussenpolitik. S. 24.*

²⁰⁷ *Hitler, Deutschland und die Mächte. S. 46.*

империалистические требования уже в XIX в. выдвигались и частично осуществлялись Германией как „опоздавшей нацией“²⁰⁸.

Более или менее последовательный отказ от персонификации свойствен и историкам других стран. В трехтомнике «Вторая мировая война», изданном в ФРГ в переводе с английского, читаем: «Глубокие причины, которые привели к развязыванию второй мировой войны, сегодня находят чаще не только в фанатическом необъятном влиянии Гитлера, который считал себя гениальным стратегом...», но и в некоей «всеобщей агрессивности народов», усилившейся вследствие Версальского договора и мирового экономического кризиса; в «политических, а также экономических и мировоззренческо-религиозных мотивах». Они, по мнению авторов, «ни в коем случае не оправдывают агрессора»²⁰⁹. Принимая частично этот тезис, мы отвергаем, естественно, ложное суждение об «агрессивности народов». Фактический отказ от персонификации истории встречается и в литературе ФРГ по смежным темам²¹⁰.

В буржуазной литературе наблюдается тенденция к ограничению принципа персонификации²¹¹. Анализ новейшей литературы показывает дальнейшее усиление этой тенденции. Но это не означает, что персонификация исчезла. С полным основанием историки ГДР Вайсбекер и Виммер подчеркивают несостоятельность тенденциозного преувеличения роли фашистских лидеров, тезиса об их исключительной или даже единоличной ответственности за фашизм и его преступления. Они пишут: «Для того, кто определяет фашизм только как „гитлеризм“ или „муссолинизм“, проблема фашизма перестала существовать одновременно со смертью обоих фашистских фюреров»²¹². Но разве нет проблемы неофашизма в самой ФРГ? Разве о возможности возникновения фашистской опасности в наши дни не пишут сами буржуазные историки?

Изучение историками-марксистами роли Гитлера и различных господствующих кругов в истории фашистской Германии только началось. На это изучение до сих пор оказывает влияние советская пропаганда военных лет. Она, как известно, была выдержана в духе культа личности. Привычные публицистические штампы переносились и на развитие Германии. Среди советских историков сохранилось суждение о единоличной власти Гитлера. Эти авторы не учитывают, что реальная власть в Германии в большой мере оставалась в руках генералитета, владельцев крупнейших монополий. В военной и экономической, этих решающих сферах деятельности, Гитлер отнюдь не обладал властью «абсолютного монарха»²¹³. Необходимо также учитывать сохранение относи-

²⁰⁸ *Burkert K. Machtergreifung. Düsseldorf, 1984. S. 15–16.*

²⁰⁹ *Der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979. Bd. 1. S. 5–6.*

²¹⁰ См., например: *Zeitgeschichte Osteuropa als Methoden- und Forschungsproblem. [West] Berlin, 1985. S. 912, 933, 947–951.*

²¹¹ См., например: *Воен.-ист. журнал. 1984. № 12. С. 71; Einheit. 1984. Н. 4. С. 361; ZfG. 1982. Н. 10/11. С. 1051.*

²¹² Цит. по: *Einheit. 1983. Н. 5. С. 489, 490, 491.*

²¹³ См.: *Мельников Д. Е., Черная Л. Б. Преступник номер 1. М., 1981. С. 104.*

тельной самостоятельности и при фашистской власти других социальных групп, например штатского чиновничества.

С вопросом о власти Гитлера связана различная трактовка роли монополий в Германии. В литературе существуют полярные, но по сути своей догматические точки зрения. По мнению крайних консерваторов, Гитлер с его фашистской бюрократией полностью подчинил себе всю экономику, включая крупнейшие монополии. По мнению же некоторых сектантски настроенных марксистских авторов, фашистская диктатура была всего лишь инструментом в руках монополистической буржуазии. Обе эти схемы не объясняют имеющихся фактов, в том числе и введенных недавно в ФРГ. Проблема должна составить предмет специального исследования, в ходе которого необходимо выработать взвешенную оценку действительной власти в стране.

2. Новые подходы к изучению истории немецкого Сопротивления

Весьма существенны изменения в методологии западногерманской литературы о Сопротивлении. Возросло внимание ученых к понятию и формам антифашистской борьбы, социальному составу Сопротивления, правам граждан на борьбу, национальным особенностям немецкого Сопротивления, его связи с демократическими движениями в Германии 20–30-х годов. В последние годы усилились попытки выработать дефиниции. Впрочем, еще Брахер различал сопротивление пассивное и активное. К деятельности первого рода он относил уход в отставку, эмиграцию, дезертирство, самоубийство, «определенные формы коллаборационизма». Последнее, естественно, не может быть отнесено к антифашистской борьбе. Брахер отдает предпочтение активным формам сопротивления — саботажу, обструкции, неповиновению, забастовкам, пропагандистской критике режима, насильственным действиям²¹⁴. Х. Бретшнайдер не без оснований определяла сопротивление как любую попытку «одиночки или группы единомышленников противодействовать нацистской системе, рискуя собственной жизнью»²¹⁵. Их мотивы при этом могут быть религиозными, этическими, мировоззренческими или политическими. Автор различала сопротивление «спорадическое» и «запланированное», придавая большее значение второму — «относительно организованным группам сопротивления», но не «группам, лишенным организационной структуры»²¹⁶. Ч. В. Хоффманн верно полагал несостоятельным «считать борцами за свободу тех людей, которые написали несколько антифашистских стихо-

²¹⁴ Bulletin. 1974. N 89. S. 892; Bracher K. D. Die Deutsche Diktatur. Köln, 1969. S. 49; ср.: Candidates of humanity. Hamburg, 1974. S. 19.

²¹⁵ Эту мысль разделяет и известный либеральный историк К. Аретин (см. его введение к кн.: Cartarius U. Bibliographie «Widerstand». München, 1984. S. 9).

²¹⁶ Bretschneider H. Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus in München 1933 bis 1945. München, 1968. S. 5.

творений и прятали их до конца войны». Более или менее четко он высказался против отождествления понятий «внутренняя эмиграция», с одной стороны, и «оппозиция», «антифашизм» — с другой²¹⁷.

На рубеже 70—80-х годов появился ряд специальных работ о понятии «сопротивление»²¹⁸. Во многом общих трудах вопросу отведено значительное место²¹⁹. По существу нет ни одного более или менее серьезного исследования о Сопротивлении, в котором не ставился бы этот вопрос. Такую тенденцию, как и стремление изучить многочисленные промежуточные реально существовавшие позиции различных лиц и социальных групп по отношению к господствующему в Германии режиму — от идейного тесного сотрудничества с ним до последовательной и активной антифашистской борьбы, — нельзя не приветствовать. Это, несомненно, способствовало бы углублению знания о фашизме и антифашизме, если бы не политическая тенденциозность ряда авторов.

Сказанное можно проиллюстрировать на примере библиографического издания «Сопротивление», составленного У. Картариусом. Книга охватывает следующие темы: конформизм, антифашистское Сопротивление, рабочее движение, рабочее молодежное движение, КПГ, интеллектуалы, листовки, руководство, концлагеря, молодежь, писатели, спорт, традиции, преподавание, буржуазное Сопротивление, эмиграция, Сопротивление и военные, европейское Сопротивление, ХДС/ХСС, Свободная немецкая партия, планы реформ, студенчество, террор, преследования, неповиновение, совместная деятельность немецкого и европейского Сопротивления²²⁰. Таким образом, составитель поставил в один ряд классы, социальные слои, политические партии, организации, группы, программы и формы борьбы внутри страны и за рубежом.

Другие авторы выделяют «иммунитет» тех или иных лиц по отношению к фашизму, «нонконформизм», «внутреннюю эмиграцию», «сопротивленческое поведение», «активное сопротивление»²²¹; «скрытые и открытые формы» борьбы, «официальное сопротивление эмигрантских правительств», «пассивную позицию населения и прямую помощь беженцам, военнопленным и летчикам, покушения, восстания, стачки, саботаж»²²². Отмечают сопротивление «символическое, наступательное, скованное»²²³.

²¹⁷ Exil und innere Emigration. Frankfurt a. M., 1973. Bd. 1. S. 119—140.

²¹⁸ См., например: Das «Andere Deutschland» in Zweitem Weltkrieg. Stuttgart, 1977; GM. 1982. H. 8. S. 486—497; Geschichte und Gesellschaft, 1977. Sonderheft 3. S. 417—442; Internationales Jahrbuch für Geschichts- und Geographieunterricht. Bd. 18. 1977/1978. S. 280—287.

²¹⁹ Bericht über die 32. Versammlung deutscher Historiker. S. 98, 106; Hoffmann P. Widerstand gegen Hitler. München, 1979; Peukert D. Die KPD im Widerstand. Wuppertal, 1980; Militärgeschichte. Stuttgart, 1982. S. 215—242; 20. Juli. S. 29, 40—43 etc.

²²⁰ Cartarius U. Op. cit. S. 322—324.

²²¹ См., например: Klose W. Hitler und sein Staat. Tübingen, 1979.

²²² Jacobsen H.-A. Der Weg. S. 437.

²²³ Rings W. Leben mit dem Feind. S. 112—229, 233—363; Borsdorf U. Op. cit. S. 408 f; APZ. 1979. H. 28—29. S. 22—26, 29f; H. 46. S. 25—37; Klotz-

Одни отождествляют «Сопротивление» и «оппозицию», другие различают их ²²⁴. Ряд авторов по существу повторяют принятое в марксистской историографии деление антифашистской борьбы на активную и пассивную.

Выдвигая на первый план активное организованное сопротивление фашизму, естественно, нельзя сбрасывать со счетов пассивные формы борьбы. Одной из них, особенно в 1944–1945 гг., под влиянием не в последнюю очередь деятельности НКСГ было уклонение от службы в вермахте. По некоторым данным, только число казенных дезертиров-военнослужащих вермахта превысило 30 тыс. человек ²²⁵.

Содержит в себе некоторое рациональное зерно предложение разделить «сопротивление церкви» и «индивидуальный протест, вызванный христианскими убеждениями», т. е. речь может идти о частном случае общего разделения сопротивления на организованное и стихийное ²²⁶. С этой точки зрения целесообразно изучать сопротивление не только режиму в целом, но и отдельным фашистским учреждениям или должностным лицам. С. Миллер различает эмиграцию как добровольный выезд за границу с целью смены места жительства и вынужденное бегство за рубеж ²²⁷. Автор разделяет активные формы сопротивления (саботаж на предприятиях военной промышленности, подготовка возможного освобождения) и пассивные (взаимная поддержка, сокрытие узников, приговоренных к уничтожению, и др.) ²²⁸.

Как отмечалось в литературе, еще в начале 60-х годов в историографии ФРГ наблюдалась тенденция к расширению понятия «сопротивление» ²²⁹. Ряд историков преувеличивали степень оппозиционности тех или иных кругов господствующего класса; относили к Сопротивлению распространение слухов в странах «оси» и на оккупированных ими территориях; считали оппозиционной всю эмиграцию, игнорируя при этом то обстоятельство, что значительная ее часть ничего общего с антифашистской борьбой не имела ²³⁰. Г. Вайсенборн и ряд других прогрессивных историков также имели склонность расширительно истолковывать Сопротивление.

---

bach K. Gegen den Nationalsozialismus. Hannover, 1969. S. 14; Marxismus im Systemvergleich. Frankfurt a. M., 1974. Bd. 5. S. 294–320; Roon G. V. Widerstand im Dritten Reich. München, 1979. S. 9, 15 f, 20; Widerstand und Verweigerung. S. 43.

²²⁴ Internationale Wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. 1984, H. 1. S. 35 (далее: IWK); Bayern in der NS-Zeit. Bd. 4. S. 697.

²²⁵ Лит. газ. 1985. 3 июля; подробнее см.: Zeitschrift für Militärgeschichte. 1965. H. 6. S. 715–720.

²²⁶ IWK. 1983. H. 2. S. 308.

²²⁷ Widerstand und Exil. S. 454.

²²⁸ Ibid. S. 336, 376.

²²⁹ Политическая история стран Западной Европы в новейшее время. Ярославль, 1978. С. 59–60.

²³⁰ Марксистско-ленинский анализ мотивов эмиграции см., например: Социальная философия Франкфуртской школы. М., 1975. С. 22.

В новейшей литературе тенденция к расширительному толкованию усилилась. Проявляется она в различных формах. В книге Эрдманна «Вторая мировая война» читаем: «С трудом можно определить размеры Сопротивления. Мы не располагаем достаточными данными о степени распространения и численности оппозиционных течений и групп. Количественные оценки всегда останутся сложными вследствие неустойчивости различных позиций: личного нонконформизма, оппозиционных убеждений, активного сопротивления, прямого заговора с целью свержения Гитлера». Автор указывает также на «необходимость предосторожности в условиях полицейского государства»²³¹. Он относит к Сопротивлению «оппозиционные убеждения», которые, как известно, далеко не всегда выливались в определенные антифашистские акции. Более четко упомянутая тенденция прослеживается в работе Г. Шульца. «То, что верхушка генералитета никогда не была готова к решительному удару,— верно отмечает он,— не подлежит дискуссии». Однако автор утверждает, что «молчаливое участие и готовность к сопротивлению в Германии были шире, чем предполагалось, многие умалчивали о своей причастности» к антифашистской борьбе. Однако в качестве примера автор приводит Шахта²³², тактические расхождения которого с Гитлером отнюдь не свидетельствовали об его антифашизме.

В той или иной степени стремление преувеличить размах Сопротивления в Германии свойственно и новейшим трудам некоторых демократов. Так, в представлении авторов книги «Замолчи или попадешь в Дахау!» факты активного сопротивления режиму составляли весьма незначительное число среди акций антифашистской борьбы. Во многих же случаях «сопротивляться» означало «иметь мужество и не переставать думать и объясняться с друзьями и единомышленниками, собирать и распространять информацию об истинном характере террора, помогать семьям и самим преследуемым, не оказывать поддержки смертоносному режиму; при этом сознательно поставить на карту личное благополучие, работу, имущество, семью, свободу, жизнь»²³³. Авторы подчас забывают, что отказ от «поддержки режима» не может быть отнесен к активной борьбе с фашизмом.

С расширительной тенденцией непосредственно связано представление о сопротивлении как об этическом или религиозном феномене. Оно обусловлено также игнорированием социально-экономического содержания антифашистской борьбы, преуменьшением роли рабочего класса в Сопротивлении. Подобная версия получила свое обоснование в трудах Г. Ротфельса. Еще в 1964 г. он отнес «людей 20 июля 1944 г. ... к силам морального самоутверждения»²³⁴, что методологически тождественно односторон-

²³¹ Erdmann K. D. Der Zweite Weltkrieg. S. 141.

²³² VfZ. 1984. Н. 3. S. 334.

²³³ Halts Maul, sonst kommst nach Dachau. Köln, 1983.

²³⁴ APZ. 1964. Н. 29. S. 12; см. также: The German Resistance to Hitler. Los-Angeles, 1970.

нему взгляду в целом на Сопротивление в странах Европы и Азии как на чисто национально-освободительное движение, широко распространенному в буржуазной литературе. Сопротивление, по утверждению Брахера, «находилось по ту сторону политического» и было «проявлением сугубо нравственного начала». Мотивом борьбы будто бы было лишь «восстановление этических основ общества», разрушенных фашизмом, а целью — «установление государственного порядка, который гарантировал бы свободу и достоинство человека»²³⁵. «Характерным признаком сопротивления, — по мнению Эрдманна, — был «неполитический протест». Участники организации «Белая роза» боролись против „несправедливости“»; «определяющим мотивом действий Х. Гроскурта (полковник вермахта, участник оппозиции. — Л. М.) было возмущение преступлениями режима... основной причиной выступления Штауффенберга явилось решительное восстание религиозной совести против варварства»²³⁶. Якобсен также прибегает к тезису о нравственном начале: заговорщики не ставили задачу «любым путем выйти из уже безнадежно проигранной войны и предотвратить еще больший хаос... Они руководствовались высокими этическими мотивами — показать всем, что их Германия не стремится встать над всем миром, с уважением относится к достоинству и правам людей»²³⁷.

В литературе последних лет представлена и довольно аргументирования критика несостоятельности попыток ограничить мотивы антифашистской борьбы. Г. Крингс считает: «Группы Сопротивления по стилю их деятельности кажутся неполитическими. Но они разрушали „коричневую ложь“ и противостояли ее общей политической направленности, выступая против не только партии, но и государства и вермахта. Этим однозначно определяются политические причины деятельности групп и их политическое влияние. Каждое их действие было явным отказом от предписанной им линии политического поведения... и по существу нарушением тех или иных законов и распоряжений партии и государства»²³⁸.

Сравнительно развитая концепция Сопротивления, характерная для доминирующего направления, довольно четко выражена Г. Шильдтом, сотрудником института истории Технического университета в Брауншвейге, в письме, адресованном автору этих строк. «По моему мнению, — писал Шильдт 20 октября 1975 г., — Сопротивление выросло из следующих мотивов: политических — коммунистов, социал-демократов, либералов и католиков; религиозных (нацизм был антихристианским); гуманистических (нацизм был чудовищным, преступным режимом); патриотических (гитлеровская война была несчастьем для немецкого народа).

²³⁵ 20. Juli 1944. S. 9, 10, а также S. 29–30.

²³⁶ Erdmann K. D. Der Zweite Weltkrieg. S. 143, 152–154.

²³⁷ Jacobsen H.-A. Der Weg. S. 438–439; см. также: Hoffmann P. Op. cit. S. 11.

²³⁸ Stimmen der Zeit. 1983. Н. 5. S. 308.

Естественно, что в каждом отдельном случае различные мотивы переплетались. О размахе Сопротивления вряд ли можно сказать что-либо определенное. Безусловно, однако, что многие тысячи участников Сопротивления пали жертвой нацистского террора. Для нас в ФРГ это движение служит утешением; оно показывает, что очень многие немцы критически отнеслись к гитлеровскому режиму. Наверняка Вам известно, что многие выдающиеся политики СДПГ и ХДС были участниками Сопротивления, среди наиболее известных — Брандт». К сожалению, автор обошел молчанием социальную сущность движения, вклад Сопротивления в разгром фашизма, роль рабочих, констатируя лишь широко распространенные в Западной Германии суждения о Сопротивлении, которое «спасло доброе имя немцев», и о «ФРГ — наследнице Сопротивления».

Примечательно, что автор письма, характеризуя немецкое Сопротивление, не упомянул «движение 20 июля». Едва ли это типично. И в 80-е годы остались попытки свести все Сопротивление исключительно к заговору²³⁹. Так, «движению 20 июля» в составленном Картариусом библиографическом издании посвящено 99 работ. В то время как организации «Белая роза» — 18, группе «Крайзау» — 16, «Красной капелле» — 13 работ. Этот подход связан с попыткой свести все Сопротивление к оппозиции элиты²⁴⁰. Такой подход нашел отражение в первую очередь в трудах Ротфельса. Тезис о том, что преследование стало коллективной судьбой, а сопротивление — задачей одиночек, которые будто бы могли работать лишь с незначительным числом единомышленников, обнаруживается и в новейших работах.

Однако в наши дни превалирует наметившаяся уже в 60—70-х годах иная тенденция. Большинство прогрессивных историков ФРГ исходит из положения об «огромном многообразии Сопротивления, отражавшем множественность мотивов его участников». При этом П. Штайнбах полагает, что множественность «имеет большое значение для образования традиций плюралистического общества»²⁴¹.

В новейшей литературе усилилось стремление выдвинуть на первый план среди различных групп и организаций Сопротивления своих единомышленников. Так, демократический журнал «Геверкшафтliche Monatshefte» пишет о группе демократов Шоллей, которые, по его мнению, «стали символом немецкого Сопротивления»²⁴². Консервативный историк В. Клёзе в книге «Гитлер и его государство» особое место отводит консервативным военным оппозиционерам, подробно описывает автор план покушения. Эта тенденция восходит по существу к военным годам.

²³⁹ VfZ. 1984. Н. 3. S. 361.

²⁴⁰ Такой подход к Сопротивлению характерен и для буржуазной историографии других стран Запада. См., например: Буржуазная историография второй мировой войны. М., 1985. С. 355.

²⁴¹ 20. Juli 1944. S. 24, 30, 31.

²⁴² GM. 1984. Н. 9. S. 580.

«С примечательным единодушием, — не без иронии отмечает либеральный историк К. Аретин, — оценили Гитлер и Черчилль покушение (20 июля 1944 г. — Л. М.) как дело честолюбивых офицеров»²⁴³.

В литературе ФРГ сохранилась старая тенденция представлять «движение 20 июля» в виде некоего монолита. Однако нет оснований объединять все некомунистические оппозиционные группы в это «движение», а Гёрделера—Бека считать их общими лидерами. В своем выступлении на коллоквиуме «20 июля 1944 г. в истории антифашистского Сопrotивления в Германии» Финкер говорил об оппозиционерах из рядов буржуазии как о «меньшинстве господствующего класса»²⁴⁴. Напомним, что буржуазные и социал-реформистские оппозиционеры, имевшие отношение к заговору, разделяли различные политические взгляды: от профашистских до ярко выраженных антиимпериалистических.

Другое дело, что на антифашистских, по существу общечеловеческих, позициях в немецком Сопrotивлении действительно объединились представители рабочего класса, входившие в коммунистические и социал-демократические организации, связанные с различными немонаполистическими слоями буржуазии оппозиционные группы священнослужителей и верующих обеих церквей, чиновники государственного аппарата, дипломаты, генералы и офицеры. Этот вывод относится не только к оппозиции внутри страны, но главным образом за ее пределами. Такое наблюдение было сделано социал-реформистским историком В. Рёдером еще в 1967 г. Он отверг дефиницию немецкого Сопrotивления, данную Риттером, и распространил это понятие на все антифашистские организации за границей²⁴⁵. Отметим, что в последние десятилетия в ФРГ создана фактически целая литература о немецкой эмиграции 1933—1945 гг., в том числе и об эмигрантах-антифашистах.

Большинство представителей историографии не без оснований подчеркивают сотрудничество в рамках Сопrotивления людей различных политических взглядов и социального происхождения²⁴⁶. Выступивший на XXXII конференции историков ФРГ в 1978 г. канцлер Г. Шмидт отметил, что в Сопrotивлении принимали участие «наряду с консерваторами либералы, социал-демократы, коммунисты, аристократы и рабочие, христиане и атеисты»²⁴⁷.

Историки ГДР показали, что заговор 20 июля был «антифашистским делом независимо от того, что большинство его участников принадлежали к господствующему классу империалисти-

²⁴³ Цит. по: *Cartarius U. Op. cit. S. 11.*

²⁴⁴ *ZfG. 1985. Н. 3. S. 246.*

²⁴⁵ *Widerstand, Verfolgung und Emigration, 1933—1945. Hannover, 1967. S. 52, 91—93, 120, 121, 134, 136. См. также: GWU. 1968. Н. 19; Frankfurter Rundschau. 1969. 8. Okt.; VfZ. 1969. Н. 1; IWK. 1971. Н. 11/12. S. 54—57; NpL. 1973. Н. 1, 2.*

²⁴⁶ См., например: 20. Juli 1944. S. 282.

²⁴⁷ Цит. по: *GWU. 1979. Н. 9. S. 265.*

ческой Германии, а также от того, что часть их преследовала консервативные цели...». Классовая ограниченность заговорщиков не может, верно полагает К. Финкер, уменьшить «высокое уважение к их мужественному поступку»²⁴⁸. З. Вегнер-Корфес с полным основанием называет акцию «буржуазных антифашистских оппозиционных групп» попыткой «антифашистского государственного переворота»²⁴⁹. «Прогрессивные силы оппозиции были готовы совместно с коммунистами и социал-демократами бороться за свержение режима и окончание войны»²⁵⁰. Однако этим силам не удалось создать широкого народного движения. Покушение вновь подтвердило известную истину: заговор, не опирающийся на массы, обречен на провал²⁵¹. Напомним, что это покушение на вермахт мало повлияло, тем более — на рабочее движение. Неудача заговора вызвала разгул террора²⁵².

Необходимо учитывать при этом интересные наблюдения О. Грёлера и других историков ГДР. Они показали, что массовые преследования в Германии после 20 июля 1944 г. были лишь составной частью «антиреволюционной стратегии, рассчитанной на то, чтобы „обезглавить“ демократические силы народа в послевоенной Германии»²⁵³. Известно заявление начальника гестапо Х. Мюллера: «Мы не допустим ошибку 1918 г. Мы не оставим в живых наших врагов внутри Германии»²⁵⁴. Х. Й. Мольтке и другие активные деятели буржуазной оппозиции были арестованы еще до покушения, а в конце 1944 г. было создано ополчение, демагогически названное «народным»²⁵⁵.

В литературе ФРГ отнюдь не преодолены недооценка или даже игнорирование участия в Сопротивлении немецких рабочих²⁵⁶. Отодвигаются на задний план или вообще обходятся молчанием экономические формы борьбы: невыход на работу под видом болезни, замедление темпов работы, протест против сверхэксплуатации, в частности сверхурочных работ, увеличение брака, саботаж, забастовки. В то же время на первый план выдвигаются такие формы протеста, как распространение листовок, отказ от «гитлеровского приветствия», невывешивание партийного флага, изготовление фальшивых паспортов, помощь лицам еврейской национальности, военнопленным, подготовка мелких вооруженных групп²⁵⁷.

²⁴⁸ ZfG. 1985. Н. 3. S. 247; Н. 4. S. 318.

²⁴⁹ Ibid. Н. 8. S. 764–765.

²⁵⁰ Ibid. Н. 3. S. 247.

²⁵¹ Ср. с оценкой покушения на Александра II 4 апреля 1866 г.: Коммунист. 1985. № 9. С. 74.

²⁵² *Schmückle G.* Ohne Pauken und Trompeten. Stuttgart, 1982. S. 87.

²⁵³ ZfG. 1984. Н. 7. S. 591.

²⁵⁴ Цит. по: *Moltke F., Balfour M., Frisby J.* Helmut James von Moltke. Stuttgart, 1975. S. 300.

²⁵⁵ Подробнее см.: *Mattmach K.* Der Volkssturm. В., 1981; *Гинцберг Л. И.* Борьба немецких патриотов против фашизма. С. 304–305.

²⁵⁶ *Widerstand und Exil.* S. 16.

²⁵⁷ APZ. 1984. Н. 26. S. 28; NpL. 1984. Н. 1. S. 50.

Однако если брать новейшую немарксистскую литературу в целом, то совершенно очевидно, что среди исследователей усилился интерес к истории рабочего движения, в том числе и к проблеме «немецкие рабочие и Сопротивление». Прежде всего речь идет об авторах, примыкающих к СДПГ и профсоюзам²⁵⁸. Широко представлены многочисленные исследования о рабочем движении и других проблемах германской истории в западногерманских публикациях трудов английского профессора Т. Мэйсона. В частности, он ввел понятия «политическое сопротивление рабочего класса», имея в виду сознательные политические действия членов подпольных организаций, и «рабочая оппозиция» — различные стихийные действия одиночек, в том числе и «спонтанное прекращение работы»²⁵⁹. Можно спорить с автором по поводу названных определений, но само по себе выделение этих двух форм борьбы обоснованно. Влияние КПГ и тем более разрозненных социал-демократических функционеров в условиях террора на самом деле не могло распространиться на всех рабочих.

Одновременно с расширением буржуазной и развитием социал-демократической литературы по истории рабочего движения в 1933—1945 гг. возрос интерес к истории КПГ. Так, У. Фолькер показывает исключительное влияние коммунистов в ряде районов Германии, особенно в Рурской области во времена Веймарской республики и в период господства фашистов²⁶⁰. Однако в большинстве трудов признание роли КПГ сопровождается теми или иными оговорками. Так, В. Липгенс полагает, что «усилия коммунистов достойны восхищения», что «пропагандой политикомировоззренческих взглядов они пробуждали в населении дух сопротивления» фашизму. В то же время автор вопреки сказанному категорически утверждает, что будто бы «все специалисты по истории Сопротивления в конечном счете единодушны в том, что эффективность усилий КПГ... ничтожна»²⁶¹.

Такая двойственная оценка пришла на смену формуле умолчания или вымыслу об «измене коммунистов». Старые суждения об «ударе в спину сражающейся армии», о «шпионах на службе противника» разделяют ныне лишь немногие неофашистские публицисты²⁶².

Новая концепция несколько ближе к исторической истине,

---

²⁵⁸ См., например: *Marbolek J. Arbeiterbewegung nach dem Krieg*. Wuppertal, 1983; *Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung*. Bonn, 1984; а также: *Dokumente zur Geschichte der Arbeiterbewegung in Deutschland*. Stuttgart, 1984. Bd. 1.

²⁵⁹ *Mason T. Arbeiterklasse und Volksgemeinschaft*. Opladen, 1975; *Die Reihen fast geschlossen*. Wuppertal, 1981. S. 293—313; см. также: *Alltag im Nationalsozialismus*. Wuppertal, 1981. S. 293; *NpL*. 1984. Н. 1. S. 83; *AfS*. 1983. S. 668.

²⁶⁰ *NpL*. 1984. Н 1. S. 50.

²⁶¹ *APZ*. 1984. Н. 26. S. 28.

²⁶² Ср.: *Бланк А. С. Неофашизм — реваншизм*. С. 182—183.

хотя она и противоречива. Подобная оценка роли компартий в европейском Сопротивлении содержится в исторических исследованиях других стран²⁶³.

Все больше внимания исследователи уделяют правовой проблеме — законности антифашистских движений. В упоминавшемся нами библиографическом справочнике Картариуса выделен специальный раздел²⁶⁴, в котором отражены сравнительно многочисленные работы о праве на борьбу против фашизма²⁶⁵. Тема эта для ФРГ не нова. Напомним широко распространенный в крайне консервативной литературе и неофашистской публицистике 40—50-х годов заимствованный из фашистской пропаганды тезис о том, что борьба немецких патриотов, как и партизанское движение в СССР, будто бы противоречили нормам международного права. Подобные суждения сохранились до наших дней²⁶⁶.

Однако в большинстве новых трудов проблема решается в пользу Сопротивления. Так, Штайнбах рассматривает борьбу антифашистов как законную «реакцию на превышение власти, на нарушение конституции и прав человека». Автор ссылается при этом на основной закон Федеративной республики, который оправдывает Сопротивление, исходя из «задачи защиты человеческого достоинства»²⁶⁷.

Это утверждение непосредственно связано с антивоенными движениями, получившими в последние годы в ФРГ широкое развитие. Напомним в этой связи, как летом 1985 г., вопреки сильной консервативной традиции западногерманского права, судья К. Яр полностью оправдал действия участников блокады американской военной базы, объявив размещение на территории ФРГ ракет «Першинг-2» противоречащим основному закону страны. Обвиняемые, по мнению судьи, лишь «воспользовались своим конституционным правом на выражение протеста»²⁶⁸.

Сравнительно большее внимание уделяется сопоставлению антифашистских движений в Германии и других странах Европы²⁶⁹.

Появился ряд специальных работ, среди них статья Т. Мэйсона об особенностях сопротивления германских и итальянских

²⁶³ См. подробнее: Новая и новейшая история. 1985. № 3. С. 82. Ср.: С. 80.

²⁶⁴ С 1985 г., аналогичный раздел выделен и в «Библиографии» «Ежеквартальника современной истории». См.: VfZ. 1985. Н. 1. S. 21.

²⁶⁵ Cartarius U. Op. cit. S. 325.

²⁶⁶ См., например: Hürten H. Zwischenkriegszeit. S. 92; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 755—756.

²⁶⁷ Цит. по: 20. Juli 1944. S. 29; см. также: Liedtke R. Widerstand ist Bürgerpflicht. München, 1984; VfZ. 1985. Н. 1. S. 21.

²⁶⁸ Цит. по: Правда. 1985. 22 июня; 1986. 15 янв.; см. также: Ледак И. А. Права граждан: буржуазные теории и практика ФРГ. М., 1986. Отметим также роль западногерманской организации «Судья и прокуроры — за мир».

²⁶⁹ См.: Новая и новейшая история. 1986. № 2. С. 6.

янских рабочих. Опираясь на исследования М. Брошата, Д. Пойкerta, Ю. Ройлеке и других своих предшественников, автор объясняет специфику борьбы рабочих Германии и Италии против фашизма не различиями двух рабочих классов и их «опозиционных потенциалов», а особенностями господствующих в этих странах режимов. Он констатирует, в частности, «прогрессирующий процесс падения власти в Италии». Германский же фашизм, по мнению автора, вследствие его больших территориальных захватов и более широкого применения террора испытал «такой структурный кризис лишь в конце войны». В результате усилившегося различия «политической работоспособности обоих режимов» в этих странах «были различными предпосылки для массовой забастовки»²⁷⁰. Принимая эти наблюдения автора, нельзя, однако, во всем согласиться с ним. В частности, едва ли правомерно определять специфику антифашистской борьбы, не обращаясь непосредственно к истории и предыстории самой этой борьбы.

В трудах Эрдманна есть попытка сопоставить «немецкое и европейское Сопротивление». Автору свойственно преувеличение роли заговора 20 июля и вместе с этим — всего немецкого Сопротивления. «Покушение на главу германского фашистского государства» он ложно рассматривает как «старейшую и связанную с большими жертвами часть европейского Сопротивления». «Сам факт» покушения, по утверждению Эрдманна, «возводит немецкое Сопротивление в ранг события исторического значения»²⁷¹. В дискуссии, проведенной демократическим «Журналом германской и международной политики» в связи с 40-летием Победы, наоборот, высказывалось мнение о «слишком слабом немецком сопротивлении нацистскому противоборствующему государству»²⁷². Эта тенденция свойственна некоторым умеренным консерваторам. Так, в 1-м томе издания «Германская империя и вторая мировая война» авторы приходят к «твердому суждению», что «только полное военное поражение» могло свергнуть режим. «Ни политические эмигранты, ни различные оппозиционные группы внутри страны не были в состоянии низложить нацистских властителей». И далее. «История эмиграции, как и активно действовавших борцов против фашизма в Германии, — это история страданий, преследований, неудач, но не история политических успехов»²⁷³. По существу эти авторы отвергают саму мысль о возможности любой альтернативы в развитии событий и тем самым отрицают какой-либо вклад прогрессивных сил страны в разгром фашизма.

Принять ни одну из этих двух крайних точек зрения невозможно. Поборники агрессии на самом деле привлекли на свою сторону большинство населения страны, но они не сумели подавить приверженцев прогресса и мира. Немецким антифашистам

²⁷⁰ GM. 1984. Н. 9. S. 523–532.

²⁷¹ Erdmann K. D. Der Zweite Weltkrieg. S. 154.

²⁷² BdiP. 1985. Н. 3. S. 313.

²⁷³ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 160.

не удалось своими силами освободить страну, но их активная и плодотворная борьба не прекращалась ни в предвоенные, ни в военные годы. Спротивление обеспечило преемственность прогрессивной традиции в развитии страны, оно подготовило создание ГДР, успехи демократических течений в ФРГ.

С некоторыми наблюдениями нельзя не согласиться. На самом деле активно или пассивно большинство немцев поддерживало фашизм, а большинство граждан, например, Югославии активно боролось против фашизма, зарубежного и отечественного. Но Эрдманн и другие историки оказываются не в состоянии объяснить как этот факт, так и другие приведенные ими факты. Они игнорируют особую ответственность германской буржуазии за фашизм, его империю, его войну, наибольшую слабость буржуазной оппозиции в сравнении с другими странами, раскол рабочего класса по вине лидеров СДПГ и КПГ.

Свойственное сталинизму отождествление СДПГ и НСДАП, курс КПГ на социалистическую революцию при не созревших условиях муссируются консервативными историками. Наибольшее их внимание привлекают взаимоотношения между ВКП(б) и КПГ в 30–40-е годы. Эти авторы пытаются представить Коминтерн исключительно в виде «инструмента транснациональной политики»²⁷⁴. В их трудах доминирует мысль, выраженная, в частности, Брачером: «Коммунисты Германии, как и других стран, действовали по директивам центра из Москвы, следовали интересам советской внешней политики»²⁷⁵. Это утверждение органически сочетается с концепцией «экспорта революции», известной еще со времен Великой французской буржуазной революции и подвергнутой критике в трудах основоположников марксизма-ленинизма²⁷⁶.

Ошибки КПГ, как и ряда других братских партий, были связаны с преступным отношением Сталина и его окружения к Коминтерну. Его ложный тезис об идентичности фашистов, социал-демократов и пацифистов резко ослаблял борьбу за народный фронт²⁷⁷. Сталинские массовые репрессии нанесли громадный вред не только строительству социализма в СССР, но и международному освободительному движению. Но сталинизму не удалось полностью подчинить духовному и иному влиянию все компартии. Во многих из них жили подлинные марксистско-ленин-

²⁷⁴ См., например: *Beume K.* Die Sowjetunion in der Weltpolitik. München, 1983. S. 163.

²⁷⁵ *Bracher K. D.* Europa in der Krise. S. 265; ср.: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 4. S. 86.

²⁷⁶ См., например: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 298; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 117, 403. См. также: *Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.* С. 11–12, 176.

²⁷⁷ *Сталин И. В.* Соч. Т. 6. С. 280–283. Критику действий Сталина по отношению к Коминтерну см.: *Латышев А.* Трагедия Коминтерна // *Ветеран.* 1988. № 27. С. 5; *Коммунист.* 1988. № 10. С. 112, 114; *Кацман Г. В.* Коммунистическая партия Германии в борьбе за единство антифашистских сил (1935–1939). М., 1988. С. 96–97; *Фирсов Ф. И.* Сталин и Коминтерн // *Вопр. истории.* 1989. № 8–9.

ские традиции. Это позволило им уже в годы войны внести достойный вклад в разгром фашизма.

Некоторые авторы касаются связей антифашистов Германии и других стран. Шульц категорически и бездоказательно заявляет об отсутствии этих связей²⁷⁸. Сравнительно объективную оценку дают Х. Мерингер и Д. М. Шнайдер, авторы главы «Германское Соппротивление в оккупированной Европе» в книге «Соппротивление и неповиновение». Эта глава написана в связи с исследованием Институтом современной истории проблемы «Германоязычная эмиграция во времена „третьей империи“». Не без основания отмечают авторы, что почти во всех странах, захваченных фашистскими войсками, в тех или иных формах и масштабах было сопротивление оккупационным властям и почти везде в этой борьбе принимали участие немцы, в большинстве своем — эмигрировавшие участники рабочего движения, а также дезертировавшие солдаты вермахта. По мнению историков, эти немцы боролись «за новую демократическую Германию». Их борьба «была существенной и неотъемлемой частью германской истории»²⁷⁹.

Распространено мнение о том, что Соппротивление в Германии было лишено такого могучего мотива, как патриотизм, поскольку эта страна в отличие от многих других стран Европы не была оккупирована. Это верно лишь с точки зрения весьма ограниченного, по политической своей сущности консервативного, понимания патриотизма. Прогрессивные мыслители отвергают такое понимание. В. И. Ленин включал в понятие «патриотизм» в качестве обязательной составной части борьбу против «собственной реакции»²⁸⁰. Этот подход был принят на вооружение германскими левыми социал-демократами еще в годы первой мировой войны. Требование коммунистов о поражении «своего» правительства в несправедливой войне выдвигалось в листовках прогрессивной организации «Белая роза».

По мнению Якобсена, «германская оппозиция должна была бороться в совершенно иных условиях». В отличие от антифашистов других стран «ее борьба была направлена не против иностранной оккупационной власти, а против собственного правительства, против нацистской партии и ее учреждений». И далее автор верно подчеркивает, что немецкая «оппозиция вступила в противоречие с большинством собственного народа»²⁸¹. Хюртен также выдвигает на первый план мысль о «совершенно другом положении» противников режима в Германии, о несогласии с ними «подавляющего большинства населения» страны. Автор отмечает также отсутствие организации, которая объединила бы всех «решительных борцов против Гитлера», а также условий для партизанской борьбы. В Германии были возможны лишь

²⁷⁸ VfZ. 1984. Н. 3. S. 372.

²⁷⁹ Widerstand und Verweigerung in Deutschland 1933 bis 1945. Bonn, 1984. S. 231.

²⁸⁰ Подробнее см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 106 и далее.

²⁸¹ Jacobsen H.-A. Der Weg. S. 437.

«совместные с противником действия, которые многими рассматривались как недостойные и даже как государственная измена»²⁸².

В критической литературе было показано, что в годы «холодной войны» в историографии ФРГ преобладали заимствованные из фашистской пропаганды представления о фашизме как «народном движении», о «единстве нации», о сугубо случайном характере возникновения будто бы оторванных от народа немецких оппозиционных групп. В немарксистской историографии начала 80-х годов в той или иной степени принята давно известная науке мысль о том, что Сопротивление было закономерным продолжением и развитием борьбы против фашизма в 20-е годы, что вторая мировая война лишь положила начало новому этапу в истории этого движения.

Непосредственные указания на эту преимущество антифашистского движения в Германии по-прежнему довольно редки. Но мысли об опасении правящих кругов Германии перед вероятным повторением в стране революционного взрыва получили сравнительно широкое распространение. В десятитомнике «Германская империя и вторая мировая война» читаем: «Страх перед революцией был подоплекой политики Гитлера. Несмотря на форсированное вооружение, он не допускал ограничения производства потребительских товаров... Рабочих не удавалось сдерживать исключительно методами пропагандистского маневрирования. Требовались еще экономические уступки. Однако и стратегии социального подкупа было недостаточно, потребовалось еще дополнение в виде зверского террора»²⁸³. «Сам режим ничего так сильно не боялся, как непопулярности среди рабочих», — приходит к выводу Т. Бергер, автор книги «Условия жизни при нацизме». И далее: «Опасаясь повторения событий 1918 г., Гитлер никогда не требовал от рабочих непомерных жертв»²⁸⁴. По мнению Мессерпмидта, фашистское руководство исходило из того убеждения, что вооружение не должно привести к снижению жизненного уровня населения²⁸⁵. Т. Зигель в статье о политике заработной платы в Германии показал, что, начав гонку вооружений, режим встал перед «социально-политической необходимостью осуществлять уступки рабочему классу», что власти стремились «не только подкупить, но и расколоть рабочий класс посредством определенной политики в области заработной платы»²⁸⁶.

Аналогичная точка зрения еще раньше была высказана Мэйсоном: «С самого начала и до конца „третьей империи“ ее власти-

---

²⁸² *Hürten H. Zwischenkriegszeit.* S. 92.

²⁸³ *Das Deutsche Reich und der zweite Weltkrieg.* Bd. 1. S. 708.

²⁸⁴ *Berger T. Lebenssituationen unter der Herrschaft des Nationalismus.* Hannover, 1981. S. 127.

²⁸⁵ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 1. S. 675.

²⁸⁶ *GM.* 1984. H. 9. S. 533–545.

тели полагали, что рабочие как особый класс со специфическим опытом и интересами... могли создать угрозу фашистскому режиму»²⁸⁷. В 1939 г. «широкие слои населения устали от войны, они стремились к миру... не поддерживали агрессивной войны, несмотря на кампании Геббельса», «военная политика режима была лишена широкой политической базы», — не без оснований утверждают авторы упоминавшегося десяти томника²⁸⁸.

Прямое отношение к теме имеют различные суждения о внутриполитической функции развязанной фашистами войны. И. Шонбаум оценивает социально-политический конфликт в стране накануне войны как «ничтожный», Т. Мэйсон, наоборот, считает его существенным²⁸⁹. По мнению Мессершмидта, главной предпосылкой будущей войны Гитлер считал «стабилизацию внутриполитического господства нацизма». «Прежде всего, — продолжает автор, — нельзя было вновь допустить второй 1918 год, нарушения единства родины, второй „удар в спину“²⁹⁰. Мысль о страхе фашистов перед «вторым Ноябрем», заимствованная из советской публицистики 30-х годов, находит отражение в первом томе десяти томника «Германская империя и вторая мировая война». «Осенью 1939 г., — отмечает В. Ветте, — режим не считал себя поставленным перед острой необходимостью развязать войну с тем, чтобы предупредить социальные конфликты, которые приобретали широкий размах, т. е. классовые бои, угрожавшие самому существованию господствующих классов»²⁹¹. Тем не менее «одной из функций» начавшейся в 1939 г. войны было «предотвратить внутрисоциальную опасность для режима, которая неизбежно возникла бы в будущем как следствие противоречий экономической политики»²⁹².

Эта верная мысль получила распространение²⁹³. Хотя, естественно, основной конечной целью фашизма было установление мирового господства. Характерна в этом отношении оговорка Хильдебранда: политика фашистов «нацелена преимущественно не на внутреннюю интеграцию, а на внешнюю экспансию и установление расового господства»²⁹⁴. Прямое отношение к вопросу имеют также обоснованные суждения о неприемлемости для фашистов доктрины длительной войны. По мнению Х. Боога, перед их глазами стоял печальный опыт 1914—1918 гг., когда длительная война привела к «социальным потрясениям»²⁹⁵. Это связано было и с чисто хозяйственными соображениями. Ветте пишет:

²⁸⁷ *Mason T.* Sozialpolitik im Dritten Reich. Opladen, 1977. S. 10.

²⁸⁸ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 1. S. 25, 81, 539, 715.

²⁸⁹ *Mason T. W.* Arbeiterklasse und Volksgemeinschaft. S. 164.

²⁹⁰ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 1. S. 539.

²⁹¹ *Ibid.* S. 154.

²⁹² *Ibid.*

²⁹³ См., например: *Hitlerwelle und historische Fakten.* S. 77; *Geyer M.*

Op. cit.

²⁹⁴ *Hildebrand K.* Das Dritte Reich. S. 174.

²⁹⁵ *Boog H.* Die deutsche Luftwaffenführung, 1933—1945. Stuttgart, 1982. S. 544.

«Ограниченность экономических возможностей империи, несомненно, обусловила преимущественное внимание к стратегии молниеносной войны и, возможно, также выбор момента нападения на Польшу. Социально-политическая ситуация, хотя и косвенно, но играла здесь самую большую роль»²⁹⁶. По мнению Гейера, фашистские лидеры опасались «неконтролируемых революционизирующих последствий войны»²⁹⁷.

Необходимо подчеркнуть, что сравнительно объективные суждения ряда авторов о страхе фашистских лидеров перед социальным взрывом в Германии часто вступают в противоречие с их же попытками преуменьшить антифашистские потенции рабочего класса, с искаженной трактовкой роли КПГ.

Таким образом, современное развитие западногерманской немарксистской историографии новейшей истории характеризуется активизацией методологических поисков. Ведущие представители различных историографических направлений усилили внимание к социальным функциям исторической науки. В литературе о фашизме выдвинулись на первый план школа Фишера и ряд других либеральных школ. Весьма существен вклад этих исследователей, а также историков-демократов и ряда представителей умеренно-консервативного направления в изучение преемственности во внешней агрессивной политике германского империализма XIX—XX вв., ответственности за установление фашизма и его преступления «старой и новой германских элит» в экономике, чиновничестве, армии и других проблем.

Получили дальнейшую разработку дефиниции «антифашистской борьбы». Ряд авторов с полным основанием ставят активные ее формы на первое место, однако придают определенное положительное значение и пассивным формам борьбы. Отдельные историки подвергают критике попытки объяснить Сопротивление исключительно этическими мотивами, ограничить его лишь «движением 20 июля». Усилилось внимание к истории антифашистской борьбы КПГ. Ряд авторов успешно обосновывают тезис о законности Сопротивления, показывают его непосредственную связь с антифашистской борьбой предвоенных лет.

---

²⁹⁶ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 154, 712.

²⁹⁷ Geyer M. Op. cit. S. 470, 502; см. также: Источники Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1985. С. 276—277.

БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НЕМЕЦКИХ ОППОЗИЦИОННЫХ ДВИЖЕНИЙ 1933—1945 ГГ.

С первых послевоенных лет буржуазная литература занимает центральное место как в западногерманской историографии новейшей истории вообще, так и в историографии немецкого Сопротивления в частности. В 70-е годы усилилась социал-демократическая историография, возникла и получила развитие марксистская литература.

Современная буржуазная историография ФРГ о немецком Сопротивлении характеризуется дальнейшим развитием ее умеренно-консервативного направления, укреплением его организационной основы и источниковой базы, усилением внимания к оппозиционным движениям. В распоряжении умеренных консерваторов находятся крупнейшие исследовательские и издательские центры, научные журналы, а также различные средства пропаганды. Определенную роль играет также крайне консервативное направление. В идейном и организационном отношении к нему примыкает историко-политическая неофашистская публицистика. Либеральная литература о Сопротивлении по-прежнему немногочисленна. Демократическое же направление получило значительное развитие.

1. Крайние консерваторы о немецком Сопротивлении

Западногерманская историография новейшей истории в первые послевоенные и 50-е годы была представлена работами крайне консервативных историков и мемуаристов, стремившихся реабилитировать не только монополию, но и фашистский генералитет. Для них характерны исключительное внимание к консервативным участникам заговора 20 июля¹, восхваление их антикоммунистических и «европейских» взглядов, стремление представить только их подлинными антифашистами и демократами.

Как уже отмечалось, в наиболее полной форме крайне консервативная концепция Сопротивления была разработана Г. Риттером. Все немецкое Сопротивление он сводил к движению 20 июля 1944 г., отдавая предпочтение наиболее консервативным деятелям — Герделеру, Гальдеру, Роммелю, Штюльпнагелю. Он подчеркивал их готовность вести «борьбу против угрозы коммунизма», создать «сильную Германию как антибольшевистский

¹ Подробнее о заговоре см.: *Мельников Д. Е.* Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. М., 1965; *Новая и новейшая история.* 1986. № 2. С. 90—100; *Finker K., Busse A.* Stauffenberg und der 20. Juli 1944. В., 1984; *Einheit.* 1984. Н. 7. С. 633—639.

форпост». Заслужили одобрение Риттера и контакты оппозиции с Западом с целью заключения сепаратного договора. В этом он видел проявление чувства «национальной ответственности». Попытки установления контактов с Советским Союзом с аналогичными целями, которые предпринимались другими группами немецкого Сопротивления (патриотическими группами Штауффенберга, Шульце-Бойзена—Харнака, НКСГ и др.), квалифицировались уже как «предательство», «шпионаж». Риттер решительно осуждал любые оппозиционные действия, события же 20 июля 1944 г. не предал анафеме лишь потому, что видит в них «исключительный случай»².

В 50—60-е годы с теми или иными модификациями концепция Риттера получила отражение во многих научных исследованиях и мемуарах. Так, в изданном Г. Пикером и Г. Хоффманном сборнике документов и фотоматериалов о Гитлере сообщались многочисленные подробности покушения 20 июля 1944 г. В то же время составители отказываются от анализа программы консервативных участников оппозиции. Явно несостоятельное суждение Гитлера об инициаторах заговора как «маленькой клике тщеславных и бессовестных офицеров» приведено без каких-либо комментариев³. Крайний консерватор О. Райле в книге об адмирале Ф. В. Канарисе отождествляет деятельность КПГ со шпионской, повторяя нацистский тезис об ответственности германских антифашистов за поражение Германии⁴.

С этих же позиций освещает заговор 20 июля бывший генерал К. Зиверт. Он признает существование лишь военной оппозиции. Он утверждает, будто бы «большинство командующих поддерживали действия против Гитлера». Вступая в противоречие с самим собой, автор стремится доказать, что заговор «не обусловил поражения в войне», что «подготовка покушения не причинила вреда обороноспособности фронтов» и главнокомандующие группами армий делали все для победы. Зиверт пытается убедить читателя в том, что «оппозиционность генералов покоилась на глубоких мировоззренческих противоречиях», и выделяет три формы сопротивления: «лояльный путь протеста, пассивный путь отставки, активный путь неповиновения и контракций»⁵.

В 70-х — первой половине 80-х годов вышел ряд книг, авторы которых продолжают традиции Риттера. Такова книга о бывшем начальнике генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдере, принадлежащая перу его внуки Г. Шалль-Рианкур и претенциозно названная «Мятеж и повиновение». Как и предисловие к ней, написанное генералом А. Хойзингером, книга выдер-

² Подробнее см.: *Ritter G. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung*. Stuttgart, 1955.

³ *Picker H., Hoffmann H. Hitlers Tischgespräche im Bild*. Oldenburg, 1969; *Picker H. Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier*. Stuttgart, 1983. S. 370—371.

⁴ *Reile O. Macht und Ohnmacht der Geheimen Dienste*. München, 1968. S. 42, 86, 255, 266, 267—269.

⁵ *Siewert C. Schuldig?* Bad Neuheim, 1968. S. 151, 176, 178.

жана в апологетическом духе. Гальдер изображен офицером, вопреки традиционному военному послушанию выступившим против государственной власти⁶. Аналогичная концепция представлена в книгах «Генерал-фельдмаршал Вильгельм Риттер фон Лееб»⁷, другого бывшего генерала вермахта, З. Вестфала, — «Германский генеральный штаб на скамье подсудимых», Г. Бюхелера «Хёпнер, Судьба одного немецкого солдата XX в.»⁸.

В ФРГ получила распространение книга специалиста по истории буржуазной оппозиции Г. Дойча (Швейцария) «Заговор или лишение генералов власти»⁹. Автор стремится доказать, что многие офицеры генштаба были решительными противниками фашизма. Генералы Л. Бек, Г. Томас, адмирал Ф. В. Канарис, другие видные военные будто бы выступали против агрессивной программы. Заметим, что и в книге самого бывшего начальника ведомства военной экономики и вооружения ОКВ Томаса проводится мысль о том, что он «с первых дней находился в оппозиции Гитлеру», но «во имя службы отечеству стремился сделать Германию обороноспособной»¹⁰. Открытая апологетика свойственна книгам других видных чиновников «третьей империи». Так, А. Шпеер в книге «Техника и власть» (1981) вновь пытается отмежеваться от фашизма и представить себя причастным к Сопrotивлению. Автор сводит всю «революцию», как он называет цели Сопrotивления, лишь к устранению Гитлера. Пишет об апатии всего народа, прибегая к этому старому тезису крайних реакционеров. Шпеер, вопреки уже доказанному наукой, утверждает, что консервативные деятели заговора 20 июля будто бы выступали за прекращение военных действий и на Западе, и на Востоке. Автор книги о Шпеере М. Шмидт представляет участником Сопrotивления другого видного чиновника — Ф. Тодта, предшественника Шпеера на посту министра¹¹.

Характерна для крайне консервативных историков позиция Й. Пекалькевича, автора книги «Вторая мировая война». На страницах (1000 стр.) этого широкоформатного издания он счел возможным сообщить из всей истории немецкого Сопrotивления лишь о покушении, суде над заговорщиками, «пяти тысячах жертв» как следствии событий 20 июля и тайном захоронении трупов казненных¹².

⁶ Schall-Riancour H. *Aufstand und Gehorsam*. Wiesbaden, 1972.

⁷ Generalfeldmarschall Wilhelm Ritter von Leeb. Stuttgart, 1976.

⁸ Westphal S. *Der Deutsche Generalstab auf der Anklagebank*. Nürnberg, 1978; Bücheler H. Hoepner. Bonn, 1980; см. также: Holmsten G. *Kriegsalltag 1939–1945 in Deutschland*. Düsseldorf, 1982.

⁹ Deutsch H. C. *Das Komplott oder die Entmachtung der Generale*. Zürich, 1974.

¹⁰ Thomas G. *Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft, 1918–1944/1945*. Boppard a. R., 1966.

¹¹ Speer A. *Technik und Macht*. Frankfurt a. M., 1981. S. 84–86. См. также: Herwarth H. *Zwischen Hitler und Stalin*. Frankfurt a. M., 1982. S. 85, 241, 268; Schmidt M. Albert Speer. München, 1982. S. 302; Boelke W. A. *Die deutsche Wirtschaft, 1930–1945*. Düsseldorf, 1983. S. 351–352.

¹² Piekalkiewicz J. *Der Zweite Weltkrieg*. Düsseldorf, 1985. S. 987–988.

Под влиянием общей эволюции западногерманской историографии начиная с рубежа 60—70-х годов претерпела изменения значительная часть крайне консервативной литературы. Так, один из наиболее крупных представителей направления Г.-Г. Дамс привел некоторые объективные данные о КППГ, отказался от представлений о «Красной капелле» как «исключительно шпионской организации»¹³. Однако подлинными борцами против фашизма, по существу, в его книгах выступают лишь К. Гёрделер и Л. Бек. В исследованиях В. Шрамма представлена критика фашистской легенды об «ударе кинжалом в спину» применительно ко второй мировой войне¹⁴. Автор заявляет, что война была проиграна Германией отнюдь не в результате измены. Он справедливо отмечает, что вообще «предательство не решает исход войны», что обвинение Бека, Гёрделера и других «людей 20 июля» в измене в пользу противников Германии необоснованно. Причины поражения Германии Шрамм видит в недооценке сил Советского Союза, переоценке собственных возможностей, неумении руководства ориентироваться в реальной обстановке. Автор ставит вопрос: «Добился бы Гитлер победы, если бы не было предательства?» Вместо ответа он приводит известные слова генерала Бека, сказанные им в 1938 г.: «Новая мировая война была бы проиграна с первого выстрела и окончилась бы германской катастрофой»¹⁵.

Новые тенденции прослеживаются и в публикациях некоторых крайне консервативных мемуаристов. К. Дёниц в одной из своих ранних работ высказывался против «легенды о том, что только измена покушавшихся на Гитлера привела к поражению и что живой Гитлер привел бы войну к хорошему концу»¹⁶.

В книге «Германская стратегия во второй мировой войне» Дёниц меняет свою точку зрения. На вопрос о том, как он относился к заговору, автор ответил, что в 1944 г., занимая пост главнокомандующего военно-морским флотом, он категорически был против покушения. Это перекликается с известным тезисом военных преступников о «верности присяге». «Если бы цели заговорщиков осуществились,— пытается он обосновать свою позицию,— в стране вспыхнула бы гражданская война, поскольку значительная часть немцев поддерживала Гитлера. Это в свою очередь ослаби-

---

¹³ Dahms H. G. Die Geschichte des Zweiten Weltkrieges. München, 1985. Подробнее см.: Бирнар К. Г., Краусхаар Л. Организация Шульце-Бойзена — Харнака в антифашистской борьбе. М., 1974; см. также: Правда, 1985. 6 сент. Kraushaar L. Berliner Kommunisten im Kampf gegen Faschismus, 1936—1942. В., 1981; ZfG. 1985. Н. 4. S. 325—337.

¹⁴ Schramm W. Verrat im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf, 1967; см. также статью крайнего консерватора Г. Гриббома в журн.: Europäische Wehrkunde. 1977. Н. 4 (далее: EW).

¹⁵ Schramm W. Verrat im Zweiten Weltkrieg. S. 11, 109, 110, 328, 339; Idem. Der Geheimdienst in Europa. München, 1974.

¹⁶ Dönitz K. Zehn Jahre und 20 Tage. Bonn, 1958. S. 402, 403; см. также: Padfield P. Dönitz. [West] Berlin, 1984.

ло бы позиции Германии на фронтах». «В области же внешней политики,— высказывает автор весьма спорное мнение,— не было бы радикальных изменений, так как осталось бы требование безоговорочной капитуляции, а новое германское правительство продолжало бы войну».

Дёниц предлагает несостоятельный критерий оценки тех или иных действий: «Если этическим воззрениям человека, его совести не противоречат его поступки, то последние не могут осуждаться»¹⁷. Следуя этой схеме, адмирал оправдывает и свое осуждение заговора во время войны, и действия самих заговорщиков, и тех, кто в наши дни считают заговор 20 июля «национальной изменой». В целях самореабилитации он находит удобным высказать релятивистский тезис, получивший свое развитие, в частности, в философии экзистенциалистов. Примененный к истории Германии фашистского периода, этот тезис служит оправданию любого преступления. Назвать собственную совесть критерием нравственности — это значит вообще отказаться от какого-либо критерия.

Новые тенденции весьма четко прослеживаются в статье, опубликованной известной консервативной газетой «Ди Вельт». Автор статьи Г. Кремп считает проблему 20 июля актуальной для «руководящих слоев» ГДР и ФРГ. В соответствии с известным каноническим историографическим сопоставлением покушение на Гитлера с неудавшимся контрреволюционным путчем 17 июня 1953 г., нарочито рассматривает его в плане борьбы за единство Германии. В центре внимания автора — полковник Штауффенберг и видный деятель левого крыла СДПГ, участник заговора 20 июля Ю. Лебер. Однако он оценивает их политическую программу весьма тенденциозно. В качестве их «духовного прародителя» в статье выступает прусский прогрессивный военный деятель А. Гнейзенау, чье политическое кредо необоснованно сведено Кремпом к требованию сосредоточить «руководство армией и народом в руках одного офицера». Рассуждения о «нравственных импульсах Возрождения, унаследованных Штауффенбергом через прусские традиции»¹⁸, об «ответственности Штауффенберга и Лебера перед богом», их решимости преодолеть «ошибки марксизма и либерализма», их «антибольшевизме» и их общей с Герделером «любви к Германии» служат главной задаче — представить в консервативном свете руководителей буржуазно-демократического и социал-демократического течений оппозиции. Здесь прослеживается известная линия Риттера, проводимая, однако, более тонко. Риттер бездумно сбрасывал со счетов Шта-

---

¹⁷ *Dönitz K. Deutsche Strategie im Zweiten Weltkrieg.* Frankfurt a. M., 1970. S. 152, 153.

¹⁸ Об апологетических тенденциях в консервативной литературе о Пруссии см. статью историка из ГДР Е.-Х. Ноака в кн.: *Geschichte, Ideologie, Politik.* В., 1983.

уффеберга, Кремп же называет его «главной фигурой» оппозиции, одновременно искажает его политический портрет¹⁹.

В последние годы выходит все меньше книг крайних консерваторов о Сопротивлении, по крайней мере специальных работ. Особенно ярко это выступает в сравнении с растущим числом аналогичных работ авторов умеренно-консервативного направления. Складывается впечатление, что у крайне консервативных историков и мемуаристов старшего поколения, естественно выбывающих из строя, не находится слишком много преемников. Именно этим можно объяснить довольно многочисленные переиздания. Переизданы книги таких историков, как Г. Риттер, К. Альман, Г. Г. Дамс, Э. Францель, В. Шрамм, мемуары Ф. В. Меллентина, В. Шелленберга и др.²⁰ Кроме того, в последние годы в ФРГ издано много работ историков США, Англии и Франции, позиции которых смыкаются с позицией западногерманских крайних консерваторов.

В начале 70-х годов была опубликована книга профессора Калифорнийского колледжа (США) Х. Дунке по истории КПГ в 1933—1945 гг.²¹ Ее издатели стремились таким образом восполнить пробел, существовавший в то время в консервативной литературе. Книга выдержана в духе «холодной войны». В научном отношении ценности она не представляет. Круг источников ограничен в основном фашистскими публикациями. Важные материалы, введенные в научный оборот историками ГДР и отчасти ФРГ, автором не использованы. Большинство западногерманских историков, полагает Дунке, лишь вскользь упоминают КПГ, «на формально-правовой основе» квалифицируя ее борьбу как «измену». Вопреки истине он утверждает, что будто бы и марксистско-ленинская историография «считает всю буржуазную оппозицию изменой рабочему классу и всему немецкому народу». Автор преуменьшает заслуги КПГ в антифашистской борьбе, считает эту борьбу «бессмысленной»; называет «легендой» тезис о непосредственном руководстве ЦК КПГ борьбой коммунистов в Германии во время войны, повторяет утверждения о КПГ как о «руке Москвы»²². Дунке принимает тезис историков-марксистов о том, что немецкие коммунисты, авангард рабочего класса, нес-

---

¹⁹ Die Welt. 1974, 20. Juli; см. также: *Schoeps H.-J.* Deutsche Geistesgeschichte der Neuzeit. Mainz, 1977. S. 218—228; *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 1985. N 183. S. 8.

²⁰ *Ritter G.* Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. München, 1983; см. также: *Idem.* Ein politischer Historiker in seinen Briefen. Boppard a. R., 1984; *Alman K.* Grossadmiral Dönitz. Bergam See, 1983; *Dahms H. G.* Op. cit.; *Franzel E.* Die Geschichte des Deutschen Volkes. Gütersloh, 1985; *Schramm W.* Geheimdienst im Zweiten Weltkrieg. München, 1983; *Mellentin F. W.* Deutschlands Generale des Zweiten Weltkrieges. Bergisch Gladbach, 1980; *Schellenberg W.* Aufzeichnungen. Wiesbaden, 1979.

²¹ Положительную рецензию А. Хилльгрубера на эту книгу см.: *GWU*. 1974. N. 4. S. 243.

²² См. также: *Gosztony P.* Die Rote Armee. Wien, 1980. S. 260; *Piekalkiewicz J.* Krieg auf dem Balkan. München, 1984. S. 132, 164.

ли главную тяжесть борьбы против фашизма²³. В то же время политику народного фронта он квалифицирует как «отказ коммунистов от какого-либо сближения с другими оппозиционными группами»²⁴.

Несостоятельность этого утверждения показывает, в частности, история организации, названной фашистами «Красной капеллой». Руководимая коммунистом А. Харнаком и офицером-антифашистом Х. Шульце-Бойзенем, «Красная капелла» была крупнейшей антифашистской организацией в Германии первых военных лет. В нее входили многочисленные группы в Берлине и других городах страны. Она была связана с антифашистами Франции, Греции, Австрии, СССР и других стран, вела пропаганду среди рабочих крупных заводов. Ее группы действовали во многих ведомствах государственного аппарата, вермахта, экономики. В организацию входило несколько сотен ученых, писателей, врачей, студентов, дипломатов, офицеров. Она стремилась охватить всю страну сетью многочисленных подпольных групп и поднять на борьбу «всех работников физического и умственного труда». В выпускаемом группой журнале «Иннере фронт» («Внутренний фронт»), листовках и прокламациях призывали «всех немцев, проникнутых чувством ответственности за будущее нации», к саботажу, свержению правительства, прекращению антинародной войны, социальной революции. Имела немалое значение и разведывательная деятельность организации в пользу Советского Союза²⁵. Известны, в частности, ее сообщения о готовящемся нападении на СССР²⁶.

Тезис об отказе КПГ от сотрудничества со всеми антифашистскими силами не выдерживает критики и в свете истории НКСГ, также созданного на принципах единого антифашистского народного фронта. Вспомним в связи с этим об искреннем стремлении представителей КПГ установить контакты с лидерами СДПГ, участниками движения 20 июля²⁷.

В ФРГ издана также книга американского профессора Г. А. Крайга²⁸, которого его западногерманские единомышленни-

---

²³ Duhnke H. Die KPD von 1933 bis 1945. Köln, 1972. S. 60, 65, 327, 368, 525, 527–528, 529.

²⁴ Подробнее о разработке тактики народного фронта см.: *Mammach K.* Die deutsche antifaschistische Widerstandsbewegung, 1933–1945. В., 1974. S. 73–92; *Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung.* Bd. 5. S. 468, 112, 166.

²⁵ *Бирнат К. Г., Краусхаар Л.* Указ. соч. С. 138–141.

²⁶ См.: *Kegel H.* In den Strömen unseres Jahrhunderts. В., 1983. S. 221–227. К сожалению, нам очень немного известно об оставшихся в живых участниках «Красной капеллы», в том числе и сотрудничавших с СССР. О драматической судьбе двух из них – о Л. Треппере и полковнике Поронице – сообщил недавно журнал «За рубежом» (1989. № 27, 28).

²⁷ См.: *Pech K.* An der Seite der Resistance. В., 1984. S. 145–147; *Ihr Gewissen gebot es.* В., 1980. S. 330–334; *Beck D.* Julius Leber. [West] Berlin, 1983. S. 196, 352–353, 387.

²⁸ *Craig G. A.* Deutsche Geschichte, 1866–1945. München, 1984. Об отно-

ки называют «лучшим зарубежным знатоком германской истории». В гл. XVII («Упадок культуры и политическое сопротивление») и XVIII («Нацистская революция: экономическое и социальное развитие») автор высказывает мнение об антифашистской борьбе немцев²⁹. Причины ее возникновения он трактует крайне односторонне, полагая, что все дело в «стыде и заботе о систематически разрушаемых культурных ценностях». Эти «стыд и забота», по мнению автора, сыграли бóльшую роль, чем покушение 20 июля 1944 г. По существу он отрицает возможность активного сопротивления в стране, где «правительство обладает монопольной властью»³⁰.

Крэйг верно полагает, что «первыми оказали активное сопротивление режиму организации рабочего класса», но тенденциозно утверждает, что они будто бы были «уничтожены в зародыше». Столь же несостоятельно и следующее обобщение: «Немецкий народ не поддержал Сопротивление. Он равнодушно ждал наступления конца»³¹. Автор с полным основанием сравнивает Германию с Францией, где руководимым коммунистами рабочим и другим демократическим слоям общества удалось создать единый Народный фронт. Однако многие конкретные стороны этой проблемы автор искажает. Так, вопреки известным фактам, непоследовательную позицию руководства СДПГ он оправдывает исключительно тем, что естественный союзник ее по антифашистской борьбе — КПГ свела на нет попытку социал-демократов создать единый фронт. Деятельность организации Харнака—Шульце-Бойзена автор ограничивает лишь сферой разведки³².

Крэйг по существу снимает политическую ответственность монополистических кругов германской буржуазии за установление в стране диктатуры и за сотрудничество с фашизмом. Не без оснований называет он буржуазных участников оппозиции «движением офицеров без солдат», «группами интеллектуалов, не связанных друг с другом». Он не сумел понять и причин поражения Сопротивления. Крэйг отмечает «узкую социальную базу» немецкого движения (в этом он видит его отличие от французского), но на первый план выдвигает «плохое планирование», «плохое руководство», «нерешительность офицеров, присягнувших на верность Гитлеру»³³.

Интересны суждения Крэйга о германской католической и евангелической церкви. По его мнению, «авторитарная традиция обеих церквей парализовала способность к критике и их коллективную совесть. С началом войны церкви призывали верующих с сознанием своего патриотического долга быть готовыми жертво-

---

пении Крэйга к современным проблемам войны и мира см.: *Вопр. истории*. 1985. № 12. С. 102.

²⁹ *Craig G. A. Op. cit.*

³⁰ *Ibid.* S. 584.

³¹ *Ibid.* S. 670.

³² *Ibid.* S. 587.

³³ *Ibid.* S. 590.

вать собой ради отечества. Эта заповедь после нападения на СССР стала провозглашаться еще более настойчиво». Автор показывает профашистскую позицию церкви, но отмечает антифашистские взгляды священнослужителей М. Нимёллера, В. Бонхёфера, Ф. Вайслера, их борьбу против расовой политики режима³⁴. В то же время группу Бека и Гёрделера Крэйг оценивает апологетически, лишь они будто бы «насколько позволяли обстоятельства, систематически стремились к осуществлению практических целей»³⁵. Попытку этих деятелей вернуть Германию к политической организации 1913 г. автор деликатно объясняет их «политическим романтизмом». В методологическом отношении книга Крэйга мало отличается от трудов его западногерманских коллег. Автору близок так называемый «германский историзм», что проявляется, в частности, в ярко выраженной персонификации истории.

В ФРГ опубликованы специальные работы зарубежных авторов о видных деятелях оппозиции 20 июля. К ним относятся книга английского историка Х. Сайкса, посвященная А. Тротту, участнику группы «Крайзау»³⁶, монография швейцарского историка Х. Мюллера о полковнике Штауффенберге³⁷. Автор преследует цель «спасти Штауффенберга для „свободного мира“». Он вводит в научный оборот новые документы и письма, характеризующие службу полковника в ОКХ в 1940—1942 гг., различные планы государственного переворота, освещает отдельные события накануне покушения 20 июля. Называя планы оппозиции «иллюзией», автор игнорирует социально-экономические причины ее поражения. Читатель не находит в книге ответа на такой весьма важный вопрос, как отношение Штауффенберга к группе Гёрделера, с одной стороны, и к НКСГ — с другой.

В своей работе историк-марксист К. Финкер, проанализировав значительное число документов, связанных с деятельностью Штауффенберга, сделал важный вывод о том, что его «позиция несла в себе элементы концепции Народного фронта»³⁸. Штауффенберг понимал необходимость уничтожения фашизма, немедленного установления мира путем прекращения военных действий на всех фронтах, наказания преступников, создания в Германии демократических условий и широкого антифашистского фронта при особой роли рабочего класса³⁹. КПГ и НКСГ оказывали непосредственное влияние на прогрессивные круги буржуазной оппозиции. Группа Штауффенберга искренне пыталась установить контакты с организациями КПГ в Германии. Свидетельства о влиянии НКСГ на единомышленников Штауффенберга мы нахо-

³⁴ Ibid. S. 586.

³⁵ Ibid. S. 588.

³⁶ Sykes C. Adam von Trott. Düsseldorf, 1969.

³⁷ Müller C. Oberst i. G. Stauffenberg. Düsseldorf, o. J.

³⁸ Финкер К. Заговор 20 июля 1944 года. М., 1975. С. 368.

³⁹ Там же. С. 238—239; см. также: Мельников Д. Е. Указ. соч. С. 178—193.

дим, в частности, в дневнике начальника отдела пехоты в главном командовании сухопутных сил (ОКХ) полковника В. Мюллера. В августе 1943 г. он записал: «Мы получили первую листовку об образовании Национального комитета „Свободная Германия“⁴⁰. По всей вероятности, это не коммунистическое объединение, а единый фронт, где представлены все антинацистские круги (рабочие, офицеры, лица с высшим образованием, священнослужители)... Своей пропагандой они поддерживают извне свержение Гитлера. Во имя спасения Германии они жертвуют своими семьями. Это не предатели»⁴⁰.

Некоторые объективные сведения о Штауффенберге были опубликованы в ФРГ еще в 50-е годы. Их игнорирует Х. Мюллер.

Так, В. Гёрлиц показал определенные разногласия Гёрделера, с одной стороны, Штауффенберга и его группы офицеров-патриотов — с другой. Штауффенберг решительно высказывался против реакционных проектов Гёрделера (капитуляция перед войсками США и Англии и продолжение войны против СССР, сохранение за Германией завоеванных ею территорий, монархическое устройство страны), считая, что Германия после ликвидации фашизма должна стать демократической республикой⁴¹. Штауффенберг не был враждебен по отношению к СССР, стремился к достижению «мирного взаимопонимания с русскими соседями». Несмотря на то что Гёрделер и его единомышленники отвергли предложения Штауффенберга связаться с коммунистами-подпольщиками, он продолжал выступать за сотрудничество с КПГ⁴². Как показал Финкер, сравнительный анализ программных заявлений движения «Свободная Германия» и взглядов группы Штауффенберга был предпринят еще по поручению Э. Кальтенбруннера чиновниками Главного управления имперской безопасности. Они отметили «значительные совпадения» в оценках военного положения, в критике «фюрера» и фашистской идеологии, в целевых установках обеих антифашистских организаций. «Даже манера выражения мыслей в отдельных пунктах столь аналогична, как будто они сознательно согласованы друг с другом», — подчеркивалось в документе ведомства Кальтенбруннера. Чиновники констатировали даже «одинаковое мировоззрение и образ мыслей» по обе стороны Восточного фронта⁴³.

Ошибочно утверждает Мюллер, что НКСГ будто бы приветствовал поражение заговора. После этого поражения КПГ якобы

---

⁴⁰ Германия во второй мировой войне. (1939—1945). М., 1971. С. 362; см. также: *Финкер К.* Указ. соч. С. 226—237; *Darauf kam die Gestapo nicht* В., 1966.

⁴¹ *Görlitz W.* Der deutsche Generalstab. Frankfurt a. M., 1952. S. 611, 621; Штауффенберг называл эти взгляды «революцией старцев». Цит. по: *Финкер К.* Указ. соч. С. 213; см. также: С. 100—114.

⁴² *Ritter G.* Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1954. S. 374.

⁴³ Цит. по: *Финкер К.* Указ. соч. С. 222, 227.

отказалась от идеи народного фронта⁴⁴. В действительности уже 21 июля 1944 г. Национальный комитет «Свободная Германия» выступил с поддержкой противников фашизма, стремясь мобилизовать трудящихся, солдат, офицеров на продолжение борьбы. В листовке НКСГ приветствовал «смелых людей», организовавших покушение. Комитет подчеркивал, что «первый сигнал к сопротивлению приказам дали 20 генералов Восточного фронта, сложивших оружие... Теперь и в Германии генералы, обладающие чувством ответственности, перешли к атаке на Гитлера»⁴⁵. Эта оценка вытекала из тактики единого народного фронта.

Естественно, коммунисты не переоценивали значения заговора. Об этом свидетельствует доклад «Уроки 20 июля 1944 г.», сделанный уже 16 августа кандидатом в члены Политбюро ЦК КПГ и членом НКСГ А. Акерманном. Он верно определил политические цели правого крыла заговора: «свержение Гитлера и прекращение проигранной войны без потрясения фронта и народного волнения». Акерманн расценивал заговор как «следствие и выражение кризиса нацистского режима». Если «позиция офицерского корпуса не приведет его к полной изоляции от народа, — отмечал он, имея в виду растущее влияние НКСГ, — то это прежде всего заслуга нашего движения»⁴⁶. После поражения буржуазной оппозиции КПГ не только не отказалась от идеи народного фронта, но еще более утвердилась в правильности избранного пути. В. Ульбрихт позднее отмечал, что «движение приняло бо-лер. Так, В. Гёрлиц показал определенные разногласия Гёрделегрессе Коминтерна. Мы создали широкий союз между рабочим классом, крестьянством, интеллигенцией, а также буржуазными кругами, принадлежавшими к числу противников Гитлера»⁴⁷.

Близкую, особенно в идейном отношении, к крайне консервативной литературе неофашистскую историческую публицистику, строго говоря, было бы неправомерно рассматривать в одном ряду с историографическими исследованиями. По своему весьма низкому профессиональному уровню, из-за полного отсутствия научного элемента эта публицистика не может быть отнесена к исследовательской литературе⁴⁸. Тем не менее научная историография должна знать эту литературу, поскольку она оказывает определенное влияние на некоторую часть населения. Наибольшее число работ неофашистов о Сопротивлении приходится на 50—

---

⁴⁴ Müller C. Op. cit. S. 20—23, 368, 418, 420. См. также статью А. Фишера «20 июля 1944 г. с московской точки зрения. Позиция А. Акерманна в 1944 г.» в кн.: Sowjetsystem und Ostrecht. Düsseldorf, 1985.

⁴⁵ Der antifaschistische Widerstandskampf der KPD im Spiegel des Flugblattes. В., 1978. S. 213; ZfG. 1979. Н. 6. S. 542; см. также: Weinert E. Das Nationalkomitee «Freies Deutschland». В., 1957. S. 94—95.

⁴⁶ Финкер К. Указ. соч. С. 343.

⁴⁷ Там же. С. 338.

⁴⁸ Подробнее см.: Большая ложь о войне. М., 1971. С. 313—366.

60-е годы. Имея в виду Сопротивление, один из ведущих представителей этой публицистики — Э. Керн, например, писал: «Удар кинжалом во время первой мировой войны меркнет перед гигантским предательством в наших собственных рядах, которое достигло крайних пределов во время второй мировой войны»⁴⁹. Авторы статьи, опубликованной в журнале «Национ Ойропа» (1969, № 5), используя многочисленные фашистские публикации, привели подробный перечень так называемых «шпионских центров». Авторы возлагают ответственность на участников Сопротивления не только за поражение Германии, но и за развязывание второй мировой войны⁵⁰.

В последующие годы в целом число специальных нефашистских работ о Сопротивлении уменьшилось, хотя такие периодические издания, как «Националь Цайтунг», «Дер Фрайвиллиге», «Национ Ойропа», продолжают публикацию статей по отдельным аспектам темы. На страницах «Национ Ойропа» вплоть до наших дней можем найти пассажи об «ударе в спину», «порабощении немецкого народа победителями» и т. п. В статье Г. Деммлера участники НКСГ—СНО и «движения 20 июля» безусловно характеризуются как «изменники». Автор объясняет, например, разгром армий групп «Центр» летом 1944 г. призывом пленных немецких генералов к вермахту 20 июня 1944 г. о прекращении войны. Однако, имея в виду заговор 20 июля, он полагает, что «консервативные высшие круги как целое были настроены против нацистского режима. Но тяжело боровшийся фронт понятия не имел об измене. В основе своей это было восстание... верхов, широкие народные массы остались верными долгу, несмотря на растущие военные лишения и бомбовый террор»⁵¹.

Вымысел об «измене» борцов Сопротивления превалирует в нефашистской литературе. В 1978 г. под эгидой «Общества свободной публицистики» была проведена конференция по проблеме: «Предательство и Сопротивление в „третьей империи“»⁵². Но в 70-х — начале 80-х годов большинство нефашистских публицистов смягчают враждебный тон по отношению к «людям 20 июля» или избегают вопроса о характере оппозиции⁵³. Публицист Р. Ашенауэр пытается занять объективистскую позицию. Он не принимает «Dolchstoßlegende», тем не менее утверждает, что будто бы «остаётся до конца не изученной деятельность подпольных групп, отдельных антифашистов, которые сотрудничали

---

⁴⁹ Kern E. Verrat am Deutschland. Göttingen, 1963. S. 9; *Idem.* So wurde Deutschland verraten. Göttingen, 1974; *Idem.* Hitler und der Krieg. Leoni, 1974; см. также: Ribbentrop A. Die Kriegsschuld des Widerstandes. Leoni, 1974.

⁵⁰ См. также: Der Freiwillige. 1970. N 3. S. 11.

⁵¹ NE. 1984. H. 7. S. 48–50.

⁵² Verrat und Widerstand im Dritten Reich. Coburg, 1978.

⁵³ См., например: NE. 1974. H. 4. S. 17. Подробнее об эволюции суждений о заговоре 20 июля 1944 г. см.: Проблемы освободительного движения и международных отношений в новое и новейшее время. М., 1973. С. 125–126.

с СССР, передавая исключительно важные сведения о тех или иных германских операциях»⁵⁴.

Так же как и представители крайне консервативной историографии, новейшие неофашистские публицисты уделяют большое внимание переизданию западногерманских опусов прошлых десятилетий (например, книга Г. Франца-Виллинга «Вторая мировая война»⁵⁵ и книг зарубежных единомышленников (среди них — «Секретные дневники доктора Морелля» Д. Ирвинга, книги о второй мировой войне известного американского неофашиста Д. Л. Хоггана)⁵⁶.

2. Антифашистская борьба в освещении исследователей умеренно-консервативного направления

Среди западногерманских научных учреждений умеренно-консервативного направления, в той или иной степени специализирующихся на изучении немецкого Сопротивления, главное место, как и в 50—60-е годы, занимает мюнхенский Институт современной истории⁵⁷. М. Брошат и другие его руководители стремятся развить источниковую базу по истории Германии фашистского периода, в том числе по истории Сопротивления. Архив института содержит весьма богатые материалы об антифашистской деятельности представителей различных слоев населения. В нем собраны некоторые документы НКСГ, «движения 20 июля», в частности группы «Крайзау», групп Сопротивления в Баварии, среди них — известная «Белая роза». В фондах института хранятся около 11 тыс. свидетельств 2600 участников антифашистской борьбы⁵⁸. Институт издает научный журнал — «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte» («Ежеквартальник современной истории»). Истории Сопротивления посвящены как специальные работы сотрудников института и других научных центров, так и соответствующие разделы общих работ по новейшей истории, например трехтомного труда «Германская империя после первой мировой войны». Особое место среди изданий института занимает шеститомник «Бавария в нацистское время» под редакцией М. Броша-

⁵⁴ *Aschenauer R. Krieg ohne Grenzen*. Leoni, 1982. S. 15; ср.: *Emde H. Verat und Spionage*. München, 1980; *John O. Falsch und zu spät — der 20. Juli 1944*. München, 1984 (Rez.: *Das Politische Buch*. 1985. N 37/38. S. 3); *Klüver M. War es Hitlers Krieg?* Leoni, 1984; *Saunders H. H. Der verratene Sieg*. Leoni, 1984; *Preradovich S. «Gott segne den Führer!»*. Leoni, 1985.

⁵⁵ См., например: *Franz-Willing G. Der Zweite Weltkrieg*. Leoni, 1980; *Lüdde-Neurath W. Regierung Dönitz*. Leoni, 1981; *Remer O. E. Verschwörung und Verrat um Hitler*. Oldendorf, 1982.

⁵⁶ См., например: *Irving D. Die geheimen Tagebücher des Dr. Morell*. München, 1983; *Hoggan D. L. Der unnötige Krieg, 1933—1945*. Tübingen, 1985; *Idem. Das blinde Jahrhundert*. Tübingen, 1985; *Idem. Der erzwungene Krieg*. Tübingen, 1985.

⁵⁷ Подробнее см.: Institut für Zeitgeschichte. München, 1972.

⁵⁸ *Der Archivar*. 1973. H. 2. S. 301; *Exil und innere Emigration*. Frankfurt a. M., 1973. Bd. 1—2. S. 142.

та⁵⁹. В последние годы развил активную деятельность Институт германской истории в Лондоне. Заметим, что аналогичные учреждения функционируют также в Париже и Риме. Примерно одна четвертая часть публикаций лондонского института посвящена истории Германии фашистского периода, в том числе темам Сопротивления⁶⁰.

Историками умеренно-консервативного направления опубликованы документы и иные источники по истории Сопротивления, главным образом заговора 20 июля: различные материалы его участников, их портреты и другие фотографии, донесения гестапо, документы судебных процессов, осуществленных пресловутым «Народным судом». В книге В. Липгенса собрано 176 программных документов групп Сопротивления о создании после окончания войны европейской федерации⁶¹. Значительная их часть увидела свет впервые. Взгляды этого автора наиболее полно отражены в опубликованной в 1984 г. статье «Сопротивление Гитлеру и европейская федерация»⁶². Речь идет о весьма созвучных современному политическому мышлению планах создания послевоенной Европы, которые разрабатывались участниками одной из групп оппозиции — группой «Крайзау». Они предполагали организацию основанного на принципах федерализма союза европейских государств, подчеркивая при этом, что СССР должен был стать «неотъемлемым фактором будущего европейского порядка». Один из участников группы, Т. Штельцер, вспоминал: «Мы... придерживались того взгляда, что Россия принадлежит к Европе. При мирном урегулировании она должна была бы сказать свое веское слово, а отсюда проистекает необходимость сотрудничества с нею. Мы уже тогда, еще до появления атомной бомбы, стояли на той точке зрения, что война как средство политики доведена до абсурда. Мы считали, что надо искать новых путей международного сотрудничества, а потому следует отказаться от представления о существовании каких-то „заклятых врагов“, мирное сотрудничество с которыми заранее отрицается. Гибели человеческой цивилизации, казалось нам тогда, можно избежать лишь в том случае, если и при противоположных общественных взглядах одержит верх мирное сожительство народов в виде соревнования в области экономики и культуры»⁶³.

Штуттгартское издательство «Дойче Ферлагс-Анштальт» опубликовало подготовленные к печати мюнхенским институтом личные и служебные дневники Х. Гроскурта, проливающие свет на отдельные моменты истории буржуазной оппозиции. Здесь помещены также меморандумы некоторых других участников оппозиции, среди них шесть ранее не опубликованных записок Бека.

⁵⁹ Об этом издании см. в гл. 4.

⁶⁰ Подробнее см.: AFS. 1985.

⁶¹ *Lipgens W. Europa-Föderationspläne der Widerstandsbewegungen 1940–1945. München, 1968; см. также: Lipgens W. Europa-Föderationspläne deutscher und italienischer Widerstandsgruppen im 2. Weltkrieg. Braunschweig, 1973.*

⁶² APZ. 1984. N 26. S. 25–37.

⁶³ Цит. по: *Финкер К. Указ. соч. С. 200.*

Новые материалы способствуют выяснению политических взглядов оппозиционеров, освещают их отношение к агрессии против Чехословакии, Польши и других стран. Некоторые документы характеризуют консервативное крыло заговора. Таковы высказанные в августе 1941 г. рекомендации Гроскурта о проведении массового убийства советских женщин и детей⁶⁴. Материалы Гроскурта, руководителя II отдела абвера, близкого к адмиралу Канарису и генералу Беку, были незаслуженно широко разрекламированы в ФРГ еще до их опубликования. В литературе можно встретить и объективные оценки дневников и политических взглядов их автора⁶⁵.

Опубликование в ФРГ мемуаров Г. Брюнинга вызвало серьезное замешательство среди консервативных историков. Мемуары перечеркнули миф о бывшем канцлере как «принципиальном противнике нацизма»⁶⁶. «Дойче Ферлагсанштальт» издало два тома бумаг Брюнинга, относящихся к периоду эмиграции. Письма, заметки снабжены ссылками на исследования английских и американских историков. Составитель сборника К. Никс относит Брюнинга к числу борцов Сопротивления. Но тексты бесед экс-канцлера с У. Черчиллем, Э. Галифаксом, Г. Стимсоном, Ф. Д. Рузвельтом, публикуемые в этом издании, показывают весьма ограниченный характер оппозиционности Брюнинга. В его воспоминаниях 1938 г. мы находим мысль о том, что «война в этот момент кончилась бы для Германии катастрофой», хотя страна «имеет хорошие перспективы в будущей войне»⁶⁷. Год спустя он уже не полагался на оппозицию генералов, все его помыслы были обращены к союзникам. Им он неустанно советовал после вторжения оставить без изменений все фашистские ведомства, не проводить процессов над преступниками, восстановить экономическую структуру Веймарской республики.

В «Ежеквартальнике современной истории» опубликованы письма Брюнинга 1940—1946 г. члену эмигрантского правления СДПГ В. Зольману. Издатели пытаются доказать, что экс-канцлер «находился в абсолютной оппозиции к нацизму», что он стремился убедить Галифакса организовать его встречу с Гёрделером, что он «остро критиковал скандальную оппортунистическую политику католической иерархии и Ватикана по отношению к нацистскому режиму». Однако сами авторы сообщают о его «скепсисе и горечи», о том, что Брюнинг не верил в возможность свержения Гитлера, поддерживал связи с заговорщиками лишь до 1939 г.⁶⁸ Представляют интерес относящиеся к 1933—

⁶⁴ *Groscurth H. Tagebuch eines Abwehroffiziers, 1938—1940. Stuttgart. 1970. S. 534.*

⁶⁵ *NZ. 1971. N. 213. S. 737.*

⁶⁶ Подробнее см.: рецензии В. Виммера (Ежегодник германской истории. 1972. М., 1973) и Л. И. Гинцберга (Вопр. истории. 1971. № 12).

⁶⁷ *Brüning H. Briefe und Gespräche, 1934—1945. Stuttgart, 1974. Bd. 1. S. 11, 215.*

⁶⁸ *VfZ. 1974. N. 1. S. 95—97; см. также: Staat und NSDAP. Düsseldorf, 1977.*

1950 гг. документы Э. Вайцзекера, одного из участников оппозиции, а также воспоминания бывшего мюнхенского адвоката Е. Мюллера. По поручению Бека в свое время он вел переговоры с Ватиканом и Англией, был арестован в апреле 1943 г. Известную роль в воссоздании картины Сопротивления играют сборники листовок Германии и ее военных противников 1933—1945 гг.⁶⁹

В конце 70-х — начале 80-х годов в ФРГ были переизданы или изданы вновь многие документальные и мемуарные публикации по истории Сопротивления. Среди них — известный двухтомник института современной истории «Анатомия государства СС»⁷⁰; подготовленный Г.-А. Якобсенем сборник сообщений СД о попытке государственного переворота 20 июля 1944 г.⁷¹; составленный В. Хофером сборник «Нацизм», имеющий специальные разделы о Сопротивлении⁷²; воспоминания А. Лебер, Ф. Шлабрендорфа, Х. Д. Мольтке и других участников антифашистских движений⁷³.

В целом умеренные консерваторы значительно расширили круг источников. Однако для издателей и составителей многих публикаций по-прежнему характерно стремление выдвинуть на первый план и представить в лучшем свете буржуазную оппозицию и в то же время обойти молчанием или бросить тень на деятельность КПГ. Материалы о ней, как и раньше, весьма малочисленны. Истолкованы они тенденциозно. Так, «Ежеквартальник современной истории» опубликовал отчет руководителя подпольной организации КПГ в Золингене. Текст документа не дает оснований для многих категорических суждений автора предисловия Г. Плюма. Он, в частности, утверждает, что «наступательная политическая активность и конспирация исключают друг друга»⁷⁴. Здесь прослеживается его стремление оправдать незначительные результаты деятельности заговорщиков-консерваторов. Однако богатый опыт коммунистических партий подтверждает не только возможность, но и высокую эффективность сочетания в революционной борьбе широких народных масс легальных и нелегальных методов. Это подтверждено также и известными до-

---

⁶⁹ *Kirchner K.* Flugblatt-Propaganda im 2. Weltkrieg. München, 1982. Bd. 1—3.

⁷⁰ *Anatomie des SS Staates.* München, 1982. Bd. 1—2.

⁷¹ *Spiegelbild einer Verschwörung.* Stuttgart, 1985. Bd. 1—2.

⁷² *Der Nationalsozialismus: Dokumente, 1933—1945.* Frankfurt a. M., 1982.

⁷³ *Das Gewissen steht auf.* Mainz, 1984; *Schlabrendorff F.* Begegnungen in fünf Jahrzehnten. Tübingen, 1979; *Moltke H. J.* Bericht aus Deutschland 1943. [West] Berlin, 1981; *Andreas-Friedrich R.* Der Schattenmann. Frankfurt a. M., 1983; *Delp A.* Im Angesicht des Todes. Frankfurt a. M., 1982; *Idem.* Gesammelte Schriften. Frankfurt a. M., 1982. Bd. 1—2; *Gerstenmaier E.* Streit und Friede hat seine Zeit. Frankfurt a. M., 1981; *Die Mittwochs-Gesellschaft.* [West] Berlin, 1982.

⁷⁴ *VfZ.* 1975. Н. 2. С. 222—223. Подробнее см.: *Гинцберг Л. И.* Рабочее и коммунистическое движение Германии в борьбе против фашизма (1913—1933 гг.). М., 1978. С. 284.

стижениями многих организаций КПГ⁷⁵. Упомянутая нами организация Харнака — Шульце-Бойзена проводила марксистскую учебу среди своих членов, распространяла агитационные материалы, помогала родственникам заключенных антифашистов, осуществляла совместно с иностранными рабочими и военнопленными саботаж на военных предприятиях, строго соблюдая правила конспирации. В то же время она старалась максимально легализовать встречи и собрания, проводя их под видом различных семейных праздников, пикников, занятий кружков иностранного языка, работы на садовых участках, катания на лодках и т. п.⁷⁶

Точка зрения умеренных консерваторов в значительной степени согласовывается со взглядами ХДС. Тот же антикоммунизм, но в сочетании с известными уступками общественному мнению внутри страны и за рубежом. Так было в 60-е годы, о чем свидетельствует, в частности, изданный в Бонне в 1967 г. бюллетень № 78 ведомства прессы и информации при федеральном правительстве — «Жертвы Сопrotивления — фундамент нового строительства». Один из тогдашних руководителей бундесвера генерал граф фон Кильмансег, чье выступление помещено в бюллетене, присоединился к мнению Ротфельса. Генерал процитировал тезисы профессора «о движении 20 июля». Вслед за Ротфельсом Кильмансег ограничивает рассмотрение Сопrotивления областью этического. Он считает, что деятельность заговорщиков «стоит выше всякой оценки», а их вступление в оппозицию объясняет «велением совести и сердца». Они, полагает генерал, «должны явиться образцом для немецких солдат». Парламентский статс-секретарь МИД Г. Ян утверждал, что идея «сопrotивления чудовищным злоупотреблениям государственной властью в Германии 1933—1945 гг. является основой нашего (ФРГ.— Л. М.) государства»⁷⁷.

Так осталось и в 70-х — начале 80-х годов⁷⁸. В этой связи особый интерес представляет концепция фашизма и антифашизма, выраженная в официальных речах канцлера ФРГ в день 50-й годовщины прихода фашизма к власти в Германии и в день 40-й годовщины покушения 20 июля 1944 г. «Необходимо знать историю,— верно подчеркивает Г. Коль,— для немцев менее всего позволительно существование без знания прошлого». Однако сам канцлер высказывает далее весьма неполное представление о недавнем прошлом. Он игнорирует исключительную ответствен-

---

⁷⁵ Об успешном применении названной тактики данными организациями КПГ см.: *Бирнар К. Г., Краусхаар Л.* Указ. соч.; *Nitzsche G.* Die Saefkow-Jacob-Bästlein-Gruppe. В., 1957; *Puls U.* Die Bästlein-Jacob-Abshagen-Gruppe. В., 1959.

⁷⁶ *Бирнар К. Г., Краусхаар Л.* Указ. соч. С. 11—25.

⁷⁷ Bulletin. 1967. N 78. S. 669.

⁷⁸ Характерно, что к теме «20 июля 1944 г. в официальных юбилейных речах и историографии ФРГ и ГДР» обратились ряд историков в самой ФРГ (APZ. 1984. N. 26. S. 3—12).

ность империалистической буржуазии Германии за фашизм и войну. Правящие круги будто бы лишь «допустили ошибку», передав власть НСДАП в надежде на то, что она будет добиваться только восстановления «позиций Германии как великой державы». Но как уже было показано наукой, глобальная захватническая программа фашизма являлась одновременно и программой наиболее империалистических элементов германского монополистического капитала, военного и штатского чиновничества. Даже восстановление упомянутых в речи «позиций» Германии (1914 г.) предполагало возвращение захваченных ею западных территорий Польши. Как это совместить с рассуждениями об «общечеловеческом» и с его «заботой» об этой стране?

Фашизм предстает в речах как «коричневая революция». На первое место выдвигается Гитлер, этот «губитель Германии и немцев». Канцлер видит связь между внутренней и внешней политикой фашизма, но характеризует первую чрезвычайно расплывчато: «борьба против всех демократов, свободного духа, искусства, науки». Он верно констатирует отсутствие «вопроса об ответственности за войну» применительно к мировому конфликту 1914—1945 гг. в отличие от конфликта 1914—1918 гг. В данном случае Германия «хотела войны». «Завоевательные цели и варварские способы» этой войны «сделали страшным немецкое имя» и «вызвали конец „третьей империи“». В то же время тщетны попытки представить агрессию справедливой «борьбой за отечество», 8 мая 1945 г.— «низшим пунктом германской истории», а разгром фашизма — «катастрофой». В речах звучит также попытка обойти молчанием колоссальные преступления фашизма, переложить его вину на страны антифашистской коалиции, пускается в ход доктрина тоталитаризма. Коль приписывает антифашистской коалиции намерение «расчленить и поработить Германию».

В характеристике Соппротивления прослеживается стремление затушевать тот факт, что буржуазия Германии по сравнению с буржуазией любой другой страны в наименьшей степени причастна к антифашистской борьбе. В этих целях автор искусственно преувеличивает размах движения, позволяет себе говорить даже о некоей «гражданской войне», будто бы имевшей место в Германии; проводит мысль о якобы надклассовом характере оппозиционных движений. Эта мысль органически связывается с известным тезисом о «единой германской нации». Автор отмечает участие в движении «учащихся, студентов, солдат, священнослужителей, рабочих, „людей 20 июля“», но на первое место выдвигает покушение на Гитлера, фактически сбрасывая со счетов борьбу коммунистов, других антифашистов, комитета «Свободная Германия» как наиболее эффективного из всех немецких оппозиционных течений. Вопреки фактам, установленным историками не только СССР, ГДР, но и ФРГ, оратор пытается представить всех причастных к покушению едиными в идейно-политическом отношении, прибегая при этом к выражениям: «восстание сове-

сти», «борьба за право и человечность, нацию и религию»⁷⁹.

Основу умеренно-консервативной концепции оппозиционных движений в Германии 1933—1945 гг. составили взгляды Г. Ротфельса, опубликованные в неоднократно переиздававшейся книге «Немецкая оппозиция Гитлеру»⁸⁰. По мнению исследователя, тема заговора «принадлежит к центральным в новейшей истории, и не только немецкой». В отличие от Риттера Ротфельс отмечает широкую социальную базу заговора; с полным основанием защищает от нападок крайних консерваторов группу «Крайзау»⁸¹, верно замечает расслоение заговорщиков, хотя подчас явно стремится сгладить противоречия между консервативными и демократическими представителями движения. Автор выступает против тезиса о Шульце-Бойзене и Харнаке как «агентах Кремля» и на этом основании осуждает исключение их крайними консерваторами из немецкого Сопротивления⁸², признает борьбу КППГ. «В настоящее время,— писал он еще в 1964 г.,— никто из тех, кто стремится к истине и серьезно занимается исследованием немецкой оппозиции, не оспаривает того, что коммунистические группы играли в ней немаловажную роль»⁸³. Ротфельс отмечает преимущество КППГ перед всеми другими партиями — она владела техникой революционной борьбы. Однако он не отверг полностью тезисы о «зависимости» КППГ, о «малой эффективности» ее действий.

Ротфельс подверг критике утверждение о «разлагающем влиянии заговора на оборону». В действиях оппозиции, в том числе и Штауффенберга, он не видит «измены родине». Это способствует разоблачению неофашистских версий, восстановлению правды о заговоре и причинах поражения Германии. Но Ротфельс отнюдь не собирается, по его словам, «отдавать Штауффенберга марксистам»⁸⁴ — в ложном свете представляет он отношение Штауффенберга к СССР и КППГ, отвергает тот установленный факт, что Штауффенберг и его единомышленники выступили за установление дружественных отношений с Советским Союзом, за сотрудничество с КППГ в антифашистском преобразовании Германии⁸⁵. В то же время Ротфельс верно утверждает, что Штауффенберг «развивал более универсальную перспективу, нежели военную или националистическую. Мысли и планы его были на-

⁷⁹ Kohl H. Reden, 1982—1984. Bonn, 1984. S. 109—113, 492—494; *Idem*. Zur Lage der Nation. Bonn, 1984; Bulletin. 1986. N 88. S. 741; ср.: Gedanken zum 20 Juli. Mainz, 1984; См. также: Сокольский О. Л. Христианско-демократический союз ФРГ: социология и политика. М., 1983.

⁸⁰ Официальные круги ФРГ весьма высоко оценивали деятельность Ротфельса (см.: VfZ. 1971. Н. 2).

⁸¹ Подробнее см.: Finker K. Graf Moltke und der Kreisauer Kreis. В., 1980.

⁸² VfZ. 1969. Н. 3. S. 243.

⁸³ Ibid. 1964. Н. 3.

⁸⁴ Ibid. S. 221. В литературе умеренно-консервативного направления был выдвинут тезис о «западной ориентации» Штауффенберга (см., в частности: HZ. 1973. Н. 3. S. 725).

⁸⁵ См.: BzG. 1975. Н. 2. S. 267.

правлены на освобождение всех народов, которые страдали под тираническим господством»⁸⁶.

Обоснованию планов «европейцев» служит тезис Ротфеля о заговорщиках как об «авангарде новой Европы, которая должна быть освобождена от национальной раздробленности», об их стремлении создать «экономически объединенную, но культурно и политически многообразную, жизнеспособную Центральную Европу, которая будет организована как союз федераций и должна будет присоединиться как к общеевропейскому, так и к мировому союзу». В этот союз предусматривалось включить и «русский народ при условии возврата его к религиозным воззрениям». Здесь Ротфельс в завуалированной форме повторяет тезис крайних консерваторов о примирении всех заговорщиков 20 июля с открыто империалистическими кругами на антисоветской основе. Ротфельс заявляет, что «в целом заговор, включая профсоюзных лидеров и даже радикальные элементы... был, несомненно, западным в политическом смысле этого слова... в принципе это было решение за Европу против Азии».

Много внимания уделяет Ротфельс группе «Крайзау», куда вошли прогрессивные участники оппозиции — буржуазные чиновники, офицеры, духовенство, социал-демократическая интеллигенция. Среди них — руководитель группы граф Г. Д. фон Мольтке, эксперт по международному праву в ОКВ, советник министерства иностранных дел А. фон Тротт цу Зольц, полковник К. фон Штауффенберг. К группе был близок Ф. В. фон дер Шуленбург, бывший посол Германии в СССР. В группу входил евангелический священник Г. Пельхау. Из социал-демократов назывем бывшего депутата рейхстага Ю. Лебера и профессора истории А. Рейхвейна⁸⁷. По оценке К. Финкера, внутривполитическая программа группы содержала элементы антифашистской демократической республики, которая в некоторых отношениях даже выходила за рамки буржуазной демократии⁸⁸. «Обеспечение материального существования трудящихся во имя их человеческого достоинства», — читаем в одном из программных документов группы. И далее: «Правительство содействует такому развитию, благодаря которому каждое предприятие должно превратиться в хозяйственное сообщество всех работающих на нем людей. В таком сообществе, именуемом „профсоюзом данного предприятия“, между владельцами предприятия и представителями занятых на нем лиц достигается договоренность об участии последних в управлении предприятием и в итогах его деятельности, особенно в увеличении капитала предприятия»⁸⁹.

С известным основанием Ротфельс отмечает, что «ведущие участники этой группы порвали с буржуазным образом мышления... отреклись от большинства „либеральных“ символов веры

⁸⁶ VfZ. 1969. Н. 3. S. 296.

⁸⁷ Finker K. Der «Kreisauer Kreis».

⁸⁸ Финкер К. Указ. соч. С. 198.

⁸⁹ Stelzer Th. Sechzig Jahre Zeitgenosse. München, 1966.

XVIII и XIX вв. так же, как от социальных и экономических понятий Веймарской республики». Автор с похвалой отзывается о планах государственного устройства группы «Крайзау» и критикует суждение Риттера об этих планах как политическом дилетантизме. Характерна попытка Ротфельса изобразить заговор в виде политической организации, выражавшей интересы «немцев всех мировоззрений и профессий». «Хотя заговором руководили,— пишет Ротфельс,— представители определенных общественных групп, он все же охватил все социальные слои, представителей буржуазных, военных, аристократических и пролетарских, духовных и светских кругов». Историк считает несостоятельным классовый подход к оппозиции. Однако сам он во многих случаях недвусмысленно занимает вполне определенные классовые позиции. Например, он четко показывает политическую актуальность историографии Сопротивления⁹⁰.

Влияние тех или иных взглядов Ротфельса прослеживается во многих трудах умеренных консерваторов. Такова глава Грухманна об антифашистской борьбе в книге «Германская история после первой мировой войны». Понятие «немецкое сопротивление нацистскому режиму» автор фактически сводит к буржуазной оппозиции. Так, он отмечает, что от «социалистического и профсоюзного движения остались лишь разрозненные группы и изолированные ячейки внутри рабочего класса, которые в 1940 г. снова объединились и образовали подпольную сеть, готовую поддерживать переворот, но неспособную самостоятельно произвести его».

Грухманн полагает, что «наряду с обстоятельным идеологическим воспитанием» коммунистическое движение «побуждало свои ячейки к саботажу, чем и отличалось от остальных групп Сопротивления, которые считали бессмысленными эти отдельные акции». Автор упоминает организацию Харнака—Шульце-Бойзена, которую он рассматривает как «немецкую ветвь советской разведывательной сети, охватившей всю Европу»⁹¹. Многие из этих замечаний имеют тенденциозный характер. Даже активность организаций КПГ в антифашистской борьбе Грухманн пытается истолковать в антикоммунистическом духе. Симпатии же автора находятся явно на стороне церковной оппозиции, о «заслугах» которой он говорит особо. Кроме того, он явно преувеличивает роль группы Гёрделера. Этот деятель, весьма ограниченный и непоследовательный, выступает в работе Грухманна как «человек с сильными нравственными устоями», «центральный мотор Сопротивления». Автор обнаруживает в программе группы «Крайзау» «сильные социалистические моменты», которые «вступили в серьезные противоречия с буржуазными представлениями Гёрделера». Отмечая многократные попытки оппозиции установить

⁹⁰ Rothfels H. Die deutsche Opposition gegen Hitler. Frankfurt a. M., 1969; VfZ. 1969. H. 3. S. 240.

⁹¹ Deutsche Geschichte seit dem Ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1973. Bd. 2. S. 252.

контакт с западными союзниками, Грухманн по существу упрекает последних в том, что они «не видели в Гёрделере серьезного партнера по переговорам».

Вслед за Ротфельсом автор стремится отвести от буржуазной оппозиции обвинения в «измене». «Немецкое сопротивление нацистскому режиму,— полагает он,— было вызвано не только осознанием того, что война оказалась „безнадёжно проигранной“; „имели место и моральные мотивы — отвращение к целям и акциям этого режима как в конце войны, так и в период военно-политических успехов Германии». Автор ошибочно рассматривает «немецкое сопротивление» как нечто однородное, единое. Он не замечает, что названные высокие нравственные побуждения были свойственны отнюдь не всем заговорщикам.

Консервативные участники оппозиции планировали свергнуть гитлеровское правительство, но сохранить антинародный режим. Они стремились спасти для германского империализма то, что еще можно было спасти. В различных секретных записках Гёрделер настаивал на заключении с западными державами соглашения, «которое позволит сконцентрировать все военные силы немецкого народа на Востоке». В определенной степени это отмечается и в исторической литературе. Заговорщики, пишет, например, Э. Нольте, «хотели сохранить результаты нацистской агрессии — аннексию Судетской области, польского коридора»⁹².

Грухманн утверждает, что для оппозиции «перспектива поддержки немецким народом была ничтожна». Оправдывая нежеланием консервативных лидеров оппозиции опереться на поддержку народных масс, автор обращается к ошибочно трактуемой им специфике антифашистской борьбы в Германии. В оккупированных странах, по его мнению, будто бы достаточно было «апеллировать к национальным чувствам широких масс собственного народа». В Германии же к «пониманию того, что действия против собственного правительства не являются предательством... могли прийти лишь люди, обладающие прочными религиозно-нравственными убеждениями и политической дальновидностью». Исследователь сбрасывает при этом со счетов классовый аспект Сопротивления, ограничивая задачи Сопротивления лишь «освобождением от иноземного господства»⁹³.

Автор игнорирует то обстоятельство, что германская империалистическая буржуазия привела фашистов к власти, поддерживала их до тех пор, пока им сопутствовали военные успехи. Накануне же поражения заговорщики, по крайней мере наиболее правые из них, по словам Ульбрихта, «пытались прыгнуть с поезда, мчащегося к пропасти, в надежде сохранить основы монополистического капитализма»⁹⁴. Ряд историков прямо или

⁹² Nolie E. Der Faschismus von Mussolini zu Hitler, München, 1968. S. 375.

⁹³ Подробнее о соотношении национально-освободительного и социального аспектов Сопротивления см.: Новая и новейшая история. 1985. № 3. С. 69—73.

⁹⁴ Ульбрихт В. К истории новейшего времени. М., 1957. С. 37.

косвенно отмечают это обстоятельство. Побудительными мотивами консервативных участников заговора, пишет Нольте, было «разочарование в Гитлере», заговор был «попыткой предотвратить грозящую большевизацию Германии»⁹⁵.

Объясняя поражение заговора 20 июля, Грухманн выдвигает на первый план отдельные моменты действительно далекой от совершенства технической подготовки государственного переворота, возложенной в значительной степени на одного Штауффенберга. При этом автор оставляет в тени или обходит молчанием коренные причины поражения, главная из которых, как показали историки-марксисты, заключалась в том, что руководители заговора «боялись собственного народа и поэтому отстранили от участия в заговоре единственную силу, которая была бы в состоянии свергнуть Гитлера и решить исторические задачи, стоящие перед Германией»⁹⁶. Грухманн лишь констатирует, но не объясняет, почему оппозиция не получила также и внешней поддержки.

Первыми в буржуазной историографии видные представители умеренно-консервативного направления начали историографические исследования литературы о Сопротивлении. Среди них — работы Г. Шульца, К. Д. Брахера, Б. Шойрига. Специальная глава книги профессора Тюбингенского университета Шульца основана на доктрине тоталитаризма и в целом не выдерживает критики. В то же время он, однако, отмечает, что многие историки недифференцированно подходили к различным течениям оппозиции; уделяли мало внимания социальному составу ее отдельных групп; Гёрделер часто выступал как «символ сопротивления»; не делалось различия между политическими программами Гёрделера и Штауффенберга.

Не без оснований критикует Шульц отдельные ранние работы историков-марксистов, «подвергавших в целом заговор уничтожающей критике, видевших в нем отчаянную попытку самоутверждения милитаристской клики», «акцию, организованную правящими классами США и Англии»⁹⁷. Однако Шульц, судя по всему, намеренно игнорирует то обстоятельство, что задолго до появления его книги марксистская историография преодолела эти ошибки, возникшие главным образом из-за недостаточной исторической базы и догматических влияний сталинизма. Одностороннее освещение истории заговора в некоторых работах было подвергнуто критике и в советской исторической периодике⁹⁸. Историки-марксисты совершенно четко выделяют в оппозиции

⁹⁵ Nolte E. Der Nationalsozialismus. [West] Berlin, 1970. S. 96.

⁹⁶ Ульбрихт В. Указ. соч. С. 44; Финкер К. Указ. соч. С. 339.

⁹⁷ Schulz G. Das Zeitalter der Gesellschaft. München, 1969. S. 331, 332, 335, 340, 350, 351; *Idem.* Faschismus — Nationalsozialismus. [West] Berlin, 1974; *Idem.* Aufstieg des Nationalsozialismus. Frankfurt a. M., 1975.

⁹⁸ См., в частности, рец. В. Т. Фомина на кн.: Коваль В. С. Правда о заговоре против Гитлера 20 июля 1944 г. Киев, 1960 (Новая и новейшая история. 1961. № 4).

левое течение. Организованное им — группой Штауффенберга — покушение было единственной акцией заговора в целом. В другой книге Шульца — «Германия после первой мировой войны» по существу игнорируется борьба КПГ⁹⁹. Представляет интерес новая историографическая работа автора «Национал-патриотизм в Сопротивлении», в которой предпринят обзор опубликованной за последние 40 лет литературы об антифашистской борьбе¹⁰⁰.

В одной из историографических работ К. Брахер в литературе о немецком Сопротивлении выделяет четыре направления, в зависимости от включения или невключения теми или иными исследователями в ряды Сопротивления различных организаций — коммунистических, «консервативных и военных», церковных. Эта схема учитывает лишь один из аспектов дифференциации литературы, автор не придает значения таким важным факторам, как социальная ориентация, философские и политические взгляды историков и мемуаристов, источники их трудов, их отношение к источникам, профессиональную подготовку. Не полностью учтены им и важнейшие моменты самой концепции Сопротивления — суждения о том, какая политическая партия являлась главной силой антифашистской борьбы, какой характер имели различные его движения, насколько эффективны были их действия. Не учтены и другие значительные моменты: оценка историками роли социал-демократических организаций, неоднородности буржуазной оппозиции. Марксистско-ленинскую историографию истории Сопротивления автор представляет упрощенно. Историки СССР и ГДР отнюдь не исключают из Сопротивления «все военные и консервативные круги», как утверждает автор.

Тем не менее Брахер выступает против тех исследователей, которые отрицают участие в Сопротивлении коммунистических организаций или обвиняют КПГ в «национальной измене». Автор с полным основанием считает необходимым при исследовании истории Сопротивления «учитывать средства, мотивы, степень влияния различных групп Сопротивления». Однако, исследуя причины возникновения заговора, автор не замечает стремления господствующих кругов спасти буржуазное общество путем вершесного переворота. На первый план Брахер выдвигает недовершенство части офицеров и интеллигенции фашистской оккупационной политикой. Однако, как было уже показано, независимо от субъективных представлений тех или иных оппозиционеров, в целом заговор служил задаче устранения правительства Гитлера.

Брахер анализирует различия между течениями заговора, сравнительно объективно характеризует политические позиции Штауффенберга. К группе «Крайзау» автор относится с явной симпатией. С полным основанием полагает он, что программа

⁹⁹ Schulz G. Deutschland seit dem Ersten Weltkrieg. Göttingen, 1976.

¹⁰⁰ См.: VfZ. 1984. Н. 4. S. 331–373.

Гёрделера не является альтернативной фашизму. «События 20 июля,— считает автор,— привели Соппротивление внутри Германии к кровавому концу и обусловили последний взлет нацистского господства». Слабость же Соппротивления Брахер не без основания объясняет тем, что «основные его центры были разбросаны», против фашизма «выступали самые различные силы», «единого движения Соппротивления не было ни на одном этапе истории „третьей империи“»¹⁰¹. Исследователь не отвечает на вопрос о том, кто несет ответственность за раскол противников фашизма; не показывает также и разностороннюю борьбу КПП за преодоление этого раскола, за организацию широкого фронта, деятельности НКСГ, созданного в результате этой борьбы. В ряде своих работ Брахер сделал существенные шаги вправо. Так, в статье, посвященной Леберу, он приписывает современной марксистской историографии истории фашизма известную догматическую концепцию «агента». КПП, по его мнению, «повинна в слабости левых сил»; высоко оценивая деятельность Лебера и в целом СДПГ, автор подчеркивает, что он «был схвачен после встречи с коммунистами». Из текста Брахера читатель может сделать вывод, что Лебер был арестован по вине коммунистов. Так же тенденциозно оценивает Брахер и общую позицию КПП и СДПГ¹⁰².

В историографической работе Б. Шойрига назван «глупой ошибкой» тезис Р. Дарендорфа о том, что Соппротивление не явилось шагом к свободе; отмечен начавшийся в ФРГ пересмотр апологетической оценки буржуазной оппозиции. Новейшие исследования, по мнению автора, показали, что Соппротивление не было единым. Если Л. Бек, К. Гёрделер, У. Хассель оставались верны традициям империи Бисмарка, то социалисты и группа «Крайзау» выступали за радикальные изменения. Если первые пытались сохранить «Великую Германию Гитлера», то вторые не «придавали значения границам». «Пришло время признать,— пишет автор,— что едва ли кто-либо из тех, кто пытался свергнуть Гитлера в 1944 г., участвовал в Соппротивлении в 1938 г.». При этом он подчеркивает, что «решительность заговорщиков определялась тем, насколько вырисовывалось поражение Германии».

Шойриг справедливо полагает, что лидеры консервативных групп «без теплоты» относились к Веймарской республике, что «в результате Версаля их цели совпали с целями Гитлера», что в отличие от левых Гёрделер не имел ясной программы, но он, «несомненно, мыслил великогермански и гегемонистски». Шойриг полагает, что историки молодого поколения верно раскрыли противоречия внутри буржуазной оппозиции. По его мнению, левые в Соппротивлении «заслуживают всякого уважения. Их участие в заговоре необходимо изучить более тщательно, чем это имело ме-

¹⁰¹ Bracher K. D. Die deutsche Diktatur. Köln, 1969. S. 467, 478, 489, 501.

¹⁰² Цит. по: Widerstand im Dritten Reich. Frankfurt a. M., 1984. S. 239—242.

сто до сих пор. Это относится и к группе «Красная капелла», над которой наша историография охотно занесла топор».

В то же время автор утверждает, что «только военная фронда была в состоянии действовать». Положительно оценивая новые тенденции в буржуазной историографии ФРГ, сам автор в значительной степени остается на старых позициях. Организации Сопротивления, руководимые КППГ, в первую очередь движение «Свободная Германия», он оставил в тени. Признавая некоторые достижения марксистской историографии, он обвиняет ее в преувеличении роли рабочих в Сопротивлении¹⁰³.

В изучаемый период умеренные консерваторы значительно расширили тематику исследований, отказались считать консервативное крыло заговора 20 июля единственным представителем Сопротивления. Появился ряд трудов по истории рабочего класса и крестьянства Германии в 1933—1945 гг. Они содержат некоторый материал, относящийся к теме Сопротивления¹⁰⁴. Ряд исследователей внесли определенный вклад в изучение буржуазных групп Сопротивления.

Перу М. Тиленхауса, ученицы А. Хилльгрубера, принадлежит книга «Между конформизмом и Сопротивлением»¹⁰⁵. Автор изучила довольно многочисленные архивные материалы из Политического архива министерства иностранных дел ФРГ (Бонн), из Федерального архива в Кобленце, из архива Института современной истории в Мюнхене, из архивов Англии, а также документы оппозиционно настроенных сотрудников министерства иностранных дел, хранящиеся в частных собраниях. Список использованных автором опубликованных источников — документов, мемуаров, дневников — содержит свыше 100 наименований. Широко представлена в книге исследовательская литература ФРГ, США, Англии, в меньшей степени — ГДР и СССР. Работа в основном посвящена деятельности Вайцекера и сотрудников его ведомства в 1938—1944 гг.

Автор полагает, что для внешнеполитических взглядов группы Вайцекера было характерно стремление путем переговоров «вернуть Германии потерянное ею в первой мировой войне господствующее положение в центральной Европе». Большое внимание уделено в книге социальной программе заговорщиков. Они критиковали фашизм, но в то же время требовали отказаться от завоеваний Ноябрьской революции 1918 г., установившей в стране буржуазно-демократическую республику. Их осуждение «внутриполитических террористических мер нацистского государства ... базировалось на христианской традиции»¹⁰⁶. Вайцекер и его единомышленники наивно объясняли «неверное развитие

¹⁰³ Vorwärts, 1974. 18. Juli. S. 10.

¹⁰⁴ См., например: *Abelshauser W.* Der Ruhrkohlenbergbau seit 1945. München, 1984. S. 30—31; *Jahrbuch westdeutscher Landgeschichte.* 1984. N 10. S. 251—258; *GWU.* 1985. H. 9. S. 605—631; *VfZ.* 1985. H. 2. S. 310—339.

¹⁰⁵ *Thielenhaus M.* Zwischen Anpassung und Widerstand. Paderborn, 1984.

¹⁰⁶ *Ibid.* S. 223.

внешней политики преимущественно тем, что партийные функционеры стали вмешиваться в дипломатию». Осознание того, что фашистское руководство вело к войне, побудило заговорщиков пойти на государственную измену — передачу информации за границу, контакты с гражданскими и военными оппозиционными силами. План государственного переворота как крайней мере для предотвращения международного конфликта поддерживали, однако, лишь братья Кордты. Это противоречило целям Вайцзека, который пытался «разоблачить политику министра иностранных дел (Риббентропа.— Л. М.) и таким образом удержать Гитлера от военной акции»¹⁰⁷.

По мнению Тиленхауса, Вайцзекер не разделял готовности части офицеров вермахта осуществить переворот, вместе с тем «поддерживал их», передавая политическую информацию, «терпеливо относился к стремлениям своих сотрудников готовить переворот»¹⁰⁸. Автор отмечает пассивность данной группы оппозиционеров, но в какой-то степени оправдывает эту пассивность политикой «умиротворения», проводившейся Англией. В книге представлена старая, по меньшей мере спорная, точка зрения, что только военные могли оказать серьезное сопротивление фашистам. Зимой 1939—1940 г. заговорщики стремились «заключить с западными державами компромиссный мир на основе восстановления восточных границ Германии 1914 г., присоединения Австрии и немецких областей Чехословакии»¹⁰⁹.

Однако можно ли говорить о некоем «компромиссном мире», если речь идет о захвате Германией стран и земель, никогда ей не принадлежавших? Не перечеркивает ли это суждение автора о «миролюбии» Вайцзека как «духовного противника нацизма». Впрочем, сама Тиленхаус приходит к заключению о мнимом «приоренчестве» этого дипломата. Представляется преувеличенным противопоставление Вайцзекеру молодых дипломатов. Возникает сомнение, были ли последние на самом деле настолько радикальными. Это исследование подчас против желания самого автора подтверждает вывод о том, что заговорщики-консерваторы в большинстве своем не были в состоянии противопоставить фашистской принципиально иную — демократическую — программу.

Работа К. Д. Эрдманна посвящена истории германских университетов в 1933—1945 гг. Автор делает вывод об оппозиционности университетских ученых¹¹⁰, но не подтверждает его конкретными данными и в то же время обходит молчанием деятельность подлинно антифашистских кругов высшей школы, например организации «Белая роза». Автор книги о прессе Ю. Хагемани пытается доказать, что в пропагандистском аппарате Германии

¹⁰⁷ Ibid.

¹⁰⁸ Ibid. S. 225.

¹⁰⁹ Ibid. S. 227. О контактах заговорщиков с английскими дипломатами см.: *Deutscher Konservatismus im 19. und 20. Jahrhundert*. Bonn, 1983.

¹¹⁰ *Erdmann K. D. Geschichte, Politik und Pädagogik*. Stuttgart, 1970; см. также: *Idem. Der Zweite Weltkrieg*. München, 1982.

имело место сопротивление формированию фашистами общественного мнения. Подобная тенденция прослеживается и в книге Р. Болльмуса «Ведомство Розенберга и его противники»¹¹¹. Появился ряд новых работ по проблеме «церковь и Сопротивление»¹¹².

Внимание некоторых умеренных консерваторов продолжают привлекать участие в Сопротивлении офицеров вермахта¹¹³, борьба немецких евреев «за существование и человеческое достоинство»¹¹⁴. До сих пор эти авторы писали лишь о «страданиях германских граждан европейской национальности». Для новой литературы характерен определенный интерес к Сопротивлению в оккупированных странах и участием в нем немцев¹¹⁵.

Ряд трудов посвящен анализу политических позиций различных слоев населения Германии, в частности политической апатии значительной его части¹¹⁶. Т. Травалини предпринял анализ центральной и местной прессы Германии лета 1944 г., что позволило автору проследить влияние на немцев сообщений о покушении 20 июля. Это покушение было использовано фашистами для пропаганды тотальной войны и усиления репрессий¹¹⁷. В статье Якобсена «Изменения представлений о Польше в Германии (1773—1972)» показаны проекты решения польского вопроса, разработанные в различных группах оппозиции. Автор справедливо отмечает, что участники группы «Крайзау» считали «возрождение Польши одной из важнейших задач послевоенной политики». Гёрделер, Бек, Хассель — их автор называет «консервативными уважаемыми людьми», — наоборот, «долгое время стремились к германскому руководству в Европе; Польша (по их планам.— Л. М.) должна была быть включена в сферу германского влияния при сохранении ее политической и культурной независимости»¹¹⁸.

¹¹¹ *Bollmus R.* Das Amt Rosenberg und seine Gegner. Stuttgart, 1970; см. также: *Hagemann J.* Die Presselenkung im Dritten Reich. Bonn, 1970.

¹¹² См., например: *VfZ.* 1980. Н. 3. С. 293—310; *Stimmen der Zeit.* 1983. N 101. S. 363—373; *See W. et al.* Frauen im Kirchen-Kampf. [West] Berlin, 1985. Ср. работы историков ГДР: *Ihr Gewissen gebot es; Meier K.* Die evangelische Kirche im Kampf. Halle, 1984. Bd. 3; *Widerstand aus Glauben.* B., 1985.

¹¹³ См., например: *Müller K.-J.* Armee, Politik und Gesellschaft in Deutschland 1933—1945. Paderborn, 1979; *Idem.* General Ludwig Beck. Boppard a. R., 1980; *Thun-Hohenstein R. G.* Der Verschwörer. [West] Berlin, 1982.

¹¹⁴ См.: *Kwiet K., Eschwege H.* Selbstbehauptung und Widerstand. Hamburg, 1984.

¹¹⁵ См., например: *Wissenschaftskolleg zu Berlin.* [West] Berlin, 1984. S. 31—45; *Literatur der Resistance und Kollaboration in Frankreich.* Wiesbaden, 1982—1984. Bd. 1—3; *Volk R.* Die französischen Kommunisten und die Befreiung Frankreichs. Frankfurt a. M., 1984. *Widerstand, Flucht, Kollaboration.* Frankfurt a. M., 1984.

¹¹⁶ См.: *Wistrich R.* Wer war wer im Dritten Reich. München, 1983; *Hochstein B.* Die Ideologie des Überlebens. Frankfurt a. M., 1984.

¹¹⁷ *APZ.* 1974. Н. 29. С. 7, 9, 15.

¹¹⁸ *Das Parlament.* 1973, 23. Mai. Ср. со статьей историка ГДР Г. Дресца (*Staat und Recht.* 1973. Н. 8).

Один из соавторов десятитомника «Германская империя и вторая мировая война» — Г. Ветте затронул весьма нетрадиционную для консерваторов и очень актуальную в наши дни тему — пацифистские движения в Германии 20—30-х годов. Он знаком с многотомной «Историей германского рабочего движения», вышедшей в ГДР, в подстрочных примечаниях приводит суждения историков ГДР и безапелляционно отвергает их, не приводя при этом никаких новых фактов или доводов. Он повторяет тезисы о «зависимости КПГ от Москвы», о «Коминтерне как рупоре советских интересов», об исключительной ответственности КПГ за «раскол германских антивоенных сил»¹¹⁹, не пытаясь их как-либо обосновать и игнорируя их критику не только историками СССР и ГДР, но и учеными ФРГ¹²⁰. Написанный Ветте раздел «Организованный пацифизм в изоляции» объективно служит дискредитации самой идеи борьбы против милитаризма. Содержание раздела шире заглавия, в нем идет речь не только о пацифистах. Само по себе рассмотрение антивоенного движения в связи с предысторией войны в методологическом отношении оправданно. Это обосновано и в политическом отношении. Ленин неоднократно указывал на необходимость видеть и использовать в интересах защиты мира и международного сотрудничества различия между теми представителями буржуазии, «которые тяготеют к военному решению вопроса», и теми, «которые тяготеют к пацифизму, будь он хотя самый плохенький и, с точки зрения коммунизма, не выдерживающий и тени критики»¹²¹. Как известно, после второй мировой войны многие пацифисты сотрудничают с коммунистами в массовом движении сторонников мира. Может быть, наиболее ярко проявляется это именно в ФРГ, на примере партии «зеленых»¹²².

Однако Ветте не раскрыл сущность пацифистского движения в Германии 20-х — начала 30-х годов и причины его поражения. Он не видит кризиса буржуазного пацифизма в эпоху империализма, особенностей германского пацифизма, действовавшего в условиях максимальной агрессивности и реакционности основных сил буржуазного класса. Источник неуспеха движения автор ищет лишь в его расколе на два течения — умеренное и радикальное, т. е. на поверхности самого явления. Он обращается также к роли КПГ в антивоенном движении¹²³, но изображает ее в худших традициях «холодной войны». Он не только исключает коммунистов из числа участников антивоенной и антифа-

¹¹⁹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979. Bd. 1. S. 88—92; см. также: *Hillgruber A.* Europa in der Weltpolitik der Nachkriegszeit. München, 1981. S. 17; *Braunthal J.* Geschichte der Internationale. Bonn, 1978. Bd. 2. S. 547.

¹²⁰ *Peukert D.* Die KPD im Widerstand. Wuppertal, 1980. S. 429.

¹²¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 70.

¹²² Подробнее см.: «Зеленые»: идеология и политика. М., 1985; *Гинцберг Л. И.* Массовые демократические движения в ФРГ и партия «зеленых». М., 1988.

¹²³ Подробнее см.: *Гинцберг Л. И.* Друзья новой России. М., 1983.

шистской борьбы, но и ставит их в один ряд с... милитаристами. Общество в Веймарской республике он делит на две части: «большинство буржуазных партий, которые поддерживали милитаризм», «коммунисты, которые лишь абстрактно предупреждали о военной опасности», — с одной стороны, и «все слабеющий буржуазный пацифизм», СДПГ и руководимые ею профсоюзы — с другой ¹²⁴.

Аргументы Ветте приводит следующие: «Коммунисты были решительными противниками войны империалистической, т. е. войны империалистических стран против СССР, поскольку она угрожала „первому социалистическому государству“ (кавычки Ветте.— Л. М.). Враждебность такой войне не имела ничего общего с пацифизмом» ¹²⁵. Но империалистической КПГ считала отнюдь не только войну против СССР. Она выступала против всех несправедливых войн. Нетождественность коммунистического и пацифистского движений общеизвестна ¹²⁶. Спор коммунистов и пацифистов решила сама история, особенно история второй мировой войны. Антивоенную борьбу нельзя рассматривать лишь с этических позиций, игнорируя ее классовый характер; нельзя ставить знак равенства между агрессивными военными действиями и необходимой справедливой оборонительной борьбой ¹²⁷. Но Ветте обходит это молчанием. Противопоставление же им коммунистов пацифистам сугубо тенденциозно. Автор фактически считает пацифизм единственным выразителем общечеловеческих интересов; он игнорирует определенные успехи КПГ на пути ее сближения с пацифистами именно на гуманистической антимилитаристской основе ¹²⁸. Этот опыт КПГ весьма ценен в наше время, когда общечеловеческие проблемы стали особенно актуальными ¹²⁹. Ветте, и он не одинок, отрицает приверженность коммунистов идее мира, предает забвению традиции борьбы КПГ против фашизма и войны. Продолжая именно эти традиции, СЕПГ, ГКП и СЕПЗБ в своем недавнем воззвании дали слово приложить максимум усилий, чтобы с немецкой земли никогда больше не началась война ¹³⁰.

В июле 1984 г. в Западном Берлине состоялась международная конференция, организованная в связи с 40-летием покуше-

---

¹²⁴ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 85–88. Названную «дихотомию» считает несостоятельной и автор рецензии на 1-й том И. Дюльффер. См.: NpL. 1981. Н. 1. S. 14.

¹²⁵ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 92. Реакционные идеологи и ныне пытаются доказать «несовместимость» коммунистов и пацифистов. См.: Коммунист. 1983. № 8. С. 64.

¹²⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 268–269; Т. 27. С. 344; см. также: Вопр. истории. 1986. № 6. С. 3–21

¹²⁷ См.: Правда. 1983. 15 нояб.; 1985. 30 авг.; Бессмертие всенародного подвига. М., 1985. С. 120.

¹²⁸ Международное рабочее движение. Т. 5. С. 283–286.

¹²⁹ Подробнее см.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 18, 20–21, 75, 96, 164, 168, 177.

¹³⁰ См.: Коммунист. 1985. № 13. С. 30–40.

ния на Гитлера. В ней приняли участие исследователи из США, Англии, Франции, ГДР. Выступившие на конференции западногерманские ученые представляли различные направления в исторической науке. Наряду с традиционной в ряде докладов прозвучала новая для немарксистской историографии постановка вопроса. Так, были заслушаны доклады о Народном фронте и концепции народного движения в коммунистическом Сопротивлении; внутренних и внешних предпосылках немецкого Сопротивления; его этических мотивах, социальных и политических программах¹³¹. В юбилейные годы (1984—1985 гг.) Военно-историческое исследовательское ведомство ФРГ организовало передвижную выставку. Ее содержание отражено в изданной по поручению федерального министерства обороны книге «Восстание совести. Военное сопротивление против Гитлера и нацистского режима в 1933—1945 гг.». Здесь же опубликованы статьи таких ведущих ученых, как А. Фишер, Г. Краусник, Г. Мейер, К.-Ю. Мюллер, Г. Р. Юбершер, П. Штайнбах, П. Хоффманн, а также воспоминания бывших участников Сопротивления. В книге освещается эволюция военной оппозиции (1933—1938, 1939—1941, 1942—1944/45 гг.); связи военной оппозиции с группами гражданского сопротивления; влияние событий 20 июля 1944 г. на структуру вермахта. Отдельные статьи посвящены деятельности НКСГ на территории СССР, влиянию идей Сопротивления на население и армию ФРГ. Книге предпосланы приветствия президента бундестага и федерального министра обороны¹³².

К 40-летию покушения 20 июля 1944 г. умеренные консерваторы опубликовали ряд других коллективных работ. Одна из них — «20 июля 1944 г. Портреты Сопротивления»¹³³. Среди биографий военных и штатских чиновников, связанных с покушением, в отличие от публикаций прошлых лет «портреты» Бека и Гёрделера не занимают исключительного места. В книге приведены биографии деятелей различной политической ориентации, причем размещенные в алфавитном порядке. Помимо этого помещены статьи К. Д. Брахера о предыстории заговора, П. Штайнбаха — о группах Сопротивления, Г. Мейера — о праве на сопротивление, историографическая статья В. Альтгельда. Если в статье Брахера ярко выражен элитарный подход к Сопротивлению, то статья Штайнбаха содержит более взвешенную оценку роли различных социальных слоев населения в антифашистской борьбе.

Брахер освещает эволюцию Сопротивления; показывает известную разнородность его групп: левые, центр, консервативные круги, одиночки из госаппарата и экономических кругов, военные; требует выяснить побудительные мотивы их борьбы. Однако он ошибочно полагает, что Сопротивление «находилось по ту сторону политического», и ищет источник антифашистской борьбы

¹³¹ Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. München, 1984.

¹³² Aufstand des Gewissens. Bonn, 1985.

¹³³ 20. Juli 1944. Düsseldorf, 1984.

лишь в области этического. По существу игнорируя КППГ и другие демократические течения, Брахер называет связанную с покушением группу «крупнейшей в германской истории коалицией», объединившей различных людей «от генералов до секретарей рабочих партий», имевших общие «гуманистические представления». «Коалиция должна стать незабываемым образцом для народа, чье политическое поведение,— как тенденциозно утверждает автор,— слишком часто определялось верой в авторитеты, стремлением к подчинению, крайностями и иррационализмом». На первый взгляд может показаться верным объяснение автором поражения Сопротивления. Брахер пишет: «Внутри немецкого народа, большинство которого упорствовало в старой позитивистской идее повиновения государству и чья юность в большей части проходила в условиях нацизма, заговорщики и сочувствующие им составляли лишь незначительное меньшинство»¹³⁴. Однако автор не объясняет такой позиции «народа».

В статье Штайнбаха «Группы, центры и цели немецкого Сопротивления» обосновывается правомерность антифашистской борьбы. Автор считает коммунистов «первыми борцами» против фашизма, «носителями громадного сопротивления первого часа». Однако, по его мнению, борьба коммунистов будто бы «не имела будущего», поскольку их «открытый протест» обескровил их ряды. Как и многие другие умеренные консерваторы, Штайнбах преувеличивает влияние оппозиционных течений среди коммунистов; тенденциозно выделяет течение, «независимое от Москвы», и так называемую «группу Ульбрихта»; искусственно противопоставляет «Союз немецких офицеров» Национальному комитету «Свободная Германия». В отличие от крайних консерваторов и неофашистов он не считает организацию Харнака—Шульце-Бойзена «шпионской», но вопреки фактам утверждает, что деятельность КППГ не отвечала национальным интересам.

Автор верно полагает, что упование социал-демократического руководства на буржуазное право было «иллюзорным». Значение эмигрантских организаций СДПГ он не без оснований видит лишь в том, что они сохранили кадры для послевоенного социал-демократического движения. Штайнбах отмечает также ошибочный расчет германских профсоюзов на соглашение с правительством. Вместе с тем автор отделяет социал-демократических лидеров, участников заговора 20 июля, отличавшихся «органическим антинацизмом», от заговорщиков — выходцев из элитарных слоев населения, чьи «интересы частично совпадали с целями нацистского руководства» и «чье отмежевание от нацистской политики протекало медленно». Характеризуя деятельность буржуазных групп Сопротивления, он не без оснований отмечает, что их «решимость изменить реальности» была обусловлена тем, что «Гитлер подвергал Германию опасности». В создании этих групп,

¹³⁴ Цит. по: 20. Juli 1944, S. 10–14; см. также: *Weizsäcker R. Die deutsche Geschichte geht weiter.* [West] Berlin, 1983; *Klein A. Köln im Dritten Reich.* Köln, 1983. S. 278.

а также «военной оппозиции», по мнению автора, играли важную роль «личные, человеческие и не в последнюю очередь родственные отношения». «Многие начинания военной оппозиции», полагает Штайнбах, «были парализованы соображениями карьеры», «дипломатическими и военными успехами Гитлера». Перед глазами военных заговорщиков постоянно был призрак гестапо, угроза поражения и гибели национального государства; их мучили угрызения совести вследствие сотрудничества с режимом, прямого или косвенного участия в преступлениях¹³⁵. Значительное внимание Штайнбах уделяет оппозиционным течениям в германских церквях¹³⁶.

В том же 1984 г. Институтом современной истории был издан сборник «Сопrotивление в „третьей империи“: Проблемы, события, действующие лица». Он составлен из статей известных исследователей — Г. Ротфельса, Х. Моммзена, Г. Грамля, К. Клемпетера, Г. Плюма, Л. Грухманна, В. Диркса, К. Д. Брахера, Б. Шойрига. Книга состоит из двух частей. Первая содержит обобщающие статьи по истории всего Сопrotивления или его групп и организаций по отдельным проблемам, в том числе о внутри- и внешнеполитических взглядах участников антифашистской борьбы. Вторая часть состоит из биографий крупнейших представителей различных оппозиционных групп — К. Гёрделера, А. Тротта, А. Дельпа, Л. Бека, Г. Остера, Х. Трескова, Ю. Лебера. Наибольшего внимания заслуживает предисловие, написанное Г. Грамлем.

Он полагает, что в Германии 1933—1945 гг. «не было широкого движения Сопrotивления, оппозиционная деятельность от расклеивания враждебных режиму плакатов до разработки планов государственного переворота была делом одиночек, не было силы, которую можно было назвать движением. Г. Эльзер, пытавшийся в 1939 г. убить Гитлера, и Штауффенберг представляли вспомогательные группы». Причины слабости оппозиции автор видит в терроре, господстве «тотальной системы». «Наибольшее значение» автор придает поддержке режима «значительной частью немецкого населения — крестьян, буржуазии, рабочих». Наличие достаточно широкой социальной базы фашизма Грамль объясняет весьма поверхностно: внешнеполитический триумф 30-х годов, военные победы в 1939—1942 гг. «ликвидация безработицы после страшной нужды последних лет Веймарской республики, пусть даже ценой мобилизации немецкого общества на захватническую войну». В отличие от своих предшественников автор связывает «непонимание оппозиционеров большинством нации» с «незаконченным процессом интеграции немцев в нацию в 1870—1933 гг.». «Сохранившийся региональный раскол стра-

---

¹³⁵ Цит. по: 20. Juli 1944. S. 29—45; см. также: GWU. 1984. Н. 2. S. 65—85; Н. 6. S. 393—395.

¹³⁶ 20. Juli 1944. S. 37—45; см. также: Erdmann K. D. Der Zweite Weltkrieg. S. 146.

ны», «социальное расчленение нации и недоверие между классами и слоями» Грамль ошибочно рассматривает в одном ряду¹³⁷.

По существу своему верное мнение о центробежных силах в Германии как одном из источников слабости Сопrotивления, связанное, очевидно, с широким обсуждением в ФРГ проблемы немецкой нации¹³⁸, разделяют помимо Грамля и другие историки¹³⁹. Лозунг национального единства был, и не без успеха, использован не антифашистами, а их противником. В позиции многих историков прослеживается, однако, определенная недооценка основных причин относительной слабости немецких антифашистов.

В западногерманской историографии немецкого Сопrotивления Грамль выделяет книги социал-демократических историков К. Клоцбаха и Г.-Ю. Штайнберга. «Они,— не без оснований полагает автор,— доказали, что именно рабочий класс как целое не был подвержен нацизму, его националистической псевдоэгалитарной доктрине „народной общности“». По мнению автора, лишь два историка предприняли попытки воссоздать «общую историю немецкого сопротивления — Г. Ротфельс (1948) и П. Хоффман (США.— Л. М.) (1970)». Однако, верно отмечает Грамль, «они предложили в основном собрание биографий», «мастерски скомпонованную мозаику», «в центре их внимания по-прежнему — 20 июля и буржуазно-консервативные группы, а борьба левых сил остается в стороне». Грамль подверг сравнительно последовательной критике один из важнейших постулатов крайне консервативного направления — представление о деятельности «другой Германии» как «почти исключительно о восстании морали против уголовного режима». «Это представление уводило от действительности,— пишет Грамль,— хотя на самом деле многие лица примкнули к Сопrotивлению лишь вследствие своего возмущения преступлениями нацистов». «Одиночки и группы, противники нацистского господства,— верно полагает автор,— преследовали чаще всего политические цели». Более или менее четко показывает автор, что фашизм отнюдь не был «только бандой гангстеров», что было бы ошибочным ограничивать «антинацистскую борьбу различных политических сил, тенденций и возможностей нации» областью уголовного права¹⁴⁰.

Грамль пытается показать различия между левыми и консервативными группами Сопrotивления. «Левые группы,— пишет он,— преимущественно стремились сохранить идеологические, политические и организационные основы своих партий с тем, чтобы дождаться окончания нацистского господства, сохранить дее-

¹³⁷ Widerstand im Dritten Reich. S. 7–8.

¹³⁸ См., например: Die Rolle der Nation in der deutschen Geschichte und Gegenwart. [West] Berlin, 1985.

¹³⁹ См., например: Hinterher merkt man, dass es richtig war, dass es schiefgegangen ist. [West] Berlin, 1983. См. также: Allen W. S. The Appeal of Fascism and the Problem of national Disintegration // Turner H. A Reappraisals of Fascism. N. Y., 1975.

¹⁴⁰ Widerstand im Dritten Reich. S. 9–10.

способность, реализовать свою относительно четкую внутривнутриполитическую концепцию». «Консервативные же группы, наоборот, с самого начала были ориентированы на государственный переворот», рассчитывая на действия в первую очередь армии, хотя, «разумеется в отношении предполагаемых реформ политической системы, они испытывали большую неуверенность, им не хватало реализма»¹⁴¹. Нельзя принять его попытку нивелировать КПГ и СДПГ, особенно приписать всем «левым группам» стремление «сохранить себя», «дождаться окончания» (!?) диктатуры. Коммунистам был чужд любой атлантизм. Не меняет положения и эпитет «активный», который автор добавляет к этому сугубо соглядательскому понятию.

В некоторой степени опубликование трудов зарубежных единомышленников свойственно и умеренным консерваторам¹⁴². В ФРГ изданы, в частности, книга П. Хоффманна «Сопrotивление против Гитлера», а также его статья «Почему не удалось покушение 20 июля 1944 г.»¹⁴³ Книга представляет собой переработанную и значительно расширенную работу Хоффманна 1969 г. Автор верно отмечает «важное значение Сопrotивления для общей исторической картины периода 1933—1945 гг., а также послевоенного времени». Он осветил планы переворота 1939—1940 гг., внутривнутриполитические программы различных участников оппозиции, контакты ее представителей с западными державами, попытки покушения на Гитлера в 1941—1943 гг. и др. Специальные главы отведены описанию личности Штауффенберга, событиям 20 июля 1944 г., неудаче буржуазной оппозиции. В новом издании даны более обширные сведения о внутривнутриполитических планах социал-демократических участников заговора, а также о зарубежных связях оппозиции.

Книга Хоффманна перегружена деталями, характеризующими разработку и осуществление планов заговорщиков, их арест и суд над ними, репрессии по отношению к ним и их семьям. В предисловии автор подчеркивает, что изложение по-прежнему «ограничено исследованием движения, из которого вышли покушение и попытка государственного переворота». При этом он не приводит каких-либо доводов в пользу подобного решения. Не нашли отражения социальная сущность оппозиции, глубокие причины ее поражения, в том числе и отсутствие ее массовой базы. Книга выдержана в идиографических традициях: скрупулезное описание тех или иных фактов, кажущихся автору существенными, при отказе от обобщений¹⁴⁴. Статья Хоффманна также представляет собой изложение технической стороны покушения.

¹⁴¹ Ibid. S. 12—13.

¹⁴² См., например: *Ronn G. Widerstand im Dritten Reich*. München, 1979.

¹⁴³ *Hoffmann P. Widerstand gegen Hitler*. München, 1979; *VfZ*. 1984. Н. 3. S. 441—462.

¹⁴⁴ *Hoffmann P. Widerstand gegen Hitler*. S. 13, 14, 29; см. также: *Idem. Widerstand, Staatsstreich, Attentat*. München, 1985.

Из конкретных суждений, получивших распространение в умеренно-консервативной литературе, необходимо указать на тенденциозное освещение деятельности НКСГ и его места в советской внешней политике. Разбор этих версий представляет особый интерес в научном и идейно-политическом отношениях. Наиболее четко эти версии выражены, очевидно, в работах Хилльгрубера. В книге о внешней политике СССР в годы войны он пишет о «двух линиях советской политики по отношению к Германии»: сепаратные переговоры и создание НКСГ. Автор делает при этом весьма красноречивую оговорку: ему не известно, «служил ли национально-германский козырь лишь аргументом в конфликте с англосаксонскими союзниками» по поводу открытия второго фронта или он играл «самостоятельную роль» в политике СССР. Хилльгрубер с полным основанием говорит об отсутствии исторических источников. Тем не менее он делает предположение: «В каком тяжелом положении оказались бы США и Англия, если б СССР вышел из войны с Германией?»¹⁴⁵.

Тезис о сепаратных переговорах (со стороны Германии) не может быть полностью отвергнут. Действительно, фашистская дипломатия на протяжении всех лет войны, особенно после разгрома вермахта под Москвой, пыталась расколоть антифашистскую коалицию. Гитлер надеялся, что «скрытые противоречия между англичанами, американцами и русскими принесут свои плоды». В директиве Риббентропа 5 апреля 1943 г. о работе «Комитета по делам Европы» предлагалось «уже сейчас» соответствующим образом использовать «озабоченность, которую порождает во всех странах мысль о проникновении большевизма в Европу», а также «понимание того факта, что только германский вермахт может отвести эту угрозу»¹⁴⁶.

Нельзя утверждать, что эти расчеты были построены исключительно на песке. Среди влиятельных в США и Англии кругов были скрытые и явные противники сотрудничества с Советским Союзом. Может быть, наиболее ярко и эффективно их активность проявилась в затягивании открытия второго фронта в Европе. Противоречия между СССР и его западными союзниками не были секретом. Фашистские политики и пропагандисты пытались широко использовать эти противоречия. Особо бурную деятельность они развили в последний период войны. Как показал Г. Штеле, исследовавший опубликованные в 1982 г. документы дипломатии Ватикана военных лет, в начале 1945 г. «основную внешнеполитическую альтернативу» фашисты видели в том, что,

¹⁴⁵ Hillgruber A. Der Zweite Weltkrieg, 1933–1945. Stuttgart, 1983. S. 101, 160. См. также: Frieser K.-H. Krieg hinter Stacheldraht. Mainz, 1981. S. 63, 65; Deutsche Geschichte seit dem Ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1973. Bd. 2. S. 185–186; Krautkrämer E. Internationale Politik im 20. Jahrhundert. Frankfurt a. M., 1977. Bd. 2. S. 97–98; Hillgruber A., Hildebrand K. Kalkül zwischen Macht und Ideologie. Zürich, 1980. S. 29–31; Hillgruber A. Europa in der Weltpolitik. S. 16–17; Der Westen und die Sowjetunion. Paderborn, 1983. S. 70–71; Nationalsozialistische Diktatur 1933–1945. Bonn, 1983. S. 509.

¹⁴⁶ Цит. по: Анатомия агрессии. М., 1975. С. 255, 264–265.

«сознавая коммунистическую опасность», западные союзники должны прекратить военные действия против Германии, чтобы «немцы смогли прогнать русских». В противном случае «Германия попадет в руки коммунизма, что нанесло бы колоссальный ущерб Англии и Соединенным Штатам»¹⁴⁷. Автор многозначительно подчеркивает: в Ватикане уже в 1941 г. предвидели вероятность того, что «может возникнуть огромный коммунистический блок»¹⁴⁸. Названная «альтернатива» получила воплощение в тайных переговорах представителей Германии и западных держав, прекращенных лишь после протеста Советского правительства¹⁴⁹.

Отнюдь не лишена оснований сама по себе и мысль о сепаратных переговорах между Германией и СССР. По свидетельству Г. К. Жукова, в октябре 1941 г. Сталин дал поручение Берии установить контакты с противником с целью заключения перемирия¹⁵⁰. Косвенно этот факт подтверждается и объективными данными о сложившейся военно-политической обстановке, готовностью Сталина сдать Москву, решением об эвакуации правительства. Сведения же о стремлении к сепаратному миру германской стороны более обширны. Отдельные немецкие «знатоки России», в частности генерал Э. Кёстринг, заявляли, что после 22 июня 1941 г. «любое соглашение с русскими исключено»¹⁵¹. Тем не менее весьма многочисленные политические и военные деятели Германии и ее союзников отнюдь не отказывались от этой идеи. Как показывает в своих воспоминаниях весьма информированный и наблюдательный Н. фон Белов, бывший адъютант Гитлера, уже в январе 1943 г. фюрер понимал, что войну на два фронта — против русских и американцев — Германии не выиграть. Вместе с Риббентропом вынашивал он мысль вбить клин между ее врагами. В этой связи всегда занимал большое место план мира с большевистской Россией. Известен меморандум Геббельса, направленный им Гитлеру в ноябре 1943 г., имевший аналогичное содержание¹⁵²; с подобными предложениями о «мире вничью» обращался к Гитлеру генерал-фельдмаршал Манштейн¹⁵³.

Известны также инициативы германского посла в Анкаре

---

¹⁴⁷ VfZ. 1982. Н. 3. S. 547–548; см. также: *Stehle H.* Die Ostpolitik des Vatikans. München, 1975.

¹⁴⁸ VfZ. 1982. Н. 3. S. 545.

¹⁴⁹ См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1984. Т. 2. С. 344–345; *Below N.* Op. cit. S. 326, 327; *Michalka W.* Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik. München, 1980. S. 291; *Bradley F. S., Agarassi E.* Unternehmen «Sonnenaufgang». Köln, 1981; *Politik und Konfession.* [West] Berlin, 1983. S. 447–464.

¹⁵⁰ Подробнее об этом см. статью видного советского военного историка Н. Г. Павленко «История войны еще не написана» (Огонек, 1989. № 25. С. 7–8).

¹⁵¹ *Köstring E.* Vermittler zwischen dem deutschen Reich und der Sowjetunion. Frankfurt a. M., 1965.

¹⁵² См.: *Lang J.* Der Sekretär Martin Bormann. Stuttgart, 1977. S. 242.

¹⁵³ См.: За рубежом. 1973. № 11. С. 31.

Ф. Папена¹⁵⁴. В этом же направлении активно действовали лидеры Италии, Румынии, Венгрии. В литературе широко освещены настоячивые предложения «нового брест-литовского договора с Россией», с которыми обращался к Гитлеру итальянский диктатор¹⁵⁵; соответствующие инициативы японской дипломатии¹⁵⁶. При освещении провала этих инициатив в консервативной литературе ФРГ на первый план выдвигается стереотипный тезис: Гитлер отверг предложение, руководствуясь принципом: «или безусловная победа Германии или полное уничтожение»¹⁵⁷.

Консервативные историки приводят утверждение о «советских инициативах», как правило, без всяких доказательств. Единственное, чем они располагают,— это книга П. Кляйста, сотрудника Риббентропа и одновременно референта в министерстве Розенберга¹⁵⁸. По заявлению Кляйста, в 1943—1944 гг. он вступал в контакты с неким «немцем русского происхождения» — Клаусом, состоявшим якобы «доверенным лицом русского посла в Стокгольме А. М. Коллонтай». Материалы Кляйста носят в высшей степени сомнительный характер. Как показал видный специалист по истории внешней политики Германии Михалка, Клаус, так же как и Кляйст, был агентом СД¹⁵⁹. Таким образом, «советско-германские переговоры о мире» происходили между двумя агентами германской секретной службы. Книга Кляйста представляет собой обычный неофашистский опус. Источником таких книг, как правило, является фашистская пропаганда. «Условия перемирия», которые будто бы предлагал «советский представитель» и по сути, и по форме своей чрезвычайно напоминают аргументы, с помощью которых пытались в свое время оправдать нападение на СССР Гитлер (в его выступлении 22 июня 1941 г.) и другие фашистские лидеры: восстановление германо-русской границы 1914 г., «свобода рук в проливах и в Азии»¹⁶⁰.

Необходимо подчеркнуть, что к тезису о советских мирных инициативных фашистская пропаганда в свое время уже прибегала. Как показал Штеле, «в сентябре 1944 г. сам Гитлер через Испанию пустил в ход фальшивое сообщение о советском предложении заключить сепаратный мир, которое Гитлер отклонил, чтобы прийти к пониманию с Западом». Папа Пий XII, несмотря

¹⁵⁴ См.: Новая и новейшая история. 1980. № 3. С. 122—140. Об этих переговорах см. новые исследования советских историков: Новая и новейшая история. 1984. № 6. С. 115—132.

¹⁵⁵ Baum W., Weibold E. Der Krieg der «Achsenmächte» im Mittelmeerraum. Göttingen, 1973. S. 317—320; Krautkrämer E. Op. cit. S. 98; Hillgruber A. Die gescheiterte Grossmacht, 1806—1945. Düsseldorf, 1980. S. 105.

¹⁵⁶ Подробнее см.: История дипломатии. М., 1975. Т. 4. С. 404—405.

¹⁵⁷ См., например: Hillgruber A. Die gescheiterte Grossmacht. S. 105.

¹⁵⁸ См.: Kleist P. Zwischen Berlin und Moskau. Buenos Aires, 1949; *Idem*. Zwischen Hitler und Stalin. Bonn, 1950.

¹⁵⁹ Michalka W. Op. cit. S. 292.

¹⁶⁰ См., например: Deutsche Geschichte seit dem Ersten Weltkrieg. Bd. 2. S. 85.

на собственные сомнения, передал «сообщение» американскому послу в Ватикане М. К. Тэйлору, который назвал это «сообщение» «смехотворным»¹⁶¹. В свете сказанного весьма странной представляется позиция Хилльгрубера, который по существу потребовал, чтобы советские историки предъявили свидетельства вымышленного события.

Ряд вопросов возникает и в связи с другими рассуждениями консерваторов. Как, например, согласовать высокие оценки реализма советской внешней политики, представленные в трудах Хилльгрубера, с его утверждениями о будто бы имевших место после побед под Сталинградом и даже под Курском упорных попытках СССР побудить Германию к сепаратному миру, к тому же на условиях, явно неприемлемых для нее? Среди таких условий ряд авторов называет, например, «перемену германского внешнеполитического курса». Чем объяснить, что в различных трудах консерваторов приводятся самые разные варианты «предложений» о новой границе Германии — восстановление границ 1914, 1939, 1941 гг. и даже по линии Вильнюс—Одесса? Почему в историографии ФРГ внимание к восточному направлению немецко-фашистского мирного зондирования несравненно больше, чем к западному? Ответ на эти вопросы без труда можно найти в антисоветизме консервативных историков.

Несостоятельность тезиса о советских попытках к заключению сепаратного мира с Германией в 1943—1944 гг. очевидна и даже антикоммунистически настроенным авторам, например Г. Рауху и Ф. Гессе¹⁶². Тем не менее они не отказываются от вымысла. Другой подход — в книге В. Михалки «Риббентроп и германская мировая политика в 1933—1940 гг.». Он обратился с просьбой о консультации к известному в ФРГ исследователю истории мирных инициатив периода 1939—1942 гг. Б. Мартину, продолжающему работать над второй частью своего труда. По мнению этого специалиста (Мартина), тезис о «советских инициативах» происходит «исключительно из кухонных сплетен, он сплошь выдуман»¹⁶³.

Таким же несостоятельным является представление об НКСГ как инструменте советской политики и средстве давления СССР на своих западных союзников. Б. Шойриг в предисловии к воспоминаниям генерала В. Зейдлица, президента Союза немецких офицеров, нарисовал весьма примитивную картину истории создания НКСГ. Повторяет он это и в книге об НКСГ и СНО. «Сталин в 1943 г. чувствовал себя изолированным, брошенным на произвол судьбы», — утверждает автор, ссылаясь на нежелание западных союзников признать изменения советской западной границы 1939—1940 гг., вынашиваемые ими планы воссоздания антисоветского «санитарного кордона» и, главное, задержку откры-

¹⁶¹ См.: VfZ. 1982. Н. 3. S. 539.

¹⁶² Rauch G. Geschichte der Sowjetunion. Stuttgart, 1977. S. 402; Hesse F. Das Vorspiel zum Kriege. Leoni, 1979. S. 402—403.

¹⁶³ Michalka W. Op. cit. S. 292.

тия второго фронта. «Сталину казалось», что в этих условиях СССР «истечет кровью», и он «вытащил немецкую карту». Черчилль же и Рузвельт «стали бояться русского сепаратного мира с Германией». Но «Гитлеру Сталин не верил»; «мог бы помочь лишь быстрый внутривосточный переворот» в Германии. Так возник НКСГ... Далее западные державы в Тегеране «гарантировали» выполнение всех требований СССР и «немецкую карту спрятали назад»¹⁶⁴. Трудно сказать, чего больше в этих построениях — фантазии или безответственности.

Каких-либо источников для таких построений нет; возникновение НКСГ изображено вне связи с самим немецким антифашистским движением, оно искусственно противопоставляется антифашистской коалиции. Советскому руководству Шойриг приписывает совершенно неадекватную оценку военно-политического положения СССР, как, впрочем, и Германии. Политическое же назначение этого тезиса об истории создания НКСГ вполне очевидно. Предпринимается попытка не только поставить под сомнение верность СССР союзническому долгу в годы войны, но и подорвать веру в его современную политику.

Хилльгрубер вслед за А. Фишером утверждает, что «германская политика» СССР, начиная «с июня 1941 г. ни в коем случае не была последовательно „антифашистской“, как единодушно считает советская историография после 1945 г.»¹⁶⁵. Эти авторы также имеют в виду создание НКСГ. Однако находить в НКСГ «альтернативу» советскому участию в антифашистской коалиции также необоснованно, как и приписывать СССР стремление к сепаратному миру с Германией.

Цели «Свободной Германии» и цели антифашистской коалиции фактически совпадали. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить программные документы НКСГ с решениями Потсдамской конференции о денацификации, демократизации, декартелизации и демилитаризации Германии¹⁶⁶. Национальные движения, в том числе и «Свободная Германия», органически входили в состав антифашистской коалиции государств и народов. Понимание этой истины обнаруживают и некоторые консервативные историки. Е. Крауткремер, например, показывает, что создание НКСГ, как и роспуск Коминтерна, было призвано облегчить реализацию принципа единого антифашистского фронта, укрепление антифашистской коалиции¹⁶⁷.

¹⁶⁴ Seydlitz W. Stalingrad. Oldenburg, 1977; Scheurig B. Freies Deutschland. Köln, 1984. S. 8, 309.

¹⁶⁵ См.: Hillgruber A. Sowjetische Aussenpolitik im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf, 1979; Fischer A. Sowjetische Deutschlandpolitik im Zweiten Weltkrieg, 1941–1945. Stuttgart, 1975. S. 131–136.

¹⁶⁶ Weinert E. Op. cit.; Wolff W. Auf der richtigen Seite: Zum Wirken des NKFD. В., 1985; Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1984. Т. 4, 6; Правда. 1985. 6 мая.

¹⁶⁷ Krautkrämer E. Internationale Politik im 20. Jahrhundert. Frankfurt a. M., 1977. Bd. 2. S. 105.

Суждения консерваторов полны противоречий. Якобсен, например, упрекает западных союзников в том, что те «не признавали германскую оппозицию». Он имеет в виду группу Гёрделера и Бека¹⁶⁸. Якобсен и Грухман верно отмечают, что в правящих кругах США и Англии имелись лишь отдельные сторонники помощи европейским движениям Сопротивления¹⁶⁹. В то же время эти историки осуждают поддержку германских коммунистов и других антифашистов со стороны СССР. На этот счет есть интересное высказывание известного французского либерального историка А. Мишеля: «Среди великих союзных держав только СССР отождествлял свои цели с целями угнетенных народов. СССР давал пример и показывал путь к победе всем движениям Сопротивления»¹⁷⁰. СССР действительно сотрудничал с силами Сопротивления, в том числе и в фашистских государствах. Совершенно непонятно, почему он должен был делать исключение для немецких антифашистов, представителей страны, составлявшей главную силу фашистского блока.

У крайних консерваторов существует ярко выраженный двойной критерий. Контакты немецких консервативных оппозиционеров с западными державами ими воспринимаются как патриотические действия. Сотрудничество же немецких патриотов с СССР представляется как «измена Родине», а НКСГ — как «инструмент врага»¹⁷¹. Многие умеренные консерваторы и в новейших своих трудах по существу не отказались от такого подхода. Изменилась в лучшем случае форма изложения. Пишут о работе НКСГ или организации Харнака — Шульце-Бойзена как о «деятельности в пользу иностранной державы» или о том, что политика народного фронта осуществлялась будто бы исключительно в «национально-русских интересах»¹⁷². Эти авторы не могут понять, что в антифашистской борьбе национальные и интернациональные интересы по существу совпадают.

Единый фронт осуществлялся не только в «национально-русских» интересах, но и в «национально-немецких», а также в интересах всех народов. Некоторые немарксистские историки освещают вопрос сравнительно объективно. Якобсен пишет о «„Свободной Германии“» как о немецком национальном антигитлеровском движении, пытавшемся воссоздать обновленный германо-русский союз (как напоминание о Таурогене—Рапалло)¹⁷³ и с его по-

¹⁶⁸ *Jacobsen H.-A.* Der Weg. S. 19, 438.

¹⁶⁹ *Deutsche Geschichte seit dem Ersten Weltkrieg.* Bd. 2. S. 240; *Jacobsen H.-A.* Der Weg. S. 437.

¹⁷⁰ *Michel A.* La seconde guerre mondiale. P., 1979. T. 1. P. 469.

¹⁷¹ См., например: *Hesse K.* Der Geist von Potsdam. Mainz, 1967; а также: *EW.* 1977. Н. 4. S. 208.

¹⁷² См., например: *Kühn H.* Widerstand und Emigration. Hamburg, 1980. S. 226; *Jacobsen H.-A.* Der Weg. S. 488; *Erdmann K. D.* Der Zweite Weltkrieg. Ср.: Критика современных буржуазных и реформистских фальсификаторов марксизма-ленинизма. М., 1980. С. 341.

¹⁷³ Якобсен имеет в виду Таурогенскую конвенцию, заключенную в 1812 г. между Пруссией и Россией, и Рапальский (1922 г.) договор между

мощью ускорить окончание войны в Европе»¹⁷⁴. Крайний консерватор Ф. Уле-Веттлер считает, что «большинство генералов, и в их числе Паулюс, решились на сотрудничество с русскими, стремясь к поражению свастики... а не во имя Сталина и коммунистической России»¹⁷⁵.

С полным основанием показывают авторы изданной в ФРГ трехтомной «Второй мировой войны», что коммунисты «имели опыт нелегальной борьбы и организации массовых движений» и «им удалось вовлечь в национальные отечественные фронты очень многих некоммунистов», что «победы Красной Армии подняли авторитет коммунистов еще выше». Авторы подчеркивают при этом, что «коммунисты были патриотами»¹⁷⁶. Вопреки своим традиционным представлениям видный социал-демократический специалист по истории ГДР Г. Вебер констатировал, что развитие Германской Демократической Республики определили два фактора — советская оккупационная администрация (и это верно в том смысле, что советские оккупационные власти последовательно осуществляли решения Потсдамской конференции по демократизации Германии), но также «традиции и идеология германского коммунизма»¹⁷⁷.

В немарксистской историографии нет единого мнения об историческом месте НКСГ. Наряду с тезисом об «инструменте врага» встречается мысль лишь о пропагандистской роли комитета. Движение «Свободная Германия» было «тактикой, рассчитанной на ослабление морального духа противника, а не частью большого плана будущего Германии,— писал английский историк У. Лакер.— Только после того, как Красная Армия стала приближаться к границам Германии, а союзники вторглись во Францию, будущее Германии стало крупной проблемой в глазах Советского Союза»¹⁷⁸. Другие историки отмечают незаурядную роль НКСГ и КПГ в формировании нового общества в Восточной Германии. «В лице германских коммунистов советские оккупационные власти,— свидетельствует Г. Вебер,— нашли важнейших политических помощников»¹⁷⁹.

В историографии СССР и ГДР всесторонне раскрыта историческая роль движения «Свободная Германия»¹⁸⁰. Его создание

Германией и СССР (подробнее см.: Германская история. М., 1970. Т. 1. С. 193; Т. 2. С. 79—80).

¹⁷⁴ Jacobsen H.-A. Der Weg. S. 311.

¹⁷⁵ Uhle-Wettler F. Höhe- und Wendepunkte Deutscher Militärgeschichte. Mainz, 1984. S. 342.

¹⁷⁶ Der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979. Bd. 2. S. 305.

¹⁷⁷ Weber H. DDR. Hannover, 1978. S. 8, 23. Подробнее об образовании ГДР см.: Хайцлер Х. ГДР: исторический очерк. М., 1982.

¹⁷⁸ Laquer W. Russia and Germany. L., 1965. P. 271.

¹⁷⁹ Weber H. Op. cit. S. 21; ср.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1985. Т. 2. С. 379—380, 439.

¹⁸⁰ См., например: Бланк А. С. КПГ в борьбе против фашистской диктатуры. М., 1964; Кюнрих Х. КПГ в борьбе против фашистской диктатуры, 1933—1945. М., 1986; Гинцберг Л. И. Борьба немецких коммунистов против фашизма, 1939—1945.

означало практическое осуществление антифашистской политики народного фронта, разработанной КПГ на Брюссельской и Бернской конференциях. Принципы и политика НКСГ были столь широки, что к движению «Свободная Германия» могли присоединяться все новые оппозиционные силы. Это явилось итогом огромной политической и теоретической работы КПГ.

К историографии консервативных направлений необходимо отнести большинство трудов об истории церкви в период господства фашистов. Изданные церковью обеих конфессий или историками, связанными с нею, эти труды занимают в современной историографии ФРГ особое место. Монографические исследования и документальные публикации по этой теме должны составить предмет специального исследования. Одним из основных центров по изучению истории церкви в 1933—1945 гг. является Комиссия современной истории при католической академии в Баварии, которая была организована еще в 1962 г. Она опубликовала 21-томное издание документов и исследований. Круг интересов комиссии сводится к трем проблемам: взаимоотношения церковного руководства и фашистского государства, поведение католического населения и католических организаций в отношении фашизма, католическая эмиграция¹⁸¹. Крайне консервативные историки стремятся предать забвению одиозные с точки зрения клерикалов темы, представить в выгодном свете подчас профашистские действия церковного руководства во время войны. Но в литературе, в той или иной степени связанной с церковью, представлены и труды авторов умеренно-консервативного, либерального, демократического направлений. Число специальных исследований об антифашистской борьбе верующих невелико. Как правило, эти вопросы в той или иной степени рассматриваются в трудах, посвященных проблеме «Церковь и фашизм»¹⁸².

В книге «Нацистская диктатура в 1933—1945 гг. Итоги» опубликованы две статьи, в которых дана общая оценка позиции церкви обеих конфессий по отношению к фашизму. Статья одного из наиболее крупных в ФРГ специалистов по истории церкви профессора Боннского университета К. Репгена¹⁸³, написанная в соавторстве с К. Готто и Х. Г. Хокертсом, названа «Нацистский вызов и католический ответ». Статья «Сопrotивление евангелической церкви в „третьей империи“» принадлежит перу А. Бой-

---

¹⁸¹ В упоминавшемся библиографическом указателе У. Картариуса отражено несколько сотен различных работ по истории церкви в Германии в 1933—1945 гг. Журналы ФРГ систематически печатают информацию о новых книгах по этой теме. См., например: VfZ. 1985. Н. 4. S. 86—87.

¹⁸² См., например: Kirche, Katholiken und Nationalsozialismus. Mainz, 1980; Franzen A. Kleine Kirchengeschichte. Freiburg, 1981; Padberg R. Kirche und Nationalsozialismus am Beispiel Westfalen. Paderborn, 1984; Kirche im Nationalsozialismus. Sigmaringen, 1984.

¹⁸³ См.: Repgen K. Katholizismus und Nationalsozialismus. Köln, 1983; *Idem.* Pius XI zwischen Stalin, Mussolini und Hitler // APZ. 1979. Н. 39; *Idem.* Vom Fortleben nationalsozialistischer Propaganda in der Gegenwart // GWU. 1983. Н. 1.

енса, одного из священнослужителей бундесвера. Методологически близка к этим работам глава П. Штайнбаха «Сопrotивление христиан» в книге «20 июля 1944 г.».

Репген и его соавторы подчеркивают, что установление фашистской диктатуры в Германии произошло благодаря существенной поддержке церкви. Клерикализм, чью оппозиционность, по мнению авторов, Гитлер явно переоценивал, «беззвучно сошел со сцены». Крах клерикальной партии Центра не был обусловлен лишь известным конкордатом правительства Гитлера с Ватиканом. Не без оснований авторы полагают, что церковное руководство и большинство верующих надеялись на «духовно-политическую кооперацию» церкви и империи. Церковная иерархия рассчитывала сохранить и при фашизме «достаточную сферу влияния». В статье прослеживается политика НСДАП, рассчитанная на полное отстранение руководства церкви от паствы, подчеркнут «осторожный, скрытый, но последовательный и интенсивный характер» этой политики. Ликвидация католической прессы, профсоюзов, школ не составила для режима каких-либо трудностей.

По мнению Репгена и его соавторов, католические лидеры, поняв, что фашизм стремится к ликвидации христианской религии и полной замене ее своей идеологией, проявили «нонконформизм», большинство же верующих пошли за ними. Однако «борьба за самосохранение» не означала «отказа от лояльного отношения к режиму». Германский епископат признал власть фашистов «законной». Лишь епископ Пройсинг ратовал за активный протест. В целом для епископата не существовало проблемы, справедлива ли война, развязанная фашистами. Авторы явно преувеличивают влияние трех проповедей епископа Галена в июле—августе 1941 г., в которых он осудил разграбление монастырей, умерщвление душевнобольных. Эти проповеди названы «событием европейского значения». Но с общими выводами авторов необходимо согласиться: позиция католичества была не наступательной, а оборонительной. Церковь боролась лишь за самосохранение, а не за свержение преступной власти. Немногие католики, примкнувшие к активному Сопrotивлению (Б. Леттенхаус, Й. Вирмер, А. Дельц), боролись не по поручению церкви и без ее поддержки¹⁸⁴.

В статье Бойенса апологетические тенденции выступают более четко. Он полагает, что существовало «легальное духовное сопротивление протестантской церкви», но сама мысль о «политическом сопротивлении была ею решительно отвергнута». В то же время он неоднократно распространяет понятие «политической борьбы» на всю церковь, хотя речь шла лишь о выступлениях отдельных ее представителей. Именно такой характер носило опубликование имевшего оппозиционное — в известной мере — содержание письма церковных руководителей в одной из швей-

¹⁸⁴ Nationalsozialistische Diktatur, 1933—1945. S. 655—668. См. также: Bulletin. 1986. N 88. S. 738.

царских газет 28 мая 1936 г. (священник Ф. Вайсслер и два студента-теолога, переправившие это письмо, были брошены в концлагерь). Таковы и письма Гитлеру епископа Вурма, порицавшего убийство евреев, а после начала войны и лиц других национальностей, и призывавшего к восстановлению мира. Не без оснований автор статьи отводит особую роль пастору Д. Бонхёфферу, активно боровшемуся с фашизмом. Бонхёффер был связан с группой «Крайзау». Общие же выводы автора о деятельности протестантской церкви напоминают выводы Репгена о церкви католической. Руководители протестантов стремились ужиться с новым режимом. Но его «крайности» вызвали протест ряда деятелей церкви. По мнению автора, не было сопротивления евангелической церкви в целом. Лишь отдельные ее приходы, группы или последователи участвовали в пассивной, реже активной борьбе. О подготовке переворота 20 июля знали лишь единицы¹⁸⁵.

Штайнбах справедливо отмечает «трагедию и противоречивость буржуазного и христианского Сопротивления». Его участников часто характеризовали «частичное согласие с внутренними и внешними целями нацизма», «страх и пассивность». Автор сообщает о сугубо консервативных политических взглядах церковников. В то же время он явно искусственно вводит термины «протестантское Сопротивление» и «католическое Сопротивление»¹⁸⁶; фактически он тщетно полемизирует со своими предшественниками, которые убедительно показали, что на самом деле таких движений не было¹⁸⁷.

3. Либеральные и демократические историки о борьбе против фашизма

Выделяя в буржуазной историографии Сопротивления либеральное и демократическое направления, необходимо иметь в виду не только существенные отличия их концепций фашизма и антифашизма от взглядов консервативных историков, но и глубокие социальные корни этой сугубо историографической специфики. Особенности политических позиций либералов и демократов в большей степени обусловлены усилением эксплуатации крупным капиталом мелких и средних городских предпринимателей, чьи интересы в историографии отражают демократические и либеральные исследователи и публицисты. Рассматривая историографические направления в самых общих чертах, нужно отметить,

¹⁸⁵ Nationalsozialistische Diktatur, 1939–1945. S. 669–686. Аналогичную оценку немецкому клерикализму дает и Р. Вайцекер. См.: *Weizsäcker R.* Die deutsche Geschichte geht weiter. [West] Berlin, 1983. S. 23–33.

¹⁸⁶ См.: 20. Juli 1944.

¹⁸⁷ Проблема борьбы верующих Германии против фашизма получила освещение в литературе ГДР. См.: *Ihr Gewissen gebot es; Emendörfer M.* Rückkehr an die Front. В., 1982; *Meier K.* Die evangelische Kirche im Kampf. Halle. 1984. Bd. 1–3; *Widerstand aus Glauben.* В., 1985; см. также: *Кацман Г. В.* Коммунистическая партия Германии в борьбе за единство антифашистских сил (1935–1939). М., 1988. С. 155–156.

что демократическим и либеральным историкам в отличие от консервативных присущи приверженность многим политическим принципам эпохи буржуазной революционности, сравнительно лучшее понимание насущнейших общечеловеческих задач. Если идейно-политическое и методологическое содержание консервативных направлений определяет антикоммунизм, органически присущий империалистической буржуазии, то труды либералов и особенно демократов, как правило, свободны от его пагубного влияния.

В ФРГ либеральные тенденции представлены не только в историографии, но и в других общественных науках, например в работах видного философа К. Ясперса¹⁸⁸. Как отмечал В. Ульбрихт, «в своей книге „Куда идет Федеративная республика?“ господин Ясперс объективно и правдиво показал на опасности, связанные с развитием милитаризма и олигархического господства в Западной Германии. Эта объективная оценка обстановки в принципе совпадает с нашим мнением... у нас различные цели, разные мировоззрения, а также различные теоретические взгляды. Но если развитие столь угрожающее опасно, как считает профессор Ясперс и как это, очевидно, оценивается в широких кругах западногерманской интеллигенции, то мы, естественно, как политики-реалисты занимаемся поискам путей, ведущих к взаимопониманию со всеми гуманистически и демократически настроенными силами с целью увеличения шансов на успех в борьбе против милитаризма, неонацизма и господства олигархии»¹⁸⁹. Иными словами, историки, философы, экономисты либеральной ориентации отражают интересы тех буржуазных слоев ФРГ, которые все более активно воспринимают новое политическое мышление.

Представители либерального направления современной литературы в известной мере сохранили традиции либеральной историографии XIX в. Заметим, что и в политике современные либералы апеллируют к «классическому либерализму»¹⁹⁰. Как показали советские исследователи, для современных либеральных ученых характерны отказ от понимания прошлого как простого изложения событий, стремление видеть в истории закономерный процесс, а в историографии — науку, призванную раскрыть определенные законы исторического развития. Либеральные историки, как правило, избегают сознательных искажений, хотя в силу различных причин могут неверно истолковывать отдельные важные аспекты той или иной проблемы. Напомним в этой связи труды о фашизме Ф. Фишера, Ю. Кокки и др.

---

¹⁸⁸ См. новейшую публикацию: *Arendt H., Jaspers K. Briefwechsel, 1926–1969.* München, 1985. Критику его исторической концепции см.: Проблемы буржуазной историографии второй мировой войны. Ярославль, 1975.

¹⁸⁹ VII съезд Социалистической единой партии Германии (1967). М., 1968. С. 313.

¹⁹⁰ См., в частности: CDP—CDU—FDP. Hamburg, 1974. S. 37.

Западногерманские либеральные историки менее многочисленны, чем консервативные. Среди них мало исследователей, специализирующихся на изучении исключительно борьбы антифашистов. Однако либеральная концепция истории фашизма и антифашизма более или менее четко прослеживается в общих работах¹⁹¹. В отличие от умеренных консерваторов либералы более объективно показывают борьбу КПП, различие в политических позициях Гёрделера—Бека¹⁹² и Штауффенберга, не без оснований находят причину слабости оппозиционных движений в их разрозненности, хотя не показывают виновников раскола противников фашизма. В работах данного направления представлена критика апологетической концепции Сопротивления, осуждаются те историки, которые пытаются по идеологическим мотивам исключить из истории Сопротивления КПП и организации, действовавшие под ее руководством. Представители либеральной историографии предприняли попытки выработать научное определение Сопротивления. В целом же либеральная концепция Сопротивления несет на себе следы ограниченности, проявляющейся, например, в особых политических симпатиях к группе «Крайзау»¹⁹³.

Значительная роль в освещении западногерманскими учеными истории Сопротивления принадлежит трудам Х. Моммзена. Одну из ранних своих работ он посвятил буржуазной оппозиции¹⁹⁴. Складывается впечатление, что автор представляет себе сравнительно прогрессивные воззрения группы «Крайзау» свойственными чуть ли не всему заговору. Методологически это напоминает подход Риттера, стремившегося «объединить» все группы заговорщиков на консервативной платформе Гёрделера.

Молытке, верно полагает Моммзен, пришел к выводу, что задачи Сопротивления не исчерпываются свержением тирана — необходимы радикальные изменения в социальной и политической жизни. Однако автор высказывает спорное мнение о том, что эта мысль все в большей степени находила сторонников и в других группах заговора. «Активное сопротивление обнаруживает сравнительно однородную социальную структуру».— заявляет он. Моммзен не замечает существенных различий в политических взглядах военной и гражданской оппозиции, выходцев из дворянства и буржуазии, представителей буржуазных партий и СДПГ. При этом автор утверждает, что социал-демократические участники заговора будто бы «утратили классовую ограниченность своего мышления». Объясняя присоединение к заговору его консервативных участников, Моммзен не без оснований

¹⁹¹ См., например: *Valentin V. Geschichte der Deutschen*. München, 1984.

¹⁹² См., например: *Bredow W. Moderner Militarismus*. Stuttgart, 1983. S. 6, 55—63.

¹⁹³ См., например: *Die Herkunft der Mitglieder des engeren Kreisauer Kreis*. [West] Berlin, 1984; *Wartenburg M. J. Die Stärke der Stille*. Köln, 1984; *Der Kreisauer Kreis*. Mainz, 1985.

¹⁹⁴ См.: *Der deutsche Widerstand gegen Hitler*. [West] Berlin, 1966.

пишет об «имманентном неприятии высшими слоями нацистской системы», что «было скорее вопросом индивидуального мышления, нежели политических убеждений». Их протест был обусловлен «легкомысленным и ценичным» нарушением социальных норм фашистскими чиновниками всех рангов, но не принципиальным отрицанием фашизма. Вполне обоснованно полагает он, что «политическая элита» в заговоре стремилась лишь приспособить существовавшие общественные отношения «к условиям научно-индустриальной цивилизации», причем этот процесс должен был быть осуществлен без коренных изменений. Она планировала добиться такого общественного устройства, при котором идеологические и политические антагонизмы не будут немедленно уничтожены; предполагалось реализовать лишь новые «общественно необходимые импульсы» путем создания «бесконфликтного правительства».

Нельзя согласиться с утверждением автора о том, что взгляды Гёрделера будто бы стояли «значительно ближе к политическому мышлению группы „Крайзау“, чем принято считать, несмотря на то, что при решении проблемы социального устройства послевоенной Германии Гёрделер исходил из исторического опыта XIX в.». Моммзен справедливо отмечает, что заговорщики не стремились «завоевать большинство народа и общественного мнения», что «движение 20 июля» было оторвано от массы рабочих, о готовящемся путче у последних были лишь смутные предположения. «Неуверенность в отношении поведения народа, который в течение длительного времени в большинстве своем следовал за фашистами», полагает историк, будто бы определила политические планы оппозиции.

Но он недооценивает того, что консервативное крыло заговора боялось революции. Страх перед повторением событий ноября 1918 г. пронизывает все документы Гёрделера. Так, его «Тайный меморандум» (март 1943 г.) предполагает установление монархии, ибо лишь она «может дать Германии внутреннее спокойствие», предотвратит развязывание «народных страстей». Гёрделер стремился не допустить к участию в управлении государством представителей народа. В своих проектах новой избирательной системы он отвергал принцип прямого и пропорционального избирательного права, предусматривал высокий возрастной ценз. Разработанный им проект «единых профсоюзов» предполагал полное подчинение профсоюзного движения государству, запрещение стачек¹⁹⁵.

Моммзен справедливо считает, что «недопустимо исключать коммунистов по идеологическим соображениям из числа участников антигитлеровской борьбы», что, кроме КПГ, ни одна из организаций Сопротивления не имела четкой политической программы общественного и государственного устройства страны после свержения диктатуры. В то же время вопреки истине он

---

¹⁹⁵ Мельников Д. Е. Заговор 20 июля 1944 г. С. 186.

утверждает, что все заговорщики будто бы отрицательно относились к коммунизму¹⁹⁶. В действительности такие участники заговора, как К. Штауффенберг, П. Йорк, А. Тротт, В. Шуленбург, порвали с антисоветскими установками фашистской клики¹⁹⁷.

Особый интерес представляют новейшие работы Моммзена. В коллективном труде, подготовленном Институтом современной истории в Мюнхене¹⁹⁸, опубликована его статья о заговорщических планах будущего устройства Германии. Автор повторяет многие уже известные нам мысли: о целях Мольтке «радикально преобразовать основы социальной и политической жизни»; о стремлении заговорщиков «приспособить немецкое общество к условиям технико-индустриальной цивилизации без радикального разрыва с исторической преемственностью»; о социальной структуре заговора, состоявшего в основном из представителей высших слоев, изолированности «20 июля от рабочего класса»; «неуверенности относительно поведения населения». Не без оснований Моммзен полагает, что «средние слои почти единодушно поддерживали нацистский эксперимент» и были очень слабо представлены в заговоре. Вновь автор выступает против «исключения коммунистов из Соппротивления» по соображениям «идеологического удобства»¹⁹⁹.

Резко отличает позицию Моммзена от консервативной осуществленный им анализ взглядов Гёрделера и его единомышленников. Он осуждает отождествление ими «нацизма и большевизма», преувеличение влияния соглашений немецкого правительства, заключенных в СССР в 1939 г., на внутривнутриполитическое положение Германии. Автор отвергает суждения Хасселя о том что Гитлер будто бы стал «сатрапом Сталина», что «немцы превращаются в илотов России». «Подобный ход мыслей,— верно заключает автор,— обусловлен буржуазным антикоммунизмом». Он подчеркивает при этом, что «исключительная роль», которую сыграл «парализовавший буржуазные силы» антикоммунизм в установлении фашистского режима в Германии, «все еще недостаточно оценена»²⁰⁰.

В рецензируемой работе Моммзен отказался от несостоятельных попыток нивелировать все группы заговорщиков. В работе дана развернутая характеристика планов экономического и социального устройства Германии, в том числе в области сельского хозяйства, относительно средних слоев. Автор показывает различия в конституционных планах групп Гёрделера и «Крайзау»,

---

¹⁹⁶ Цит. по: Der deutsche Widerstand gegen Hitler. S. 73–75, 77–78, 80, 89; см. также: Deutscher Widerstand, 1933–1945. Heidelberg, 1967. S. 75, 76, 90, 93.

¹⁹⁷ См.: Мельникова Д. Е. Указ. соч. С. 190–191, 193, 197, 198, а также: Финкер К. Указ. соч. С. 186.

¹⁹⁸ Widerstand im Dritten Reich.

¹⁹⁹ Ibid. S. 14–16.

²⁰⁰ Ibid. S. 17, 28–30.

их противоречия по вопросам послевоенных границ. Моммзен подвергает критике расчеты Гёрделера на проявление антагонизма между западными державами и СССР²⁰¹.

В статье «Сопrotивление против Гитлера»²⁰² Моммзен отмечает, что «коммунисты и социал-демократы с самого начала находились в непреодолимом противоречии с НСДАП». Тем не менее СДПГ, «за исключением оппозиционных групп, которые выступили за конспиративное сопротивление», занимала «выжидательную позицию». Формирование немецкого Сопrotивления автор ошибочно относит лишь ко времени второй мировой войны. В статье высказаны некоторые объективные соображения: «Гитлер снискал симпатии общевоинских командиров в результате его планов антибольшевистского похода»; «лишь немногие участники консервативной оппозиции стремились к всеобщему краху существовавшей политической системы». Неучастие в Сопrotивлении ремесленников, людей свободных профессий автор считает характерной чертой антифашистского движения в Германии и объясняет это «политической зависимостью средних слоев от нацистской пропаганды»²⁰³.

Моммзен различает Сопrotивление активное и пассивное, к первому с полным основанием относит борьбу КПГ. В отличие от консервативных историков автор подчеркивает большое влияние этой борьбы на буржуазные группы Сопrotивления. «Национально-консервативная оппозиция осознала, — пишет он, — не в последнюю очередь под давлением коммунистического Сопrotивления, особенно после образования НКСГ, необходимость широкой поддержки переворота со стороны населения». Тем не менее «социальная изолированность» оппозиции не была преодолена. «Заговорщикам, — по мнению автора, — не хватало революционности». «Сказывался страх перед тем, что переворот приведет к неконтролируемой ситуации», как в конце первой мировой войны. Не без оснований Моммзен отмечает, что противники режима в Германии были «аутсайдерами, в то время как большинство нации и ее элиты безмолвствовало». Исследователь справедливо утверждает в заключение, и это весьма показательно, что «преодоление в Германии культурного и социального кризиса 20–30-х годов», к чему стремились антифашисты, «едва ли в достаточной мере осуществлено в ФРГ»²⁰⁴.

С либеральных позиций оценивает историю и историографию Сопrotивления видный историк К. Аретин. В написанном им

²⁰¹ Ibid. S. 40–45, 63–74, 83.

²⁰² HZ. 1985. Bd. 241, H. 1. S. 81–104.

²⁰³ Widerstand im Dritten Reich. S. 84–89, 94–95, 99.

²⁰⁴ Ibid. S. 101–104. См. также подготовленное при участии Х. Моммзена и К. Аретина новое расширенное издание мемуаров Ф. Шлабрендорфа «Офицеры против Гитлера» (*Schlabrendorff F. Offiziere gegen Hitler*. [West] Berlin, 1984). См. также: *Mommsen H. Arbeiterbewegung und nationale Frage*. Göttingen, 1979; *Idem. Hans Rothfels // Deutsche Historiker*. Göttingen, 1982. Bd. 9; *Geschichtsdidaktik*. 1983. H. 8. S. 1–7; *Geschichte, Politik und ihre Didaktik*. 1984. H. 3/4. S. 151–166; *VfZ*. 1984. H. 2. S. 213–240.

обширном обзоре охвачен сравнительно большой круг книг западногерманских, американских, швейцарских историков, относящихся к различным историографическим направлениям, а также ряд работ ученых из ГДР. Среди анализируемых трудов — документальные публикации, воспоминания участников Сопротивления, монографические исследования, биографии. Большинство работ связано с историей оппозиции 20 июля, лишь некоторые — с историей Сопротивления в городах и землях Германии. Автор разделяет хорошо обоснованную в марксистско-ленинской историографии мысль о том, что заговорщики активизировались лишь после того, как бесперспективность войны стала очевидной. Справедливо его суждение и о том, что Браунхич, Гальдер и другие генералы отказались присоединиться к движению против Гитлера вследствие их реакционных убеждений. Аретин полагает, что заговор потерпел поражение, поскольку во главе не оказалось «действительно революционной личности», что армия, подобная вермахту, вообще не способна породить такую личность. Вопреки утверждениям многих своих предшественников в историографии ФРГ Аретин прямо или косвенно признает «восточную ориентацию Штауффенберга».

Исследователь обращается к такому важному аспекту историографии, как освещение антифашистской борьбы немецких рабочих. Он верно отмечает в этой связи известные заслуги Г. Эстера и Г. Пельгера, авторов книги об участии в Сопротивлении профсоюза транспортников. В целом же Аретин с полным основанием полагает, что в буржуазной и социал-реформистской литературе ФРГ до конца 70-х годов практически отсутствовали специальные обобщающие исследования о сопротивлении рабочих, что авторы большинства изданных в стране работ не касались этой важной проблемы. Имея в виду рабочих — борцов Сопротивления, он пишет об их «мужестве, готовности к самопожертвованию, которые не имели себе равных». В то же время задачу дальнейшего исследования антифашистской борьбы рабочих автор по существу ограничивает выяснением их связей с буржуазной оппозицией, не вскрывает несостоятельности приведенных им утверждений Штайнберга о «бесполезности» борьбы рабочих, о военной оппозиции как «единственно оправданной форме сопротивления». Не вполне четко мнение Аретина и о роли различных немецких оппозиционных движений. Прямо или косвенно он отдает предпочтение христианским и офицерским кругам Сопротивления²⁰⁵.

В какой-то степени Аретин недооценивает деятельность организаций КПГ в Германии 1933—1945 гг. Не всегда ясна его позиция в отношении приведенных в обзоре тех или иных несостоятельных утверждений авторов рецензируемых книг. Таковы тезисы об ответственности КПГ за раскол антифашистских

---

²⁰⁵ GWU. 1974. Н. 8. S. 507—512; Н. 9. S. 565—570.

движений, об организации Харнака — Шульце-Бойзена как исключительно разведывательной, об отсутствии поддержки КПГ и других демократов со стороны Коминтерна.

На самом деле Коминтерн оказал важную помощь коммунистическим партиям Европы, в том числе и КПГ, а также другим антифашистским силам. Отметим в этой связи разработку Коминтерном теоретических положений, в частности трактовку сущности фашизма²⁰⁶. При непосредственном участии Коминтерна коммунистические партии подготовили национальные программы борьбы с фашизмом, в основе которых лежали решения VII конгресса Коммунистического Интернационала о едином Народном фронте. Коминтерн помогал КПГ в создании нелегальных руководящих центров, в подготовке партийных кадров. Единое руководство берлинскими подпольными организациями во главе с коммунистом Р. Уригом было создано в 1940 г.²⁰⁷ По инициативе Коминтерна КПГ заключила соглашение с коммунистическими партиями Чехословакии и Австрии о развертывании совместной борьбы. «Коммунисты прилагают все усилия для того, чтобы объединить освободительную борьбу германского рабочего класса с национально-освободительной борьбой чехов, словаков, австрийцев и поляков и создать нерушимый единый фронт против германского империализма», — говорилось в этом документе²⁰⁸.

В либеральной литературе ФРГ получили освещение и другие аспекты немецкого Сопротивления. В не лишенной тенденциозности книге Б. Петрик «„Свободная Германия“ — газета Национального комитета «Свободной Германии» (1943—1945) исследован неизвестный на Западе аспект деятельности НКСГ. Автор подвергла критике консервативные тезисы о создании НКСГ исключительно в интересах СССР, об исключительно пропагандистских целях этой организации, о «задаче привести в замешательство германский народ и прежде всего германскую армию и таким образом ослабить их волю к сопротивлению». Такая «односторонняя» трактовка, по мнению автора, не согласуется с поощряемой советской администрацией «активной деятельностью НКСГ в разработке планов будущего устройства Германии»²⁰⁹. Петрик считает, что борьба против фашизма занимала главное место на страницах газеты «Свободная Германия». Автор сделала вывод о важном вкладе КПГ в возникновение антифашистского движения среди германских военнопленных.

Значительное место в трудах либеральных историков занимает антифашистская группа «Белая роза». Еще на рубеже 60—70-х годов была издана книга Х. Петри, содержащая большой фактический материал, существенно дополняющий наши

²⁰⁶ Соркин Г. З. Коминтерн против милитаризма и войны. М., 1986; *Comintern und Friedenskampf*. В., 1985.

²⁰⁷ Коммунистический Интернационал. М., 1969. С. 490—491.

²⁰⁸ Цит. по: Ульбрихт В. Указ. соч. С. 319.

²⁰⁹ Petrick B. «Freies Deutschland» — die Zeitung des Nationalkomitee «Freies Deutschland» (1943—1945). München, 1979.

представления об антифашистской борьбе мюнхенских и гамбургских студентов. Анализируя их политические взгляды, автор с удовлетворением отмечает «идейную близость» членов групп «Белая роза» и «Крайзау». При этом он не замечает влияния КППГ на развитие их борьбы²¹⁰. Историки-марксисты установили, что университетская группа «Белая роза» была связана с коммунистическими организациями²¹¹. Г. Кукхоф отмечает, что А. Харнак через своего брата Фалька поддерживал связь с мюнхенскими студентами²¹². Руководители «Белой розы» Ганс и София Шолль установили контакты с подпольными группами многих учебных заведений Германии и Австрии, издавали «Листовки немецкого Сопротивления». Эти листовки, в частности, призывали: «Каждый решительный противник нацизма должен поставить вопрос, как он может наиболее действенно бороться против данного государства, как нанести ему наиболее чувствительные удары». И далее: «Победа фашистской Германии в этой войне имела бы непредвиденные ужасные последствия. Не военная победа над большевизмом должна быть первой заботой каждого немца, а поражение нацизма. Это должно непременно стоять на первом месте»²¹³. Один из членов «Белой розы» — А. Шморель встречался с Ф. Харнаком в январе 1943 г. Шморель говорил, что стремление сблизиться лишь с Западом близоруко в политическом смысле, что Советский Союз нашел форму общественного развития, которое в будущем, несомненно, создаст наиболее могучие политические силы²¹⁴.

Интерес либеральных историков к «Белой розе» наблюдается и в 80-е годы²¹⁵. С их участием издан важный источник — письма и дневниковые записи Шоллей. Главную цель публикации И. Йенс видит в том, чтобы показать, «насколько критически по отношению к нацистскому режиму были настроены молодые люди и как некоторым из них удалось с помощью литературы, разговоров с друзьями нарушить духовную изоляцию... осуществить политическую деятельность, которая была направлена на всеобщее освобождение»²¹⁶. Либеральными историками

²¹⁰ *Petry C.* Studenten aufs Schaffot. München, 1968. S. 59–86.

²¹¹ Германия во второй мировой войне. С. 242.

²¹² *Кукхоф Г.* Воспоминания участницы антифашистского Сопротивления // Новая и новейшая история. 1977. № 3. С. 86; см. также: *Jahnke H.-K.* Weisse Rose contra Hakenkreuz. Frankfurt a. M., 1969; *Idem.* Die Entscheidungen. Frankfurt a. M., 1970; *Wir schweigen nicht! Eine Dokumentation über den antifaschistischen Kampf Münchner Studenten 1942/43.* В., 1983.

²¹³ *Scholl I.* «Die Weisse Rose». Frankfurt a. M., 1957. S. 135–138 (есть издание 1983 г.). См. также: *Vinke H.* Das kurze Leben der Sophie Scholl. Ravensburg, 1980.

²¹⁴ Цит. по: *Ihr Gewissen gebot es.*

²¹⁵ См., например: *Kirchberger G.* Die «Weisse Rose». München, 1980; *Vinke H.* Op. cit.; *Verhoeven M., Krebs M.* Die Weisse Rose. Frankfurt a. M., 1982.

²¹⁶ *Scholl H., Scholl S.* Briefe und Aufzeichnungen. Frankfurt a. M., 1984. S. 7.

были изданы труды о других антифашистских группах, в частности, о группе, действовавшей в 1933—1945 гг. в Берлине.

А. Ферховен и М. Кребс выпустили книгу «Белая роза». Вступительная статья к ней написана известным церковным деятелем Г. Голльвитцером. Авторы подвергли справедливой критике кинематограф ФРГ и США за создание «ложной картины». Консервативные кинодеятели пытаются представить дело так, будто «невыразимые мерзости» в застенках гестапо и лагерях уничтожения творили лишь немногочисленные уголовники да душевнобольные фашисты. Верно считая эту тенденцию «частью реабилитации» фашизма, авторы допускают, однако, что деятели кино могут поступать так «бессознательно». Издавая книгу об антифашистской борьбе, Ферховен и Кребс с полным основанием констатируют наличие в общественном мнении ФРГ «традиционного предубеждения против любой формы сопротивления политике своего начальства». Они критикуют «имеющие националистически-авторитарное происхождение некоторые буржуазные представления о добре и зле», в частности ложную оценку Сопротивления как «предательства».

Авторы книги демонстрируют свою безусловную приверженность идеям мира и сотрудничества между народами, призывают «бороться против вооружения». К сожалению, они «не считают возможным» отождествлять «Белую розу» и современные движения борцов за мир и защитников окружающей среды, поскольку будто бы участники лишь первой из них «не спрашивали о награде и плате», а их действия определялись «исключительно совестью». Мы полагаем неправомерным относить эти высокие качества только к антифашистам прошлых лет. Не без оснований считают авторы книги, что «действительного начала после 1945 г. так и не было... его должны были бы осуществить лишь люди антифашистского Сопротивления», что не все в ФРГ «извлекли опыт из захвата власти фашистами, хотя это зависело от каждого». «Недостаточная критика нашего прошлого привела к образованию опасного вакуума», — делают вывод авторы книги. Они отвергают примитивное представление о Шоллях как «голубоглазых молодых людях, не имевших политической концепции», и рекомендуют всем в Западной Германии читать листовки «Белой розы» и следовать принципам, которые она пропагандировала. Использование ставших им доступными материалов из Института современной истории в Мюнхене позволило исследователям ввести в научный оборот некоторые новые сведения, в частности о связи студентов-антифашистов с советскими военнопленными²¹⁷.

Особо отметим книгу И. Шолль «Белая роза». Автор, сестра антифашистов, проводит мысль о моральной ответственности каждого немца, жившего в «третьем рейхе», за преступления

---

²¹⁷ *Verhoeven M., Krebs M. Op. cit. S. 193, 199, 203—210.*

фашистов. По существу продолжая линию своих прославленных сестры и брата, она восклицает: «Каждый хотел бы не знать о них (о преступлениях.— Л. М.). Но никто не может оправдаться; каждый виновен, виновен, виновен!» Ничуть не сомневаясь в искренности автора, отметим, однако, что сам по себе тезис о «виновности всех» объективно не способствует единственно обоснованному положению об особой ответственности за преступления наиболее империалистических элементов финансового капитала. По мнению Шолль, для населения Германии было характерно «молчаливое согласие, а не фашистское поведение», но «такая политическая позиция, естественно, была одним из условий чудовищных преступлений»²¹⁸. В пропаганде высоких идей Сопrotивления активную роль играют открытое Шолль в Ульме народное высшее учебное заведение и основанный ею «Фонд брата и сестры Шоллей».

На западногерманскую литературу о Сопrotивлении оказали определенное влияние труды зарубежных историков либеральной ориентации. Отметим, в частности, опубликованную либеральным журналом «Нойе рундшау» и отличающуюся весьма реалистическими тенденциями статью английского исследователя Г. Барраклоу «Кто оказывал Гитлеру сопротивление?» Она содержит суждения по основным вопросам истории буржуазной оппозиции. Автор с полным основанием пишет, что Гёрделера устраивал «нацизм как система подавления оппозиционных партий, роспуска профсоюзов, арестов коммунистов и социал-демократов». Заговорщики, приводит автор суждение Канариса, выступали лишь против «преступных методов Гитлера и его приспешников». «Разграничительная линия проходила между понятиями „законность“ и „легальность“, а не между понятиями „свобода“ и „диктатура“. Пока фашисты оставались в рамках законности, они были приемлемы, но стоило им отклониться, как они вызвали скорее моральное, чем политическое сопротивление».

Барраклоу объясняет оппозиционность этих деятелей их страхом перед народом, в котором они видели «средоточие зла». «Их программа,— пишет автор,— была... консервативная и корпоративная, если не прямо реакционная. Такого рода программа не могла привлечь единственную группу населения Германии, которая устояла перед обещаниями нацистов... а именно рабочий класс». Автор справедливо критикует тезис историков-консерваторов об оппозиционности части военных и штабских чиновников как «истинном немецком Сопrotивлении»; отмечает весьма ограниченный характер разногласий между ними и фашизмом. Автор статьи оказывается, однако, не в состоянии объяснить это. Он придает неоправданно большое значение «идеалистической традиции, пронизывающей все группы от Гёрделера до Тротта и Мольтке». Эта традиция, а не близость двух программ — фашис-

---

²¹⁸ Scholl I. Die Weisse Rose. Frankfurt a. M., 1983. S. 132–134, 204.

тов и заговорщиков-консерваторов — будто бы «парализовала последних»²¹⁹.

В ФРГ издана также книга американского либерального автора Р. Ганзера о жизни и смерти Шоллей²²⁰. Их подвиг, по мнению автора, до сих пор служит «символом борьбы за свободу человеческого духа». Ганзер подчеркивает, что «в Москве приветствовали мюнхенских студентов как передовых борцов за освобождение от фашистского ига». Он отмечает также, что «многие в Германии были возмущены смертным приговором», вынесенным Шоллей фашистским судом²²¹.

Одна из характерных черт современной западногерманской буржуазной историографии — усиление демократического направления²²². В политическом и историографическом отношении эта литература имеет ярко выраженный антифашистский характер. Достаточно сказать, что подавляющее большинство работ историков-демократов посвящено критике фашизма в прошлом и настоящем, изучению Сопротивления. В организационном отношении литература демократического направления не представляет собой единого целого. Однако в идейно-политическом отношении, в трактовке важнейших аспектов истории фашизма и Сопротивления различные группы исследователей и публицистов-демократов весьма близки.

Современная демократическая литература о Сопротивлении имеет свою предысторию. Демократическое направление историографии в целом значительно усилилось в связи с подъемом общественного движения, получившего название внепарламентской оппозиции²²³. От antimилитаристских и демократических выступлений 50-х годов ее отличали более широкая социальная база, больший размах. Организационно не оформленное движение охватывало прогрессивные политические партии — находившуюся под запретом КППГ, antimилитаристский Немецкий союз мира, Союз антифашистов, левосоциалистические объединения, прогрессивные студенческие организации, пацифистские союзы. К движению примкнули левые элементы социал-демократии и профсоюзов, ряд крупных ученых, писателей, публицистов.

В 1966—1968 гг. эти силы были объединены идеями борьбы против «чрезвычайного законодательства», за политическую амнистию, демократизацию образования, экспроприацию издательского концерна Шпрингера, нормализацию отношений с ГДР и другими социалистическими странами, разоружение, осуждение агрессии американского империализма во Вьетнаме. Движение

²¹⁹ Neue Rundschau. 1969. Н. 3. S. 520, 522, 523; см. также: *Fraenkel H., Manvell R.* Canaris. München, 1979.

²²⁰ *Hanser R.* Deutschland zuliebe. München, 1982.

²²¹ *Ibid.* S. 324—329.

²²² К выводу о значительном развитии в ФРГ демократической литературы приходят и другие советские историки (см., например: *Бланк А. С.* Неофашизм — реваншизм. М., 1985. С. 216).

²²³ Подробнее см.: *Rupp H. K.* Aussenparlamentarische Opposition in der Ära Adenauer. Köln, 1980.

представляло собой оппозицию политике ХДС/ХСС, общедемократический ответ на реакционную стратегию государственно-монополистического капитала.

Вызванная к жизни этим прогрессивным движением демократическая историография последовательно борется за его активизацию. Для ее представителей изучение антифашистской борьбы в 1933—1945 гг. непосредственно связано с современной борьбой прогрессивных сил. «Изучение акций, направленных против фашизма и войны, ведущей роли рабочего класса в этой героической, но трагической борьбе,— подчеркивал ветеран германского рабочего движения М. Оппенхаймер,— это не абстрактные исторические исследования, а конкретная помощь тем, кто готов сплотиться против нового нацизма, за демократические преобразования ФРГ»²²⁴. Примером этому служит, в частности, книга «Якоб и Шрюбберс — ныне, как и в прошлом», изданная в 1972 г. гамбургским объединением Союза антифашистов и направленная против «закона о радикалах». Авторы привлекают материалы фашистской юстиции о преследованиях учителей-антифашистов.

Исследователи и публицисты данного направления широко применяют достижения в области истории новейшего времени в современной идеологической борьбе с реакцией, шовинизмом, милитаризмом. Они популяризируют достижения прогрессивной историографии Сопrotивления. Так, в связи с 30-летием Победы Союз антифашистов совместно с организацией ГКП и демократически настроенными студентами Бохумского университета организовал выставку документов и материалов «Сопrotивление на Рейне и Руре в 1933—1945 гг.». Выставка показала, что основная тяжесть борьбы пала на плечи авангарда рабочего класса, хотя в движении участвовали и патриотически настроенные представители других слоев населения. Два раздела выставки соответствовали двум периодам Сопrotивления: 1933—1939 и 1939—1945 гг. В первом разделе большой интерес представляют материалы об участии антифашистов Рура в национально-революционной войне испанского народа. Во втором разделе — материалы местной организации КПГ о ее связях с центральным руководством партии и НКСГ, а также организациями партии в других землях Германии²²⁵.

Ряд трудов историков-демократов непосредственно посвящен воспитательному значению истории Сопrotивления. Таковы статьи, опубликованные в журнале «Материалиен дур политишен Бильдунг»²²⁶. В своей статье о памятных местах ФРГ, связанных с Сопrotивлением, Ф. Дингель называет их «местами политического антифашистского воспитания». Автор подчеркивает роль опыта Сопrotивления в формировании «способности противо-

---

²²⁴ Marxistische Blätter. 1968. Sonderheft 3. S. 129.

²²⁵ Подробнее о выставке см.: VzG. 1975. Н. 4.

²²⁶ См., например: Materialien zur politischen Bildung. 1984. Н. 1.

стоять оппортунизму»²²⁷. Многочисленны труды демократов по истории антивоенного движения, в частности пацифизма, о борьбе населения ФРГ против гонки ядерных вооружений²²⁸, против неофашизма в Западной Германии²²⁹.

Исследователи и публицисты-демократы тесно связаны с прогрессивными политическими организациями²³⁰, в первую очередь с Немецким союзом мира²³¹. К нему близок широко известный в ФРГ Союз антифашистов²³². Союз антифашистов активно боролся и борется за мир²³³. Одним из действенных средств этой борьбы является широкое издание литературы по истории фашизма и антифашизма в Германии.

Крупнейшим в ФРГ центром демократической историографии является книготорговая фирма «Ди Тат», объединяющая в первую очередь издательства «Рёдерберг» (Франкфурт-на-Майне) и «Раль-Ругенштайн» (Кёльн). Фирма издает антифашистскую газету под тем же названием. Первое из издательств специализируется на выпуске литературы о германском фашизме и Сопротивлении. Среди выпускаемых издательством «Антифашистских исследований» — содержательные работы: «Неофашизм в ФРГ. Анализ. Аргументы. Документация», «От Брюнинга к Гитлеру. Тайна захвата власти фашистами» и др. Некоторые оценки авторов недостаточно строги в научном отношении. Так, в первой из этих работ фашизм определен лишь как «форма политического господства монополистического капитала»²³⁴, т. е. в самой общей форме. К этим исследованиям относятся также материалы конференции в Ханау (близ Франкфурта-на-Майне) — «Фашизм и милитаризм. Анализ антифашистской деятельности и ее исследование». Значительная часть книг, изданных здесь, посвящена германской эмиграции 1933—1945 гг. в таких странах, как СССР, Швейцария, Латинская Америка, Чехословакия, Англия, Палестина, Голландия, Испания, Франция²³⁵. Это издательство опу-

---

²²⁷ Ibid. 1985. Н. 2. S. 66, 68; см. также: Bundeswehr und die Schule. Köln, 1983.

²²⁸ См., например: Hauptsache Frieden. Frankfurt a. M., 1985; Knorr L. Geschichte der Friedensbewegung in der Bundesrepublik. Köln, 1985; Idem. Wieder Krieg vom deutschen Boden? Frankfurt a. M., 1985; Sage niemand, er habe es nicht wissen können. Köln, 1985; Vogel H. M. Strategien des Pazifismus. Köln, 1985. Ср.: Чернов А. Б. Антивоенное движение в ФРГ. М., 1982.

²²⁹ См., например: Неофашисты. М., 1982; Кровавые следы. М., 1983; Opitz R. Faschismus und Neofaschismus. Frankfurt a. M., 1984; Rechtsradikalismus. Frankfurt a. M., 1985.

²³⁰ Подробнее см.: Ежегодник германской истории. 1970. М., 1971. С. 306—323; Ежегодник германской истории. 1977. М., 1978. С. 142—154.

²³¹ Die andere Zeitung. 1964. 6. Febr.; 1965. 25. März.

²³² Antifaschismus. Frankfurt a. M., 1978; Stobwasser A. Die den Winkel trugen. Hamburg, 1983.

²³³ Подробнее см.: Полит. самообразование. 1985. № 5. С. 79—81.

²³⁴ Neofaschismus in der BRD. Frankfurt a. M., 1971. S. 25; Carlebach E. Von Brüning zu Hitler. Frankfurt a. M., 1971.

²³⁵ См., например: Exil in Frankreich. Frankfurt a. M., 1981; Ober-

ликовало ряд книг о жизни женщин в фашистской Германии и их участии в Соппротивлении²³⁶.

В связи с изучаемым вопросом наибольшую ценность представляет серия «Библиотека Соппротивления»²³⁷, выпуск которой издательство начало в 1969 г. До 1985 г. было опубликовано 35 книг²³⁸, большинство из них посвящено антифашистской борьбе в отдельных землях и городах Германии. Таковы книги о Соппротивлении в Висбадене, Гамбурге, Крефельде, Мангейме, Марбурге, Нюрнберге, Штутгарте, Хан-Мюндене, Эссене и др. По данной тематике демократы опубликовали труды и в других издательствах. Приведем некоторые примеры.

М. Оппенхаймер, бывший узник концлагеря Дахау, посвятил свою книгу коммунистической организации под руководством Лехляйтера²³⁹. Автор подчеркивает, что коммунисты Мангейма имели опорные пункты на предприятиях, поддерживали тесные связи с социал-демократическими группами и иностранными рабочими. Большое место отведено описанию газеты «Форботе» («Предвестник»), которую стали выпускать в городе коммунисты после 22 июня 1941 г. В книге опубликованы многие новые материалы: призыв коммунистов и социал-демократов Бадена 1935 г., донесения фашистских учреждений и др. Книга Г. Ширмера «Другой Нюрнберг» посвящена борьбе коммунистических, социал-демократических и буржуазных организаций в городе съездов фашистской партии²⁴⁰. В создании книги участвовали более 50 антифашистов. В их воспоминаниях, в документах нюрнбергского городского архива, как и в исследовательской части книги, представлены новые сведения об «Антинацистском немецком народном фронте», руководимом коммунистами и связанном с другими группами Соппротивления, в частности с «Братским сотрудничеством военнопленных». Интересны сведения о нюрнбергской организации СДПГ, одной из немногих в этой партии, сумевшей в краткие сроки наладить нелегальную деятельность и конспиративные связи; об антифашистских группах Э. Никиша²⁴¹ и Е. Дрекслея. В результате исследования автор прихо-

---

mann K. Exil in Paris. Frankfurt a. M., 1984.

²³⁶ См., например: *Elling H. Frauen im deutschen Widerstand, 1933–1945. Frankfurt a. M., 1978; Herve T., Wisbar R. Leben, frei und Frieden. Frankfurt a. M., 1981; Geborsten und vergiftet ist das Land. Köln, 1984.*

²³⁷ См.: Новая и новейшая история. 1972. № 3, 4; Проблемы германской истории. Вологда, 1973. См. также: Новая и новейшая история. Саратов, 1979. С. 52–66.

²³⁸ Новая и новейшая история. 1985. № 3. С. 164.

²³⁹ *Oppenheimer M. Der Fall Vorbote. Frankfurt a. M., 1969.*

²⁴⁰ *Schirmer H. Das andere Nürnberg. Frankfurt a. M., 1974.*

²⁴¹ В различных направлениях западногерманской историографии не ослабевает интерес к этому видному германскому антифашистскому общественному деятелю, публицисту и историку. В 30-е годы Эрнст Никиш (1889–1967) руководил одной из социалистических групп, оппозиционных правлению СДПГ. В 1937–1945 гг. — узник концлагеря, освобожден войсками Красной Армии. В 1945–1953 гг. — член КПГ — СЕПГ. В ФРГ в последние годы изданы труды Никиша (см., в частности: *Niekisch E. Widerstand. Kre-*

дит к выводу о хорошо организованной деятельности и нелегальных коммунистических организаций.

Истории борьбы рабочих крупного промышленного центра Франкфурта-на-Майне посвящено исследование Б. Маусбах-Бромбергер. Ею использованы материалы архивов Дюссельдорфа и Кобленца, а также документы Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ. Автор справедливо отмечает, что борьба рабочих, возглавленная коммунистами, началась задолго до захвата власти фашистами. Задача объединения антифашистских сил находилась в центре внимания КПГ. Среди рабочих раздавались призывы к объединению коммунистов, социал-демократов и католиков²⁴².

В книге приведены отдельные факты, характеризующие антифашистскую борьбу во Франкфурте-на-Майне. В ней участвовало 1427 человек. Половину их составили рабочие, 825 человек были членами КПГ, 165 — СДПГ. В 1937—1938 гг. в городе состоялось 22 судебных процесса над коммунистами, 12 процессов — над членами СДПГ²⁴³.

В последние годы демократические издательства продолжали публикацию трудов по региональной истории²⁴⁴. Отметим, в частности, изданную в серии «Библиотека Сопrotивления» книгу о Сопrotивлении и преследованиях в Эссене в 1933—1945 гг., написанную Э. Шмидтом, непрофессиональным историком, руководителем эссенской исторической комиссии Союза антифашистов. Предмет исследования в этой книге весьма широк. Это деятельность многочисленных организованных коммунистических групп Сопrotивления. «понесших наибольшие жертвы»; поведение верующих, оппозиционно настроенных по отношению к режиму; политическая позиция функционеров бывших буржуазных партий, гуманистов. Степень обобщения фактического материала в книге не высока. Автор не ставит себе задачи выяснить, какова роль различных политических партий в Сопrotивлении, насколько

---

feld, 1982; *Idem*. Der Weg der deutschen Arbeiterschaft zum Staat. Mainz, 1985). Весьма характерно также появление книги У. Зауэрманна «Эрнст Никкиш и революционный национализм», спекулирующего на ошибках Никкиша. См.: *Sauer mann U.* Ernst Niekisch und der revolutionäre Nationalismus. München, 1985 (Rez.: NE. 1985. H. 9. S. 59).

²⁴² *Mausbach-Bromberger B.* Arbeiterwiderstand in Frankfurt a. M. gegen den Faschismus. Frankfurt a. M., 1976. S. 20, 23.

²⁴³ *Ibid.* S. 128, 201.

²⁴⁴ См., например: *Bembenek L., Schumacher F.* Nicht alle sind tod, die begraben sind. Frankfurt a. M., 1980; *Billstein A.* Fremdarbeiter in unserer Stadt 1939—1945. Frankfurt a. M., 1980; *Schneider U.* Marburg, 1933—1945. Frankfurt a. M., 1980; *Bringmann F., Diercks H.* Die Freiheit lebt! Frankfurt a. M., 1983; Hessen vor 50 Jahren-1933. Frankfurt a. M., 1983; *Rosmus-Wenninger A.* Widerstand und Verfolgung. Passau, 1983; *Rossaint J., Zimmermann M.* Widerstand gegen den Nazismus in Oberhausen. Frankfurt a. M., 1983; *Wagner J.* Hakenkreuz über Bochum. Bochum, 1983; *Bohn W.* Hochverräter. Frankfurt a. M., 1984; Volksgemeinschaft und Volksfeinde. Fulda, 1984.

ко значительно место эссенских антифашистов в Сопротивлении²⁴⁵.

Представляет интерес книга Г. Штухлик о фашизации высшего образования в Германии и оппозиционных студенческих движениях на примере Франкфуртского университета²⁴⁶. Вслед за Д. Пойкертом автор различает несколько форм «оппозиционного поведения», высшей из них считает «сопротивление» как «осознанное решение бороться за свержение нацистской системы». В книге использованы университетский архив во Франкфурте-на-Майне, государственный архив этого же города, городские архивы Гессена и Марбурга. Однако, не без оснований полагает Штухлик, «детальное исследование действий франкфуртских студентов невозможно — недостает материала». Тем не менее она считает возможным отметить, что антифашистские выступления были в университете уже в первые годы диктатуры. 7 апреля 1934 г. одна из местных газет сообщала о «государственной измене» двух студентов, «которые приняли участие в акциях СДПГ и КППГ». В книге представлен текст «Антифашистского студенческого листка» от января 1936 г., который выходил под названием «Блокнот художника»; приведены примеры «нонконформистского», по ее терминологии, поведения. Так, студент медицинского факультета А. Ведекинд в 1943 г. был казнен за то, что в разговоре с советскими военнопленными врачами высказался против войны и плохого обращения с пленными. Штухлик не согласна с суждением об антифашизме «студенческих масс». По ее мнению, «сопротивление оказывали лишь те студенты, которые поддерживали рабочие партии». Она приходит к верному выводу, что «в целом не все франкфуртские студенты занимали либо активную нацистскую, либо оппортунистическую позицию, но та их часть, которая не повиновалась или активно боролась, составляла лишь незначительный процент»²⁴⁷.

В тесном контакте с «Рёдербергферлаг» работают исторические комиссии Союза антифашистов. Как представляется, наиболее плодотворной является деятельность гамбургской организации этого союза. В числе многочисленных книг, изданных ею, упоминавшаяся нами книга Шаброда²⁴⁸. Здесь издана также книга, посвященная гамбургской организации «Белая роза». Ее авторы полемизируют с Петри и другими консервативными историками, утверждающими, что «Белая роза» носила замкнутый характер и действия Шоллей были «бесмысленными». Как показано в книге, гамбургская организация «Белая роза» была связана со своими единомышленниками в Мюнхене и другими оппозиционными организациями, в том числе и организациями

²⁴⁵ Schmidt E. Lichter in der Finsternis: Widerstand und Verfolgung in Essen, 1933–1945. Frankfurt a. M., 1980.

²⁴⁶ Stuchlik G. Goethe im Braunschweig. Frankfurt a. M., 1984.

²⁴⁷ Ibid. S. 15.

²⁴⁸ Schabrod K. Widerstand gegen Flick und Florian. Frankfurt a. M., 1978.

НКСГ²⁴⁹. Западногерманские демократы широко используют вдохновляющий пример «Белой розы». Характерно, что во второй половине 60-х годов студенты Мюнхена воссоздали организацию «Белая роза». Один из ее руководителей — Р. Хуф заявил: «Неонацисты имеют большое число сторонников среди молодежи. Мы должны отвоевать у них молодежь». Аналогичная организация — «Союз имени брата и сестры Шоллей» — была создана в Гамбурге²⁵⁰. «Белая роза» — таково название и культурно-просветительского центра в Ганновере²⁵¹.

Демократическими историками осуществлена большая работа по созданию источниковой базы истории антифашистской борьбы в Германии. Книги этих авторов о локальном Сопротивлении, как правило, представляют либо исследование проблемы, снабженное документальными приложениями, либо сборники документов. Издательство «Рёдерберг» опубликовало документы террора. В 1974 г. издан сборник документов о преследованиях и Сопротивлении в Крефельде, составленный А. Билльштайном²⁵². Впервые введены в научный оборот материалы процесса над 150 коммунистами, заключения фашистских юристов, позволяющие судить о мужественной борьбе членов КППГ, документы о деятельности членов СДПГ и профсоюзов. Хотя источники и малочисленны, автор приходит к выводу о том, что антифашистскую борьбу в Крефельде возглавляли коммунисты. В том же году вышел сборник воспоминаний женщин — участниц Сопротивления. Составители сборника Г. Цорн и Г. Мейер подчеркивают, что большинство участниц Сопротивления вышли из рабочих, некоторые принадлежали к «либеральным кругам, которые понимали, что „Гитлер“ означает „война“»²⁵³. Книга содержит яркие примеры самоотверженной борьбы женщин.

В 1975 г. выпущен подготовленный П. Альтманном и другими историками сборник документов и материалов по истории Сопротивления²⁵⁴. Предисловие к нему написано В. Абендротом. Абендрот опровергает тезис о «вине всего немецкого народа» за преступления фашизма, анализирует расстановку политических сил в Германии в 1917—1945 гг. Авторы сборника выделяют этапы нелегальной антифашистской борьбы, которые в основном совпадают с периодизацией, принятой в марксистско-ленинской историографии. На основе публикуемых документов они приходят к выводу о чрезвычайно сложных условиях, в которых боро-

²⁴⁹ Candidates of humanity. Hamburg, 1971. S. 10, 19, 32, 33, 37, 38, 41, 42, 46.

²⁵⁰ Известия. 1967. 2 февр.; За рубежом. 1967. № 2. С. 18.

²⁵¹ Подробнее см.: Бланк А. С. Неофашизм — реваншизм. С. 223.

²⁵² Billstein A. Der eine fällt, die andern rücken nach... Frankfurt a. M., 1974; см. также: Heins H. Bruno Tesch und Gefährten-Erinnerungen an den «Altonaer Blutsonntag». Hamburg, 1983.

²⁵³ Zorn G., Meyer G. Frauen gegen Hitler. Frankfurt a. M., 1974. S. 7.

²⁵⁴ Der deutsche antifaschistische Widerstand, 1933—1945. Frankfurt a. M., 1975.

лись антифашисты, об участии в этой борьбе представителей различных групп населения. Особо отмечена борьба коммунистов. Историки показали их стремление к созданию единого антифашистского фронта, подчеркнув при этом, что такая необходимость возрастала в связи с подготовкой агрессивной войны. Отмечен интернациональный характер борьбы рабочих. Опубликованы документы и материалы об основании и деятельности КПГ. Книга содержит краткие биографии участников Сопротивления. Несколько схематично представлен материал об интернациональных бригадах в Испании. Тем не менее этот сборник является наиболее полным в ФРГ собранием документов и материалов по истории немецкого Сопротивления.

В трудах историков-антифашистов представлена весьма квалифицированная критика консервативных и социал-реформистских искажений истории Сопротивления, в том числе в учебной литературе ФРГ. Такова историографическая работа В. Р. Байера, в которой он выступает, в частности, против попытки «опорочить» Никиша, находившегося в непримиримой оппозиции к правому руководству СДПГ²⁵⁵. Те исследователи, пишет автор, «которые хотят умалить действие марксистских кругов Сопротивления, стремятся устранить из истории кружка Никиша все моменты классовой борьбы и ограничить его деятельность лишь сферой литературной». Используя известные ошибки Никиша, они пытаются представить его взгляды в виде некоей разновидности «правой социал-демократии»²⁵⁶.

Основанное в 1957 г. издательство «Паль-Ругенштайн» выпускает в настоящее время ежегодно более 100 книг, рассчитанных на самые широкие круги читателей. Большая часть продукции издательства (около 80%) посвящена истории и политике, в том числе — фашизму и антифашизму. Особое место в деятельности кельских издателей занимает антифашистская литература, выходящая под девизом: «Прошлое не умерло. Оно еще даже не прошло». В этом издательстве вышла известная публикация «Генералы за мир»²⁵⁷. Здесь же изданы работы прогрессивного публициста Г. Кале «Кто нам угрожает: СС-20 или крылатые ракеты?» и «Пентагон — враг мира номер один», а также исследование Э. Дитцфельбенгера о движении за мир в ФРГ в 1948—1955 гг.²⁵⁸ «Паль-Ругенштайн» сотрудничает с советски-

²⁵⁵ VdiP. 1973. Н. 8. S. 382.

²⁵⁶ В 80-е годы историки-демократы осуществили и другие документальные и мемуарные публикации о Сопротивлении. См., например: *Suhling L. Der unbekannte Widerstand*. Frankfurt a. M., 1980; *Unser Widerstand*. Frankfurt a. M., 1982; *Dinslaken in der NS-Zeit*. Kleve, 1983; *Kleinstadt und Nationalsozialismus*. Neumünster, 1984; *Die Lageberichte der Geheimen Staatspolizei über die Provinz Hessen-Nassau, 1933—1936*. Köln, 1984; *Der Regierungsbezirk Kassel 1934—1936 im Spiegel der amtlichen Berichterstattung*. Darmstadt, 1984—1985.

²⁵⁷ *Generale für den Frieden*. Köln, 1981.

²⁵⁸ См., например: *Dietzfelbinger E. Die westdeutsche Friedensbewegung, 1948 bis 1955*. Köln, 1984.

ми издательствами. Совместно выпущены книги: «Предыстория германо-советского пакта о ненападении» В. Сиполса, «Московская битва» Л. Безыменского, «Сталинград» Н. Крылова, а также записки А. Коллонтай «Я прожила много жизней»²⁵⁹.

Среди новейших книг отметим труд У. Хёрстер-Филлиппс «Кем был Гитлер?». Автор освещает актуальную проблему — связь крупного капитала с фашизмом в 1918—1945 гг. В другом труде этого же автора освещено вторжение в политику концерна Флика²⁶⁰. Ряд книг посвящен захвату власти фашистами²⁶¹, довольно много публикаций по истории Сопротивления, в том числе о борьбе молодежи²⁶². Необходимо выделить исследование В. Заггау «Концепции фашизма и антифашистская стратегия СДПГ». Оценивая теорию и практическую деятельность этой партии в последний период Веймарской республики и в эмиграции, автор показывает, что сотрудничество руководства СДПГ с буржуазными партиями отвлекало трудящихся от борьбы против фашизма²⁶³. В 1984—1985 гг. издательство выпустило в свет двухтомный указатель памятных мест, связанных с историей Сопротивления и фашистского террора в Германии²⁶⁴.

Другим значительным центром демократической литературы является журнал «Блеттер фюр дойче унд интернационале политик». Его издатели — историки, философы, экономисты, юристы, теологи буржуазно-демократической или левосоциалистической ориентации. История Сопротивления постоянно находит место на страницах журнала. Большое внимание уделено ей в связи с годовщинами установления фашизма в Германии, заговора 20 июля и разгрома фашизма. Многие выступления журнала связаны с темой: «Монополии и политическая власть в прошлом и настоящем»²⁶⁵, а также с неофашизмом и другими проявлениями преодоленного прошлого ФРГ²⁶⁶.

Рассмотрим отдельные труды наиболее видных специалистов демократического направления. Книга Г. Вайзенборна, написанная вскоре после окончания войны и выдержавшая несколько изданий, до сих пор остается одной из немногих в ФРГ попыток анализа всех оппозиционных движений 1933—1945 гг. Вайзенборн — один из выдающихся антифашистских писателей. В годы фашизма, после возвращения из США из эмиграции, он вошел в

²⁵⁹ Подробнее см.: Кн. обозрение. 1985. 28 июня. См. также: *Schmitt P. F. Widerstand zwischen den Zeilen?* Köln, 1985.

²⁶⁰ *Hörster-Phillipps U. Wer war Hitler wirklich?* Köln, 1981; *Idem. Großkapital und Faschismus.* Köln, 1981.

²⁶¹ См., например: *Vor 50 Jahren: Machtergreifung des Faschismus in Deutschland.* Köln, 1983.

²⁶² См., например: *Hellfeld M. Edelweisspiraten in Köln.* Köln, 1981.

²⁶³ *Saggau W. Faschismustheorien und antifaschistische Strategien der SPD.* Köln, 1981.

²⁶⁴ *Heimatgeschichtlicher Wegweiser zu Stätten des Widerstandes und der Verfolgung, 1933—1945.* Köln, 1984—1985. Bd. 1—2.

²⁶⁵ См., например: *BdiP. 1986. H. 4. S. 425—447.*

²⁶⁶ См., например: *BdiP. 1985. H. 11. S. 1387—1394; 1986. H. 3. S. 372—381.*

организацию Харнака — Шульце-Бойзена. После войны и до последних своих дней Вайзенборн активно боролся против возрождения реваншизма и милитаризма, был награжден советским орденом Отечественной войны первой степени. Его книга содержит большой фактический материал о борьбе представителей различных слоев населения.

Концепция Вайзенборна полностью не может быть принята. Автор, в частности, исходил из ошибочного предположения об участии в антифашистской борьбе большинства немцев. Эта мысль отражена и в заглавии книги: «Безмолвное восстание. Очерк движения Сопrotивления немецкого народа в 1933—1945 гг.». Однако исследователь противопоставлял свою книгу апологетической литературе о «движении 20 июля». Он вполне определенно подчеркнул: немецкий рабочий класс вынес главную тяжесть борьбы, проявил наибольшую активность²⁶⁷. В книге выделен специальный раздел «Сопrotивление рабочих», отмечена роль КПГ.

Весьма значительное место автор отвел буржуазным заговорщикам, группе «Белая роза»; несколько преувеличивает он значение антифашистской деятельности священнослужителей. Но он, что очень важно, видит существенное различие между антифашистами, ориентировавшимися на борьбу народных масс, и верхушечной оппозицией генералов и штатских чиновников. Вайзенборн верно заметил, что левые силы Германии после 1933 г. лишь сменили формы борьбы, представителям же буржуазии еще предстояло осознать ее необходимость. Несомненной заслугой автора является попытка определить место немецкого Сопrotивления в антифашистской борьбе европейских народов. Вполне обоснованно он отмечает относительную слабость немецкого Сопrotивления. Однако объяснение этой слабости нельзя признать исчерпывающим. Антифашистам в Германии не удалось развернуть массовой борьбы не только потому, что фашисты в этой стране более успешно провели операцию по уничтожению своих политических противников, в первую очередь коммунистов, чем во Франции или Югославии.

Сопrotивление в Германии было слабее, чем в ряде других европейских стран, вследствие определенных причин. Яд шовинизма отравил сознание, парализовал чувство гражданской ответственности большинства немецкого народа. Милитаристская и шовинистическая пропаганда была поддержана подкупом значительной части населения за счет военной добычи. Главная сила Сопrotивления КПГ была ослаблена, рабочий класс страны оставался расколотым. Немецкая буржуазная оппозиция вследствие разнородности составлявших ее политических группировок, изолированности ее от трудящихся масс была очень слабой. В отли-

---

²⁶⁷ Weisenborn G. Der lautlose Aufstand. Frankfurt a. M., 1974. S. 16, 38, 250.

чие от многих других стран в Германии в течение долгого времени не было единого центра антифашистской борьбы²⁶⁸.

Книга Вайзенборна положила начало своеобразной методологической традиции в исследовании антифашистской борьбы немцев. Узость источниковой базы вынудила историка сосредоточить свое внимание на анализе террора, его масштабов, на выяснении социальной принадлежности и политических взглядов репрессированных. Иными словами, почти полное отсутствие непосредственного источника — документов и материалов самих антифашистских организаций — побудило исследователя непомерно широко использовать имеющие ограниченное научное значение материалы карательных органов. Так, Вайзенборн часто делает вывод о размахе борьбы, опираясь лишь на сведения о числе арестованных антифашистов. Едва ли можно сомневаться в том, что размах и эффективность борьбы, с одной стороны, и жертвы и страдания ее участников — с другой, не всегда находятся в прямой зависимости. Односторонний принцип исследования наряду с другими обстоятельствами привел Вайзенборна к ошибочному выводу об «ожесточенном сопротивлении» большей части немецкого народа²⁶⁹. Этот метод в определенной степени оказывает влияние и на современную демократическую литературу: зачастую антифашистская борьба рассматривается в обязательной связи с террором, что приводит к тому, что материал о преследованиях заслоняет историю антифашистской борьбы²⁷⁰.

С первых послевоенных лет главным образом в издательстве «Рёдерберг» выходят труды видного представителя демократической литературы Г. Брюдигама. Его исследовательские и публицистические работы достаточно известны в ГДР и СССР. К ранним трудам Брюдигама относится серия статей «Антикоммунистические легенды в историографии». Опираясь на многочисленные документы и исследования историков СССР и ГДР, автор дает аргументированную критику реакционных искажений истории антифашистской борьбы.

Наиболее значителен его обзор «Современная историография антинацистского Сопротивления». Анализируя третье издание книги Ротфельса «Немецкое движение Сопротивления», Брюдигам отмечает, что концепция автора не изменилась. Автор справедливо указывает, что историки уже отмечали свойственный Ротфельсу отрыв политики от общечеловеческих нравственных норм, что оказало пагубное воздействие на исследование истории коммунистических и социалистических организаций. «Если в традиционной литературе,— цитирует Брюдигам известного социал-демократического историка К. Клоцбаха,— им отводились скупые замечания, то при абсолютизации этического мотива эти группы

²⁶⁸ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 5. S. 231, 431, 436—437.

²⁶⁹ Weisenborn G. Op. cit. S. 16.

²⁷⁰ См., например: Christoffel E. Der Weg durch die Nacht. Trier, 1983; Bringmann F., Dircks H. Op. cit.

могут быть вообще исключены из рядов Сопротивления». Брюдигам отмечает, что новое издание книги Ротфельса дополнено материалами об организации Харнака — Шульце-Бойзена; в примечаниях расширены ссылки на источники и литературу. Удельный же вес описания различных оппозиционных движений в книге не изменился.

Анализируя книгу Шойрига «Немецкое Сопротивление в 1938—1944 гг.», Брюдигам показывает, что антифашистскую борьбу Шойриг ограничивает лишь заговором 20 июля. Отмечая в концепции Шойрига ряд противоречий, Брюдигам, в частности, пишет: «Положительно оценивая деятельность НКСГ, Шойриг не включил в книгу ни одного документа этой организации». Брюдигам подробно анализирует доклад Абендрота, в котором неоднократно подчеркивалось, что «подпольное Сопротивление рабочих было единственным значительным политическим движением, никогда не делавшим уступок авторитарному мышлению». Книгу Вайзенборна критик праведливо считает первой работой, в которой показано участие широких народных масс в Сопротивлении. Брюдигам верно выделяет важнейшие специальные исследовательские центры изучения Сопротивления: Марбургский институт политических наук, Институт имени Ф. Эберта, Союз антифашистов. В поле зрения Брюдигама находится эмиграция в годы фашизма. Выделяя книгу Г. Гроссмманна об эмиграции 1933—1945 гг., автор отмечает, что она содержит большой фактический материал. Но вследствие «личной неприязни автора к коммунистам» и «одностороннего отбора фактов» Гроссмманну, по обоснованному мнению критика, не удалось восстановить полной и объективной картины эмиграции²⁷¹. Перу Брюдигама принадлежат и другие работы²⁷². В 1982 г. автор опубликовал книгу «Фашизм у власти», в которой собраны политические плакаты, листовки, карикатуры, программы радиовещания, дневниковые записи, корреспонденции, деловые письма. В той или иной мере эти материалы способствуют определению социальных корней фашизма²⁷³.

К числу наиболее значительных трудов необходимо отнести также работы двух видных историков Союза антифашистов — У. Хохмут и Г. Мейер. Ими написана, в частности, книга о Сопротивлении в Гамбурге²⁷⁴, в которой дан анализ борьбы молодежных, профсоюзных, спортивных организаций, а часть разделов посвящена буржуазной оппозиции, преследованию евреев. Авторы неоднократно подчеркивают, что наибольший вклад в антифашистскую борьбу внесли коммунисты. Это положение раскрыто на примере организации Якоба—Абсхагена—Бестлейна.

²⁷¹ BdiP. 1970. Н. 1. S. 89, 91, 93, 95.

²⁷² См., в частности: *Brüdigam H.* Bibliothek des Widerstandes // BdiP. 1969. Н. 9; 1970. Н. 12; см. также: *Das Jahr 1945.* Frankfurt a. M., 1980.

²⁷³ *Brüdigam H.* Faschismus an der Macht. Frankfurt a. M., 1982.

²⁷⁴ *Hochmuth U., Meyer G.* Streiflichter aus dem Hamburger Widerstand, 1933—1945. Frankfurt a. M., 1969 (2. Aufl. 1980).

В книге помещен новый материал, освещающий содержание, цели и формы деятельности организаций, руководимых ЦК КПГ.

Продолжением этой книги является работа Г. Мейер «Ночь над Гамбургом». Автор исследует структуру и методы террористического аппарата, направленного против Сопротивления, в частности организацию и функции гестапо в Гамбурге. Автор рисует картину уничтожения 510 гамбургских антифашистов, прослеживает путь Тельмана с марта 1933 г. до его убийства в августе 1944 г. Справедливо подчеркивается в предисловии, что, хотя предметом исследования явился фашистский аппарат только одного Гамбурга, фактически «это история всего кровавого коричневого террора»²⁷⁵. Много внимания уделяет Мейер коммунистическим группам Сопротивления, опровергая тезис о «невозможности сотрудничества» с КПГ на антифашистской основе. В книге показано, что совместные действия коммунистов и социал-демократов на многих гамбургских предприятиях были «само собой разумеющимся явлением». В монографии использованы наряду с западногерманскими источниками из СССР и ГДР. Имеет значение опубликованный Хохмут и Мейер «Список погибших участников Сопротивления в Гамбурге». Здесь представлены сведения о социальном составе Сопротивления, партийной принадлежности его участников. Авторы показали, что большинство казненных антифашистов в Гамбурге были рабочими, членами рабочих партий, в первую очередь коммунистами²⁷⁶.

Хохмут выпустила также книгу об антифашисте Фите Шульце, казненном в июне 1935 г. Автором воссоздана правдивая картина жизни Германии тех лет. На большом материале (протоколы суда по делу Шульце, воспоминания его дочери, листовки КПГ, разоблачавшие убийц и призывавшие к единству в борьбе, газетные статьи и телевизионные передачи 1971 г., связанные с именем Шульце) автор убедительно показала, что имя коммуниста не забыто²⁷⁷. Сам факт появления этой книги свидетельствовал о нарастании реалистических тенденций в западногерманской историографии. Этому в определенной степени способствовали выступления некоторых руководящих деятелей страны. Так, Г. Хайнеманн, бывший в то время федеральным президентом ФРГ, в своей речи в честь 20-летия событий 20 июля 1944 г. призвал чтить память борцов против фашизма, среди них было названо имя Шульце. Документы его деятельности выпущены гамбургской организацией Союза антифашистов.

Заслуживает внимания составленная Хохмут библиография «Фашизм и Сопротивление»²⁷⁸. Немецкоязычная литература о германском антифашистском Сопротивлении в этой книге пред-

²⁷⁵ Meyer G. Nacht über Hamburg. Frankfurt a. M., 1971. S. 7, 78, 84.

²⁷⁶ Totenliste Hamburger Widerstandskämpfer und Verfolgter, 1933–1945. Hamburg, 1968.

²⁷⁷ Fiete Schulze oder Das dritte Urteil. Hamburg, 1971.

²⁷⁸ Hochmuth U. Faschismus und Widerstand, 1933–1945. Frankfurt a. M., 1973.

ставлена весьма полно. Одновременно с этой книгой библиографические указатели по истории Сопротивления были изданы в СССР²⁷⁹ и ГДР²⁸⁰. Библиографический сборник Хохмут содержит названия 1371 публикации, изданной в ГДР, ФРГ, Австрии, Швейцарии, немецких переводов исследований и мемуаров из других европейских стран и США. Здесь представлены документальные, историографические издания, специальные исследования по истории Сопротивления, некоторые диссертации, антологии и произведения художественной литературы. В отличие от консервативных и социал-реформистских аналогичных изданий библиография содержит более значительное число работ, написанных историками ГДР (500 из 1371 названия).

Представленная в книге концепция фашизма и Сопротивления весьма характерна для данного направления. Структура книги свидетельствует о высокой профессиональной подготовке составителя. Библиографические материалы сгруппированы в 13 разделах в соответствии с действительно важнейшими аспектами проблемы. Всем разделам предпосланы краткие, но весьма квалифицированные статьи, в которых отражены взгляды Хохмут, в методологическом и идеологическом отношении весьма близкие к марксистским. Так, в разделе «Фашизм» выделены проблемы разрушения Веймарской республики и фашизации Германии; фашистской экономической системы; идеологии, по оценке Хохмут, «представлявшей собой социальную и национальную демагогию»²⁸¹. Дана литература по истории Германии в 1933—1945 гг., а также неофашизма в ФРГ.

В отличие от консервативных историков автор четко выделяет важнейший аспект фашизма — его генезис и социальную сущность; указывает на систему экономической эксплуатации и уничтожения узников, на процесс сращивания концернов и концентрационных лагерей. Хохмут показывает борьбу и солидарность узников. В разделах о Сопротивлении вполне обоснованно отражено рабочее движение периода Веймарской республики. Автор подчеркивает гуманистический и патриотический характер антифашистской борьбы. Выделена литература о социал-демократии, об антифашистской борьбе профсоюзов, о сопротивлении и преследовании различных социалистических организаций и групп, о деятельности социал-демократии в эмиграции. В отдельный раздел выделена литература по истории КПГ в 1933—1945 гг. Показаны развитие стратегии и тактики немецких коммунистов, борьба за создание единого Народного фронта. В книге нашли отражение материалы VII конгресса Коминтерна. Часть библиографического указателя посвящена литературе о фашистской по-

²⁷⁹ Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны. М., 1973; Антифашистское движение Сопротивления в Германии в годы второй мировой войны. М., 1974.

²⁸⁰ *Goguel R. Antifaschistischer Widerstandskampf, 1933—1945. B., 1974.*

²⁸¹ Подробнее см.: *Petzold J. Die Demagogie des Faschismus. B., 1982.*

литике по отношению к церкви, борьбе верующих против фашизма и войны. Говоря о военной оппозиции, автор не без оснований выделяет течения, которые отличались в социальном отношении и имели различные программы.

В целом полезная работа Хохмут не лишена недостатков. Так, организацию Харнака — Шульце-Бойзена автор по каким-то причинам рассматривает в отрыве от КПГ. В разделе о «европейском Сопротивлении» не указывается антифашистская борьба в Италии и ряде других стран²⁸².

Среди изданных «Рёдербергферлаг» — книги «Литература и Сопротивление. Антология европейской поэзии и прозы» и «Искусство и Сопротивление» (совместно с дрезденским издательством «Кунст»). Первая из них содержит фрагменты произведений 200 писателей и поэтов из 20 стран. Отдельные суждения издателей носят спорный характер. Они считают, например, что репрессии в связи с покушением на Гитлера «повлекли за собой образование новых организаций и групп Сопротивления»²⁸³, что все эмигрировавшие из Германии были борцами против фашизма²⁸⁴. Составители ошибочно рассматривают Сопротивление как протест одиночек, будто бы лишь со временем объединявшихся в заговорщические группы.

В книге «Искусство и Сопротивление» собрано 636 репродукций картин европейских художников, расположенных по следующим темам: пропаганда, эмиграция, Испания, Мюнхен, гетто, концлагерь, Сопротивление и др. По каждой из этих тем даны статьи и содержательные справки. В статье исследователя из ГДР Э. Фромхольда творчество художников-антифашистов с полным основанием названо одной из форм борьбы. Автор опровергает заимствованный из фашистской пропаганды тезис современных реакционных историков о произведениях художников-антифашистов как «выродившемся» («entartet») искусстве.

Составители сборника разделяют близкие к марксистско-ленинским взгляды на происхождение и сущность фашизма. Так, автор предисловия Э. Никиш считает, что «фюреры» Муссолини, Франко и «прежде всего Гитлер пришли к власти на гребне антибольшевистского движения». Никиш отвергает тезис о бесперспективности Сопротивления, полагая, что пример героев поднимает новых борцов. Предисловие Никиша — это гимн антифашистам. Вопреки попыткам искусственно расширить понятие борьбы он с полным основанием утверждает, что участие в подлинном Сопротивлении сопряжено с готовностью пожертвовать

²⁸² См. также: *Hochmuth U., Dierk J. Heimatkunde: Faschismus und Widerstand. Hamburg, 1980.*

²⁸³ *Literatur und Widerstand. Frankfurt a. M., 1969. S. 139, 142, 144.*

²⁸⁴ Верная мысль о том, что отнюдь не всю эмиграцию можно отождествлять с Сопротивлением, содержится в некоторых произведениях художественной литературы, например в романе Э.-М. Ремарка «Тени в раю». В марксистской литературе показано, что эмиграция из Германии была обусловлена не только политическими мотивами (см., в частности: Социальная философия Франкфуртской школы. Москва; Прага, 1975. С. 22).

жизнью. Высшей формой Сопротивления Никиш справедливо считает партизанское движение. Составители сборника, вопреки широко распространенному на Западе мнению, не сводят Сопротивление к национально-освободительной борьбе. Они отождествляют его и с борьбой за социальный прогресс. Сопротивление рассматривается в книге как «родоначальник нового социального строя — социализма», подчеркивается роль рабочего класса как авангарда Сопротивления. Авторы обращаются к истории борьбы народов многих европейских стран, подчеркивая ее интернациональный характер²⁸⁵. В сборнике представлен специальный анализ отдельных видов и направлений искусства, выделены некоторые особенности искусства в Сопротивлении: определенная универсальность, максимальное приближение тематики к проявлениям фашизма. В целом материалы, собранные в книге, представляют собой ценный источник по изучению Сопротивления в европейских странах. «Рёдербергферлаг» выпустило также ряд художественных произведений прогрессивных немецких писателей, чье творчество проникнуто антифашизмом²⁸⁶.

Видное место в литературе 80-х годов занимает книга «Медицина, фашизм и Сопротивление», написанная тремя авторами — Б. Бромбергер, Х. Маусбахом и К.-Д. Томанном. Источниковая база этого исследования достаточно обширна. Широко использованы материалы архивов из ФРГ, ГДР, Франции, Польши, а также материалы из многотомного собрания документов «Юстиция и нацистские преступления», выпущенного в Амстердаме в 1968—1983 гг. Авторы освещают развитие медицины до установления в стране фашистской диктатуры, деятельность немецких врачей в службах СС и концлагерях, участие врачей в Сопротивлении. Они пытаются показать, в частности, «специфические теоретические течения социал-дарвинизма, других расистских теорий в естественных науках и медицине», которые предшествовали фашизму. Преступное использование этих теорий в медицине и здравоохранении вели к созданию элиты, воспитанию агрессивности, ликвидации этнических и социальных групп, которые (подчас в прямом смысле слова) расценивались в экономическом отношении как «балласт».

Томанн резко выступает против анализа деятельности немецких врачей вне социально-экономических, внутри- и внешнеполитических, идеологических факторов развития Германии в целом. В противном случае, подчеркивает он, «можно прийти к совершенно ложным выводам». Следуя этому методологическому принципу, автор рассматривает историю медицины на широком фоне становления капитализма в стране в 1848—1933 гг. Он, в част-

---

²⁸⁵ Kunst im Widerstand. Dresden; Frankfurt a. M., 1968. S. 7, 144. Отдельные репродукции опубликованы в кн.: Искусство, которое не покорились. М., 1972; см. также: *Пышновская Э. С.* Немецкие художники-антифашисты. М., 1976.

²⁸⁶ Подробнее об этом см.: *Стеженский В., Черная Л.* Литературная борьба в ФРГ. М., 1985.

ности, отмечает, что после объединения Германии в 1871 г. небывалый размах получили «требования расширения внутривосточного влияния, которые были связаны с чувством принадлежности к расе господ». Автор критикует известную теорию Мальтуса, которая «оправдывала бедствия растущего рабочего класса», так называемую «расовую гигиену», основывающуюся на социал-дарвинизме и получившую распространение в Германии. Томанн приходит к выводу о том, что еще до захвата власти фашистами большинство немецких врачей были внутренне готовы к восприятию «фашистской структуры мышления». «Процесс фашизации врачей продолжался на протяжении многих десятилетий и достиг высшей ступени в 1933 г.», — пишет автор, допуская в данном случае определенное преувеличение, так как не всякая реакционность означает фашизм. «Высшую ступень» фашизации многих немецких врачей, очевидно, нужно отнести к военному периоду.

Деятельность врачей в концлагерях показана в книге как одно из проявлений преступной сущности фашистской диктатуры, этого «инструмента гражданской войны против демократических сил и рабочего движения», «инструмента политического угнетения». Авторы анализируют развитие системы концлагерей, их функциональное назначение, методы обращения с людьми. Маусбах и Бромбергер квалифицируют деятельность врачей в концлагерях как «преступную», поскольку их «профессиональные знания и должностные обязанности использовались в антигуманных целях» — для уничтожения узников. «Участие врачей СС в различного рода „отборах“ делало их активными соучастниками этого уничтожения». Врачи превращались в «функционеров смерти, стали частью человекоубойной машины». К «величайшим преступным действиям фашистов» авторы относят уничтожение многих тысяч советских коммунистов и комиссаров, попавших в плен главным образом летом — осенью 1941 г.

Авторы книги извлекают определенные выводы из прошлого в интересах настоящего и будущего. Медицинская, в том числе и врачебная, деятельность, по их мнению, невозможна без четкой гуманистической социальной перспективы. Опыт учит: нельзя допустить возрождения расизма и фашизма, нельзя относиться примиренчески к любым их проявлениям. Для будущего весьма важно как можно раньше распознать подобные грозящие человеку опасности и успешно противодействовать им. Констатируя, что в Германии 1933—1945 гг. «нарушение клятвы Гиппократова под влиянием расистской и социал-дарвинистской политики фашистского руководства приобрело систематический характер», авторы задают вопрос: «А что знают современные врачи о фашизме?». Все они должны знать, что 1945 год стал рубежом «в постановке проблем в естественных и социальных науках, что едва ли найдется другая область знания и другой период, имеющие столь роковые последствия, как медицина Германии в годы фашизма. Учитывая в высшей степени социальный характер про-

фессии врача, авторы книги решительно осуждают сложившуюся в ФРГ практику, при которой «можно изучать медицину и стать врачом, не зная документов нюрнбергского процесса над врачами»²⁸⁷.

В идейном отношении к демократическому направлению близки работы лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» пастора М. Нимёллера²⁸⁸, а также опубликование в ФРГ, ГДР и СССР работы известного протестантского пастора Д. Бонхёфера, погибшего в концлагере²⁸⁹.

Прогрессивно настроенные священнослужители активно способствуют разработке и пропаганде среди верующих демократической концепции фашизма и Сопротивления. Центральное место в их ряду по праву принадлежит Нимёллеру, почетному доктору нескольких зарубежных университетов, до самой смерти возглавлявшему евангелическую церковь Гессена и Нассау и состоявшему членом Всемирного совета церквей. Один из западногерманских демократических журналов характеризовал Нимёллера как «мужественного борца антифашистского Сопротивления, выдающегося руководителя движения за мир в послевоенные годы»²⁹⁰. В годы фашизма им была создана организация священнослужителей, которая боролась против подчинения церкви фашистскому режиму. В 1937—1945 гг. он был узником Заксенхаузена и Дахау²⁹¹.

В послевоенные годы Нимёллер вел активную борьбу против участия ФРГ в НАТО, против оснащения бундесвера атомным оружием. Он неоднократно подчеркивал необходимость установления контактов с ГДР, мирного сосуществования государств с различными общественными системами. Высоко оценивая деятельность антифашиста и в связи с 85-летием со дня его рождения группа видных представителей общественности ФРГ и ряда других стран объявила о создании Международного фонда Мартина Нимёллера. Как говорилось в опубликованном в Бонне сообщении, эта организация будет содействовать проведению в жизнь политики взаимопонимания, разрядки международной напряженности и обеспечения мира²⁹².

²⁸⁷ *Bromberger B., Mausbach H., Thomann K.-D. Medizin, Faschismus und Widerstand. Köln, 1985. S. 11—13, 16, 20, 28, 30, 32, 53, 55, 59, 61, 167, 199—204; Bromberger B., Mausbach H. Feinde des Lebens. Köln, 1987.*

²⁸⁸ Подробнее см.: Проблемы буржуазной историографии второй мировой войны. Ярославль, 1975. С. 58—60; *Schmidt J. Martin Niemöller im Kirchenkampf. Hamburg, 1971; Martin Niemöller. Festschrift zu 90. Geburtstag. Köln, 1982; Porträt eines Aufrechten. Frankfurt a. M., 1982.*

²⁸⁹ Подробнее см.: *Минкина Н. А. Этическая направленность теологии Дитриха Бонхёфера. М., 1975; Bonhoeffer D. Widerstand und Ergebung. Gütersloh, 1983; Letzte Briefe im Widerstand. München, 1984.*

²⁹⁰ *VdiP. 1984. N. 4. S. 388; Zivilcourage. 1984. N. 3. S. 29.*

²⁹¹ Фашизм отвергла небольшая часть германского духовенства. В марте 1935 г. в заключении находились 715 протестантских священников. См.: *Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 5. S. 183; Ihr Gewissen gebot es; Martin Niemöller.*

²⁹² Комс. правда. 1977. 20 апреля.

Итак, анализ трудов представителей западногерманской буржуазной историографии истории немецкого Сопrotивления показывает, что наряду с определенными модификациями в трактовке вопросов, традиционных для данной литературы, в 70-х — начале 80-х годов значительно расширилась ее проблематика. Отдельные исследователи обратились к антифашистской борьбе рабочих в 1933—1945 гг. Эта тенденция связана с общим усилением внимания ряда историков ФРГ к истории рабочего движения в целом. Отдельные буржуазные историки стали сотрудничать с социал-демократическими и профсоюзными исследовательскими центрами. Так, Г. Моммзен опубликовал работу «Немецкое профсоюзное движение между оппортунизмом и Сопrotивлением» в сборнике, посвященном 100-летию Г. Беклера, первого президента Союза свободных немецких профсоюзов ФРГ²⁹³. В 1983 г. был опубликован уже упоминавшийся нами совместный труд буржуазных и социал-реформистских историков «Нацистская диктатура 1933—1945 гг.». В буржуазной литературе несколько усилилось внимание к антифашистской борьбе КПГ, в том числе и истории НКСГ. Однако все это нельзя переоценивать, тем более, что многие аспекты проблемы трактуются тенденциозно. Видные умеренные консерваторы еще в середине 60-х годов отмечали слабое освещение в литературе ФРГ тех групп Сопrotивления, которые «не были связаны с 20 июля»²⁹⁴. В целом это характерно и для новейшей литературы умеренно-консервативного направления.

Известную эволюцию претерпела крайне консервативная литература. Отдельные ее представители применяют релятивистские суждения при оценке покушения на Гитлера 20 июля 1944 г., пытаются представить Штауффенберга заурядным консерватором, неофашистские же публицисты стремятся преуменьшить степень разногласий между заговорщиками и фашистами. Определенное усиление реалистических тенденций свойственно умеренно-консервативному направлению. Однако апологетическая тенденция, антикоммунизм и милитаризм, представления о фашизме как о народном движении и об элитарном характере антифашизма в Германии не исчезли. Симпатии большинства представителей данной литературы — на стороне офицерской и церковной оппозиции. Многие из них пытаются стереть грань между левым и правым течениям буржуазного заговора.

Труды западногерманских либеральных исследователей сравнительно менее распространены, чем труды консерваторов. В работах исследователей либерального направления в отличие от трудов умеренных консерваторов уделяется большее внимание либеральным оппозиционным кругам, представлена более последовательная критика ограниченности программы и практики консервативных участников Сопrotивления, консервативных тезисов

²⁹³ *Vom Sozialistengesetz zur Mitbestimmung*. Köln, 1975.

²⁹⁴ *Tormin W. Geschichte der deutschen Parteien seit 1848*. Stuttgart, 1966. S. 219—220.

в современной литературе о борьбе антифашистов. Некоторые либеральные историки, как и представители демократического направления, делают верные политические выводы из прошлого.

Западногерманские исследователи демократического направления способствуют разработке научной концепции истории фашизма и Сопротивления, борьбе прогрессивных сил за мир и демократию. В отличие от консервативных и либеральных историков они всесторонне освещают ответственность германских военных монополий за фашизм и его преступления. Эти исследователи недвусмысленно считают, что борьба авангарда пролетариата была самым влиятельным и бескомпромиссным движением в Германии; что политической целью консервативных участников «движения 20 июля» было спасение германского империализма. Ошибки, которые допускают отдельные представители данного направления, не связаны с недостатками методологии или политической тенденциозностью. В отличие от консервативных историков исследователи либерального и особенно демократического направления широко используют историографию Сопротивления в современной борьбе за мир, против неофашизма.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

1. Политические и организационные основы социал-демократической историографии

Видное место в западногерманской историографии Сопротивления в последние годы заняла литература, созданная исследователями — членами СДПГ или близкими к ней. При анализе этой литературы необходимо исходить из общих оценок современной социал-демократии, представленных в документах КПСС и международного коммунистического движения. Советская общественность, отмечалось на XXVII съезде КПСС, готова и впредь развивать связи с социал-демократией: «Идеологические разногласия между коммунистами и социал-демократами глубоки, опыт и достижения неодинаковы и неравноценны. Однако непредвзятое ознакомление с позициями и взглядами друг друга, безусловно, полезно и для коммунистов и для социал-демократов. Полезно прежде всего для активизации борьбы за мир и международную безопасность». И далее: «КПСС будет продолжать линию на развитие связей с социалистическими, социал-демократическими, лейбористскими партиями»¹.

Современное социал-демократическое движение неоднородно². В СДПГ это проявляется, может быть, наиболее ярко. Находясь у власти в 1969—1982 гг., эта партия, как свидетельствует руководитель ГКП Г. Мис, в определенной степени «действительно учитывала социальные интересы рабочего класса»³. Общеизвестны ее реалистические шаги во внешней политике — заключение в начале 70-х годов договоров с Советским Союзом, Польшей, Чехословакией, ГДР, подтвердивших нерушимость европейских границ и создавших тем самым предпосылки для новых отношений — разрядки международной напряженности в центре Европы. Миролобивой остается внешнеполитическая деятельность СДПГ и в наши дни. Духом нового политического

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 74; *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. С. 217.

² Подробнее см.: *Hallsche Studien zur Geschichte der Sozialdemokratie.* Halle, 1985. Н. 11. S. 4—31.

³ *Мис Г.* Поворот вправо? М., 1983. С. 10, а также: С. 4, 9, 11—13.

мышления было проникнуто выступление видного политического деятеля, председателя Социалистического интернационала В. Брандта на Мюнстерском съезде германских социал-демократов (1988 г.). На смену конфронтации, по его мнению, должно прийти широкое разностороннее сотрудничество и мирное соревнование двух общественно-политических систем. Для этого необходимо преодолеть «образ врага», увидеть в «потенциальном противнике неизбежного партнера в деле обеспечения собственной безопасности»⁴. В то же время среди социал-демократов далеко не преодолено негативное отношение к другим политическим партиям и организациям рабочего класса. В середине 70-х годов руководство СДПГ даже приняло решение о полном размежевании с коммунистами, об исключении из партии каждого «инакомыслящего»⁵.

Различные тенденции в политике социал-демократии находят свое отражение и в социал-демократической литературе ФРГ. С одной стороны, в ней представлены труды исследователей, фактически выражающие официальные взгляды Правления СДПГ на фашизм и Сопротивление. Эти труды составляют ныне весьма влиятельное социал-реформистское направление. С другой стороны — труды левосоциалистических историков, занимающих специфическое положение. Часть этих ученых были в свое время исключены из СДПГ и до сих пор находится в непримиримой оппозиции к ее руководству. В организационном и идейном отношении левосоциалистическая литература весьма близка к буржуазно-демократическому направлению. Эти обстоятельства обязывают рассматривать труды историков левосоциалистической ориентации отдельно от социал-реформистской литературы.

Довольно противоречивы исторические концепции социал-реформистского направления. Так, в книге К. Блюдау о Сопротивлении и преследованиях в Дуйсбурге допущены выпады против КПГ, чья деятельность была будто бы лишь «функцией советской внешней политики» и означала «предательство». Эти утверждения автор ничем не может подкрепить. По существу он разделяет и тезис о бессмысленности антифашистской борьбы⁶. Автор уделяет больше внимания некоторым правым лидерам СДПГ и профсоюзов, пытавшимся войти в доверие к фашистам, чем подлинным антифашистам, о которых зачастую отзывается пренебрежительно. В последнее время наблюдается организационное сближение историков умеренно-консервативного и социал-реформистского направлений, в частности, усилилось сотрудничество ученых социал-реформистской ориентации с Институтом современной истории в Мюнхене.

В то же время социал-реформистская литература существенно

⁴ Известия. 1988. 5 сент.

⁵ См.: Die SPD von innen. Bonn, 1983; Wohin treibt die SPD? München, 1984.

⁶ *Bludau K.* Gestapo — geheim. Bad Godesberg, 1973. S. 3 etc., 77, 81 etc., 100, 102, 227 etc.

отличается от буржуазной⁷. Далеко не все исследователи этой ориентации при изучении фашизма и Сопротивления в равной степени руководствуются доктриной тоталитаризма. Социал-реформистская литература адресована в первую очередь рабочим, исследователи этого направления уделяют большое внимание рабочему движению, особенно деятельности СДПГ и ее функционеров в 1933—1945 гг., а косвенно — и деятельности КПП. Часть историков без каких-либо оговорок указывают на определяющую роль германских монополий в установлении фашистской диктатуры и развязывании войны, раскрывают полное политическое бесправие рабочих в 1933—1945 гг. Отдельные исследователи еще в 60-е годы констатировали успехи марксистско-ленинской историографии в изучении фашизма и антифашизма. В рецензии на 4-й том «Истории германского рабочего движения», написанной историками ГДР, центральный орган СДПГ «Форвертс» отмечал успехи в исследовании возникновения, развития и классовой сущности фашизма⁸. Многие историки недвусмысленно осуждают засилье в консервативной литературе тематики, связанной с заговорами 20 июля, недооценку сопротивления рабочих.

Некоторые аспекты Сопротивления нашли свое отражение еще в первое послевоенное время в трудах профессиональных социал-демократических историков В. Таймера, Э. Маттиса, Ю. Г. Лайтхойзера и др. Но в целом изучение антифашистской борьбы не было систематическим, число ученых было невелико, круг источников узок. Современный этап развития социал-реформистской литературы характеризуется расширением источниковой базы и исследовательской тематики, появлением новых исследовательских центров, усилением тенденции к объективному изложению истории, что не означает, однако, отказа от традиционных методологических принципов и политических взглядов. Усилилось внимание к «народной оппозиции». Ряд историков не без оснований выделяют в Сопротивлении буржуазную и народную оппозиции. Стремление представить СДПГ в качестве руководящей силы Сопротивления не выступает сейчас так явно, как в предшествующие годы, хотя в целом апологетическая тенденция не исчезла. Она проявляется, в частности, в преимущественном внимании к участию некоторых лидеров СДПГ в заговоре 20 июля, история которого по-прежнему остается в центре внимания многих исследователей социал-демократов.

Этим исследователям никогда не удавалось привести более или менее убедительные доводы в пользу их тезиса о руководящей роли СДПГ в Сопротивлении. В годы фашистского господства правые лидеры СДПГ неизменно саботировали совместную антифашистскую борьбу, поступая вопреки не только многочисленным предложениям КПП, но и стремлению многих рядовых

---

⁷ Подробнее см.: Социал-демократический и буржуазный реформизм в системе государственно-монополистического капитализма. М., 1980.

⁸ Vorwärt. 1966. 10. Aug.

членов своей партии⁹. Работы, изданные Институтом имени Ф. Эберта, прямо или косвенно подтверждают этот вывод историков-марксистов. Такова, например, статья С Мюллер «Основные ценности в истории СДПГ»¹⁰.

Новые тенденции в социал-реформистской литературе не случайны. Они связаны с некоторыми другими реалистическими явлениями. Как отмечали советские исследователи, с конца 60-х годов наблюдается усиление критики фашизма и неофашизма со стороны социал-демократов. В принятом в 1968 г. на Нюрнбергском съезде СДПГ документе «Социал-демократические перспективы на 70-е годы» впервые за длительный период было сказано об ответственности кругов ХДС/ХСС за содействие «резкому росту» неофашистских сил в ФРГ, а в одном из разделов было записано: «Со всей безоговорочностью и решимостью все демократические силы в Федеративной республике должны бороться с правым экстремизмом, в какой бы форме он ни выступал»¹¹.

Правление СДПГ стало проявлять заинтересованность в формировании собственной концепции истории немецкого рабочего движения вообще и Сопrotивления 1933—1945 гг. в особенности¹². Характерна в этом отношении речь Брандта на открытии в 1967 г. в Бад-Годесберге специального исследовательского учреждения СДПГ — Архива социальной истории. В этой речи он потребовал выступить против марксистско-ленинской трактовки истории рабочего движения в Германии¹³.

Руководящие деятели СДПГ начиная с 60-х годов стали активно участвовать в разработке социал-демократической концепции. Они понимали, что осмысление опыта прошлого способствует эффективной политике партии. Кроме того, в условиях плюрализма буржуазного общества они были заинтересованы в выработке собственной концепции фашизма и Сопrotивления, особенно роли в этом движении социал-демократов¹⁴. Они справедливо подчеркивали, что в антифашистской борьбе участвовали рабочие, интеллигенты, представители буржуазии, церкви, военнослужащие, что эта борьба объединяла членов разных политических партий, несмотря на различие их взглядов. В то же время

⁹ См.: *Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung*. В., 1966. Bd. 5. S. 248—249, 257—258, 274, 304, 357, 391, 413; Ежегодник германской истории. 1974. М., 1975. С. 186—187; *ZfG*. 1976. Н. 2. S. 150—167; *Geschichte der deutschen Sozialdemokratie, 1917—1945*. В., 1982.

¹⁰ *APZ*. 1976. Н. 11. S. 16—60.

¹¹ Цит. по: *Критика идеологии неофашизма*. М., 1976. С. 110; см. также: *Правда*. 1977. 7 сент.; *Реваншизм: идеология, практика*. М., 1985; *Wenn ich die Regierung wäre*. Bonn, 1984.

¹² В 70-е годы активизировалась работа по восстановлению истории Сопrotивления и в других социал-демократических партиях. См., например: *Gerhardsen E. Fellskap i Krig of Eringer 1940—1945*. Oslo, 1970.

¹³ Подробнее см.: *Friedrich-Ebert-Stiftung. Folge 1*. Bonn, 1968.

¹⁴ Характерно, что профессиональный интерес к истории свойственны по существу любому серьезному политическому деятелю. Назовем, например, президента ФРГ Э. Вайцекера.

в оценке заговора 20 июля прослеживалась и старая тенденция: заговор они называли «центром антинацистской борьбы в Германии»; возражали против верного по существу тезиса о заговоре как «попытке переворота без народа», ссылаясь на участие в буржуазной оппозиции представителей всех слоев населения, отвергали мысль о коммунистах как самых решительных борцах.

Политические цели заговора часть деятелей оценивают односторонне; они полагают, что заговор «вырос из глубочайшего морального возмущения деяниями диктатора и его приспешников», говорят о «попытке спасти остатки уважения» к Германии, стремятся «уничтожить воплощение немецкого безумия». Можно встретить и более четкую формулировку целей заговора: свержение режима, окончание войны, спасение миллионов человеческих жизней, освобождение заключенных из концлагерей, восстановление германских границ 1938 г. Однако эти авторы по существу распространяют политическую концепцию буржуазно-демократического крыла заговора на всю оппозицию. Но большинство ее представителей, как уже было доказано, в действительности стремились сохранить реакционный режим внутри страны, а также по крайней мере часть фашистских аннексий 1938—1944 гг.¹⁵

Многие лидеры СДПГ подчеркивают политическую актуальность истории «движения 20 июля», считают ФРГ «наследницей традиций немецкого Сопротивления», полагают, что «люди 20 июля» показали гражданам ФРГ «образец мужества». Авторы находят, что в конституции ФРГ будто бы воплощены те принципы законности, за которые боролось Сопротивление, при этом особо подчеркивается ее ст. 20, которая провозглашает «право граждан ФРГ на сопротивление любой попытке уничтожить порядок, установленный конституцией». При оценке как целей заговора 20 июля, так и уроков его многие авторы исходят из доктрины тоталитаризма.

Официальные взгляды СДПГ на историю Сопротивления стали более реалистическими¹⁶. Однако и современная ее концепция носит на себе следы былой непоследовательности и противоречивости. Так, Ю. Лебер считает, что заговорщики «находились в безвыходном положении, они в равной степени были вынуждены бояться и тирании, и военного поражения Германии». Он прославляет их «решимость противостоять несправедливости» и в то же время считает нормальным их «страх перед поражением» в несправедливой войне. Очевидно, автор сам не понимает противоречия, свойственного концепции, заимствованной им из консерва-

---

¹⁵ См., в частности, так называемый «план мира» Гёрделера (Анатомия войны. М., 1971. С. 431—435), памятную записку У. Хасселя (Анатомия агрессии. М., 1975. С. 188—205). См. также: *Brandt W. Links und frei. Hamburg, 1982.*

¹⁶ Ср. с оценкой заговора, представленной в официальных выступлениях политических и военных лидеров ФРГ на рубеже 50—60-х годов (20. Juli 1944. Bonn, 1960. S. 18).

тивной историографии ФРГ. Прогрессивные представители оппозиции, в частности антифашисты из «Белой розы», отнюдь не находились в некоем нравственном тушике. Они решительно выступали за поражение «своего» правительства. Не согласуются суждения Лебера о том, что «бундесвер чтит память павших борцов против тирании», с его предупреждением о допустимости «мощного сопротивления лишь в крайней ситуации». Среди суждений лидеров СДПГ встречается и весьма нечеткая трактовка значения заговора 20 июля, будто бы «подготовившего путь к лучшему Германии»¹⁷.

Главным центром социал-реформистской историографии является Исследовательский институт имени Ф. Эберта¹⁸, по существу выражающий официальную точку зрения правления СДПГ. Институт был основан в 1925 г., в 1933 г. был ликвидирован, вновь был организован в 1947 г. в Бонне. В архиве института сосредоточено значительное число материалов по истории рабочего движения фашистского периода¹⁹.

В архиве социал-демократии фонда имени Ф. Эберта в Бад-Годесберге хранятся, в частности, документы по истории буржуазной оппозиции, эмиграции (главным образом материалы парижской и лондонской социал-демократической эмиграции 1933—1945 гг.²⁰), профсоюзного движения. Некоторые документы были опубликованы, среди них — выступления в рейхстаге Р. Брейтшейда, бывшего председателя социал-демократической фракции. Среди научной продукции института представляют большой интерес работы о немецкой (особенно социал-демократической) эмиграции и Сопротивлении в отдельных районах Германии.

С 1961 г. Институт имени Ф. Эберта выпускает ежегодник «Архив фюр Социалгешихте». Журнал возглавили Г. Эккерт (умер в 1974 г.), К. Клоцбах, Г. Пельгер. На его страницах публикуются документы, статьи, историографические обзоры, рецензии на книги западногерманских и зарубежных авторов по истории рабочего движения в 1933—1945 гг. Здесь можно встретить весьма содержательную критику буржуазных теорий фашизма.

Так, в статье Д. Штегмана «Об отношениях крупной индустрии и нацизма в 1930—1933 гг.» раскрыта несостоятельность попыток консервативных историков свести проблему фашизма лишь к вопросу о личности Гитлера и оставить в тени социально-политические причины прихода фашистов к власти. Резкие возражения автора вызывают и попытки ограничить проблему лишь «финансированием НСДАП» консервативной элитой. С полным основанием Штегман отмечает «однородность» названных трактовок, как и различные современные модификации предложенной в свое

¹⁷ Bulletin. 1974. N 86. S. 861—862; N 89. S. 885—890.

¹⁸ Подробнее см.: Forschungsinstitut der Friedrich-Ebert Stiftung. Bonn, 1970; см. также: *Teresiak M.* Die Friedrich-Ebert-Stiftung // BzG. 1969. N. 6.

¹⁹ См.: *Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (SoPaDe)*. Frankfurt a. M., 1980. Bd. 1—7.

²⁰ Подробнее см.: IWK. 1971. Apr. N. 11/12. S. 53—54.

время Тальгеймером концепции бонапартизма. Справедливо отмечая капиталистическую сущность фашизма, автор подчеркивает, что «крупная буржуазия была тесно связана с новым государством с лета 1933 г.»²¹ Клоцбах в своей рецензии на отдельные книги отметил возросший с середины 60-х годов интерес к теме. Ею, верно констатировал автор, прежде занимались лишь историки ГДР. В историографии же ФРГ неизменно преобладали сюжеты «движения 20 июля» и оппозиции священнослужителей²².

В политическом и методологическом отношении близка к СДПГ также историческая комиссия при институте имени Ф. Майнеке Западноберлинского университета. С 1965 г. комиссия выпускает бюллетень «Международная научная корреспонденция по истории немецкого рабочего движения». Этот бюллетень публикует информацию о документах Сопротивления из архивов различных городов ФРГ²³, об исследованиях по данной проблеме, рецензии.

Среди центров социал-реформистской литературы необходимо назвать также профсоюзные журналы, газеты, издательства, которые активизировали свою деятельность в 70–80-е годы. В журнале «Геверкшафтliche Monatshefte» в связи с открытием Библиотеки истории рабочего движения в Бохуме говорилось о том, что задача историков, «выросших в условиях разрядки напряженности», состоит в объективном исследовании истории международного рабочего движения²⁴. С повышением общей активности западногерманских профсоюзов усилилось их внимание к собственной истории²⁵. Упомянутый журнал систематически публикует работы по истории рабочего класса, в частности, периода 1933–1945 гг. Таковы статьи Т. Зигеля о заработной плате, В. Шпона о трудовом законодательстве в Германии, М. Фогеса о поражении организованного рабочего движения в 1933 г.²⁶ Этот же журнал подверг критике тенденциозность Г. Коля в трактовке «движения 20 июля»²⁷. Весьма многочисленны публикации профсоюзного издательства «Бунд». Среди них — книги о преступлениях фашизма²⁸, о Сопротивлении, в частности о не-

---

²¹ AfS. 1973. S. 193, 399, 440, 441. Концепция Штегмана созвучна взглядам видного левосоциалистического историка и публициста Р. Кюля. О нем см.: Ежегодник германской истории. 1974. М., 1975. С. 328, 335.

²² AfS. 1970. S. 500–506.

²³ См., например, данные о документах Сопротивления в Мангейме, Бадене, Дюссельдорфе (IWK. 1973. Н. 11/12, 14–18, 19–20. S. 104–108, 170).

²⁴ GM. 1974. Н. 4. S. 261.

²⁵ См.: *Beier G. Geschichte und Gewerkschaft*. Köln, 1981; *Solidarität und Menschenwürde*. Bonn, 1984.

²⁶ GM. 1984. Н. 9.

²⁷ *Ibid.* S. 579–580.

²⁸ См., например: *Lichtenstein H. Im Nahmen des Volkes?* Köln, 1985; *Idem. Mit der Reichsbahn in den Tod*. Köln, 1985; *Idem. Raoul Wallenberg, Retter von Hunderttausend Juden*. Köln, 1985; *Idem. Warum Auswitz nicht bombardiert wurde*. Köln, 1985.

легальном руководстве профсоюзами в 1933—1945 гг.²⁹ Большое внимание издательство уделяет истории фашизма и антифашизма. Характерно название одной из книг: «Фашизм в Германии. Причины и следствие; преследование и Соппротивление; враждебность к иностранцам и неофашистская опасность»³⁰.

Многие публикации издательства едва ли отличаются высоким научным уровнем. Такова книга «Поражение, которое стало освобождением», представляющая собой сборник различных по качеству публицистических статей, воспоминаний, документов и других материалов. Авторы показывают преемственность германского империализма в XIX—XX вв., ответственность «лидеров крупных общественных сфер» за приход фашистов к власти; пишут о «союзе с нацистами индустрии и бюрократии, особенно военной»; верно считают, что главный лозунг фашистов о «народной общности» был «социальной демагогией»; разоблачают захватнический характер военных походов, особенно «войны против России», сопровождавшейся «неисчислимыми бедствиями гражданского населения». В то же время они обвиняют коммунистов в расколе рабочего движения, который будто бы «стал непреодолимым с образованием КПГ в 1918 г.»³¹

Отдельные издания профсоюзных центров занимают значительное место в социал-реформистской литературе. В их числе вышедшая еще в 1967 г. книга Х. Эстерса и Х. Пельгера «Члены профсоюзов в Соппротивлении»³² о борьбе членов союза транспортников, прежде всего железнодорожников. Началом борьбы авторы считают антифашистские декларации профсоюза, с которыми он обращался к своим членам еще до 1933 г. Авторы освещают капитулянтскую позицию правых вождей профсоюзов после захвата власти фашистами³³, описывают деятельность профсоюзных групп в северных, западных и южных областях Германии, связывая борьбу этих групп в 1934—1938 гг. с деятельностью лидеров профсоюза, эмигрировавших в Голландию и Швейцарию, но обходят молчанием цели движения, а также важнейший вопрос тех лет — вопрос о единстве рабочих. Аналогичные тенденции наблюдались и в некоторых других изданиях, например книге о 75-летию союза металлистов. Ее авторы признали незначительную роль социал-демократической эмиграции, но яв-

²⁹ См., например: Halts Maul, sonst kommst nach Dachau. Köln, 1983; *Beier G.* Die illegale Reichsleitung der Gewerkschaften, 1933—1945. Köln, 1985.

³⁰ *Faschismus in Deutschland.* Köln, 1985; см. также: *Die Folgen des Dritten Reiches.* Köln, 1984.

³¹ *Die Niederlage, die eine Befreiung war.* Köln, 1985. S. 23—25, 30, 153—155, 161—162.

³² *Esters H., Pelger H.* Gewerkschafter im Widerstand. Hannover, 1967 (2. Aufl. 1983).

³³ В статье «Немецкие профсоюзы и „захват власти“ нацистами» А. Зивоттек говорил об этом более определенно: «В 1933 г. немецкие реформистские профсоюзы фактически капитулировали без борьбы» (*Das Parlament.* 1975. 21. Febr.).

но преувеличили заслуги профсоюзных функционеров. Они различают Сопротивление активное и пассивное и уделяют последнему большее внимание, относят к нему, например, трудоустройство функционеров разогнанных фашистами профсоюзов³⁴.

В 70-е годы активизировалась деятельность западногерманских социал-реформистских исследователей и на международной арене. В сентябре 1975 г. в Линце (Австрия) состоялась XI международная конференция по истории рабочего движения. В ней участвовали 21 историк из ФРГ, 4 — из Западного Берлина. Обсуждалась проблема «Политика единого народного фронта в антифашистской борьбе рабочего класса до 1939 г.». В докладе об отношении Коминтерна и Социалистического рабочего Интернационала к названной проблеме Э. Маттиас и Г. Вебер, игнорируя сущность политики единого фронта, называли ее «тактическим маневром» коммунистов. Против тезиса Маттиаса и Вебера выступили с аргументированными возражениями левосоциалистические историки В. Абендрот, Р. Кюнль и др.³⁵

В исследуемый период получила значительное развитие историчекая база социал-демократической историографии. К появившимся ранее трудам О. Брауна, К. Зеверинга, Ю. Лебера³⁶, Э. Олленхауэра, К. Шумахера и других лидеров СДПГ и несколькими сборниками документов по истории СДПГ в 1933—1945 гг. добавились многочисленные документальные и мемуарные публикации. Представляется важным для изучения антифашистской борьбы вышедший в 7 томах труд «Сообщения из Германии социал-демократической партии Германии (СоПаДе) в 1934—1940 гг.»³⁷, уже получивший оценку в марксистской и социал-реформистской историографии. В последние годы вышли в свет «Программные документы германской социал-демократии»³⁸, материалы по частным моментам истории СДПГ³⁹; «Источники по истории германского профсоюзного движения в XX в.» (в 7 томах).

Пятый том издания посвящен теме: «Профсоюзы в Сопротивлении и эмиграции»⁴⁰. В ФРГ переизданы ранние документальные публикации, в частности материалы об участии социал-демократических лидеров в заговоре 20 июля 1944 г.⁴¹ Вышли

---

³⁴ Fünfundsiebzig Jahre Industriegewerkschaft 1891 bis 1966. Frankfurt a. M., 1966. S. 295—300.

³⁵ Подробнее см.: VzG. 1976. Н. 1. S. 141—143 etc.

³⁶ О Ю. Лебере см.: Beck D. Julius Leber. [West] Berlin, 1983.

³⁷ Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (SoPaDe), а также: aFs. 1981. S. 329—384.

³⁸ Programmatische Dokumente der deutschen Sozialdemokratie. [West] Berlin, 1984.

³⁹ См., например: Kampf, Widerstand und Verfolgung der sudetendeutschen Sozialdemokratie. Stuttgart, 1983; Lauber H., Rothstein B. Der 1. Mai unter dem Hakenkreuz. Gerlingen, 1983.

⁴⁰ Quellen zur Geschichte der deutschen Gewerkschaftsbewegung im 20. Jahrhundert. Köln, 1985. Bd. 5.

⁴¹ Das Gewissen steht auf. Mainz, 1984.

в свет воспоминания и письма социал-демократов — борцов Сопротивления⁴², сборник документов КПГ, подготовленный с участием видного социал-реформистского историка Г. Вебера⁴³.

2. Антифашистская борьба в освещении социал-демократической историографии

В настоящем разделе подвергается анализу трактовка истории Сопротивления в общих и специальных трудах исследователей социал-демократического направления, изданных в период с конца 60-х до середины 80-х годов. В той или иной степени эти вопросы отражены в общих работах по истории СДПГ, в том числе в трехтомной «Хронике немецкой социал-демократии», «Краткой истории СДПГ», написанной Г. Петтгофом и С. Миллер, а также в некоторых общих работах по истории Германии.

Близки к социал-реформистской историографии и Э. Йоханн Е. Юнкер, авторы «Иллюстрированной истории германской культуры последнего столетия». К истории Сопротивления они обращаются несколько раз; критикуя фашистскую трактовку заговора, они стремятся преувеличить его размах. «Сотни соединенных в заговор и постоянно растущее число сплоченных противников из всех слоев населения» составляли Сопротивление, считают авторы.

Йоханн и Юнкер проводят параллель между движением «Свободная Германия» и «движением 20 июля». «Родство» их они видят в «желании как можно скорее закончить войну». Они воздерживаются от сравнительного анализа политических программ, но исходят из неверной посылки о внутреннем единстве «движения 20 июля». Известный интерес представляют сведения о мотивах, социальном составе, численности немецкой эмиграции. Однако борьба немцев за пределами Германии не показана⁴⁴.

Отдельные аспекты темы освещены в различных общих работах И. Адольфа, Р. Дарендорфа⁴⁵, А. Нолля, Ф. Гейне, Г. Болеша и других историков — представителей социал-реформистского направления. Авторы написанного в апологетическом духе раздела о СДПГ из книги о политических партиях ФРГ⁴⁶ к заслугам этой партии относят то, что она не последовала «российскому примеру» и не пошла на укрепление парламентской системы в Германии после первой мировой войны, вела «успешное сопротив-

⁴² См., например: *Matull W.* Der Freiheit eine Gasse. Bonn, 1980; *Entscheidung für die SPD.* München, 1984.

⁴³ Die Generallinie Rundschreiben des Zentralkomitees der KPD an die Bezirke, 1929–1933. Düsseldorf, 1981.

⁴⁴ *Jochann E., Junker J.* Illustrierte deutsche Kulturgeschichte der letzten hundert Jahre. München, 1970. S. 161, 166–168, 172–174.

⁴⁵ См., например: *Adolph J. L.* Otto Wels und die Politik der deutschen Sozialdemokratie, 1894–1969. [West] Berlin, 1971; *Dahrendorf R.* Die neue Freiheit. München, 1980; *Idem.* Reisen nach innen und aussen. Stuttgart, 1984.

⁴⁶ *Klose H.-U.* SPD–CDU–FDP. Hamburg, 1975.

ление буржуазной реакции во время капповского путча 1921 г.», «постоянную борьбу с коммунизмом» в годы Веймарской республики и после второй мировой войны, «активное демократическое сопротивление несправедливой системе нацизма». В подтверждение последнего тезиса авторы по существу приводят лишь речь председателя фракции СДПГ в рейхстаге против фашистского закона о полномочиях 1933 г. Эту речь они тенденциозно относят к «славным вехам германской истории», игнорируя фактический отход правых лидеров СДПГ от активной борьбы в 1933—1945 гг.

Эмигрантское руководство социал-демократии свое упорное нежелание пойти на соглашение с компартией пыталось представить «моральным и политическим долгом» в целях «укрепления буржуазной оппозиции»⁴⁷. В конце 1935 г. и в последующие годы в Праге и Париже состоялось несколько встреч представителей ЦК КПГ и Правления СДПГ, но эти встречи закончились безрезультатно⁴⁸. СДПГ возлагала надежды на правящие круги Англии и Франции. Один из лидеров СДПГ — Р. Гильфердинг еще до начала войны говорил, что социал-демократы должны объединиться с правительствами западных держав в «бескомпромиссной борьбе против большевизма и против тех левых социалистов, которые составляют с коммунистами единый фронт». Этой же линии придерживались К. Гейер, Ф. Штампфер и др.⁴⁹ Антифашистское движение они считали бессмысленным. В одном из документов Правления СДПГ «О задачах в новом строительстве демократической Германии после падения Гитлера» (апрель 1940 г.) говорится о том, что «нельзя ожидать переворота от широких слоев населения». И далее: «Объединение оппозиционных групп при современном соотношении сил совершенно невозможно»⁵⁰. Антикоммунистическая позиция правых социал-демократов нанесла большой вред антифашистской борьбе в Германии. Об этом свидетельствует и исследование историка-марксиста из ГДР Д. Ланге о профсоюзной эмиграции. Автор показал, что зарубежный центр профсоюзов считал «опасными» единые действия масс. Свержение фашизма зарубежный профцентр связывал с буржуазной оппозицией, поддержанной правительствами Англии и Франции⁵¹.

Отдельные аспекты истории Сопротивления нашли отражение в некоторых трудах И. Гайсса. Однако автор серьезных работ по истории первой и второй мировых войн, обращаясь к истории Сопротивления, высказывает, например, такое суждение: «Совместные действия СДПГ и КПГ с 1930 г. уже не смогли бы

⁴⁷ Цит. по: Идеология международной социал-демократии в период между двумя мировыми войнами. М., 1984. С. 92.

⁴⁸ Всемирная история. М., 1962. Т. 9. С. 312; ZfG. 1987. Н. 12. S. 1114.

⁴⁹ Цит. по: Германия во второй мировой войне. М., 1971. С. 49.

⁵⁰ Там же. С. 50. См. также: Бровка Л. Н. Новое в историографии ФРГ по проблемам германского социал-демократического движения и единого фронта в годы фашизма // Ежегодник германской истории. 1979. М., 1981.

⁵¹ ZfG. 1976. Н. 2. S. 150—168.

спасти буржуазную республику. Обе партии никогда не имели большинства голосов на выборах, и их сотрудничество вызвало бы лишь призрак „марксистской опасности“ и тем самым спровоцировало бы правых на превентивный удар в пользу фашистов в той или иной форме»⁵². Эта мысль перекликается с известным утверждением правых лидеров немецкой социал-демократии. Срывая установление единого фронта, они утверждали, будто бы приверженцы СДПГ внутри страны выступают против объединения сил, боясь навлечь на себя такие же репрессии, какие власти обрушили на КПГ⁵³.

В статье историков из ГДР Л. Краусхаар и Г. Ницше «Стремление членов социал-демократической партии к единству после установления фашистской диктатуры»⁵⁴ приведены многочисленные свидетельства, показывающие, что многие рядовые социал-демократы не только были сторонниками единого фронта, но и активно боролись за его установление. Так, в Берлине, Вюртемберге и других городах была достигнута договоренность о совместных действиях против фашистского террора, о борьбе с провокаторами, о помощи жертвам преследований. В упоминавшемся исследовании Маусбах-Бромбергер о сопротивлении рабочих во Франкфурте-на-Майне отмечается, что первое соглашение между социал-демократами и коммунистами в этом городе было заключено уже в 1934 г.⁵⁵

Особый раздел «Истории немецкого рабочего движения» (с первой половины XIX в. до середины 60-х годов XX в.), написанной известной исследовательницей Х. Гребинг, посвящен интересующему периоду. Автор отмечает подпольную деятельность многих групп рабочих, главным образом молодых рабочих социал-демократической ориентации и представителей оппозиционных групп КПГ. Среди них господствовало представление о том, что режим долго не продержится. Автор верно полагает, что «от старых социал-демократов... нельзя было ожидать активной деятельности», что Зеверинг и многие другие лидеры «считали, что сопротивление не имело смысла». Имея в виду Сопротивление первых лет, Гребинг отмечает участие в нем КПГ, сообщает о ее «больших жертвах». В условиях политических успехов НСДАП и нарастания террора, констатирует автор, многие рабочие отошли от движения. После 1936—1938 гг., считает Гребинг, Сопротивление могло выражаться будто бы лишь в сохранении антифашистского политического сознания.

Автор отмечает, что в годы войны начинается подъем движения. Но на первое место она ставит деятельность В. Лейшнера,

---

⁵² Geiss I. Was wird aus Bundesrepublik? Hamburg, 1973. S. 55; см. также: *Idem*. Geschichte griffbereit. Hamburg, 1981.

⁵³ Ежегодник германской истории. 1974. М., 1975. С. 186.

⁵⁴ ВЗГ. 1967. Н. 6.

⁵⁵ *Mausbach-Bromberger B.* Arbeiterwiderstand in Frankfurt am Main gegen den Faschismus. Frankfurt a. M., 1976. S. 87.

Я. Кайзера, К. Мирендорфа, связанных, как известно, с заговором 20 июля, ограничиваясь лишь краткими сведениями об организациях Харнака—Шульце—Бойзена, Зефкова—Якоба—Бестляйна. Большое внимание уделяет Гребинг теме «СДПГ и эмиграция». При этом автор игнорирует факт банкротства Правления СДПГ в 1933—1945 гг. Немецкий народ «в своем подавляющем большинстве стоял на стороне Гитлера», констатирует Гребинг, но не приводит каких-либо объяснений. Будучи «почти полностью отрезанным от Сопротивления в Германии», пишет автор, эмигрантское руководство социал-демократии «никогда не шло навстречу предложениям коммунистов о создании единого пролетарского фронта». Гребинг по существу одобряет эту позицию. Говоря о расколе эмигрантской социал-демократии, она отмечает, что в их дискуссиях «вырисовывались очертания будущей партии, которая в первую очередь опирается на рабочий класс, но больше не является классовой партией»⁵⁶.

Изданная Институтом имени Ф. Эберта книга Ф. Морава «Лозунг „единства“ и социал-демократия. К вопросу о партийно-организационной и общественно-политической ориентации СДПГ в период нелегальной деятельности и первые послевоенные годы» в значительной степени посвящена образованию СЕПГ. Книга выдержана в антикоммунистическом духе. В ней представлен материал о действовавших в Германии группах, оппозиционных и КПГ, и СДПГ. Автор ошибочно считает невозможным сочетание в борьбе легальных и нелегальных методов. Смешивая генезис явления с его предпосылкой, он видит в расколе рабочего класса «причину установления нацистской диктатуры», преуменьшая ответственность правых лидеров СДПГ за раскол рабочих⁵⁷.

Отдельные аспекты истории Сопротивления получили освещение в новейших общих исследованиях. Таковы книги С. Миллера и Г. Поттхоффа «Краткая история СДПГ. Исследование и документы, 1848—1980», Д. Ленерта «Социал-демократия в оппозиции и у власти 1848—1983» и др.⁵⁸ В книге Ленерта наибольший интерес представляет четвертая глава — «Кризис и перелом в развитии немецкой социал-демократии в 1920—1950 гг.». Автор расценивает поведение СДПГ как выжидательное, приспособленческое, направленное на сохранение жизни партийных функционеров. Он считает, что партия недооценила фашистскую опасность.

⁵⁶ Grebing H. Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. München, 1971. S. 229—238. Позиция Гребинг по некоторым из затронутых вопросов подтверждена в ее новейшей историографической работе (см.: AfS. 1984. S. 637—643). См. также: Гинцберг Л. И. Борьба немецких патриотов против фашизма, 1939—1945. М., 1987. С. 5.

⁵⁷ Moraw F. Die Parole der «Einheit» und die Sozialdemokratie. Bonn, 1973.

⁵⁸ Miller S., Potthoff H. Kleine Geschichte der SPD. Bonn, 1983; 50 Jahre Machtergreifung. Düsseldorf, 1982; Lehnert D. Sozialdemokratie zwischen Protestbewegung und Regierungspartei 1848—1983. Frankfurt a. M., 1983; Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Dokumente. Bonn, 1984; ср.: Geschichte der deutschen Sozialdemokratie 1917 bis 1945.

«С нами не справился сам Бисмарк,— характеризует автор эту позицию СДПГ, имея в виду антисоциалистические законы «железного канцлера»,— куда до него посредственному агитатору Гитлеру». По мнению Ленерта, с 1940 г. до конца войны в деятельности партии «место перспективных прямых действий заняла забота о новых партнерах внутри и вне Германии, а также нравственно-политическая подготовка к будущему новому порядку в стране, пораженной фашистским варварством»⁵⁹.

Прямая апология присуща не всем социал-реформистским или близким к ним авторам. Сошлемся на книгу Б. Энгельманна «Вперед и не забывать»⁶⁰, посвященную истории германской социал-демократии. Весьма показательно, что предисловие к книге написано лидером СДПГ В. Брандтом. Красноречивы уже подзаголовки книги и названия некоторых ее глав. Автор пытается исследовать «истинные и ложные пути» СДПГ от «преследуемого тайного кружка до правящей партии». Фашистский период ее истории назван «длинной ночью». В книге опубликованы документы и материалы, в том числе переписка Августа Бебеля, Вильгельма и Карла Либкнехтов, список жертв фашистского террора — членов социал-демократической фракции рейхстага (из 120 человек 104 арестованы или эмигрировали, 56 уничтожены в концлагерях или в каторжных тюрьмах). Энгельманн верно отмечает, что руководство СДПГ «было полностью захвачено враждебными событиями 30 января 1933 г.». Тактика оставалась прежней — «призыв к сторонникам республики о единстве, хладнокровии, решительности, дисциплине». Был выдвинут лозунг о «разумной пассивности», лишь усугубивший оппортунизм лидеров СДПГ. Автор отмечает ошибочное сравнение О. Вельсом прихода фашизма к власти с «законом о социалистах». «Многие социал-демократы верили,— отмечает автор,— что нацизм будет лишь кратковременным эпизодом, и стремились... всеми средствами сохранить организацию». В числе этих средств был и полный отказ от борьбы. Энгельманн сообщает о противоречиях между оставшимися в Германии социал-демократами и эмигрировавшим руководством⁶¹.

Некоторый вклад внесли социал-реформистские исследователи в восстановление картины антифашистской борьбы в землях и городах Германии⁶². Видное место в этой литературе занимает книга Клоцбаха о Соппротивлении в Дортмунде⁶³. Книга отлича-

⁵⁹ *Lehnert D.* Op. cit. S. 156–157, 162–164; см. также: *Widerstand, 1933–1945.* Bonn, 1980. О борьбе КПГ за единство рабочего класса см.: *Ежегодник германской истории.* 1974. М., 1975. С. 138–154.

⁶⁰ *Engelmann B.* Vorwärts und nicht vergessen. München, 1984.

⁶¹ *Ibid.* S. 398–403.

⁶² См.: *Bretschneider H.* Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus in München 1933 bis 1945. München, 1968; *Ditt K.* Sozialdemokraten im Widerstand. Hamburg, 1984; Heilen und vernichten im Mustergau Hamburg. Hamburg, 1984; *Rabe B.* Die «Sozialistische Front». Hannover, 1984.

⁶³ *Klotzbach K.* Gegen den Nationalsozialismus. Hannover, 1969.

ется стремлением правдиво отразить движение рабочего класса и других демократических сил. Автор тщательно анализирует многочисленные документы и воспоминания участников борьбы, демонстрирует сравнительно хорошее знание работ историков ГДР. Как известно, в ГДР изучение темы началось еще в 50-е годы и сейчас успешно продолжается. Клоцбах осуждает пассивную позицию СДПГ, показывая, что эта позиция была обусловлена всей прежней политикой правых лидеров социал-демократии. Порочность такой позиции СДПГ, тождественной атлантизму, станет еще более рельефной на фоне борьбы КППГ. Напомним, в частности, одно из руководящих положений Манифеста НКСГ: «Время не ждет. Нужно действовать и действовать немедленно!» Эта мысль пронизывала многие документы КППГ⁶⁴. Приведенные Клоцбахом документы еще раз доказывают правильность вывода марксистской историографии о том, что КППГ была единственной партией, которая имела четкую программу борьбы с фашизмом и руководила этой борьбой⁶⁵.

Автор оказался не в состоянии вскрыть сущность фашизма. С этим связан его ненаучный вывод о том, что история Сопrotивления — это «история напрасных действий и поражений»; что режим возможно было уничтожить лишь в результате «катастрофы извне или путем государственного переворота сверху». В то же время автор в общих чертах правильно формулирует политический урок германских рабочих — активно бороться против любых антигуманистических и антидемократических проявлений в общественной жизни ФРГ⁶⁶.

Институт имени Ф. Эберта издал также работу Г.-И. Штайнберга «Сопrotивление и преследования в Эссене». Исследуя широкий круг документов, историк критикует консервативную концепцию. Он обоснованно считает, что «сопrotивление нацизму оказали в первую очередь члены левых партий и рабочий класс». В книге анализируются политический и социальный состав движения, формы и методы подпольной работы, а также государственный аппарат как орудие массового террора. Автор не отождествляет Сопrotивление с морально-религиозным движением, показывая его политический характер. Однако он тенденциозно не замечает различий в деятельности организаций КППГ и СДПГ, называет их методы конспирации и пропаганды «дилетантскими»⁶⁷.

Значительное место отводится и историографическим исследованиям. Еще в начале 70-х годов Архивом социальной истории была опубликована весьма крупная работа Клоцбаха. Предмет

---

⁶⁴ См.: Weinert E. Das Nationalkomitee «Freies Deutschland». В., 1957. С. 19–22.

⁶⁵ К аналогичному выводу пришел и другой социал-реформистский историк — Х. П. Гёрген. См.: Görgen H. P. Düsseldorf und Nationalsozialismus. Köln, 1968. С. 147–149.

⁶⁶ Klotzbach K. Gegen den Nationalsozialismus. S. 21, 125, 235.

⁶⁷ Steinberg H.-J. Widerstand und Verfolgung in Essen. Bonn, 1973.

его разбора составили книги У. Хохмут, Г. Мейер, В. Бона, М. Оппенхеймера, Х. Бретшнайдер, Х. П. Гёргена об антифашистской борьбе в отдельных городах Германии (Гамбурге, Штутгарте, Мангейме, Мюнхене, Дюссельдорфе). Весьма характерно, что рассматриваются труды главным образом о рабочем движении и что значительная часть этих авторов — коммунисты или симпатизирующие ГКП.

Историограф справедливо отмечает, что исследование борьбы рабочих организаций, которые задолго до 1933 г. решительно выступали против фашизма, «приведет к решению важных проблем современной немецкой истории»; что научное исследование «народной оппозиции», в том числе и борьбы рабочих, повлекло за собой изучение региональной истории. В этой связи автор ссылается на специальные работы, изданные Институтом имени Ф. Эберта, издательством «Рёдерберг», Исторической комиссией Союза антифашистов земли Северный Рейн-Вестфалия. Клоцбах положительно оценивает стремление Хохмут и Мейер «наряду с аргументированным изложением локальных событий проанализировать их связь с общеполитическими, общесоциальными процессами».

Собственная позиция исследователя подчас не ясна. Он приводит опубликованные в анализируемых им работах интересные сведения об активной деятельности организации КППГ, ее стремлении «к совместным действиям рабочих из всех антифашистских групп». Эти сведения, по его мнению, «создают впечатление об интенсивности и размахе коммунистического Сопротивления». В то же время, говоря о социал-демократическом движении, автор отмечает, что «в основном молодежь переходила к акциям спонтанно». Имея в виду упомянутые в книге Бретшнайдер «Сопротивление нацизму в Мюнхене»⁶⁸ социал-демократические группы, Клоцбах не считает возможным «говорить о единой организации и сознательном планировании их деятельности»⁶⁹. Основные мысли Клоцбаха получили подтверждение в его новейших трудах⁷⁰.

В крупной работе А. Зивоттека исследованы труды Г. Ротфельса, Х. Моммзена, Б. Шойрига, Г. Шульца, Г. Шмёльдерса, зарубежных историков — Г. Дойча, П. Хоффманна, Г. Роона. В той или иной степени им изучены и работы Кюнля, Клоцбаха. Из трудов историков-марксистов упоминаются монографии Д. Е. Мельникова, К. Г. Бирнат и Л. Краусхаар. Содержание работы Зивоттека не полностью соответствует ее названию «Буржуазное и антифашистское Сопротивление» — подавляющее большинство материала связано с «буржуазным сопротивлением»⁷¹. Само по себе противопоставление «буржуазное» и «антифашистское» не строго, так как часть буржуазии стояла на антифашист-

⁶⁸ *Bretschneider H.* Op. cit.

⁶⁹ AfS. 1970. S. 500, 505, 506.

⁷⁰ См., например: *Klozbach K.* Der Weg zur Staatspartei. [West] Berlin, 1984; AfS. 1984.

⁷¹ AfS. 1972.

ских позициях. Часто автор, следуя объективистскому принципу, лишь называет тот или иной историографический факт, не высказывая своего мнения о нем. Зивоттек выделяет «буржуазное сопротивление» и «народную оппозицию». К первому он отнес группы К. Гёрделера, Г. Остера, группу «Крайзау». Он разделяет мнение Клоцбаха о том, что в консервативных историографии и историко-политической пропаганде исключительное место занимала буржуазная оппозиция, что вследствие провала заговора особое внимание здесь уделялось планам оппозиционеров, их страданиям после ареста, само поражение оценивалось как «трагическое». В течение десятилетней историография занималась этой темой, лишь в последние годы она начинает уделять внимание «народной оппозиции».

В обзоре справедливо подчеркнута, что связь «отдельных представителей буржуазной оппозиции с господствующей элитой обусловила с самого начала ничтожные виды на социальную внутри- и внешнеполитическую альтернативу существующему порядку». Представляются важными следующие суждения автора: «Оппозиция — не против войны вообще, как пытается доказать Г. Дойч, а против той войны, в успех которой невозможно уже было верить, — политически объединяла заговорщиков и обусловила помощь со стороны влиятельных лиц». И далее: «При поддержке или нейтральном отношении последних заговорщики рассчитывали осуществить свои планы с наименьшим риском».

Положительно оценивая уже упоминавшиеся дневники Гроскурта как источник для «социологического анализа буржуазного сопротивления» и опираясь на этот анализ, автор ставит под сомнение широко распространенный в историографии тезис о существовании конфликта между «совестью» консервативных оппозиционеров и «лояльным исполнением ими служебного долга». Этот конфликт, по мнению Зивоттека, не приобрел формы политического действия. Оппозиционность военных заговорщиков редко носила антифашистский характер. Критикуя фашистское руководство, они продолжали заботиться о повышении боеспособности вермахта. Так, оппозиционеры осуждали слабую подготовку солдат, недостаточность морских вооружений. Не были последовательно антифашистскими и другие мотивы оппозиционности: конкуренция СС и армии, личная неприязнь к Гитлеру. «Издатели, — считает Зивоттек, — по праву назвали Х. Гроскурта „национал-консерватором“». «Сторонником авторитарного государственного руководства» считает его и Зивоттек, справедливо распространяя эту оценку на большинство офицерской оппозиции. «Люди монархической традиции» были неспособны противопоставить фашистским догмам какие-либо конструктивные взгляды, и эта оппозиция, по мнению автора, с самого начала была обречена на провал.

К «народному сопротивлению» Зивоттек относит в первую очередь борьбу передовых представителей рабочего класса. Если многие консервативные и социал-реформистские историки исхо-

дят из того, что в «государстве с вездесущей полицией» массовое выступление было невозможно, то Зивоттек считает необходимым «исследовать возможность: успешной народной оппозиции», изучить высказанную историками-марксистами «гипотезу о том, что заговор был бы удачен, если бы было мобилизовано население». Однако его мнение о том, что «народная оппозиция» возникла лишь в 1938 г. и лишь в связи с буржуазной оппозицией, не представляется обоснованным.

Борьба коммунистов началась задолго до прихода фашистов к власти. Уже в докладе на XII съезде КПП в 1929 г. Э. Тельман призывал рабочих к усилению борьбы против этой опасности. В «Программе национального и социального освобождения немецкого народа» (1930 г.) ЦК КПП отмечал: «Фашистская партия враждебна народу, это реакционная, антисоциалистическая партия, несущая немецкому народу эксплуатацию и порабощение»⁷². После захвата власти фашистами движение продолжалось, несмотря на невиданный террор. Антифашисты, в первую очередь коммунисты, печатали и распространяли нелегальные газеты, брошюры, листовки, вели пропаганду в созданных НСДАП массовых организациях, разоблачали подготовку агрессивных войн. КПП организовала подпольное движение солидарности с республиканской Испанией и непосредственное участие немецких антифашистов в ее справедливой войне. Движение выразилось в проведении забастовок, саботажа на производстве, в открытых дискуссиях и других формах. Оно охватило рабочих, крестьян, представителей средних слоев населения, определенные круги буржуазии⁷³.

Деятельность же буржуазной оппозиции в 1938 г., о чем говорит Зивоттек, отличалась большой осторожностью и, как правило, осуществлялась в рамках легальности. Она, по словам Л. Бека, была направлена на то, чтобы «отсрочить насильственное решение чешского вопроса до тех пор, пока военные предпосылки для этого коренным образом не изменятся»; восстановить положение прусского офицерства в армии, несколько ослабленное военной реформой 1938 г.; установить контакты с западными державами, в первую очередь с Англией. Перелом в созревании заговора наступил лишь в результате разгрома фашистских войск под Сталинградом⁷⁴.

Место обещанного Зивоттеком «анализа организованного рабочего Сопротивления» в обзоре занимают сведения о «многочисленных временных группах, состоявших главным образом из членов нелегальных рабочих партий, ограниченных местными рамками и не связанных с центральным руководством, имевших туманное представление о своей политической программе». При этом автор нивелирует степень участи в Сопротивлении предста-

⁷² Всемирная история. М., 1962. Т. 9. С. 57, 192.

⁷³ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 5. S. 142.

⁷⁴ Мельников Д. Е. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. М., 1965. С. 74, 76, 85, 87.

вителей КПГ и СДПГ, что проявляется и при перечислении им в одном ряду фамилий руководящих деятелей КПГ и СДПГ: «Лебер, Райхвайн, Мирендорф, Зефков, Бестлайн, Лейшнер»⁷⁵.

Явно тенденциозен автор в оценке историографии ГДР. Так, по его утверждению, в ней будто бы «едва затронуты» причины сравнительной слабости Сопротивления. В действительности историки ГДР и СССР проанализировали причины ее слабости⁷⁶, хотя вопрос о влиянии сталинизма на деятельность КПГ на самом деле еще не изучен полностью⁷⁷. Зивоттек упрекает историков ГДР в том, что они будто бы не занимаются конкретной историей Сопротивления, а пытаются лишь установить его соответствие «абстрактным законам всемирно-исторического развития»⁷⁸. Заметим, что нельзя противопоставлять конкретно-историческое исследование теоретическому осмыслению того или иного события. Историки ГДР приступили к изучению темы еще в 40-е годы. Ими создана основательная источниковая база, изданы многие документы КПГ, движения «Свободная Германия», отдельных групп, воспоминания ряда участников Сопротивления. В центре внимания этих историков находятся такие важные аспекты Сопротивления, как его генезис и характер, место в борьбе народов Европы, история отдельных организаций внутри страны, деятельность эмигрантов различной политической ориентации⁷⁹.

Социал-демократическими исследователями внесен большой по сравнению с буржуазными учеными вклад в изучение антифашистской эмиграции⁸⁰. Отдельные работы по этой теме появлялись и раньше. Систематическому изучению эмиграции в немалой степени способствовало появление библиографических изданий, в первую очередь «Библиографии немецкой эмигрантской литературы за 1933—1945 гг.» под ред. В. Штернфельда и Е. Тидеманн⁸¹. Она содержит более 1,5 тыс. имен писателей-эмигрантов, довольно подробные сведения о них и их произведениях, об эмигрантских журналах, альманахах, ежегодниках. «С появлением этой книги,— писал М. Вегнер, один из представителей демокра-

⁷⁵ Заметим, что в своей книге Зивоттек повторил тезис консерваторов о КПГ как «орудии иностранной державы». См.: *Sywottek A. Deutsche Volksdemokratie*. Hamburg, 1971. S. 120, 125.

⁷⁶ См., например: *Bartel W. Deutschland in der Zeit der faschistischen Diktatur, 1933—1945*. В., 1956. S. 203; *Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung*. Bd. 5. S. 231, 431, 436—437; *Новая и новейшая история*. 1987. № 1. С. 87; *Deutschland im zweiten Weltkrieg*. В., 1988. Т. 6.

⁷⁷ Подробнее см. статью В. Иерусалимского о семидесятилетии образования КПГ (Правда. 1988. 29 дек.).

⁷⁸ *AfS*. 1972. S. 567, 568, 570, 575, 576.

⁷⁹ Подробнее см.: *Сенчаков А. Г. Немецкое движение Сопротивления в освещении историков-марксистов ГДР*. Воронеж, 1971; *Новая и новейшая история*. 1985. № 2. С. 162—175.

⁸⁰ См., например: *Lacina E. Emigration, 1933—1945*. Stuttgart, 1982; *Das Dritte Reich*. München, 1983.

⁸¹ *Sternfeld W., Tiedemann E. Deutsche Exil-Literatur, 1933—1945*. Heidelberg, 1970.

тической литературы, — изучение истории немецкой эмиграции вступает в новую фазу»⁸². Сведения об эмиграции представлены и в ряде других библиографических изданий ФРГ.

В начале 1969 г. несколькими научными центрами — Институтом современной истории, Федеральным архивом в Кобленце, Германской библиотекой во Франкфурте-на-Майне, Научно-исследовательским институтом имени Ф. Эберта и Архивом Объединения немецких профсоюзов был разработан специальный проект коллективных исследований⁸³. Для сбора документов эмиграции при мюнхенском Институте современной истории была создана комиссия во главе с В. Рёдером.

В архиве института находятся более 100 фотокопий материалов процессов над политэмигрантами и группами Сопротивления внутри Германии, поддерживавшими эмиграцию. Копии были переданы институту американским документальным центром. Среди печатных источников видное место занимают листовки и брошюры эмиграции, оригиналы эмигрантских газет⁸⁴, микрофильмы более 150 эмигрантских газет и другой периодики. Центральный каталог института содержит свыше 20 тыс. названий работ и документов эмиграции 1933—1945 гг.⁸⁵

В ФРГ опубликованы некоторые источники по истории эмиграции. Помимо уже названных отметим, в частности, воспоминания О. Р. Треверануса, книгу Г. Маттиаса и В. Линка «Лицом к Германии. Документы социал-демократической эмиграции». Эти документы взяты из архива СДПГ, из архива Ф. Штампфера, бывшего главного редактора «Форвертс», и других частных собраний. Они показывают, что правые лидеры социал-демократии и в эмиграции продолжали политику «третьего пути», были враждебны по отношению к СССР и революционному рабочему движению, держали курс на восстановление связанной с западными державами Веймарской республики, по-прежнему сотрудничали с буржуазными политиками.

Заслуживает внимания изданный Институтом имени Ф. Эберта сборник «Сопротивление, преследование и эмиграция». В нем представлены статьи Г. Штайнера «Некоторые проблемы антинацистского Сопротивления в Австрии (1933—1945)», В. Ш. Аллена «Статистический анализ социалистического подпольного движения в земле Северный Рейн-Вестфалия в 1933—1938 гг.», В. Бертольда «Коллекция немецкой политической эмигрантской литературы», Г. Плюма «Исторический взгляд на эмиграцию», В. Рёдера «Эмиграция и Сопротивление внутри Германии. К про-

⁸² Wegner M. Exil und Literatur. Frankfurt a. M., 1968. S. 27.

⁸³ Об итогах изучения в ФРГ немецкой эмиграции см.: Das Parlament. 1975. 15. März; 1980. Н. 3. S. 384—387; VfZ. 1983. Н. 2. S. 174—201; 1984. Н. 3. S. 311—334.

⁸⁴ См.: Neues Vorwärts, Deutschlandnachrichten, Zeitung (London), Andere Zeitung (Buenos Aires).

⁸⁵ Der Archivar. 1974. Н. 2. S. 301, 304.

блеме политической правомерности эмиграции», А. Нордлюнга «Проблемы немецкой эмиграции в Швеции в 1933—1945 гг.». Наиболее значительна из них статья Плюма. Большое место в ней отведено исследованию социального состава эмиграции и ее причин. Автор верно считает эмиграцию неоднородной, среди ее мотивов отмечает нонконформизм. По его мнению, это явилось причиной эмиграции социал-демократов, коммунистов, функционеров других демократических партий, пацифистов. Далее он выделяет эмиграцию членов различных религиозных организаций, а также людей, род деятельности которых неотделим от идеологии. Выделяет Плюм также эмиграцию евреев. Отдельно рассматривает он экономические причины эмиграции⁸⁶.

Видное место в литературе об эмиграции занимают работы В. Рёдера, одного из ведущих специалистов в этой области. В его статье «Эмиграция и Сопротивление внутри Германии» мотивы эмиграции выделены более четко, чем в работах Плюма: «выезд с целью окончательного переселения за границу» и «выезд политических и идейных противников режима... чьим высочайшим желанием было возвращение в Германию после восстановления в стране правового государства»⁸⁷. По мнению Рёдера, установить число участников Сопротивления внутри Германии чрезвычайно трудно. «Эмиграция и „внутреннее Сопротивление“, — тем не менее считает автор, представляют собой движения меньшинства (Minderheitsbewegungen)». Рёдер утверждает, что эмиграция во время войны — при этом он вопреки фактам не делает исключения и для КПГ — была полностью оторвана от Сопротивления внутри Германии. Действительно, в условиях диктатуры связи заграничных центров КПГ с местными организациями были чрезвычайно затруднены. Однако утверждение об их «полной изоляции» ошибочно. ЦК КПГ прилагал значительные условия для контактов с подпольными группами. Сотни коммунистов поддерживали постоянную связь с Политбюро ЦК КПГ, регулярно информируя о работе партийных организаций и политическом положении в стране⁸⁸.

Изданная Институтом имени Ф. Эберта другая работа Рёдера посвящена малоизученному вопросу — деятельности немецких социалистических групп в Англии в 1940—1945 гг. В книге отражены взаимоотношения этих групп и участников заговора. Автор отмечает, что отношение социал-демократической эмиграции в Великобритании к «движению 20 июля» было противоречивым. Он объясняет это отсутствием правдивой информации, поскольку контакты социал-демократов — участников заговора с

---

⁸⁶ Widerstand, Verfolgung und Emigration, 1933—1945. Hannover, 1967. S. 52, 91—93.

⁸⁷ Ibid. S. 120, 121, 134, 136. См. также: GWU. 1968. Н. 19; Frankfurter Rundschau. 1969. 8. Okt.; VfZ. 1969. Н. 1; IWK. 1971. Н. 11/12; NpL. 1973. Н. 1, 2.

⁸⁸ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 5. S. 323—324, 367.

эмиграцией были сведены к минимуму. Исключение, утверждает историк, составляла встреча К. Франка с А. Троттом в Вашингтоне, неизвестная до сих пор исследователям.

Рёдер сообщает, что заговор был отклонен многими представителями эмиграции из-за того, что они считали невозможными в результате военного переворота какие-либо «качественные изменения» в стране — «путч генералов должен привести к новому шовинизму». При этом автор делает правильный вывод: «Милитаризм и нацизм должны быть уничтожены в результате всеобщего народного движения путем радикальных изменений в социальной структуре Германии, уничтожения офицерского корпуса и его экономической основы». Верно — более или менее — оценивая ситуацию в Германии, Рёдер не отмечает, однако, что руководство СДПГ фактически не предприняло каких-либо практических действий.

Исследователь анализирует различные оценки заговора отдельными эмигрантскими группами. «Если „Международный социалистический союз борьбы“, — пишет он, — объяснял покушение на Гитлера лишь изменением военного положения Германии, полностью отрицая заговор как „политическую альтернативу нацизму“ и связывая его провал с отсутствием поддержки со стороны рабочего класса, то Правление СДПГ распространяло мнение о том, что генеральский заговор был обеспечен поддержкой СДПГ, что руководящая роль в нем принадлежала немецким социал-демократам. Правление партии оправдывало участие Лейшнера в заговоре чрезвычайными обстоятельствами войны и нацистской диктатуры»⁸⁹.

В докладе на конгрессе, организованном в 1969 г. Союзом антифашистов, Рёдер фактически высказался в пользу признания «народной основы Сопrotивления». «Народное Сопrotивление, — справедливо утверждал он, — должно быть выдвинуто на первый план не только в силу своих масштабов. Предпосылкой политического и морального развития народа является признание его роли в истории». И далее: «Решение вопроса о первенстве элиты или народных масс в Сопrotивлении связано с современной политикой»⁹⁰. На международной конференции в 1973 г. Рёдер сделал доклад «К состоянию исследования эмигрантской литературы в Западной Германии». По данным Рёдера, в историографии 1945—1950 гг. наряду с литературой о концлагерях и «еврейских судьбах» преобладали две темы: борьба христианской церкви и «движение 20 июля». Из каждых 100 работ о преследованиях и Сопrotивлении в «третьей империи» 16,9 было посвящено первой теме и 12,4 — второй. Такое соотношение сохранилось и в 1963—1964 гг. В 1965—1966 и 1967—1968 гг. соот-

⁸⁹ Röder W. Die deutschen sozialistischen Exilgruppen in Grossbritannien 1940—1945. Bonn, 1973. S. 17, 121, 134, 136.

⁹⁰ Stimme des Widerstandes. Frankfurt a. M., 1969. H. 2.

пошение работ соответственно было: 10,2—21,9 и 16,9—25,3⁹¹.

Рёдер верно полагает, что усиленное внимание многих исследователей к проблемам буржуазной оппозиции соответствовало общему социально-экономическому развитию ФРГ. «Этого же требовали,— по мнению автора,— западные оккупационные власти, рассчитывая, что исследование военной оппозиции будет служить реабилитации генштаба, что признание идей 20 июля соответствует интересам новой немецкой государственности». Изучение военной оппозиции получило значительное материальное и иное содействие. В начале 1952 г. при Институте современной истории в Мюнхене была создана рабочая группа «Европейские публикации», которая заботилась о позитивной оценке прессой военной оппозиции. Несколько позже аналогичные комиссии были организованы при обеих церквях ФРГ. «Разумеется,— пишет Рёдер,— в деятельности этих исследовательских учреждений немецкая политическая эмиграция, как и народное Сопротивление, представленное преимущественно левыми, не могли занять достойного места. К тому же понятие „Сопротивление“ все в большей степени стало подвергаться историками опасному ограничению лишь консервативной оппозицией, чье законное возмущение государством находило выход лишь в этическом ригоризме да в „национальной интеграции элиты“». Эта оппозиция, с полным основанием отмечает автор, «противостояла классово осознанному антифашизму левых».

В докладе Рёдера было также показано, что буржуазные историки аналогичным образом относились и к той литературе об эмиграции, которая после 1933 г. вышла за границы. Кроме того, неизученность эмиграции автор объясняет внутренней раздробленностью предмета исследования и тем, что эта литература была разбросана по многим странам, где в свое время нашли убежище эмигранты из «третьего рейха»⁹². В статье Рёдера, опубликованной в упоминавшейся книге «Третья империя», автор подвел итоги своих исследований⁹³. Заслуживает также внимания подготовленный с участием этого ученого трехтомный сборник биографий 9 тыс. представителей экономики, политических, общественных деятелей, деятелей науки и культуры, эмигрировавших из Германии, Австрии и Судетской области ЧСР после 1933 г.⁹⁴

Видное место в литературе об эмиграции занимает книга Г. Мюссенера, руководителя организованного в 1969 г. Стокгольмского координационного центра по исследованию немецкоязыч-

---

⁹¹ Exil und innere Emigration. Frankfurt a. M., 1973. Bd. 1. S. 142. Ср. с данными Д. Е. Мельникова в кн.: *Финклер К.* Заговор 20 июля 1944 года. М., 1976. С. 7.

⁹² Exil und innere Emigration. S. 145—151.

⁹³ *Röder W.* Emigration nach 1933 // *Das Dritte Reich.* München, 1983.

⁹⁴ *Biographisches Handbuch der deutschsprachigen Emigration nach 1933.* München, 1980—1983. Bd. 1—3.

ной эмигрантской литературы, — «Эмиграция в Швеции». Работа основана на материалах из Архива рабочего движения в Стокгольме, архивов СДПГ и профсоюзов ФРГ в Дюссельдорфе, архива при Институте марксизма-ленинизма ГДР. В центре внимания автора — организации немецких рабочих-эмигрантов. Специальные разделы книги посвящены социал-демократической и коммунистической эмиграции, «Свободному немецкому культурному союзу» в Швеции.

В первой главе автор анализирует источники. Во второй главе — исследует эмиграцию. Автор выделяет периоды: 1933—1945, 1945—1948, с 1948 до середины 60-х годов. Последующее развитие он характеризует как «своеобразный ренессанс» в литературе об эмиграции, правильно связывая его с «изменением политического влияния в ФРГ». Мюссенер исследует книги Г. А. Вальтера, М. Вагнера, Г. Гроссмана и др. Он положительно оценивает деятельность исследовательских учреждений ГДР. В других главах автор описывает «массовое бегство из „третьей империи“ по политическим и расово-религиозным мотивам», опираясь при этом на работы Рёдера и других специалистов. Мюссенер характеризует этапы эмиграции (1933—1938, 1938—1940, 1940—1945 гг.), политические объединения эмигрантов в Швеции, показывает «хорошо организованную совместную работу социал-демократов и коммунистов». Книга в известной степени обогащает наши представления о деятельности КПГ, хотя автор и не свободен от предубеждений. Сравнительно подробно представлен материал о движении «Свободная Германия» в Швеции, о руководящей роли коммунистов в движении, об отношении к нему эмигрантов различных ориентаций. Автор не без основания считает, что «эмиграция внесла практический вклад в освобождение Германии». Среди методов борьбы он называет печатание и распространение газет, брошюр и листовок, саботаж на предприятиях, связанных с военным производством Германии, участие в Интернациональных бригадах в Испании^{94а}.

В западногерманской историографии есть книги о художественной литературе и театре в эмиграции. В сборник «Германская эмигрантская литература в 1933—1945 гг.» вошли статьи об эмиграции в Австрии, Англии, Испании, Мексике, Скандинавских странах, СССР, Франции, Чехословакии, Швейцарии. М. Вегнер в книге «Эмиграция и литература» пытается рассмотреть мотивы, центры, прессу эмиграции, ее влияние на жизнь и творчество писателей, цели и задачи эмигрантской литературы. Основную причину массовой эмиграции из Германии он видит в «политической и мировоззренческой оппозиции нацизму». Она была вызвана, по его мнению, культурно-политическими мероприятиями правительства, сожжением и запрещением книг писателей, роспуском их организаций. Автор показывает, что сожжение

^{94а} *Müssener H. Exil in Schweden. München, 1974. S. 15—45, 119, 159—161, 170—191, 249, 251, 253.*

произведений прогрессивных писателей было акцией не только преднамеренной, но и тщательно подготовленной. Вегнер отмечает, что в условиях фашизма все писатели вынуждены определить свою политическую позицию, и их расслоение в эмиграции связано с различием в первую очередь идейных, а не литературных взглядов. Автор полагает, что осознание писателем в эмиграции своей социальной ответственности приводило его на позиции борьбы. Вегнер ошибочно представляет себе сущность фашизма. Фашизм под явным влиянием экзистенциализма рассматривается Вегнером «в качестве рока, угрожающего всему человечеству». Из этой посылки он делает заключение о «внеполитическом характере фашизма», а задачу литературы видит в «борьбе против несвободы и тоталитаризма», «борьбе индивидуумов со всеми окружающими его идеологиями». Автор правильно отмечает, что лишь писатели коммунистической ориентации имели четкое представление о фашизме и видели реальные возможности борьбы с ним. В то же время неоднократно поднимавшийся им вопрос о роли писателей-эмигрантов в антифашистской борьбе по существу остался без ответа. Не выяснены «проблемы и цели литературы и эмиграции», которым посвящена пятая глава книги⁹⁵.

Вышли новые работы об эмиграции немцев в 1933–1945 гг. Среди них — «Жизнь в эмиграции», сборник статей об «интеграции германских беженцев за границей в годы фашистского господства». В книге нет ни одной специальной статьи об их антифашистской деятельности. По существу этой весьма важной стороны эмиграции авторы касаются лишь вскользь⁹⁶.

Главной особенностью социал-демократической трактовки Сопротивления является большее внимание к СДПГ и КПГ. В освещении деятельности СДПГ преобладает апологетическая тенденция. Таковы работы М. Фогеса. В одной из статей автор подчеркивает большую воспитательную роль исследования истории германского рабочего класса в 1933–1945 гг. Не без оснований свидетельствует он, что «рабочий класс в фашистской Германии был не только объектом жесточайшего экономического и политического принуждения; в большинстве своем он представлял собой и субъект», в частности, он «оказывал сопротивление фискальной политике властей». Обращение к экономической борьбе вызвано не только спецификой рабочего движения в Германии, но и социал-реформистскими убеждениями Фогеса. Он прав, полагая, что «рабочие были вынуждены отказаться от традиционных методов классового противоборства: открытых демонстраций, стачек, агитации в прессе и собраний». Но автор объясняет это

---

⁹⁵ Wegner M. Exil und Literatur. S. 57, 58, 61, 137, 175, 122; Deutschsprachige Exilliteratur. Bonn. 1984; ср.: Могылева Т. Литература против фашизма. М., 1987.

⁹⁶ Leben im Exil. Hamburg, 1981; см. также: Günther D. Gewerkschaften im Exil. Marburg, 1982; Lingsburgh W. Strandgut Europa. Köln, 1985.

лишь тем, что классовая борьба «сверху» «характеризовалась политикой террора, пропагандой и материальными уступками»⁹⁷.

«Уничтожение организованного рабочего движения не означало прекращения классовой борьбы,— пишет Фогес.— Ее центром стало предприятие». Последнее замечание можно принять лишь отчасти. По существу автор не замечает роли центрального руководства КПГ в стране и за рубежом, как местных организаций коммунистов и социал-демократов. «Действия подпольных групп рабочего класса были неэффективными»,— заявляет он, явно полемизируя с историками-марксистами. Фогес отвергает и тактику «покушений и путчей», принятую буржуазными оппозиционерами. Фактически приспособлявая свою концепцию к известным положениям программы СДПГ, автор утверждает, что значение борьбы заключалось будто бы лишь в приобретении некоего «опыта солидарности», необходимого «для новой классовой формации, потенциально угрожавшей существованию режима». Главной задачей было «восстановление солидарности рабочего класса», изучение сущности фашизма, формирования политического сознания, создания условий «для совместной борьбы против режима на предприятиях»⁹⁸.

Апология оппортунизма, оправдание фактического отхода от борьбы многих лидеров СДПГ звучит также в статье П. Леше и М. Шолинга. Авторы характеризуют три основных течения в Сопротивлении — коммунистическое, социал-демократическое и профсоюзное. Заметим, что разделение последних двух носит условный характер: в организационном и идейном отношении большинство профсоюзов и СДПГ были весьма близки друг другу. Авторы противопоставляют социал-демократическое и коммунистическое движения. Первое из них будто бы в меньшей степени испытывало внешние влияния, тактика же второго воспроизводила традиции большевистского подполья, и КПГ понесла «мученические жертвы». По мнению авторов, социал-демократическое Сопротивление «кажется менее героическим, чем коммунистическое... зато оно было нацелено на сохранение внутренней структуры, характеризуется программной трезвостью, реалистическим взглядом на соотношение сил...» Авторы утверждают при этом, что тактика правых социал-демократов в эти годы продолжала тактическую линию СДПГ периода господства в Германии чрезвычайных законов⁹⁹. Однако эти исторические параллели несостоятельны. Не выдерживает критики позиция авторов и в нравственном отношении. По существу они оправдывают отход правления СДПГ от Сопротивления, перекладывая им своего национального долга на плечи пролетариата зарубежных стран.

Новейшая социал-реформистская трактовка роли КПГ в

⁹⁷ GM, 1984. Н. 9. S. 555—557, 559. См. также: AfS. 1981. S. 329—384; APZ. 1984. Н. 26. S. 13—24.

⁹⁸ GM. 1984. Н. 9. S. 565. Ср.: APZ. 1984. Н. 26. S. 13—14.

⁹⁹ IWK. 1983. Н. 4. S. 558. См. также: Bayern in der NS-Zeit. München, 1982. Bd. 4. S. 708.

Спротивлению отличается еще большей противоречивостью. В изучаемый период в целом внимание этих историков к борьбе коммунистов усилилось, многие из них стали отмечать известные успехи КПГ. Однако их труды по-прежнему не свободны от заблуждений и искажений. Так, изданная к 50-летию захвата власти фашистами книга «Спротивление и неподчинение в Германии в 1933—1945 гг.» состоит из статей умеренных консерваторов и социал-реформистов о «Спротивлении в тоталитарном государстве», об участии в борьбе профсоюзов, СДПГ, христиан, молодежи, о «движении 20 июля 144 г.», о так называемой «внутренней оппозиции». Отдельная глава посвящена коммунистическому движению. Ее автор Г. Вебер¹⁰⁰ отмечает, что коммунисты понесли наибольшие жертвы. Однако здесь же подчеркивает, что жертвы в борьбе не идентичны ее эффективности. Он приводит тезис о «зависимости КПГ от Москвы». Автор с полным основанием констатировал, что фашисты считали КПГ своим главным врагом. Автор упоминает не только «Красную капеллу». «С упорством и готовностью к жертвам,— подчеркивает он,— в борьбе против фашизма постоянно возникали все новые коммунистические группы Спротивления». В то же время НКСГ Вебер по существу игнорирует. Особое внимание историк уделяет антисталинским коммунистическим группам 30—40-х годов¹⁰¹. Эти материалы могут быть использованы при воссоздании полной картины германского коммунистического движения.

Другой соавтор книги — Брахер, вопреки традициям консерваторов, подчеркнул готовность социал-демократических участников заговора 20 июля к сотрудничеству с коммунистическими организациями внутри Германии и НКСГ¹⁰². В книге говорится и об участии немцев в советском партизанском движении¹⁰³. В главе «Немецкое Спротивление в оккупированной Европе» впервые в научной литературе отмечается, что «в количественном отношении наиболее значительным было участие немцев в вооруженном сопротивлении в Советской России: германские эмигранты в СССР служили добровольцами в Красной Армии, были пропагандистами на фронте или в лагерях военнопленных и распространяли идеи основанного в июле 1943 г. Национально-

¹⁰⁰ Критику ранних трудов профессора Мангеймского университета Вебера (*Weber H. Konflikte im Weltkommunismus. München, 1964; Idem. Die Wandlung des deutschen Kommunismus. Frankfurt a. M., 1969*) см.: BzG. 1972. Н. 6. S. 1025—1028. Новейшие труды Вебера: *Weber H. Hauptfeind Sozialdemokratie: Strategie und Taktik der KPD 1929—1933. Düsseldorf, 1982; Idem. Kommunismus in Deutschland, 1918—1945. Darmstadt, 1983; Idem. Geschichte der DDR. München, 1985*. См. также книги под его редакцией: *Unabhängige Kommunisten. [West] Berlin, 1981; Parteisystem zwischen Demokratie und Volksdemokratie. Köln, 1982*.

¹⁰¹ См. также: *Tjaden K. H. Struktur und Funktion der KPD-Opposition. Hannover, 1983*.

¹⁰² *Widerstand und Verweigerung in Deutschland 1933 bis 1945. [West] Berlin, 1982. S. 23, 83, 96, 99—101, 159*.

¹⁰³ Еще раньше это было показано в марксистской литературе (см., например: *ZfG. 1980. Н. 6. S. 568*).

го комитета „Свободная Германия“... Эмиграция в СССР, участие в гражданской войне в Испании, вступление в партизанское движение в России в 1941 г.— таков жизненный путь многих германских эмигрантов». Авторы отмечают, что впоследствии эти антифашисты стали офицерами Национальной народной армии или внутренних войск ГДР¹⁰⁴.

Сравнительно более объективные позиции в трактовке роли КПГ занимает Д. Пойкерт, автор многих книг, глав, статей по истории Германии фашистского периода. В их числе — труды о рабочем движении¹⁰⁵, борьбе молодых рабочих¹⁰⁶. Книга «КПГ в Сопротивлении» — о преследованиях и подпольной работе на Рейне и Руре 1933—1945 гг.— представляет собой переработанную диссертацию, защищенную в Бохумском университете в 1979 г. Она содержит новые материалы по истории КПГ северозападных областей Германии, в том числе — архивные и мемуарные. По мнению Пойкерта, «критическое сознание лучших людей коммунистического Сопротивления уходит своими корнями в прошлое немецкого демократического и социального движения»; «коммунисты самоотверженно боролись и понесли жертвы»¹⁰⁷.

В отличие от многих других историков Пойкерту близка идея единого антифашистского фронта. Он стремится выяснить, почему эта плодотворная идея не была осуществлена на немецкой земле.

В принципе нельзя не согласиться с выводом автора о том, что «конкуренция» обеих рабочих партий в Германии «перевесила общую опасность со стороны фашизма»¹⁰⁸. Не без оснований оценивает он значение Сопротивления, которое «позволило здоровому ядру рабочих партий и профсоюзов сохранить социалистические традиции, планы создания в будущем демократической и социалистической Германии»¹⁰⁹.

Вместе с тем ряд положений автора противоречивы. Так, в книге 1980 г. он верно отмечал, как быстро коммунисты перевели свои организации на нелегальное положение после захвата власти фашистами¹¹⁰. В работе же 1982 г. он упрекает КПГ в

---

¹⁰⁴ Widerstand und Verweigerung in Deutschland. S. 266, 279—280. Новейшая социал-демократическая литература уделяет много внимания борьбе немецких левых на стороне Испанской республики (см., например: *Mühlen P. Spanien war ihre Hoffnung*. Bonn, 1983; ср.: *Богинь М.* За свободу Испании. М., 1986) и другим событиям антифашистской борьбы за пределами Германии (см.: *Die Vergangenheit mahnt!* Bonn, 1984).

¹⁰⁵ *Peukert D. Ruhrarbeiter gegen den Faschismus*. Frankfurt a. M., 1976. См. также: APZ. 1979. N 28—29; *Nationalsozialistische Diktatur, 1933—1945*. Bonn, Düsseldorf, 1983. S. 633—655.

¹⁰⁶ *Peukert D. Die Edelweisspiraten*. Köln, 1980; *Widerstand und Verweigerung in Deutschland*. S. 177—202; *Sozialgeschichte der Freizeit*. Wuppertal, 1980. S. 307—329.

¹⁰⁷ См.: *Peukert D. Die KPD im Widerstand*. Wuppertal, 1980. S. 429.

¹⁰⁸ Цит. по: *Nationalsozialistische Diktatur, 1933—1945*. Bonn, 1983. S. 638.

¹⁰⁹ Цит. по: *Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung*. Bonn, 1984. S. 109.

¹¹⁰ *Peukert D. Die KPD im Widerstand*. S. 429.

том, что она «опоздала перейти с позиций активного открытого борца на позиции осторожного подпольщика». Подчас автор противопоставляет руководство КПГ за границей коммунистам-подпольщикам внутри страны¹¹¹. Пойкерт высоко оценивает деятельность КПГ в первые годы диктатуры, в частности агитацию с помощью листовок. Однако общие выводы автора иные: «жертвы коммунистов были напрасны». «КПГ—СЕПГ получила власть из рук советского победителя»¹¹². Действительно, власть немцы как в ГДР, так и в ФРГ получили из рук держав-победительниц, что, впрочем, отнюдь не означает, что усилия немецких антифашистов оказались «напрасными».

Две тенденции — консервативная и прогрессивная соседствуют во многих работах социал-демократических и близких к ним историков. Такова книга В. Випперманна, представителя молодого поколения историков, приват-доцента Свободного университета Западного Берлина, автора большого числа работ¹¹³. Книги В. Випперманна посвящены различным аспектам истории фашистской Германии, сущности, причинам возникновения, национальным особенностям фашистских движений. В 1983 г. им опубликовано исследование «Европейский фашизм. Сравнительный анализ, 1922—1982 гг.»¹¹⁴. Эта книга, может быть, наиболее ярко выражает тенденции в развитии методологии социал-реформистской историографии. Автор пытается сравнить литературу различных направлений о фашизме и Сопротивлении, как и сами эти движения в странах Европы. Постановка такой задачи весьма похвальна, ее актуальность понимают лишь немногие представители немарксистской историографии¹¹⁵. Нельзя не согласиться с автором и в том, что «пренебрежение сравнительным исследованием фашизма привело во многих странах, и особенно в ФРГ, к обесцениванию понятия „фашизм“ в смысле его бесконечного расширения»¹¹⁶. Показательно, что при этом автор ссылается на известное требование изучать и учитывать национальную специфику фашизма, содержащееся в докладе Г. М. Димитрова на VII конгрессе Коммунистического Интернационала (1935 г.)¹¹⁷.

¹¹¹ См.: AfS. 1982. S. 716—718.

¹¹² Peukert D. Die KPD im Widerstand. S. 423; Nationalsozialistische Diktatur. S. 642—643.

¹¹³ Wippermann W. Der Ordensstaat als Ideologie. [West] Berlin, 1979; Idem. Zur Analyse des Faschismus. München, 1981; Idem. Der «deutsche Drang nach Osten». Darmstadt, 1982; Idem. Die Bonapartismustheorie von Marx und Engels. Stuttgart, 1983.

¹¹⁴ Wippermann W. Europäischer Faschismus im Vergleich, 1922—1982. Frankfurt a. M., 1983; см. также: Schieder W. Am Anfang war die Bewegung // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1985. 28. Sept.

¹¹⁵ О национальной специфике фашизма см.: История фашизма в Западной Европе. М., 1978. Ср.: Бессонов Б. Фашизм: идеология, политика. М., 1985.

¹¹⁶ Wipperman W. Europäischer Faschismus. S. 16.

¹¹⁷ Димитров Г. М. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. М., 1935.

Автор с полным основанием не принимает мнения К. Д. Брахра, Г. А. Тэрнера, Р. де Феличе и других буржуазных историков о том, что поскольку «между итальянским и германским фашизмом больше различий, чем общих черт, постольку необходимо отказаться от общего понятия „фашизм“ в пользу эмпирического исследования»¹¹⁸. В этом суждении несостоятельно само противопоставление теоретического эмпирическому. Неверно оно и в политическом отношении. Випперманн подчеркивает: «Поскольку фашизм до сих пор не умер, постольку историк, который действительно стремится сделать выводы из прошлого... в первую очередь заинтересован именно в теоретическом осмыслении проблемы». Автор высказывает и другие верные мысли: хотя «история и не повторяется в одних и тех же формах», «структурные факторы», вызвавшие к жизни фашизм, «остаются и могут способствовать росту... неофашизма»; высказываясь в пользу «генерализирующего понятия „фашизм“», он отмечает, что история как наука «не может быть исключительно эмпирической», что отказ от теоретического осмысления «таит в себе опасность идеологического искажения... изучаемой действительности»¹¹⁹. «Исследование фашизма с необходимостью ведет к изучению антифашистских движений»; оно «всегда носило политический характер, имело антифашистскую направленность и представляло собой руководство к преодолению фашизма».

Випперманн отвергает доктрину тоталитаризма, с полным основанием показывая, что «коммунистические и фашистские партии преследовали различные цели и создали различные общественные системы... их отождествление необоснованно». Автор подвергает критике точку зрения Тэрнера, относящего фашизм к антимодернистским движениям¹²⁰. Не разделяет он и персонализации фашизма, вообще осуждает рассмотрение фашизма вне связи с социальными факторами. Он считает необходимым «социально-психологическое исследование фашизма»¹²¹.

Однако провозгласить готовность следовать некоторым положениям исторического материализма и отмежеваться от ряда ненаучных концепций легче, чем осуществить это на деле. «Фашистские партии, — верно отмечает Випперманн, — возникли на почве капитализма... в них были заинтересованы определенные слои капиталистического общества». Автор не отрицает «поддержки фашистов со стороны индустрии, сельского хозяйства, буржуазных партий». Не разделяя тезис о «полной унификации церкви и военных кругов» в фашистской империи, Випперманн верно полагает, что они «настолько приспособились к ней, что уже не представляли опасности для ее существования». Не без оснований среди общих черт фашистских партий он видит иерар-

¹¹⁸ *Wippermann W. Europäischer Faschismus. S. 17.*

¹¹⁹ *Ibid. S. 17–19.*

¹²⁰ Подробнее см.: Политическая история стран Западной Европы в новейшее время. Ярославль, 1978. С. 55–66.

¹²¹ *Wippermann W. Europäischer Faschismus. S. 18–19, 204.*

хический принцип их построения, принцип «фюрерства», исключительное внимание к пропаганде, милитаризацию, аналогичные идеологии, которые отличались своей «двойственностью» — эти партии провозглашали и антикапиталистические, и антисоциалистические цели, и антимодернистские, и специфически модернистские, и крайне националистические, и транснациональные цели. Отмечается также «бескомпромиссно беспощадное отношение этих партий к политическим противникам и национальным меньшинствам»¹²².

Випперманн находит в осмыслении сущности фашизма «многие провалы». На самом деле недостаточно показана, в частности, различная степень сотрудничества с фашизмом германских и иных монополий. Но в целом социальная сущность фашизма изучена. Автор полагает, что современный уровень знаний не позволяет рассматривать фашизм как «народную партию или партию средних слоев». Но отвергает он и точку зрения Коминтерна, отрицая, что «фашистские партии с самого начала финансировались влиятельными кругами индустрии»¹²³.

Характеризуя общее в фашизме, автор остается в сфере политической и идеологической, он не отделяет в теории и программе фашистов действительного, сущностного от демагогического; верно отмечая их двойственность, не объясняет ее глубоких причин, в первую очередь, несомненно, антагонистические противоречия между социальной (империалистической) сущностью фашизма и его массовой (мелкобуржуазной и в некоторой степени пролетарской) базой. В оценке изученности фашизма автор занимает по меньшей мере объективистские позиции. Отвергая ленинскую теорию империализма, Випперманн не замечает принципиальной эволюции капитализма. Фашизм порожден не вообще капитализмом, как чем-то неизменным, а его определенной стадией — империализмом.

Игнорированием социального фактора страдает и данная автором характеристика национальной специфики фашизма. «Нацизм, — по его мнению, — качественно отличался от итальянского фашизма фанатичной, самоубийственной приверженностью к идеологической догме расовой войны». Отказ от исследования глубоких корней проблемы — особенностей германского и итальянского империализма, обусловивших и специфику фашизма в этих странах, — привел к тому, что автор и в данном случае остается лишь на поверхности явления¹²⁴. Методологическая нечеткость проявляется и при оценке «ощутимого улучшения материального положения рабочего класса» Германии вследствие ликвидации безработицы и создания индустрии вооружения, «интеграции широких слоев населения» в результате агрессивных походов и ограбления захваченных стран. По Випперманну, эти «широкие слои» «слишком легко были склонны не замечать дру-

¹²² Ibid. S. 17, 61, 197—199.

¹²³ Ibid. S. 203.

¹²⁴ Ibid. S. 73.

гой — террористической — стороны „третьей империи“». За этими общими фразами автор вольно или невольно скрывает тот установленный наукой факт, что фашизм отвечал интересам в первую очередь наиболее империалистических элементов финансового капитала. Дело усугубляется тем, что в книге можно встретить и прямую реабилитацию правящих кругов. По мнению автора, «консервативные руководители Германии» допустили «ошибку», они будто бы «не поняли фашизма и его эволюции». Общеизвестно, однако, что эти «руководители» сознательно выбрали из многочисленных буржуазных партий именно партию фашистов, которая открыто провозгласила свои цели и программу. Теоретическая слабость исследователя проявляется в неумении различить глубокие причины явления и его предпосылки, т. е. те обстоятельства, которые могли способствовать или препятствовать его развитию. «Решающим условием подъема нацизма,— утверждает Випперманн,— были не явления экономического и социального кризиса, предрасположенность средних слоев, материальная помощь индустрии, а ошибка нефашистских и антифашистских сил и партий в Германии»¹²⁵.

Нельзя упрекнуть автора в полном игнорировании экономических аспектов проблемы. Так, не без оснований он полагает «высшей целью нацистской экономической политики» захватническую войну для покрытия государственного долга, обусловленного гонкой вооружений. Но несколькими страницами позднее он пишет уже о том, что совершенно противоположно истине,— о «несомненном абсолютном приоритете концепции уничтожения евреев перед экономическими и военными интересами и целями индустрии и вермахта», о второй мировой войне как «войне мировоззрений, которая в первую очередь определялась идеологическими представлениями Гитлера и только во вторую — экономическим и политическим расчетом». В Польше будто бы «речь шла в большей степени об уничтожении евреев и польского руководящего слоя, чем об империалистической завоевательной войне». Конечные цели фашизма в отличие от целей Германии в 1914 г. автор верно считает глобальными, но выводит их также лишь из расовых догм¹²⁶.

Випперманн правильно отмечает, что «самыми решительными борцами против „третьей империи“ были члены запрещенных партий и организаций рабочего движения»; что опыт совместной борьбы коммунистов и социал-демократов имеет положительное значение, что в активной борьбе участвовали тысячи коммунистов, а руководство СДПГ и профсоюзов осуществляло «фатальный курс приспособления». В то же время «действительный успех рабочего движения» автор оценивает «как самый незначительный». Разделяя тезис об НКСГ как орудии политики СССР, автор стремится принизить роль «движения „Свободная Герма-

¹²⁵ Ibid. S. 52.

¹²⁶ Ibid. S. 69, 72.

ния“». По существу он оправдывает оппортунистическую позицию лидеров СДПГ: они будто бы раньше коммунистов «распознали опасность нелегальных организаций» и «трезво» решили держать курс на «сохранение кадров, необходимых для восстановления», после того, как внешние силы освободят страну от фашизма¹²⁷.

Причинами поражения рабочих партий автор считает в первую очередь «совершенную систему слежки и террора», а также их раскол: «группы рабочего сопротивления маршировали раздельно и раздельно уничтожались». Автор верно отмечает отсутствие единства среди оппозиционеров, отмечает реакционность взглядов единомышленников Гёрделера, но воздерживается от принципиальной оценки германской буржуазии в целом. По старой апологетической традиции автор считает покушение на Гитлера «несомненно высшим пунктом немецкого Сопротивления». Покушение, по его мнению, должно было «послужить сигналом ко всеобщему восстанию». Эта мысль вызывает недоумение: известно, что заговорщики планировали лишь верхушечный переворот, многие из них, наоборот, делали все, чтобы восстание не стало возможным. Автор явно стремится преувеличить «многочисленные проявления неорганизованного сопротивления». И это лишь на том основании, что оно «показало победителям и самим немцам, что нацизм не был таким монолитным, как внушала пропаганда»¹²⁸.

Выводы автора из истории Сопротивления нельзя не приветствовать: хотя немецким антифашистам не удалось самим свергнуть фашизм, победа над ним «ни в коей степени не может быть воспринята немцами как поражение и катастрофа»¹²⁹. К сожалению, эти выводы недостаточны. Автор мог бы извлечь многие важные политические уроки в интересах современного и будущих поколений, в частности, из истории СДПГ 1933—1945 гг. Напомним лишь об ответственности ее правых лидеров за раскол рабочего класса.

Если в социал-реформистском направлении прогрессивная тенденция в освещении борьбы антифашистов, как правило, сочетается с консервативной, то в трудах историков левосоциалистического направления¹³⁰ она преобладает. Левосоциалистические историки публикуют свои труды в издательстве «Паль Ругенштайн», в газетах и журналах левой ориентации, таких, как «Ди андере Цайтунг», «Блеттер фюр дойче унд интернационале Политик», «Материалиен цур политишен Бильдунг», а также в издательствах, непосредственно связанных с Институтом политических наук при Марбургском университете. Этот институт дли-

¹²⁷ Ibid. S. 73, 76.

¹²⁸ Ibid. S. 74, 78, 79.

¹²⁹ Ibid. S. 185; см. также: APZ. 1981. Н. 52—53; VdiP. 1985. Н. 1; Правда. 1985. 10—12 июля; Коммунист. 1985. № 15. С. 84; Лит. газ. 1986. 22 янв.

¹³⁰ Литература этого направления органически связана с левыми течениями в социал-демократии. Подробнее о них см.: Размежевание и сдвиги в социал-реформизме.

тельное время, вплоть до своей смерти, возглавлял профессор В. Абендрот. Убежденный антифашист¹³¹, он явился создателем признанной западногерманской и зарубежной научной общественностью левосоциалистической школы истории рабочего движения. Уже в конце 50-х годов представителями этой школы были изданы значительные труды. В них отражены уничтожение фашистами профсоюзов и создание так называемого «германского рабочего фронта», антифашистские и фашистские молодежные организации, позиция церкви в 1933—1945 гг.¹³²

Значителен вклад Абендрота в изучение истории фашизма и Соппротивления¹³³. Он одним из первых в ФРГ подверг хорошо аргументированной критике известный тезис Риттера о КППГ как «разведывательной организации», о ее «зависимости от Москвы»¹³⁴. Наиболее полно проблема получила отражение в его главном труде «Социальная история европейского рабочего движения» (только в 1965—1973 гг. он выдержал девять изданий). Здесь представлены суждения о немецкой буржуазной оппозиции. Ее руководители, показывает автор, вместе с отдельными лидерами социал-демократов стремились свергнуть Гитлера и закончить войну, сохранив при этом свои социальные позиции и некоторые империалистические захваты. Общий заговор не удался. При таких обстоятельствах отдельные люди, такие, как Штауффенберг, были не в состоянии что-либо сделать¹³⁵.

Борьба авангарда рабочего класса показана и в докладе Абендрота на упоминавшейся нами Гейдельбергской конференции. Можно разделить в принципе положительную оценку Абендротом действий многих социал-демократических групп Соппротивления и резкую критику руководства СДПГ, находившегося в эмиграции и оторванного от рядовых членов партии¹³⁶. По мнению Абендрота, «правление СДПГ сыграло ничтожную роль в борьбе многочисленных рядовых членов этой партии»¹³⁷. В статье «Профсоюзное движение и политика мира» он с полным основанием показал, что в начале 30-х годов германские профсоюзы «не противостояли Гитлеру; за политикой милитари-

---

¹³¹ В 1937 г. Абендрот был обвинен фашистским судом в «государственной измене» и приговорен к четырем годам тюрьмы. Статью, написанную Р. Кюлем по случаю смерти Абендрота, см.: BdiP. 1985. Н. 10.

¹³² См., например: Klönne A. Die deutsche Arbeiterbewegung. Düsseldorf, 1984; *Idem*. Jugend im Dritten Reich. Düsseldorf, 1982; Klönne A., Resse H. Die deutsche Gewerkschaftsbewegung. Hamburg, 1984; Klönne A. Katholiken zwischen Kreuz und Hakenkreuz. Zürich, 1985; Die betrogene Generation. Köln, 1985.

¹³³ См., например: Faschismus und Kapitalismus. Frankfurt a. M., 1976.

¹³⁴ Abendroth W. Sozialgeschichte der europäischen Arbeiterbewegung. Frankfurt a. M., 1973. S. 144.

¹³⁵ Ibid. S. 126—155.

¹³⁶ Abendroth W. Der Widerstand der deutschen Arbeiterbewegung // Deutscher Widerstand, 1933—1945. Heidelberg, 1967. См. также: GM. 1974. Н. 4.

¹³⁷ Abendroth W. Aufstieg und Krise der deutschen Sozialdemokratie. Köln, 1978. S. 69.

зации, которая давала рабочие места безработным, они не разглядели ужасов войны»¹³⁸. Отдельные аспекты темы получили отражение в общих работах Абендрота и его соавторов по истории немецкой социал-демократии¹³⁹. Абендротом написаны вступительные статьи ко многим монографическим исследованиям, подготовлены сборники по истории фашизма и антифашизма¹⁴⁰, он постоянно выступал на страницах журналов, газет, конференциях. Абендрот активно боролся против современных искажений истории второй мировой войны. Так, на международном коллоквиуме в Веймаре в мае 1975 г., полемизируя с консервативными историками, он утверждал, что 8 мая 1945 г. явилось днем освобождения для всех антифашистских и демократических сил¹⁴¹. Для политических взглядов автора весьма характерна его оценка роли мировой системы социализма: «Нынешний уровень жизни рабочего класса... не мог быть достигнут ни в одной из европейских стран без существования соперничающих с ними социалистических государств... Этим объясняется и широта демократических прав, которыми все еще пользуется рабочее движение во многих странах»¹⁴².

Для восстановления картины антифашистской борьбы левыми социалистами большое значение имеет исследование теоретических вопросов истории фашизма, осуществляемое в первую очередь профессором Марбургского университета, учеником Абендрота Р. Кюнлем. Он внес значительный вклад в научную разработку истории фашизма, в частности критику консервативных и социал-реформистских взглядов на происхождение и сущность фашизма¹⁴³. Так, в 1970 г. Кюнль опубликовал критический обзор буржуазной литературы о фашизме. Он отметил длительное господство в ней методов, «продиктованных скорее политическими, нежели теоретическими потребностями»; показал, что определяющими являлись суждения, «выводившие все проблемы нацизма из личности Гитлера», и различные модификации доктрины тоталитаризма. Кюнль справедливо считал, что развитие и структура фашизма должны рассматриваться в связи с социальными, экономическими и политическими конфликтами эпохи, что фа-

---

¹³⁸ 40 Jahre danach, 1985–1945. Frankfurt a. M., 1985. S. 63–64.

¹³⁹ См., например: *Abendroth W., Fühlbert G. Sozialdemokratie und Sozialismus*. Köln, 1974.

¹⁴⁰ См., например: *Arbeiterjugendbewegung in Frankfurt, 1904–1945*. Lanh-Gießen, 1978; *Materialien vom Antifaschistischen Kongreß*. Frankfurt a. M., 1980; *Hochschule und Wissenschaft im Dritten Reich*. Frankfurt a. M., 1984. S. 11–25; *Staatslehre in der Weimarer Republik*. Frankfurt a. M., 1985. S. 43–64; *BdiP*. 1984. Н. 5. S. 546–565; см. также: *BdiP*. 1985. Н. 5. S. 546–565.

¹⁴¹ Подробнее см.: *ZfG*. 1975. Н. 12. S. 1140; *BzG*. 1976. Н. 1. S. 138.

¹⁴² *Abendroth W. A short history of the European Working class*. L., 1972. P. 185; *Friedensbewegung und Arbeiterbewegung*. Marburg, 1982.

¹⁴³ Отдельные работы Кюнля историками ГДР оценены в целом положительно: *ZfG*. 1968. Н. 4. S. 521; 1976. Н. 1. S. 108; *BzG*. 1974. Н. 4. S. 596–597.

шизм представляет постоянную угрозу, пока не уничтожены его структурные предпосылки, что эти предпосылки надо искать в конкретных социально-экономических условиях, а не в личностях и не во взаимоотношениях, не в специфике общечеловеческих слабостей и не в особенностях немецкого характера.

Методологически тесно связан с этим подход исследователя к истории Сопротивления. Так, Кюнль высказал верную мысль о том, что о социальной сущности того или иного оппозиционного течения в «третьей империи» можно судить, получив ответ на вопрос, выступало оно против фашистской диктатуры или только против ее «крайностей, конкретных проявлений»¹⁴⁴.

В опубликованном Кюнлем сборнике «Германский фашизм в документах»¹⁴⁵ представлена попытка дать общую картину «фашизма, его предпосылок, основ и последствий, его сущности и форм проявления». Выбор документов и их расположение способствуют критике консервативных концепций фашизма и прежде всего антикоммунистической доктрины тоталитаризма. Сборник состоит из шести тематических разделов, каждому из них предпослано краткое изложение событий и документов. Разделы содержат материалы о социально-экономических и политических предпосылках развития фашизма, о подготовке агрессивных войн, эксплуатации поработенных народов, массовых преступлениях. Документы отражают цели, интенсивность и формы борьбы оппозиционных течений, специфику политики разных классов и социальных групп, участвовавших в Сопротивлении. Автор приходит к выводу, что «сопротивление рабочего класса оставалось вплоть до свержения фашистской системы в 1945 г. самым широким и последовательным, поскольку оно было направлено принципиально против ее основ и главных целей ее политики»¹⁴⁶. Концепция Кюнля содержит и некоторые неверные тезисы¹⁴⁷.

Так же как и его учитель Абендрот, он весьма активно участвует в политической борьбе левых сил¹⁴⁸. Отметим в качестве примера его книгу об отношении к фашизму Штрауса и тех социальных слоев, которые он представляет¹⁴⁹, а также многочисленные статьи в журналах и газетах. Значителен вклад Кюнля в научную критику консервативных концепций истории фашизма и Сопротивления. Так, отметив некоторые позитивные моменты в книге Й. Тиса, критик показал, что он «приспособливается к

---

¹⁴⁴ NpL. 1970. Н. 1. S. 13–43; см. также: Texte zur Faschismuskussion. Reinbek. 1983; BdiP. 1985. Н. 4. S. 410–420.

¹⁴⁵ Kühnl R. Der deutsche Faschismus in Quellen und Dokumenten. Frankfurt a. M., 1985.

¹⁴⁶ Ibid. S. 11, 399.

¹⁴⁷ Подробнее о концепции Р. Кюнля см.: Новая и новейшая история. Саратов. 1979. С. 63; Ежегодник германской истории. 1980. М., 1982. С. 216–217.

¹⁴⁸ См., например, изданное при участии Р. Кюнля исследование: Hauptsache Frieden. Frankfurt a. M., 1985.

¹⁴⁹ Kühnl R. Die von Strauß repräsentierten politischen Kräfte und ihr Verhältnis zum Faschismus. Köln, 1980.

возникшему еще во время процесса над военными преступниками в 1945 г. ... стремлению возложить решающую ответственность на Гитлера и тем самым хотя бы частично оправдать и даже представить в виде участников Сопrotивления его (Гитлера.— Л. М.) союзников из большой экономики, военных, высшей бюрократии», которые «в ходе реставрации после 1945 г. снова заняли ведущие посты» в Западной Германии¹⁵⁰.

В трудах левых социалистов представлены углубленные исследования ряда моментов истории Сопrotивления. Так, работа О. Илау «Красные борцы. К истории рабочего движения в Веймарской республике и „третьей империи“», изданная Абендротом в серии трудов Института политических наук, посвящена группе патриотов, действовавшей в Рейнско-Рурской области. Автор отмечает ошибочность оценки фашизма этой группой. Суть оценки сводилась, по мнению автора, к тому, что «фашизм в Германии будет развиваться медленнее, чем в Италии», из-за «более сложных классовых отношений и более высокого экономического потенциала Германии». Илау утверждает, что участники группы были категорическими противниками тактики единого фронта, считая ее «лозунгом бюрократических политических функционеров». Автор справедливо считает, что «Красные борцы» были «скорее дискуссионным клубом, чем заговорщиками». Он отмечает отрицательное отношение группы к эмигрантам из КППГ и СДПГ, открытую враждебность к немецким коммунистам вообще¹⁵¹.

Итак, в целом социал-демократическая литература ФРГ в изучаемый период значительно расширила свое влияние, внесла вклад в изучение в первую очередь борьбы немецких социал-демократов в отдельных районах страны, способствовала исследованию немецкой эмиграции 1933—1945 гг. Эта литература отражает известную противоречивость современной социал-демократии. В ней сочетаются последовательная критика фашизма с консервативными тенденциями. Первоочередное внимание уделяется участию в Сопrotивлении рабочих, в некоторой степени — коммунистов, подчас верно оценивается политическая позиция СДПГ в 1933—1945 гг. Однако многим авторам свойственны апологетические оценки деятельности правых лидеров СДПГ, игнорирование или преуменьшение реального вклада КППГ в разгром фашизма. В целом эти историки оказываются не в состоянии раскрыть органическую связь между идеей выжидания правого руководства СДПГ в период фашизма и оппортунизмом. Идеология соглашательства, подвергнутая критике еще В. И. Лениным, привела правых социал-демократов к фактическому отходу от антифашистской борьбы. Ряд историков открыто восхваляют ставку Правления СДПГ в военные годы на «сохранение сил»,

¹⁵⁰ NpL. 1983. Н. 1. S. 75, 189, 192.

¹⁵¹ Ilaue O. Die Roten Kämpfer. Meisenheim, 1969. S. 121. См. также: Der Regierungsbezirk Kassel 1934—1936 im Spiegel der amtlichen Berichterstattung. Darmstadt, 1984—1985.

не понимая, что подобная позиция была и в нравственном отношении несостоятельной. Правые социал-демократы по существу перекладывали задачу освобождения народа от фашизма на чужие плечи. Пассивность правых лидеров СДПГ принципиально отличала их не только от коммунистов, но и от левых буржуазных оппозиционных групп.

Литература левосоциалистической ориентации в ФРГ немногочисленна. Однако ее влияние нельзя недооценивать. Левосоциалистическая концепция фашизма и антифашизма внесла большой вклад в науку. Историки — левые социалисты резко критикуют отход от борьбы правых лидеров СДПГ в 1933—1945 гг., тезис о «бессмысленности» Сопротивления в Германии, показывают, что раскол рабочего движения в начале 30-х годов способствовал приходу к власти фашизма, а после 1945 г. — восстановлению в Западной Германии господства монополистического капитализма.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГЕРМАНИИ В 1933—1945 ГГ.

1. Социальные предпосылки и источниковая база западногерманской историографии повседневности

В тесной связи с изложенными тенденциями в исследовании фашизма и Сопротивления находится сформировавшаяся в последние десятилетия литература о повседневной жизни в Германии в 1933—1945 гг. В марксистской историографии эта литература еще не изучена. Отдельные замечания о ней мы встретили в информации О. В. Вишлэва о XXXV конференции западногерманских историков, состоявшейся в 1984 г.¹ А. С. Бланк, Г. Н. Болдырева, Г. Я. Рудой отмечают, что в этой литературе «можно найти представляющий некоторый познавательный интерес материал о повседневном быте рядовых немцев и молодежи в годы фашистского господства»². С. Л. Тихвинский, рассматривая характерные черты современного состояния исторической науки за рубежом, отмечает «возрастание интереса к роли социального фактора, обращение исследователей к жизни простых людей, истории узких групп, будничной жизни». При этом он выделяет и тенденции к индивидуализации объекта изучения, сосредоточению внимания на частностях, отказу от всестороннего исследования взаимоотношений классов, их производственных отношений³.

Весьма интересна также итоговая статья О. Грёлера об исследовании в ГДР истории второй мировой войны⁴. Литература о повседневности, считает ученый, пытается воссоздать «исторический вид снизу», обратилась к темам, «бывшим до сих пор запретными для буржуазной историографии». Она «предоставляет

¹ См.: Новая и новейшая история. 1985. № 3. С. 211—214. Подробнее о конференции см.: Bericht über die 35. Versammlung deutscher Historiker in Berlin. Stuttgart, 1985.

² Бланк А. С., Болдырева Г. Н., Рудой Г. Я. Новые попытки реабилитации германского фашизма в ФРГ // Новая и новейшая история. 1983. № 5. С. 70.

³ См.: Тихвинский С. Л. Советская историческая наука в преддверии XXVII съезда КПСС // Коммунист. 1986. № 1. С. 106—107; Севостьянов Г. Н., Чубарьян А. О. Проблемы новой и новейшей истории на XVI Международном конгрессе исторических наук в Штутгарте // Новая и новейшая история. 1986. № 2. С. 15.

⁴ ZfG. 1985. N. 4. S. 219—220.

шансы дифференцированного и реалистического изображения»; отказываясь от описания истории социальных элит, обращается к «социально-историческому анализу поведения широких масс». Грёлер придает этой литературе большое значение для исследования фашизма и войны⁵, при этом он подчеркивает, что «существенное отставание» историков ГДР в изучении этой темы тенденциозно используется буржуазными и социал-реформистскими авторами для нападок на марксистско-ленинскую науку⁶. Пока «не удалось создать комплексную историю классов и слоев, социальную историю немецкого народа 1917—1945 гг.», но, по мнению Грёлера, необходимо точнее раскрыть механизм осуществления правящими классами их господства, показать, как изменялась структура рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, условия жизни и политическое поведение рабочих в зависимости от массовых мобилизаций в вермахт, от применения принудительного труда миллионов иностранных рабочих и военнопленных, а также вследствие эвакуации. Необходимо исследовать такие проблемы, как жизнь рабочих и служащих на предприятиях, образ жизни таких групп населения, как молодежь, женщины, пенсионеры, представители национальных меньшинств; фашистская политика в области здравоохранения и образования, социального обеспечения, в частности обеспечения жильем; культура, наука и техника. Автор сообщает, что по состоянию на 1983 г. издано около 300 публикаций по истории Германии этого периода, и лишь в трех из них речь идет о положении различных слоев населения⁷.

В настоящей главе предпринята попытка раскрыть в общих чертах социальный и историографический характер литературы ФРГ о повседневной жизни в Германии в 1933—1945 гг., показать изменения трактовок фашизма и Сопrotивления, содержащиеся в этой литературе, ее возможности и недостатки. Публикование многочисленных трудов по этой теме положило начало новому периоду в развитии западногерманской буржуазной и социал-демократической литературы о фашизме и Сопrotивлении. В 70-х — начале 80-х годов в ФРГ вышли в свет специальные работы⁸, историографические статьи Г.-У. Велера,

---

⁵ ZfG. 1982. Н. 12. S. 1158; Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. 1983. Н. 6.

⁶ См. также: Новая и новейшая история. 1986. № 2. С. 15.

⁷ См.: ZfG. 1985. Н. 4. S. 319—320. В ГДР и ФРГ опубликован пятитомный труд Ю. Кучинского «История повседневной жизни германского народа»: *Kuczynski J. Geschichte des Alltags des deutschen Volkes*. В., 1980—1982, Bd. 1—5.

⁸ См., например: *Mosse G. Der nationalsozialistische Alltag*. Königstein, 1978; *Focke H., Reimer U. Alltag unterm Hakenkreuz*. Reinbek, 1979; *Idem. Alltag der Entrechteten*. Reinbek, 1980; *Alltag im Nationalsozialismus*. Wuppertal, 1981; *Kiersch G., Klems R., Kramer W., Reinhardt-Kirsch E. Berliner Alltag im Dritten Reich*. Düsseldorf, 1981; *Arbeiteralltag in Stadt und Land*. [West] Berlin, 1982; *Ruhl K.-J. Brauner Alltag 1933—1939 in Deutschland*. Düsseldorf, 1981; *Geschichte im Alltag — Alltag in der Geschichte*. Düsseldorf,

Ю. Кокки, Д. Пойкерта, К. Тенфельде, У. Фолькера⁹. Проблема нашла довольно широкий отклик на страницах газет¹⁰.

Описание повседневной жизни (Alltagsgeschichte) — это не просто методологический принцип (ср.: «социальная история»), обусловленный той или иной политико-мировоззренческой концепцией. Это область исторической науки с собственными задачами и предметом исследования, в которой в зависимости от того, кто ею занимается, могут использоваться самые различные методы — от догегелевского фактографизма до марксистско-ленинского историзма. В ФРГ эта литература не представляет собой единого целого, сплоченной группы авторов. К названной тематике обращаются в первую очередь многие социал-реформистские¹¹, а также демократические, либеральные, умеренно-консервативные историки¹². Некоторые из крайне консервативных историков прибегают к этой теме в целях, далеких от науки. Так, автор известных книг о Гитлере В. Мазер выпустил работу «Режим: Повседневность в Германии, 1933—1945». Она выдержана в духе персонификации истории. Описание же актуальной темы автор использовал в качестве иллюстрации своих старых крайне реакционных взглядов¹³. К этой публикации примыкает книга «Германия, 1945. Повседневность между войной и миром»¹⁴. Ее авторы в грубо искаженном виде представляют «германские будни» в последние месяцы войны и непосредственно после ее окончания. Их антисоветским вымыслом противостоит изданный историками ГДР сборник документов «1945: год окончательного поражения фашистского вермахта»¹⁵.

История повседневной жизни привлекла внимание широкого круга профессиональных историков и историков-любителей. Многие исследователи в ФРГ, среди них и приверженцы официозной науки, пишут о «термине „повседневность“ как самом употреб-

---

1982; Gruber F., Richter G. Alltag im Dritten Reich. Hamburg, 1982; Holms-ten G. Kriegsalltag 1939 bis 1945 in Deutschland. Düsseldorf, 1982. В ФРГ вышло также значительное число трудов, по своей тематике близких к литературе повседневности. См., например: Friemert C. Produktionsästhetik im Faschismus. München, 1982; Sachse C., Siegel T., Spode H., Spohn W. Angst, Belohnung, Zucht und Ordnung. Opladen, 1982.

⁹ См.: Die Zeit. 1981. N 39; 1983. N 42; 1985. N 45; Merkur. 1982. N. 10; Das Argument. 1983. N. 140; Afs. 1983; Geschichte und Gesellschaft, 1984. N. 4; GWU. 1985. N. 6; NpL. 1984. N. 1.

¹⁰ См., например: Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1984. 9. Okt.; Frankfurter Rundschau. 1984. 18. Okt.

¹¹ См., например: «Halts Maul — sonst kommst nach Dashau!». Köln, 1983.

¹² См., например: Bayern in der NS-Zeit. München, 1977—1983. Bd. 1—6.

¹³ Maser W. Das Regime. München, 1983; см. также: NpL. 1984. N. 1. S. 63. Весьма характерно, что книги Мазера получают отпечатательный отклик и в умеренно-консервативной литературе. По мнению А. Хильггрубера, в книге этого автора «Адольф Гитлер» (Düsseldorf, 1980) «есть все, что угодно, кроме обещанной новизны». См.: HZ. 1982. Bd. 234. N. 2. S. 485.

¹⁴ Deutschland, 1945: Alltag zwischen Krieg und Frieden. Dortmund, 1985.

¹⁵ 1945: Das Jahr der endgültigen Niederlage der faschistischen Wehrmacht. B., 1985.

ляемом в исторической литературе». Пресса сообщает о многочисленных «местных исторических инициативах», альтернативных «исторической гильдии»¹⁶. В этой связи мы не считаем преувеличением определение некоторыми западногерманскими журналами этого явления как «нового движения в историографии»¹⁷.

Оно не ограничивается лишь фашистским периодом истории самой Германии¹⁸, а простирается, в частности, на историю Германии XIX — начала XX в. и на историю ФРГ¹⁹, ГДР и других стран²⁰. Внутри самой историографии новая литература близка к региональной истории²¹. Находясь на стыке нескольких наук, она органически связана в первую очередь с политической экономией, политологией, социологией, этнографией, социальной психологией, языкознанием, юриспруденцией²².

Что изучает историография повседневности? Это положение и поведение лиц, составляющих прежде всего различные низшие классы и слои, социальная политика властей, скорее — отношение к ней населения²³, особенности городской и сельской жизни, труд и быт рабочих, ремесленников, крестьян, женщин²⁴, молодежи²⁵, детей²⁶, национальных меньшинств²⁷, культура²⁸, спорт, отдых людей, праздники²⁹, обряды (в том числе связанные с

---

¹⁶ См., например: NpL. 1984. Н. 1. S. 50.

¹⁷ Der Spiegel. 1983. N 23. S. 36; GWU. 1985. Н. 6. S. 403.

¹⁸ См., например: *Szarota T.* Warschau unter dem Hakenkreuz. Paderborn, 1985.

¹⁹ См., например: *Lebensgeschichten*. Opladen, 1980; *Kaschuba W., Lipp C.* Dörfliches Überleben. Tübingen, 1982; *Glatzer D., Glatzer R.* Berliner Leben, 1914–1918. [West] Berlin, 1983; *Stürmer M.* Das ruhelose Reich. [West] Berlin, 1983; *Pöbelexzesse und Volkstumulte in Berlin*. [West] Berlin, 1984.

²⁰ См., например: *Alltag im Sozialismus*. Köln, 1982; *Filmer W., Schwan H.* Alltag im anderen Deutschland. Düsseldorf, 1985; AfS. 1985. S. 137–159; *Trobe M., Streb I.* Alltag in Japan. Düsseldorf, 1985.

²¹ См., например: *Hochlarmarker Lesebuch*. Oberhausen, 1981; *Greiff W.* Das Boberhaus in Löwenberg/Schlesien, 1933–1937. Sigmarinen, 1985.

²² См., например: *Horkheimer P.* Wirtschaft, Recht und Staat im Nationalsozialismus. Frankfurt a. M., 1981.

²³ См., например: *Mason T.* Sozialpolitik im Dritten Reich. Opladen, 1977; *Sachse C., Siegel T., Spode H., Spohn W.* Op. cit.; GM. 1984. Н. 9.

²⁴ См., например: *Frauengeschichte*. München, 1981; *Frauen suchen ihre Geschichte*. München, 1983; *Geborsten und vergiftet ist das Land*. Köln, 1984; ср.: *Frauenformen*. В., 1981.

²⁵ См., например: *Guben B.* Hitlerjugend Hasenkohl. Troisdorf, 1982; *IWK*. 1984. Н. 1. S. 44–49; *Klawe W.* Was ich gemacht hätte — ich weiss es nicht! // *Materialien zur politischen Bildung*. 1985. N 3; *VfZ*. 1985. Н. 4. S. 640–668.

²⁶ См., например: *Grün M.* Wie war das eigentlich? Darmstadt, 1979; *Klaus M.* Mädchen im Dritten Reich. Köln, 1983.

²⁷ См., например: *Brenner M.* Am Beispiel Weiden. Würzburg, 1983.

²⁸ См., например: *Arbeiterkultur*. Meisenheim, 1979; *Arbeiterbewegung und kulturelle Identität*. Frankfurt a. M., 1983. Подробнее об изучении этой проблемы в ФРГ см.: *Ergebnisse*. 1984. Н. 26. S. 9–29.

²⁹ См., например: *Galinski D., Lachauer U.* Feierabend und Freizeit im Wandel. Braunschweig, 1981; NpL. 1985. Н. 3. S. 401–420.

рождением и смертью), жилище³⁰, одежда, питание³¹. По мнению социал-реформистского историка У. Фолькера, эта литература изучает «маленьких людей»; исследователи «проделали путь из душного воздуха канцелярий и салонов... от анализа государственных акций, глобальных стратегических структур и процессов — к мелким жизненным мирам, серым зонам повседневной жизни». Речь идет, заключает автор, об «истории снизу»³². Журнал «Шпигель» также подчеркивал, что воссоздание истории «с точки зрения и по возможности при участии тех, кто ее пережил», что при этом «реконструируется возможно точно и конкретно ограниченная сфера общины, сельской местности или городского района»; что авторы стремятся сопоставить свою прошлую жизнь с настоящей³³.

К основным центрам новой историографии необходимо отнести Институт имени Ф. Эберга, Институт современной истории, Центральный институт социальных исследований при Свободном университете (Западный Берлин), Гамбургский институт социальных исследований; издательства «Диц-Ферлаг» (Западный Берлин), «Паль-Ругенштайн», педагогическое издательство «Шванн»; ряд журналов³⁴.

Историография повседневности отличается специфической источниковой базой. Ее представители осуществляют сбор воспоминаний современников событий³⁵, преимущественно простых людей; среди них предпочтение отдается воспоминаниям людей различных профессий, поскольку они содержат профессиональную оценку тех или иных сфер прошлого. Приводятся опросы и бывших членов фашистских организаций, чтобы выяснить отношение населения к режиму. Широко распространено анкетирование и запись на магнитофонную пленку. Используются и традиционные источники, в частности полицейские и иные, в первую очередь местные, архивы. Привлекаются музейные материалы; коллекции вещественных источников, собранные самими исследователями; фотографии и личные документы граждан, предметы домашнего обихода и детские игрушки, надгробные надписи. Уделяется внимание прессе прошлых лет, объявлениям, плакатам и другой пе-

---

³⁰ См., например: Wohnen im Wandel. Wuppertal, 1979; GM. 1985. N. 9. S. 566–579.

³¹ Значение исследования многих этих проблем подтверждается и опытом советского обществознания. См., например: Бромлей Н. Я. Образ жизни в условиях совершенствования социализма. М., 1986.

³² GWU. 1985. N. 6. S. 403; IWK. 1985. N 21. S. 36–44.

³³ Der Spiegel, 1983. N 23. S. 36–37.

³⁴ См.: Das Argument, Archiv für Sozialgeschichte, Geschichtsdidaktik, Geschichte in Wissenschaft und Unterricht, Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, Internationale wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung (Западный Берлин), Neue politische Literatur, Gewerkschaftliche Monatshefte, Die Zeit.

³⁵ См., например: Halts Maul — sonst kommst nach Dachau! См. также: GWU. 1984. N. 6; Erinnerungsarbeit. Opladen, 1982.

чатной продукции; письмам с фронта и на фронт³⁶. Среди историков историографии повседневной жизни большое место занимают интервью с очевидцами событий прошлого. Так, в 1981—1983 гг. в западноберлинском издательстве СДПГ вышла серия книг с социальными репортажами Ф. Г. Кюрбиша. Эти книги имеют весьма выразительные названия: «Рабочий человек умирает, погибает, когда же он восстанет?», «Эта страна спит беспокойным сном»; «Увольнение в никуда» (о безработице 1918—1983 гг.)³⁷.

Историография повседневности возникла одновременно с усилением внимания многих историков к региональной истории³⁸ и связана в первую очередь с деятельностью молодых ученых. Разумеется, отдельные элементы историографии повседневности были и в 50-е годы. Так, труды историков демократического направления в значительной степени основаны на местных архивах, прессе и воспоминаниях участников Сопротивления, действовавших в отдельных землях и городах. С полным основанием можно поэтому сказать, что новая литература продолжает традиции историографии демократического направления и развивается в наши дни в тесной связи с ней.

Весьма характерные для литературы о повседневности методы опроса современников исторических событий применялись в ФРГ и ранее. Известны, например, проведенные Г.-А. Якобсеном опросы лиц, причастных к фашистской дипломатии. Книги о «преступлениях» против Германии в 1939—1945 гг., выпущенные крайними консерваторами, возникали в итоге опроса немецких участников войны и так называемых «изгнанных», т. е. лиц, покинувших места проживания в связи с приближением армий антифашистской коалиции к границам Германии в 1944—1945 гг. Однако эти работы лишь по форме напоминают историографию повседневности, отличающуюся в первую очередь отказом от описания «героев» и исключительным вниманием к «обыкновенным людям»³⁹. Создателей новой литературы интересуют заводы и мастерские, питейные заведения и дома казарменного типа, на-

---

³⁶ См., например: *Brückner P.* Das Abseits als sicherer Ort. [West] Berlin, 1980; *Wenke B.* Interviews mit Überlebenden. Stuttgart, 1980; *Steinbach L.* Ein Volk, ein Reich, ein Glaube? [West] Berlin, 1983. Ср. с книгой «Другое лицо войны: Письма германской полевой почты 1939—1945 гг.», составленной и интерпретированной с консервативных позиций (Das andere Gesicht des Krieges. Deutsche Feldpostbriefe, 1939—1945. München, 1983).

³⁷ *Kürbisch F. G.* Der Arbeitsmann, er stirbt, verdirbt, wann steht er auf? [West] Berlin, 1981; *Idem.* Dieses Land schläft einen unruhigen Schlaf. [West] Berlin, 1981; *Idem.* Erkundungen in einem unbekanntem Land. [West] Berlin, 1982; *Idem.* Entlassen ins Nichts. [West] Berlin, 1983; см. также: *Steinbach P.* Sozialreportagen aus dem deutschen Alltag // Die neue Gesellschaft. 1982. Н. 6.

³⁸ По мнению одного из представителей историографии повседневности — Х. Мерингера, новая литература возникла во второй половине 70-х годов. См.: *GWU.* 1985. Н. 1. S. 39.

³⁹ 20. Juli 1944. Bonn, 1984. S. 380.

селенные беднотой части города и улицы, провинция и деревня⁴⁰.

Определенное влияние на развитие западногерманской историографии повседневности оказала зарубежная историческая наука. По некоторым данным, «примером для социал-демократов и профсоюзов», создавших новую литературу, послужили английские «исторические мастерские» и «сотни краеведческих кружков в Швеции, получившие название „копай, где стоишь“»⁴¹. В этой связи большого внимания заслуживают наблюдения В. А. Тишкова, проследившего тенденции развития к отказу от изучения исключительно элиты в историографии США; это и небывалый рост числа любителей-историков (в 1945—1980 гг. количество обществ профессиональных и непрофессиональных историков в США выросло с 833 до 4500), и усиление интереса к «устной истории»⁴². Вышли труды и непосредственно посвященные повседневности Германии⁴³. Некоторые параллели можно провести также между этой литературой и французской школой «Анналов»⁴⁴, а также получившими широкое развитие в ряде стран школами «социальной истории»⁴⁵.

Некоторые параллели можно провести между литературой ФРГ о повседневности и участием многих тысяч советских людей в создании подлинной летописи Великой Отечественной войны, полной и всесторонней картины преступлений Сталина и его окружения против нашего народа. И там и здесь прослеживается народная инициатива. В обоих случаях эта инициатива имеет ярко выраженный антимилитаристский характер, хотя они, естественно, имеют весьма существенные различия.

Главные причины возникновения этого феномена в историографии ФРГ необходимо искать в социально-политических условиях самой этой страны, а также в тенденциях развития ее исторической науки, в частности активизации «социальной истории» и региональной истории. Учитывая, что историческая наука часто бывает своеобразным сейсмографом общественной жизни, отметим прежде всего, что возникновение литературы о повседневности было тесно связано с подъемом студенческих движений 60-х годов. Интересно, что одним из требований «новых ле-

⁴⁰ GWU. 1985. Н. 6. S. 403.

⁴¹ *Der Spiegel*. 1983. N 23. S. 40.

⁴² См.: *Тишков В. А.* История и историки в США. М., 1985. С. 6, 144, 154, 334; см. также: *Вопросы истории*. 1985. № 10. С. 163; *ZfG*. 1984. Н. 7. S. 600, 601; 1981. Н. 2. S. 164; *AfS*. 1978. S. 457—501; *NpL*. 1984. Н. 1. S. 67.

⁴³ См.: например: *Mann R.* *Everyday life in Nat: Socialist Germany*. Columbus, 1978; *Government, Party and People in Nazi Germany*. Exeter, 1980; *Kershaw J.* *Popular opinion and political dissent in the Third Reich*. Oxford, 1984; *McKee A.* *Dresden: The Devil's Tenderbox*, 1945. L., 1982.

⁴⁴ Подробнее см.: *Афанасьев Ю. Н.* *Историзм против эклектики*. М., 1980; *Он же.* *Эволюция теоретических основ школы «Анналов» // Вопросы истории*. 1981. № 9.

⁴⁵ Подробнее см.: *Пагурушев А. И.* *Неолиберальная историография ФРГ*. М., 1981; *Гутнова Е. В.* *Современные концепции западной историографии // Обществ. науки*. 1989. № 3.

вых» было изучить поведение старших поколений в фашистский период. Появление этой историографии нельзя рассматривать и вне связи с движениями гражданских инициатив, а также «зеленых». Напомним их стремление защитить окружающую среду от уничтожения и национальную историю — от забвения⁴⁶. Отметим также неудовлетворенность многих граждан ФРГ консервативной трактовкой истории родины, попытки выработать новое понятие «родина», которое, как полагает Фолькер, должно «противостоять отчужденным, все более угрожающим жизни условиям современного индустриального общества»⁴⁷. Отсюда непосредственно вытекает особый интерес к «микростории» — истории региона и повседневности⁴⁸. Становление такой историографии в значительной степени обусловлено крахом надежд трудящихся на обещанные властями быстрые и радикальные социальные реформы. Оно связано с усилением в ФРГ поисков «нового стиля» поведения, новых форм семейных и межличностных отношений. «„Альтернативный“ стиль жизни основан на принципе „добровольной простоты“: меньше стрессов и работы, меньше денег и потребления, это означает поворот от мира вещей к человеку, его быту, намерение ограничить свою зависимость от „мегамашины“ государства и концернов»⁴⁹.

Необходимо учитывать внимание общественности страны к истории фашизма и борьбы против него, которое постоянно усиливается. По главной своей тенденции гуманистическая литература о повседневной жизни органически связана с борьбой за мир и демократию.

Возникновение историографии повседневности явилось протестом против реакционных тенденций в буржуазной историографии ФРГ, против персонафикации истории фашизма и Сопроотивления, против трактовки этих явлений в духе доктрины тоталитаризма, против застоя в изучении фашистского периода истории Германии, в частности неспособности носителей старой методологии выяснить отношение населения к режиму. Образовалась пропасть между воспоминаниями свидетелей фашистской диктатуры и односторонними объяснениями официозных истори-

⁴⁶ См., например: *Bürklin W. P. Grüne Politik.* [West] Berlin, 1984; *Die Grünen.* Mainz, 1984; *Hallenleben A. Von der Grünen Liste zur Grünen Partei?* Göttingen, 1984; *Langguth G. Der Grüne Faktor.* Osnabrück, 1984; *Müller E. P. Die Grünen und das Parteiensystem.* Köln, 1984; ср.: «Зеленые»: идеология и политика. М., 1985; *Дамье В. В. Экологические теории «зеленых» в ФРГ // Ежегодник германской истории.* 1984. М., 1986. С. 144–158; *Современный мир глазами «зеленых».* М., 1987; *Гинцберг Л. И. Массовые демократические движения в ФРГ и партия «зеленых».* М., 1988.

⁴⁷ GWU. 1985. Н. 6. S. 405. См. также: *Das Argument.* 1982. Н. 131. S. 55–67; *Heimat heute.* Stuttgart, 1984. S. 11–27; *Федоров В. П.* ФРГ: 80-е годы. М., 1986.

⁴⁸ GWU. 1985. Н. 6. S. 405; см. также: *Lebensorte als Lernorte.* Frankfurt a. M., 1983; *Kaschuba W., Lipp C.* Op. cit.; *Warnke H.* «...nicht nur die schöne Marien» Hamburg, 1984; *Pöbelexzesse und Volkstumulte in Berlin.*

⁴⁹ Подробнее см.: *Худавердян В. Ц.* Современные альтернативные движения. М., 1986. С. 31–32, 66 и др.

ков. По мнению ряда ученых, возникновение новой литературы было ответом на «голод познания», появившийся в 70-е годы⁵⁰.

Эта литература выросла из буржуазно-демократической и социал-демократической историографии фашизма и Сопротивления. Сыграло роль уже упоминавшееся стремление руководства СДПГ создать собственную историографию истории в первую очередь германского рабочего движения. При этом необходимо учитывать обстоятельство, отмеченное некоторыми журналами ФРГ: «Альтернативный историографический бум охватил многие местные организации СДПГ... Они принялись пересматривать свою историю, не забывая о соблюдении традиций общепартийной историографии»⁵¹. При наличии в партии различных течений такое замечание представляется не лишенным оснований. Рождение литературы о повседневности подготовили также прогрессивные тенденции либеральной историографии. Новые труды Ф. Фишера и его последователей, а также труды либеральных историков, группировавшихся вокруг журнала «Гешихте унд Гезельшафт», неполно проанализированы в марксистской исторической науке. Это позволяет пока проследить лишь в самых общих чертах связь между названными школами и новой литературой. В конечном счете на эту литературу оказывает влияние материалистическая методология исторического познания с ее преимущественным вниманием к социально-экономической проблематике, вопросу о роли народных масс в истории; марксистско-ленинская историография истории Германии фашистского периода.

2. Фашизм и Сопротивление в литературе о повседневной жизни Германии

Видное место в литературе о повседневности занимают труды Д. Пойкерта. Непосредственно этой теме посвящены несколько книг, написанных им самим или под его редакцией⁵². Перу автора принадлежит, в частности, статья «Описание повседневной жизни рабочих — мода или метод?»⁵³. Некоторые наблюдения, сделанные Пойкертом на основе изучения повседневной жизни Германии в 1933—1945 г., заслуживают внимания. Автор отмечает «атомизацию» этой жизни при фашизме, говорит о «роспус-

---

⁵⁰ См., например: *Rutschky M. Erfahrungshunger*. Köln, 1980. О причинах и предпосылках возникновения историографии повседневности см. также: *Kursbuch*. 1975. N 41; 1977. N 49. S. 174—187; 1980. N 60. S. 119—130; *Erzählen im Alltag*. Frankfurt a. M., 1980. S. 15; *AfS*. 1983. S. 668—705; *NpL*. 1984. N. 1. S. 60; *GWU*. 1985. N. 6. S. 404—405.

⁵¹ *GWU*. 1985. N. 6. S. 403—404; *Die neue Gesellschaft*. 1983. N. 10. S. 900—906; *Мерцалова Л. А.* Германский фашизм в новейшей историографии ФРГ. Воронеж, 1990. С. 99—131.

⁵² *Peukert D. Alltag unterm Nationalsozialismus*. [West] Berlin, 1981; *Idem. Volksgenossen und Gemeinschaftsfremde*. Köln, 1982; *Alltag im Nationalsozialismus Wuppertal*, 1981; *Die Reihen fast geschlossen*. Wuppertal, 1981.

⁵³ См.: *Arbeiteralltag in Stadt und Land*.

ке традиционной социокультурной среды, разрушении социальных связей и уходе в сферу личного»⁵⁴. Боясь объединения своих противников, фашизм насаждал «подозрительность, недоверие, доносы» вопреки его основному лозунгу о «народной общности», который Пойкерт называет «реакционной утопией»⁵⁵. В действительности попытка фашистов устранить классовые противоречия при сохранении господства монополистической буржуазии была в самой своей основе порочной. Автор верно полагает, что новая литература показала, насколько далеки широко разрекламированные претензии фашистов от действительной жизни в стране.

В трудах Пойкерта осуждено превращение истории Сопrotивления в «описание жизни святых» и обосновано требование разработать «новую концепцию Сопrotивления» с учетом того обстоятельства, что «в рабочем классе Германии, в первую очередь среди рабочих коммунистической ориентации, всегда сохранялось недовольство режимом, в повседневной жизни рабочих постоянно проявлялась оппозиционность в разных ее формах». Автор также отвергает тезис о поддержке НСДАП всеми рабочими⁵⁶. Не без некоторых оснований Пойкерт считает, что конфликты повседневной жизни не только разделяли «два полюса „третьей империи“» — «нацистское господство и общество». Они «пересекали и господствующий блок, и угнетенные общественные слои»⁵⁷. Однако, объясняя относительную слабость Сопrotивления в Германии, автор, по существу, игнорирует причины его раздробленности.

Не без оснований полагает Ю. Кюкка, что «вершиной устной истории» в ФРГ является книга Л. Нитхаммера о повседневной жизни в Руре⁵⁸. Л. Нитхаммер и группа исследователей взяли интервью у жителей городов этой области, в основном рабочих, служащих, домохозяек. Книга содержит и обобщающие статьи. Авторы пытались выявить традиции «третьей империи» в послевоенной Западной Германии. Характерно, что большинство опрошенных вспоминают 30-е годы как время с постоянной работой и упорядоченными семейными отношениями, большей социальной стабильностью по сравнению с периодом кризиса 1929—1933 гг. Многие отмечают также, что в то время существовали «индивидуальная ориентация на производство, а в свободное время — на частную семейную жизнь», а также «распатывались традиционные связи немцев с церковью и социальной средой»⁵⁹.

⁵⁴ Цит. по: NpL. 1984. Н. 1. S. 66.

⁵⁵ См. также: *Stuchlich G. Goethe im Braunhemd*. Frankfurt a. M., 1984. S. 222.

⁵⁶ Цит. по: *Widerstand und Exil der deutschen Arbeiterbewegung, 1933—1945*. Bonn, 1982. S. 23, 27, 223, 228; AfS. 1984. S. 660.

⁵⁷ AfS. 1984. S. 665—666.

⁵⁸ *Die Jahre weiss man nicht, wo man die heute einsetzen soll*. Bonn, 1983; см. также: «Wir kriegen jetzt andere Zeiten». Bonn, 1985.

⁵⁹ *Die Zeit*, 1983. N 42. S. 30.

Под редакцией Нитхаммера издано и несколько других исследований⁶⁰.

Среди специальных трудов выделяется опубликованный в 1977—1983 гг. шеститомник «Бавария в нацистское время». Книга создана авторским коллективом (Х. Мерингер, А. Гроссманн, Э. Фрёлх и др.) под руководством М. Брошата по исследовательскому проекту мюнхенского Института современной истории. Наибольший интерес представляет написанный Брошатом теоретический раздел «Неподчинение и Сопrotивление». В нем изложены цели, методологические причины исследования. Задачей проекта, по Брошату, является «дополнить и углубить представления о повседневном опыте в Баварии» в 1933—1945 гг., «более широко показать тему Сопrotивления, включить ее в противоречивую историю нацистского времени»⁶¹.

Первый том посвящен социальному положению и политическому поведению населения в свете секретных документов. Второй, третий, четвертый — «конфликт между властью и обществом». В пятом и шестом томах рассказывается о борьбе против фашизма КПП и других политических партий, об оппозиции различных мелких групп и отдельных лиц, о преследованиях со стороны властей. Исследуются также важные вопросы промышленности, сельского хозяйства, производства вооружения, социальной политики, использования рабочей силы, система фашистского воспитания, дискриминация национальных меньшинств и так называемых «асоциальных элементов». Шеститомник основан на широкой источниковой базе. Здесь использованы материалы полицейских архивов, например документы гестапо Вюрцбурга, архивов других городов Баварии. Привлечены материалы о положении и настроениях средних и низших государственных и партийных чиновников, результаты опросов участников и свидетелей событий. Шеститомник вызвал в ФРГ и за ее пределами весьма широкие отклики — по существу, дискуссию по вопросам политического поведения и, в частности, Сопrotивления в Германии в 1933—1945 гг.⁶²

Весь труд, написанный с позиций умеренно-консервативных, а подчас и либеральных, направлен против крайне консервативной концепции фашизма и антифашизма, во многом заимствованной из официальной пропаганды военных лет. Как известно, согласно этой концепции, существовало мощное фашистское государство, поддерживаемое подавляющим большинством населения,

⁶⁰ См.: *Lebenserfahrung und kollektives Gedächtnis*. Frankfurt a. M., 1980; Hinterher merkt man, dass es richtig war, dass es schiefgegangen ist. [West] Berlin, 1983; *Die Menschen machen ihre Geschichte nicht aus freien Stücken, aber sie machen sie selbst*. [West] Berlin, 1985.

⁶¹ Bayern in der NS-Zeit. München, 1982. Bd. 4. S. 692, 695.

⁶² Рецензии на издание, а также историографические публикации, содержащие его оценки, см., например: *ZfG*. 1979. Н. 3. S. 262—263; 1980. Н. 6. S. 574—575; *Geschichte, Ideologie, Politik*. B., 1983. S. 150—161; *AfS*. 1983. S. 693—697; 1984. S. 661—666; *NpL*. 1984. Н. 1. S. 63; 20. Juli 1944. Düsseldorf, 1984. S. 380—381; *APZ*. 1984. Н. 26. S. 24.

и сопротивление немногих героев, разделяющих консервативные взгляды. Борьбу КПГ и других антифашистов или обходили молчанием, или оценивали как действия «изменников». Брошат критикует эту упрощенную схему. Он отвергает «ложную картину третьей империи как монолитной системы тотальной власти» и картину Сопротивления как «великого мученичества». Эта версия, наиболее ярко выраженная в «примитивной школьной литературе о нацистском периоде», по мнению автора, «способствует наивной педантичности морализующего рассмотрения истории... но не извлечению исторического опыта»⁶³.

Авторы расширяют представление о политическом поведении в Германии. Они обнаруживают некоторые промежуточные позиции между фашизмом, коллаборационизмом, с одной стороны, и Сопротивлением — с другой. Авторы вводят термин «Resistance»⁶⁴, близкий русскому слову «неподчинение», в целом соответствующий принятому в марксистской и частично в немарксистской историографии понятию «пассивное сопротивление». К нему отнесена «действенная оборона, ограничение сферы нацистского господства независимо от того, по каким мотивам и какими силами» эти действия осуществляются⁶⁵. Брошат верно полагает, что помимо борьбы, основанной на идеологических разногласиях с фашизмом (КПГ, СДПГ и др.), существовала оппозиция как простая реакция на пережитые унижения и преследования. «Полицейские донесения свидетельствовали о глубоком недовольстве среди населения вмешательством нацистов в личную жизнь и старые привычки»⁶⁶. При этом авторы шеститомника справедливо видят опасность «обесценения понятия Сопротивления» и не хотят «открыть дверь обманчивому преувеличению его количественного и качественного значения», они пытаются лишь «показать более широкую шкалу форм проявления борьбы — от временного или постоянного оппозиционного нонконформизма до подпольной работы»⁶⁷.

⁶³ Bayern in der NS-Zeit. Bd. 4. S. 692; см. также: Materialien zur politischen Bildung. 1985. Н. 3. S. 76. В 1977 г. А. Кун писал: «Утверждение о монолитной и волей «фюрера» направляемой системе принадлежит к числу вымыслов, созданных самими нацистами» (Hitler, Deutschland und die Mächte. Düsseldorf, 1977. S. 640). В результате анализа поведения представителей верхнего эшелона власти в Германии был поставлен под сомнение тезис К. Д. Брахера о «едином, контролируемом НСДАП и в высшей степени монокралическом государстве» (см., например: Bollmus A. Das Amt Rosenberg und seine Gegner. Stuttgart, 1980).

⁶⁴ Это может ввести читателя в заблуждение, поскольку французское «resistance» означает сопротивление вообще, не только в его пассивных формах.

⁶⁵ Bayern in der NS-Zeit. Bd. 4. S. 697.

⁶⁶ Bayern in der NS-Zeit. München, 1983. Bd. 5. S. XVI; GWU. 1985. Н. 1. S. 39; Broszat M., Fröhlich E. Alltag und Widerstand — Bayern im Nationalsozialismus. München. 1987.

⁶⁷ Bayern in der NS-Zeit. Bd. 4. S. 695. Сам по себе дифференцированный подход к населению фашистской Германии не нов. В апреле 1945 г. в директиве Верховного главнокомандующего Красной Армии предписывалось, в частности, отнюдь не относиться ко всем немцам и даже ко всем членам

В принципе такая попытка должна быть одобрена. Действительно, о Сопротивлении в Германии нельзя судить «лишь по степени активной и принципиальной борьбы и по числу жертв»⁶⁸. Идя в этом направлении, авторы сделали некоторые интересные наблюдения: забастовки на предприятиях, критика фашистских мероприятий с церковной кафедры, неучастие в фашистских собраниях, запрещенные общения с евреями, военнопленными, высказывания пацифистских взглядов.

Однако Брошату и его коллегам не удалось выработать четкого понятия «неподчинение», которое подчас выступает в весьма размытом виде. Они включают в такое понятие некое «внутреннее неприятие фашизма». Последнее — это понимают и отдельные немарксистские историки — не может быть отнесено даже к пассивному сопротивлению⁶⁹. Пойкерт в рецензии на шеститомник ошибочно объясняет это «радостью открытия»⁷⁰. Вопреки собственным предостережениям в целом авторы преувеличивают эффективность пассивного сопротивления и преуменьшают роль сопротивления активного. Констатируя «историческое поражение» последнего, авторы считают, что оно «почти повсюду оказалось безрезультатным»⁷¹. Не сделано исключение и для заговорщиков 20 июля с их «во многом проблематичными представлениями о будущем»⁷². Впадая в противоположную крайность, авторы уделяют преимущественное внимание «исследованию исключительно субъективных мотивов поведения», изучению действий, носивших «неполитический характер»⁷³.

Представляет интерес оценка позиции различных классов и партий Германии. Отмечая «слабость немецкого Сопротивления и успехи нацистского режима», Брошат объясняет это «сильным социальным конформизмом немецкого буржуазного общества, усиленным историческими традициями и страхом перед социальными потрясениями». По существу автор более или менее четко возлагает ответственность за установление диктатуры фашизма на германскую буржуазию⁷⁴.

В то же время Брошат отмечает, что фашизм «с самого начала ни в одном другом политико-мировоззренческом лагере не столкнулся с таким упорным и активным сопротивлением, как в рядах социалистически и особенно коммунистически настроенных рабочих»⁷⁵. Он верно видит различие между борьбой рабочих

НСДАП как к преступникам. См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. М., 1965. Т. 5. С. 277.

⁶⁸ Bayern in der NS-Zeit. Bd. 5 S. XIV.

⁶⁹ AfS. 1984. S. 665.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Bayern in der NS-Zeit. Bd. 4. S. 698.

⁷² Ibid. S. 692. ⁷³ Ibid. S. 498.

⁷⁴ Ibid. Bd. 5. S. XVI.

⁷⁵ Ibid. Bd. 4. S. 703. В шеститомнике, и это подчеркивает в своей рецензии Пойкерт, более или менее полно раскрыты особенности исторических условий коммунистического и рабочего движения в Баварии. Во-первых, это процесс индустриализации, который проходил в данной части Герма-

и буржуазных оппозиционеров — первые поставили своей целью свержение фашизма «до поворота в ходе войны не в пользу Германии», а их действия отличались «мужеством и стойкостью»⁷⁶. Автор отмечает «осторожно-оборонительную тактику» руководителей СДПГ⁷⁷. В другом месте он верно противопоставляет «самоотверженную, зачастую удачную.. несмотря на жесточайший террор не прекращавшуюся длительное время подпольную деятельность коммунистов... пассивному, выжидательному поведению социал-демократов». Последним была присуща «скорее удивительная способность выстоять в море буржуазного приспособления, чем полная риска нелегальная деятельность»⁷⁸. По мнению Брошата, «наибольшим потенциалом» германские рабочие обладали не только в активном, но и в пассивном сопротивлении⁷⁹. В шеститомнике на материалах повседневной жизни подтвержден известный науке вывод о преемственности рабочего движения до и во время фашистской диктатуры.

Заслуживают внимания наблюдения авторов о политическом поведении германского крестьянства⁸⁰. Они не согласуются с традиционным суждением о крестьянстве как послушной фашистским властям «серой массе». «Интенсивное изучение аграрных отношений и форм поведения в деревне» позволили Брошату и его соавторам осветить те стороны проблемы, которыми историография раньше не занималась⁸¹. Так, они не без оснований отмечают неповиновение определенной части крестьян «планированию и управлению со стороны имперских крестьянских организаций»⁸²; сравнительно меньшее влияние фашистской пропаганды на сельское население вследствие «ничтожного участия крестьян в общественно-политической жизни», «их удивительного традиционного иммунитета к мировоззренческой фразеологии». В деревне в большей мере, чем в городе, власти вынуждены были «приспособляться к социальным структурам и привычкам, передаваемым по наследству от поколения к поколению». Все сказанное авторы связывают также со сравнительно большим влиянием церкви в баварской деревне⁸³. Автор «Истории Баварии» А. Краус подтверждает это мнение о позиции баварского крестьянства⁸⁴.

нии с большим опозданием; во-вторых, опыт Советской Республики и белый террор в Баварии 1919 г. (Bayern in der NS-Zeit. Bd. 5. S. 12 ff; AFS. 1984. S. 664).

⁷⁶ Bayern in der NS-Zeit. Bd. 4. S. 707.

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ Ibid. Bd. 5. S. XV.

⁷⁹ Ibid. S. XVI.

⁸⁰ О крестьянстве Германии см.: *Аникеев А. А.* Германский фашизм и крестьянство (1933–1945 гг.). Ростов н/Д, 1979; *Hoernle E.* Deutsche Bauern unterm Hakenkreuz. В., 1983.

⁸¹ Bayern in der NS-Zeit. Bd. 5. S. 701.

⁸² Ibid. Bd. 4. S. 697.

⁸³ Ibid. S. 702, 703.

⁸⁴ *Kraus A.* Geschichte Bayerns. München, 1983. S. 741.

Обнаруживаются определенные расхождения во взглядах отдельных авторов шеститомника. Не все суждения Брошата о КПГ можно разделить⁸⁵. Тем не менее его позиция представляется более объективной, чем позиция Мерингера. Последний заявляет, что будто бы после «разгрома в первые годы фашистской империи... для коммунистического сопротивления оставался лишь путь горькой покорности судьбе»⁸⁶. Применительно к Баварии это неверно, тем более ко всей Германии⁸⁷. Мерингер по существу воспекает «сознательное выживание» социал-демократов. Именно те из них, сообщает автор, которые в 1933 г. отошли от политической деятельности, в момент восстановления партии после 1945 г. явились «инициаторами и функционерами первых ее организаций». По утверждению Мерингера, «кажущаяся аполитичной стратегия выживания» имела будто бы «большее историческое значение, чем нелегальные группы и измеряемая центнерами и тоннами масса литературы, которую они распространяли»⁸⁸.

В книге Ф. Грубе и Г. Рихтера разработана периодизация повседневной жизни в Германии. Они выделяют в ее истории пять фаз. С января до июля 1933 г.— фаза унификации всех политических партий. Вторая фаза — до начала мировой войны — «годы жирных коров». Фашистское государство воспринималось в то время «как в высшей степени стабильное». Это достигалось, верно отмечают авторы, путем всесторонней милитаризации. Таким же путем была преодолена безработица, уже с конца 1938 г. испытывался недостаток рабочей силы. «Признание фашистов» было обеспечено главным образом успехами экономики. Третья фаза — до нападения на СССР и начавшихся в 1942 г. бомбардировок западных областей Германии — характеризуется существенным изменением в повседневной жизни. Особо подчеркивают авторы влияние на немцев провала доктрины скоротечных войн вследствие поражений на Восточном фронте. В этой же связи констатируют они и переход к широкому применению труда военнопленных. С начала 1943 г.— «фаза тотальной войны». Четвертая часть населения страны пострадала от бомбардировок, «война добралась и до детей» (имеется в виду призыв в армию подростков). «Возникли длинные очереди за товарами первой необходимости, рабочий день на военных предприятиях удлинился до 12 часов, стал широко применяться женский труд», — сообщают авторы. Пятая фаза начинается с октября 1944 г., с оккупации Восточной Пруссии⁸⁹. Грубе и Рихтер не свободны от влияния антикоммунизма. Так, вступление

---

⁸⁵ Bayern in der NS-Zeit. Bd. 4. S. 706.

⁸⁶ Ibid. S. 281.

⁸⁷ Подробнее см.: Кюнрих Х. КПГ в борьбе против фашистской диктатуры 1933–1945 гг. М., 1986. С. 229–240.

⁸⁸ Ibid. S. 431. См. также: APZ. 1981. Н. 7. S. 21–31.

⁸⁹ Grube F., Richter G. Alltag im Dritten Reich. Hamburg, 1982. S. 6–8.

Красной Армии на территорию Германии они истолковывают в крайне консервативных традициях.

Историография повседневности значительно изменила преобладавшую в ФРГ концепцию истории фашизма. Новые документы и материалы позволили дать более полную картину реакции населения на социальную политику фашистов. Изучение повседневной жизни показало, что «нацистская государственная система не была единой, какой ее считали долгое время»⁹⁰, что «нацистское общество было чревато конфликтами в большей степени, чем это пыталась представить пропаганда»⁹¹. Многие историки по существу констатируют «сильный удар, нанесенный новой историографией по доктрине тоталитаризма»: «нацистское общество не было тоталитарно унифицировано»⁹². По мнению Кокки, «результаты новых исследований не воодушевляют рассматривать нацизм как „коричневую революцию“». И далее: «Фашизм теряет свою исключительность»⁹³. Рациональным в этой мысли является отрицание автором известного тезиса крайних реакционеров о фашизме как «провале в истории Германии».

Новая литература обеспечивает более дифференцированный подход к различным слоям населения Германии в 1933—1945 гг. в зависимости от их отношения к властям, от их социальной активности. По В. Мюллеру, эта литература позволяет преодолеть не только «некритическую канонизацию определенных форм и фигур Сопротивления», но и «традиционное понятие „сопротивление“», которое на самом деле «недостаточно охватило деятельность многих противников нацистской системы»⁹⁴. Э. Фромм пришел к верному выводу о том, что «рабочие были привержены фашизму меньше, чем хотят верить некоторые современники»⁹⁵. Отдельные историки предприняли попытку изучить соотношение повседневности и организации в истории рабочего движения⁹⁶.

Признав вслед за историками-марксистами и другими прогрессивными учеными также эффективность борьбы с фашизмом и в ее пассивных формах, историки повседневности расширили рамки Сопротивления и поступили вполне правомерно. Пойкерт и ряд других исследователей по существу отвергли крайности: тезис о «народной общности» (фашистская пропаганда) и тезис о «широкой народной оппозиции» (Г. Вайзенборн)⁹⁷. Мерингер в выступлении на конференции по исторической дидактике в октябре 1983 г. в Аугсбурге отмечал, что новая литература о «третьей империи» и новые источники «позволили выделить ряд

⁹⁰ GWU. 1985. Н. 6. S. 407. См. также: Die Reihen fast geschlossen; Die Zeit. 1983. N 42.

⁹¹ AfS. 1984. S. 665.

⁹² IWK. 1983. Н. 4. S. 557.

⁹³ Die Zeit. 1983. N 42. S. 31.

⁹⁴ IWK. 1984. Н. 1. S. 35; см. также: ZiG. 1985. Н. 4. S. 319—320.

⁹⁵ Fromm E. Arbeiter und Angestellte am Vorabend des Dritten Reiches. Stuttgart, 1980. S. 88.

⁹⁶ См.: NpL. 1985. Н. 2. S. 252—271.

⁹⁷ AfS. 1984. S. 665.

промежуточных форм сопротивления» — «потенциальный иммунитет, частичный отказ и неповиновение, традиционную нейтральную инертность»⁹⁸. Исследователи повседневности показали также весьма широкий спектр политических позиций различных слоев населения от активной борьбы до «восторженной приверженности», подчеркнув при этом политическую пассивность весьма широких слоев населения. Это созвучно с представлением марксистской историографии о филистерстве вообще и немецком в частности. Известно, что эта пассивность была выгодна фашистам. Но она отнюдь не подтверждала тезис о «народной общности» и не свидетельствовала о силе фашизма. Литература о повседневности повлияла и на изучение событий 20 июля 1944 г. В ряде трудов они исследуются на более широком историческом фоне. Показательны сами названия книги Г. Холмстена «Германия июля 1944 г.: солдаты, штатские, борцы Сопротивления»; упоминавшейся статьи Х. Моммзена «Сопротивление против Гитлера и германское общество»⁹⁹.

Наряду с более или менее взвешенной оценкой наблюдаются попытки искусственно расширить рамки Сопротивления. Некоторые авторы включают в его границы так называемую «внутреннюю эмиграцию», фактически полный отказ от борьбы¹⁰⁰. Встречается и противоположная крайность. В книге Нитхаммера, и это верно отмечает Кокка, «пытались заставить заговорить „молчаливое большинство“», и «обнаружился удручающий факт: как невелико было неподчинение, тем более сопротивление нацизму»¹⁰¹. Правда, это заключение сделано на ограниченной источниковой базе.

Новые тенденции, несомненно, несут в себе возможности демократизации исторической науки ФРГ. Дело не только в том, что ее представители стремятся изучить историю фашизма и антифашизма в первую очередь с точки зрения «низов» общества¹⁰², что предмет ее главного внимания составляют трудящиеся массы. Многие труды посвящены положению женщин в Германии 1933—1945 гг. Причем если в ранней литературе о повседневной жизни главное внимание уделялось угнетению женщин, то в новейших трудах на первый план выдвигается «их неповиновение и противодействие режиму»¹⁰³.

---

⁹⁸ GWU. 1985. Н. 1. S. 39.

⁹⁹ Holmsten G. Deutschland Juli 1944. Düsseldorf, 1982; ZH. 1985. Н. 1.

¹⁰⁰ Критику этого тезиса см.: IWK. 1983. Н. 2. S. 308; Н. 4. S. 557.

¹⁰¹ Die Zeit. 1983. N 42. S. 31.

¹⁰² GM. 1984. Н. 9. S. 517; см. также: Widerstand und Exil der deutschen Arbeiterbewegung, 1933—1945. Bonn, 1982. S. 18.

¹⁰³ См.: GWU. 1985. Н. 6. S. 409. См. также: Bajohr S. Die Hälfte der Fabrik. Marburg, 1979; Listen der Ohnmacht. Frankfurt a. M., 1981; Frauen im deutschen Faschismus. Düsseldorf, 1982. Bd. 1—2. Марксистский анализ буржуазной и социал-реформистской литературы ФРГ о женском движении в Германии в 1871—1945 гг. см.: ZfG. 1984. Н. 2. S. 141—149; Н. 9. S. 798.

Весьма важное значение имеет и расширение числа участников исторического исследования. В последние годы в стране многие тысячи граждан (рабочие, служащие, учителя, домохозяйки, библиотекари, пенсионеры, учащиеся) приняли участие в изучении прошлого их городов, школ, улиц. В Верре, Золингене, Ольденбурге, Штутгарте и других городах Федеративной Республики возникли и действуют кружки по изучению истории края¹⁰⁴. В 1981 г. западноберлинские студенты, работники социального обеспечения создали «историческую мастерскую». Вскоре такие группы возникли и в других городах. В мае 1983 г. образовалась «мастерская», объединившая региональные группы¹⁰⁵. Они имеют и более широкое социально-культурное значение как место встреч профессиональных историков, учителей — работающих и безработных, которые ищут работу и стремятся сохранить контакты с научной общественностью¹⁰⁶.

Нельзя не согласиться с Фолькером, положительно оценивающим эту живую связь людей с прошлым. Рабочие, по его мнению, приобщаясь к истории, обретают новое чувство собственного достоинства и начинают лучше понимать современные проблемы¹⁰⁷. Новый подход обладает большими дидактическими возможностями. Об этом свидетельствуют, например, книги, подготовленные к изданию Д. Галински и У. Лахауэром. Они содержат победившие на конкурсах работы школьников о повседневной жизни в Германии 1933—1945 гг.¹⁰⁸ Несомненно, такое расширение круга исследователей может положительно повлиять и на саму историческую науку.

Наиболее дальновидные исследователи, поддерживая требование «депрофессионализации» исторической науки, предупреждают, однако, что дело выиграет лишь в том случае, если будут объединены усилия и профессионалов, и любителей. Над кружками должны взять шефство ученые. Заметим, что профессор А. Кун (Штутгарт) со своими коллегами создал общество имени Франца Меринга, которое стремится изучить «историю тех, кого до сих пор воспринимали пассивно, лишь в качестве страдающих»¹⁰⁹. Весьма характерно, что историки назвали это общество именем известного немецкого марксистского ученого и общественного деятеля.

Новая литература привлекла внимание политических партий и властей ФРГ. Они отводят ей большое место в формировании «политической культуры населения». Причем каждая партия

¹⁰⁴ Der Spiegel. 1983. N 23. S. 37.

¹⁰⁵ О программе этой организации см.: Schöttler P. Historiker auf neuen Pfaden // Frankfurter Rundschau. 1984. N 3; Moderne Zeiten. 1984. Sondernummer. April. S. 3—6.

¹⁰⁶ GWU. 1985. H. 1. S. 40.

¹⁰⁷ Ibid. H. 6. S. 408; Materialien zur politischen Bildung. 1985. N 3. S. 76. См. также: Die Zeit. 1983. N 42. S. 30.

¹⁰⁸ Nazis und Nachbarn. Hamburg, 1982; Alltag im Nationalsozialismus, 1933—1945. Braunschweig, 1982. См. также: Die Zeit, 1983. N 42. S. 30.

¹⁰⁹ Der Spiegel. 1983. N 23. S. 37.

вкладывает в это понятие свой смысл. Показательно, что уже в 1973 г. по инициативе президента республики Г. Хайнеманна среди школьников был проведен конкурс по истории Германии. Эти конкурсы проводились также и при господстве правительственной коалиции ХДС/ХСС — СвДП. Два из них посвящались непосредственно повседневной жизни. В конкурсе 1983 г. приняли участие 13 тыс. человек, было представлено 2172 работы общим объемом 150 тыс. страниц¹¹⁰.

Как отнеслись к литературе о повседневной жизни профессиональные ученые ФРГ, в течение десятилетий задававшие тон в освещении Германии фашистского периода? По мнению Фолькера, новая литература «внесла беспокорность в башню из словной кости, в которой пребывают академические историки, вырвала их из рутин, вынудила обратиться к новым темам... продуктивное влияние этого чувствуется сегодня почти во всех областях исторического исследования»¹¹¹. Нельзя полностью разделить это мнение. Скорее всего, реакцию на новую литературу нужно характеризовать как противоречивую. Так, избранный в 1984 г. председателем Союза западногерманских историков К. Христиан во вступительном докладе на XXXV конференции союза, имея в виду развитие этой литературы, отметил определенный сдвиг в научных интересах историков ФРГ в целом¹¹². Орган Союза западногерманских учителей истории, фактически поддерживая литературу о повседневности, не без оснований подчеркивает, что изучение связанной с этой литературой региональной истории не должно означать отказа от истории общей, что «универсальные изменения проявляются в регионе, и поэтому универсальная и региональная истории не являются взаимоисключающей альтернативой»¹¹³. Сотрудник Фрайбургского военно-исторического ведомства Г. Шрайбер в историографической работе о фашизме отметил, что «исследователи повседневности в несравненно большей степени, чем это было раньше, пытаются изучать нацизм изнутри». «Речь идет, — продолжает он, — о социальной истории, написанной с точки зрения личного опыта»¹¹⁴.

Официозный ежеквартальник современной истории вплоть до начала 1986 г. по существу обходил молчанием новую литературу, если не считать выделения специальной рубрики в библиографическом разделе¹¹⁵. Многие умеренные консерваторы к главным героям Сопrotивления по-прежнему относят «представителей аристократии, буржуазии, военных» и лишь их акции — к разделу «действенной борьбы»¹¹⁶. Ряд этих историков откры-

¹¹⁰ Ibid. S. 36–37.

¹¹¹ GWU. 1985. H. 6. S. 407.

¹¹² Цит. по: Die Welt. 1984. 8. Okt.

¹¹³ См.: GWU. 1985. H. 1. S. 40.

¹¹⁴ Schreiber G. Hitler-Interpretationen. 1923–1983. Darmstadt, 1984. S. 354.

¹¹⁵ См., VfZ. 1986. H. 1. S. 7–8.

¹¹⁶ Hoffmann P. Widerstand gegen Hitler. München, 1979. S. 19.

то и резко осуждают литературу о повседневности. Так, К. Хильдебранд в рецензии на книгу П. Хоффманна «Сопrotивление против Гитлера» полагает, что широкий интерес к «борьбе низов» будто бы обесценил понятие «Сопrotивление»¹¹⁷. По мнению К. Д. Брахера, «не повседневная оппозиционность многих, не социальное уравнение, о чем так часто говорят в последнее десятилетие, а целенаправленное сопротивление военной и политической элиты имело единственный реальный шанс свергнуть Гитлера, сократить сроки войны и тем самым спасти жизнь миллионов людей, смягчить поражение Германии и предотвратить раздел Европы»¹¹⁸. Консервативная пресса выступила с нападками на новую литературу¹¹⁹.

Ряд историков заняли иную позицию. Г.-У. Велер предостерегает эту литературу о повседневности от опасности впасть «в романтически окрашенный неохисторизм левого толка», упрекает в недооценке понятийного аппарата, рекомендует «включить повседневную жизнь в историю общества всех слоев и классов», без чего, по мнению критика, эта литература попадает «в тупик»¹²⁰. Более основательный разбор литературы о повседневной жизни мы встретили в работах Кокки. Этот исследователь, отмечая важное значение «материалов опроса простых людей», тем не менее рекомендует сопоставлять их с другими источниками. Он признает научные потенции новой литературы — она «напоминает о том, чем издавна пренебрегали, обещает открыть неизвестное совсем вблизи». Главную опасность для этой литературы Кокка видит в «культе созерцания», в «возможности потонуть в море деталей». Кокка упрекает ее представителей в том, что они не ставят вопрос, почему фашизм победил в Германии и не победил в других странах. Однако на нынешней стадии развития данной литературы она, очевидно, окажется не в состоянии это сделать. Но в принципе едва ли можно отрицать ее способность содействовать решению упомянутого вопроса путем сопоставления повседневной жизни в фашистских и нефашистских государствах Запада. В лучшую сторону Кокка выделяет в новой литературе труды Пойкерта. Он верно показывает, что в них есть стремление «объединить микро- и макроструктуры»¹²¹ и желание дополнить результаты многолетней дискуссии о фашизме в целом материалами о повседневности¹²².

Отмечая определенные достижения новой литературы, было бы ошибочным ее идеализировать. Имея в виду тенденцию к нивелированию этой литературы в трудах ряда немарксистских авторов, необходимо вначале подчеркнуть ее крайнюю неоднородность. В ней представлены работы Пойкерта, шеститомник под

¹¹⁷ HZ. 1984. H. 3. S. 758.

¹¹⁸ Цит. по: 20. Juli 1944. S. 12–14.

¹¹⁹ Подробнее см.: Новая и новейшая история. 1985. № 3. С. 211–214.

¹²⁰ Die Zeit. 1981. N 39.

¹²¹ NpL. 1984. H. 1. S. 60.

¹²² Die Zeit. 1983. N 42. S. 30–31.

редакцией Брошата, другие научные труды, отличающиеся сравнительно высоким теоретическим уровнем. Они внесли известный вклад в исследование темы. С другой стороны, эту литературу представляет и «Поваренная книга тети Лины» с ее советами и рекомендациями, как «пережить плохие времена»¹²³. Такие книги, по оценке Фолькера, «питают и без того существующие предубеждения против историков повседневной жизни». Их авторы «хотят возвести второстепенное в ранг исторически значимого, заменить миф великого властелина мифом „маленького человека“»¹²⁴. По существу, подобные книги лишь дискредитируют новую литературу. Не в этих ли целях именно «Книга тети Лины» была помещена на выставке, организованной для участников штуттгартского международного конгресса исторических наук в августе 1985 г.? В ряде книг повседневная жизнь доиндустриального общества представлена в ностальгическом духе¹²⁵.

Отмеченная некоторыми критиками антитеоретичность, несомненно, присуща новой литературе. Но эта антитеоретичность не может быть отнесена к органическим ее порокам. Необходимо учитывать, что большинство этих историков имеют недостаточную профессиональную подготовку, что в их трудах можно встретить не только мелкотемье, отказ от типизации, но и прямое отрицание теории. Напомним, что эта литература возникла как протест против консервативных тенденций. Истории науки известны случаи, когда при низком профессионализме несогласие с плохой теорией приводило к отказу от любой теории вообще.

Однако нельзя забывать, что новая литература делает лишь первые свои шаги, и любой окончательный приговор может оказаться ошибочным. Теоретический уровень работ по истории оппозиционной деятельности представителей различных классов и слоев, в первую очередь рабочего класса Германии, уже в наши дни сравнительно высокий. Это связано с большей изученностью темы Сопротивления в марксистской историографии, а также в трудах демократов и ряда социал-демократов.

Многие представители литературы о повседневности сами видят ее слабость и призывают связать детальные исследования с изучением общеисторического процесса, жизненный опыт с научным анализом¹²⁶. Иными словами, речь идет о традиционной для немарксистской историографии проблеме объединения индивидуализирующего и генерализирующего методов¹²⁷. Стоит вопрос о комплексном подходе к предмету исследования, об ис-

¹²³ *Horbelt R., Spindler S. Tante Linas Kriegskochbuch.* Frankfurt a. M., 1982.

¹²⁴ GWU. 1985. N. 6. S. 409.

¹²⁵ Идеализация доиндустриального общества характерна и для некоторых альтернативных движений ФРГ. Подробнее см.: *Худавердян В. Ц.* Современные альтернативные движения. М., 1986. С. 75.

¹²⁶ См., например: *Die Reihen fast geschlossen.* S. 14f; AfS. 1984. S. 662.

¹²⁷ Индивидуализирующий метод ограничивает внимание историка на описании отдельных, неповторимых фактов, генерализирующий – предполагает научные обобщения.

пользовании специалистами повседневности достижений смежных наук. Характерно в этой связи высказывание Нитхаммера: «Нет истории повседневной жизни без теории»¹²⁸. Теоретические вопросы освещения повседневности в последние годы привлекли внимание многих историков — как противников новой литературы, так и ее сторонников. Так, был издан коллективный труд «История в повседневной жизни — повседневность в истории»¹²⁹. В 1984 г. институт современной истории провел специальный коллоквиум об изучении повседневной жизни в Германии¹³⁰. Ряд работ посвящен теории устной истории¹³¹, региональной истории¹³².

Итак, литература ФРГ о повседневной жизни в фашистской Германии представляет собой весьма неоднозначное явление. Несомненно, что связанная в первую очередь с СДПГ, партией «зеленых», антифашистско-демократическими организациями, эта литература усиливает изоляцию крайних реакционеров в историографии и политике. В целом литература нового направления демократична и по социальному составу большинства ее представителей, и по тематике, и по основным источникам, и по итогам своих исследований. Она усилила интерес большинства немарксистских ученых ФРГ к социально-экономической истории; ввела в оборот новый эмпирический материал, в первую очередь характеризующий жизнь трудящихся, преодолела в основном черно-белую манеру изображения Германии в 1933—1945 гг., показав промежуточные политические позиции различных групп населения; сделала некоторые уточнения в оценке фашизма, на новых источниках показала несостоятельность концепции «народной общины» и доктрины тоталитаризма; внесла определенный вклад в изучение социальной политики «третьей империи» и отношения к ней масс; расширила понятие «Сопротивление», хотя ей и не удалось еще показать влияние антифашистской борьбы в пассивных формах на внутреннюю и внешнюю политику фашистского режима.

Литература повседневности вызвала интерес к новым исследовательским темам¹³³. Она несет большой эмоциональный заряд, доступна широким читательским кругам, обладает большой притягательной силой. Показ самых различных форм неприятия

¹²⁸ Geschichtsdidaktik. 1980. Н. 3. S. 240.

¹²⁹ Geschichte im Alltag — Alltag in der Geschichte. Düsseldorf, 1982. См. также: Geschichte von unten. Wien; Köln, 1984; Müller G. Alltag und Identität. Frankfurt a. M., 1985.

¹³⁰ Alltagsgeschichte der NS-Zeit. München, 1984.

¹³¹ См., например: Ergebnisse einer Erhebung über Bestände und laufende Projekte zur Oral History in der Bundesrepublik Deutschland. Hagen, 1983; Mündliche Geschichte und Arbeiterbewegung. Wien, 1984; Geschichtsdidaktik. 1984. Н. 9. S. 199—289.

¹³² См., например: Jahrbuch westdeutschen Landesgeschichte. 1983. Н. 9. S. 287—344.

¹³³ См. например: Hochstein B. Die Ideologie des Überlebens. Frankfurt a. M., 1984.

фашистского милитаризма объективно способствует активизации и объединению современных антивоенных сил в ФРГ независимо от их мировоззрения и политических взглядов. Неслучайно большое внимание уделяют новой историографии газеты и журналы левосоциалистической, демократической, социал-реформистской, либеральной ориентации. Литература о повседневности — одно из проявлений растущего стремления прогрессивных и реалистически мыслящих сил Запада использовать изучение фашизма и антифашизма в интересах современной борьбы за мир и социальный прогресс.

Однако ряд обстоятельств в развитии новой литературы вызывают опасения. Речь идет о ее методологической неоднородности, теоретической слабости многих ее представителей, и в не меньшей мере — их антикоммунистических предрассудках. Совершенствуя свой инструментарий, некоторые из них высказывают опасения, не случится ли так, что «данные литературы о повседневности послужат подтверждению положений исторического материализма»¹³⁴.

Таким образом, новое явление в западногерманской историографии истории новейшего времени весьма противоречиво, его место в этой историографии нельзя преувеличивать. Но нельзя и недооценивать первых достижений новой литературы, особенно в исследовании фашизма и антифашизма, и ее потенциальных возможностей.

---

¹³⁴ GWU. 1985. Н. 6. S. 406.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ФРГ занимает первое место по интенсивности изучения истории германского фашизма и антифашизма. Историческая литература по этой теме преобладает в западногерманской немарксистской историографии и зачастую отличается сравнительно высоким профессиональным уровнем. С конца 70-х годов усилилось внимание к методологии, социальным функциям исследований, историографии, источниковедению, библиографии проблемы. Представители различных направлений с тех или иных позиций оценивают сохранившиеся в наши дни фашистские и антифашистские традиции и стремятся использовать уроки прошлого в формировании современной внутренней и внешней политики классов и партий. Среди большинства ученых укрепляется мысль о том, что исторические знания должны воспрепятствовать возрождению фашистской идеологии и политики, развязыванию новых войн. История фашизма и Сопротивления находится в центре идейно-политической борьбы страны. Именно с этой точки зрения можно объяснить усиление интереса к истории пацифистского движения 20—30-х годов, попытки теоретически осмыслить право на сопротивление фашизму в интересах современной борьбы за мир, объединения всех антивоенных сил. Большую роль те или иные трактовки фашизма и антифашизма играют в школьном и вузовском преподавании, в формировании исторического и политического сознания населения¹.

В западногерманской немарксистской историографии фашизма и Сопротивления имеются определенные достижения, обусловленные научной и научно-прикладной функцией историографии и связанные с деятельностью в первую очередь демократических, социал-демократических, либеральных, некоторых умеренно-консервативных историков. Однако полная картина истории Германии 1933—1945 гг. еще не создана. Упомянутые достижения в определенной степени обусловлены воздействием диалектико-материалистического метода. Некоторые немарксистские историки приходят к более или менее объективным оценкам на основе стихийного материализма. Выбор тематики, многие суждения немарксистских историков фактически представляют собой их реакцию на марксистско-ленинскую историографию фашизма и Сопротивления.

Причины интереса к марксистско-ленинской исторической науке неодинаковы у историков различных направлений. Среди

---

¹ См., например: NpL. 1985. Н. 2. S. 272—295.

консерваторов преобладает стремление изучить своего главного идейного и научного оппонента для борьбы с ним, обеспечить приоритет в важных областях знания, найти пробелы в марксистской историографии истории Германии 1933—1945 гг.² Ряд исследователей, в первую очередь из числа представителей либерального и демократического направлений, наоборот, искренне стремятся поставить на службу науке те или иные элементы марксистской методологии, конкретные достижения историков СССР, ГДР и других социалистических стран, а также историков-марксистов в самой ФРГ. Появление объективных моментов в буржуазной литературе непосредственно связано с усилением прогрессивных тенденций в самой общественной жизни Западной Германии³.

Воздействие диалектико-материалистического подхода на немарксистские общественные науки⁴ нельзя рассматривать вне связи с перестройкой в государствах Восточной Европы, в частности обновлением их внешней политики. Это воздействие уже отмечали советские ученые, в частности С. Л. Тихвинский в статьях об итогах XVI Международного конгресса исторических наук. Одна из комиссий, работавших в рамках конгресса, специальное заседание посвятила вкладу марксистско-ленинской историографии в науку⁵. Речь шла о повышении интереса к проблемам «социально-экономической истории, истории народных движений, истории революций, т. е. тем, которые соответствуют марксистско-ленинскому подходу и которые ранее, как правило, отвергались буржуазной исторической наукой»⁶. Историков-марксистов приглашают участвовать в научных конференциях⁷, издают их труды⁸, усиливают источниковую основу своих произведений, привлекая материалы, опубликованные в странах

² См.: *Вопр. истории*. 1986. № 1. С. 24—25; 1986. № 12. С. 5—6.

³ Подробнее см.: *Правда*. 1986. 18 мая; *VdiP*. 1986. Н. 3. С. 309.

⁴ О некоторых положительных тенденциях в буржуазном общественном сознании см.: *Правда против домыслов: (Научность и реализм политики КПСС и несостоятельность ее буржуазных фальсификаций)*. Киев, 1985. С. 34, 43, 99, 104, 121, 131—133, 140, 154, 178, 187, 193, 201, 218; *Буржуазная историография второй мировой войны*. М., 1985. С. 26; *Коммунист*. 1986. № 7. С. 94, 112.

⁵ *Вопр. истории*. 1986. № 1. С. 18, 20, 22, 24; *Коммунист*. 1986. № 1. С. 106—107. См. также: *Марксизм-ленинизм и развитие исторической науки в странах Западной Европы и Америки*. М., 1985. Т. 1—2; *Тижков В. А. История и историки в США*. М., 1985; *Forschungen zur Geschichte und internationalen Wirksamkeit der sowjetischen Historiographie*. Halle, 1984.

⁶ *Новая и новейшая история*. 1986. № 2. С. 15; № 3. С. 14, 74.

⁷ См., например: *Kriegswende Dezember 1941*. Koblenz, 1984.

⁸ См., например: *Lozek G., Richter R. Legende oder Rechtfertigung?* Frankfurt a. M., 1980; *Sipols V. J. Die Vorgeschichte des deutsch-sowjetischen Nichtangriffs-Vertrags*. Köln, 1981; *Pätzold K., Weissbecker K. Geschichte der NSDAP*. Köln, 1985; *Tegeran—Jalta—Potsdam*. Köln, 1985. В западногерманском труде «*Нацистская диктатура, 1933—1945*», авторы которого — ведущие буржуазные специалисты — пытаются подвести итоги изучения германского фашизма, опубликована работа Д. Е. Мельникова и Л. Б. Черной (*Nationalsozialistische Diktatur, 1933—1945*. Bonn, 1983).

социализма. Так, в работах Г.-А. Якобсена, В. Випперманна используются исследования советских историков — академика А. М. Самсонова, В. И. Дашичева, мемуары А. М. Василевского, Г. К. Жукова, работы историков ГДР Д. Эйхгольца, К. Финкера, известные документальные публикации ГДР «Анатомия агрессии», «Анатомия войны»⁹. Аналогичные тенденции наблюдаются и в других странах Запада¹⁰.

В ФРГ вышло в свет значительное число специальных исследований о марксистской исторической литературе¹¹. Так, В. Шради в книге «Историческая наука в ГДР и буржуазное наследие» с полным основанием показывает, что марксисты подвергли «принципиальной критике историографическую традицию», подошли к ней «дифференцированно», четко выделили в истории Германии две линии — пролетарскую и буржуазную. По существу автор отвергает распространенное в литературе ФРГ представление о том, будто бы «историческую науку ГДР характеризует фальсификация». Он показывает ее «важный вклад в научное исследование прошлого». Не без оснований он полагает, что «политико-социальная функция» «сдерживает ее развитие», хотя в идеале все социальные функции этой историографии должны находиться в полной гармонии¹². К сожалению, вопреки этой общей закономерности в практике историографии СССР и других социалистических стран имели место грубые деформации под влиянием сталинизма и его разновидностей. Эти деформации до сих пор не изжиты.

Положительные суждения о советской историографии мы встретили в трудах В. Михалки. Он верно отмечает, что советские историки «одни из первых предприняли попытку дать анализ фашистского движения», что в центре их внимания — «отношение экономики и политики», что они признают «примат экономики перед политикой»¹³. Аналогичные тенденции наблю-

⁹ *Jacobsen H.-A.* Der Weg zur Teilung der Welt. Koblenz, 1978; *Wippermann W.* Europäischer Faschismus im Vergleich. Frankfurt a. M., 1983.

¹⁰ См., например: *Erickson J.* The Road to Stalingrad. L., 1976; *Idem.* The Road to Berlin. L., 1983, а также: История СССР. 1980. № 3. С. 193–194; Вопр. истории. 1986. № 1. С. 15.

¹¹ См., например: Karl Marx. [West] Berlin, 1977; *Wippermann W.* Antifaschismus in der DDR. [West] Berlin, 1980; *Idem.* Zur Analyse des Faschismus. Frankfurt a. M., 1981; Handbuch der Geschichte Russlands, 1856–1945. Stuttgart, 1982; *Hecker H.* Russische Universalgeschichtsschreibung. München, 1983; *Geyer D.* Klio in Moskau und die sowjetische Geschichte. Heidelberg, 1985; *Wir brauchen die Wehrheit.* Köln, 1988.

¹² *Schradi J.* Die DDR-Geschichtswissenschaft und das bürgerliche Erbe. Lang, 1984. S. 265, 271, 283; см. также: *Buschoceviden C.* Geschichtswissenschaft und Politik in der DDR. Köln, 1980; Die DDR vor den Herausforderungen der achtziger Jahre. Köln, 1983; Deutschland-Archiv. 1984. H. 17. Об освещении буржуазной историографией ФРГ развития исторической науки ГДР см.: *ZfG.* 1982. H. 7.

¹³ Цит. по: Nationalsozialistische Aussenpolitik. Darmstadt, 1978. S. 39; ср.: *Hildebrand K.* Das Dritte Reich. München, 1979. S. 148. Б. Бонвеч отмечает определенные достижения советской историографии Великой Отечественной войны. См.: *Bonwetsch B.* «Der Grosse Vaterländische Krieg». Stuttgart, 1984. S. 1001–1002.

даются и в других областях буржуазного и социал-демократического общественного сознания¹⁴. Весьма показательно также, что авторы ряда западногерманских конкретно-исторических трудов постоянно ведут полемику со своими марксистско-ленинскими предшественниками¹⁵.

Расширяется тематика западногерманских исследований. Многие темы, в течение десятилетий бывшие уделом исключительно историков-марксистов, привлекли внимание и ряда буржуазных и иных авторов. Такова тема империализма, в частности империализма Германии, Италии, Японии, «опоздавших к разделу мира»¹⁶. Характерно, что отдельные исследователи учитывают экономический аспект внешней политики империалистических держав. Можно отметить, в частности, деятельность группы К. Аретина и Г.-И. Шрёдера в рамках исследовательского проекта «Взаимозависимость экономического развития, внутренней и внешней политики государств Версальской системы в 1919—1939 гг.»¹⁷.

Показательно также, что в современной буржуазной историографии прочно укрепилось научное мнение о преемственности германского империализма с конца XIX в. до 30—40-х годов XX в. Вслед за советскими учеными эти историки за редким исключением¹⁸ не приемлют ныне ложного тезиса о фашизме как «провале» в истории и показывают крайне реакционную и агрессивную традицию в истории Германии 1871—1945 гг.¹⁹ Наряду с этим некоторые исследователи обратились к развитию фашизма за пределами Германии и его национальной специфике в различных странах. Другие историки пытаются обосновать тезис «фашизм — дитя кризиса»²⁰. Сравнительно многие консервативные историки констатируют капиталистическую природу фашизма и еще чаще — его связь с монополиями, хотя это и делается с теми или иными оговорками²¹. Многие признают ответственность за фашизм и развязанную им войну не только владельцев концернов, но и военных и штатских чиновников²². В трудах

¹⁴ Подробнее см.: Коммунист. 1984. № 13. С. 56—57; Вопр. истории. 1984. № 8. С. 32—50; Вопр. истории КПСС. 1985. № 6. С. 103—105; Новая и новейшая история. 1984. № 5. С. 199—200; 1985. № 2. С. 67; ZfG. 1981. Н. 2. S. 164; Einheit. 1983. Н. 6. S. 584—585.

¹⁵ См., например: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 4; Fritz Thyssen Stiftung. Köln, 1984; Luks L. Entstehung der Kommunistischen Faschismustheorie. Stuttgart, 1985.

¹⁶ См., например: Hillgruber A. Die gescheiterte Grossmacht. Düsseldorf, 1980. S. 112.

¹⁷ См., например: Südost-Forschungen. 1980. N 39. S. 242—248; Hildebrand K. Das Dritte Reich. München, 1980. S. 47.

¹⁸ См., например: Fritz Thyssen Stiftung. S. 81.

¹⁹ См., например: Ploetz: Geschichte der Weltkriege, 1900—1945. Freiburg, 1981; Sozialgeschichte der BRD. Stuttgart, 1982—1983; Krüger P. Die Aussenpolitik der Republik von Weimar. Darmstadt, 1985. S. 555 etc.; Die Niederlage, die eine Befreiung war. Köln, 1985. S. 24, 153—154 etc.

²⁰ Deutsche Geschichte. Gütersloh, 1985. Bd. 11. S. 202.

²¹ Цит. по: Nationalsozialistische Diktatur. 1933—1945. S. 153.

²² См., например: Das Dritte Reich. Hannover, 1983. S. 192.

некоторых авторов более или менее последовательно раскрыт известный тезис коммунистов «фашизм — это война». Появилась значительная литература о преступлениях фашизма²³.

Появились труды умеренных консерваторов о социальной политике фашистского режима, в частности работа А. Кранига «Лавирование и принуждение» (о рабочем законодательстве в «третьей империи») ²⁴. Вопросы этой политики отражены в коллективном труде «Вторая мировая война и социальные изменения». Д. Петцина, Г.-Е. Фолькманн, В. Ф. Вернер раскрыли, в частности, положение немецких рабочих и проблему рабочей силы в годы войны, использование труда заключенных концлагерей ²⁵. Социальная политика привлекла внимание исследователей либерального, демократического и особенно социал-реформистского направления, в первую очередь авторов, группирующихся вокруг «Архив фюр Социальгешихте» и «Геверкшафтлихе Монатсхефте».

Для эволюции отдельных буржуазных историков под влиянием материалистической методологии особенно характерен пример Ф. Фишера. Его вклад в изучение германского империализма начала XX в. высоко оценен в СССР, поскольку, вопреки традициям буржуазной историографии, он обратился к анализу экономических движущих сил гегемонистской политики. В новых своих работах Фишер исследовал действие этих сил вплоть до 1945 г. На большом фактическом материале он подтвердил вывод об «элитах власти», сохранявших свои господствующие позиции в промышленности, сельском хозяйстве и обществе, высшей бюрократии и юстиции, прежде всего — в армии. Союз между ними и фашистской партией привел ко второй мировой войне.

Влияние материалистической методологии проявляется в литературе о повседневной жизни. В центре ее — простой человек с его заботами, тревогами, проблемами. Официозному элитарному подходу к прошлому противопоставлено новое для этой историографии осмысление минувшего «снизу». Введены в научный оборот материалы многочисленных опросов очевидцев, местных архивов, другие источники. Исследование отношения к властям представителей самых различных слоев населения, в том числе Сопротивления, позволило этим авторам опровергнуть принятый крайними консерваторами фашистский тезис о «народной общности», о «государстве Гитлера как несокрушимом монолите», о безоговорочной поддержке НСДАП рабочими и другими трудящимися. Литература о повседневности страдает определенными недостатка-

---

²³ Подробнее см.: *Мерцалова Л. А.* Преступления германского фашизма в новейшей буржуазной историографии ФРГ // Уроки Нюрнберга. М., 1988. Вып. 3. См. также: «Historiker-Streit». München, 1987.

²⁴ *Kranig A.* Lockung und Zwang. München, 1984; *Hüttenarbeiter im Dritten Reich.* Wiesbaden, 1985; *Recker M.-L.* Nationalsozialistische Sozialpolitik im Zweiten Weltkrieg. München, 1985.

²⁵ *Zweiter Weltkrieg und sozialer Wandel.* Göttingen, 1981.

ми, что, однако, не перечеркивает ее общего положительного значения.

Продолжает успешно развиваться западногерманская демократическая литература, и в прошлые десятилетия испытывавшая сильное влияние марксистской науки. Ее представителям свойствен исключительный интерес к проблеме «фашизм и монополии» и в более широком плане — «монополии и власть в прошлом и в настоящем». Исследователи демократического направления стремятся подчинить изучение истории фашизма и антифашистской борьбы задачам современного движения за мир и социальный прогресс²⁶. Показательно, что о марксистско-ленинском влиянии на буржуазную историографию иногда говорят сами ее представители. Так, К. Хильдебранд, отмечая «интенсивное внимание» к «проблеме: экономика, НСДАП и „третья империя“», объясняет это «ренессансом марксистского мышления в западном мире, в первую очередь при рассмотрении „капитализма“ и „фашизма“»²⁷.

Однако наряду с этим отношение многих буржуазных историков к исторической науке СССР и ГДР по-прежнему предвзято. Крайние консерваторы — историки и мемуаристы — вообще отрицают что-либо положительное в марксистской историографии. В отличие от крайних умеренные консерваторы отмечают и даже используют некоторые достижения марксистской историографии. Однако и они отнюдь не свободны от ее тенденциозной оценки²⁸. Весьма широко распространена критика имевшей место еще в 20–30-е годы ошибочной оценки компартиями фашизма и социал-демократии²⁹. Как правило, критики игнорируют то обстоятельство, что коммунистические партии открыто признали и в значительной мере исправили свои ошибки³⁰. Довольно часто пытаются приписать историкам-марксистам заблуждения, присущие различным сектантским группам, например тезис о Гитлере как «марионетке капитализма», фашистской диктатуре как «агенте» империалистической буржуазии³¹. Эта вульгарная интерпретация научной концепции фашизма уже была подвергнута критике³².

Немарксистские историки не без оснований критикуют свойственные ряду марксистских ученых догматические суждения. Так, У. Фолькер пишет об «упрощенном марксистском объяснении прошлого могущественной экономической необходимостью, знамени-

²⁶ См., например: *Materialen zur politischen Bildung*. 1985. Н. 1; BdiP. 1986. Н. 4. S. 425–435, 436–447.

²⁷ *Hildebrand K.* Das Dritte Reich. München, 1979. S. 147–148, 192.

²⁸ См., например: *Nationalsozialistische Aussenpolitik*. S. 39; *Bracher K. D.* Europa in der Krise. Frankfurt a. M., 1979. S. 117–122.

²⁹ GWU. 1985. Н. 6. S. 405; *Luks L.* Op. cit.

³⁰ См.: *Schleifstein J.* Die «Sozialfaschismus»-These. Frankfurt a. M., 1980.

³¹ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 1. S. 123, 536; см. также: *Hecker H.* Op. cit.; *Zeitgeschichte Osteuropa als Methoden- und Forschungsproblem*. [West] Berlin, 1985. S. 95–104.

³² См.: *Мировая экономика и международные отношения*. 1980. № 11. С. 123.

тыми объективными условиями» и требует «присоединить к холодной логике исторических конструкций политической экономии теплые течения субъективного фактора»³³. В. Альтгельд также упрекает «радикально-демократических и марксистских историков» в том, что они, выясняя классовое происхождение и классовые связи, не замечают этических, христианско-гуманистических, правовых мотивов участников Сопротивления³⁴. На самом деле ни К. Маркс, ни его подлинные преемники не следовали жесткой схеме, которая предписывала бы ученому ограничиваться при изучении прошлого исключительно социально-экономическими факторами. Еще в письме Й. Блоху (1890 г.) Ф. Энгельс указывал, что эти факторы являются в конечном счете определяющими, но не единственными, влияющими на развитие общества. При этом он как раз обращал внимание на изучение самого человека, условий его жизни, роли в общественных процессах³⁵.

Нельзя недооценивать известного конструктивного элемента в развитии немарксистской литературы о фашизме и Сопротивлении. Усилилось внимание к социальным факторам Сопротивления, многие исследователи отказываются от ограничения борьбы немецких антифашистов узкими рамками «движения 20 июля», констатируют законность антифашистской борьбы, рассматривают пассивные формы Сопротивления, признают лучшую по сравнению со всеми другими партиями Германии подготовленность КПП к борьбе, наличие у нее четкой политической программы — «альтернативы фашизму», обращаются к важному, но слабо изученному аспекту проблемы — национальным особенностям фашизма и антифашизма. В то же время буржуазной и социал-демократической историографии ФРГ не удалось решить ряд существенных проблем — определить характер немецкого Сопротивления и его место в антифашистской борьбе народов, причины поражения буржуазной оппозиции, вклад немецких антифашистов в разгром фашизма. Разумеется, этот вклад был меньшим по сравнению с другими национальными антифашистскими движениями. Тем не менее его нельзя сбрасывать со счетов.

Тот шаг вперед, который сделан западногерманскими историками в изучении фашизма и антифашизма, отнюдь не привел к изменению существа немарксистской историографии этой проблемы. Основу консервативной литературы, которая доминирует в

---

³³ См., например: Innen- und Aussenpolitik unter nationalsozialistischer Bedrohung. Opladen, 1977. S. 60; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 91, 536; *Hildebrand K.* Das Dritte Reich. München, 1979. S. 124–125; *Kühn H.* Widerstand und Emigration, 1928–1945. Hamburg, 1980. S. 225–226; Die deutsche Einheit kommt bestimmt. Bergisch Gladbach, 1982. S. 128–129; 20. Juli 1944. Düsseldorf, 1984. S. 379.

³⁴ 20. Juli 1944. S. 180, 179. См. также: *Fischer K.* Kritik des marxistischen Wissenschaftstheorie. Greven, 1979; *Jäger W.* Op. cit. S. 202; APZ. 1984. B. 26. S. 3–12.

³⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 494, 496; см. также: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 161; Т. 16. С. 23.

этой историографии, по-прежнему составляют различные формы исторического идеализма. Так, с верными суждениями об определяющем воздействии капитала на политику Германии часто соседствует утверждение об «экономике как простом инструменте в руках Гитлера». В представлении многих авторов социально-политические мотивы Сопротивления часто заслонены этическими. Наряду с историографией повседневности с ее вниманием к «низам» общества сохраняется старая тенденция. В соответствии с традиционными для немецкой буржуазной историографии антидемократизмом, противопоставлением единичного общему, индивидуума — массе многие представители новейшей литературы уделяют исключительное внимание участника Сопротивления — выходящим из дворян, вообще пытаются представить его в виде движения экономической и политической элиты. С этим перекликаются попытки социал-реформистских историков в соответствии с узкопартийными интересами оправдать роль руководства СДПГ в 1933—1945 гг. Так возник несостоятельный тезис о бесперспективности антифашистской борьбы. Этот тезис, как и до сих пор не преодоленные еще антикоммунистические настроения этих историков, отнюдь не способствует укреплению сотрудничества коммунистов и социал-демократов. В немарксистской историографии по-прежнему преобладает фактография. По данным французского историка П. Айсоберри, лишь научная литература ФРГ о «третьем рейхе» настолько велика, что «одному ученому не хватит жизни, чтобы ее просмотреть, не говоря уже о том, чтобы изучить ее»³⁶. Однако громадное большинство работ посвящено частным вопросам. До сих пор нет обобщающих трудов, которые объединили хотя бы уже имеющиеся достижения в освещении фашизма и Сопротивления. Характерно, что изучение темы рассредоточено по многим центрам; ни одно учреждение не занимается исключительно исследованием фашизма и антифашизма³⁷. Эта литература не вышла, по существу, за рамки исследования отдельных оппозиционных движений и истории борьбы в отдельных регионах. Различные представители историографических направлений уделяют, как правило, преимущественное внимание лишь тому или иному течению, оказываясь не в состоянии осмыслить Сопротивление в целом. Изданные в ФРГ общие труды по истории антифашистской борьбы представляют собой по существу сборники статей, написанных с разных методологических и идеологических позиций. Они не воссоздают адекватной картины Сопротивления как весьма сложного явления немецкой истории.

В соответствии с разносторонними задачами научной критики представляется целесообразным более активно использовать упоминавшиеся достижения историографии ФРГ для воссоздания пол-

---

³⁶ Цит. по: AfS. 1982. S. 678.

³⁷ Stichworte zum geistigen Situation der Zeit. Frankfurt a. M., 1979. Bd. 2. S. 722. Преобладание фактографии свойственно и буржуазной историографии Запада в целом. См.: Вопр. истории. 1986. № 1. С. 17.

ной и объективной картины истории фашизма и Сопротивления³⁸. Критика может оказаться полезной и в более широком плане. Буржуазные историки широко используют литературу о фашизме и антифашизме как своеобразную методологическую лабораторию, к проблеме обращено внимание больших коллективов и отдельных исследователей, в том числе и не занимающихся ею постоянно. Представляют интерес для марксистских историков независимо от их специализации, например, способы вовлечения в научный оборот новых исторических источников, формы организации исследований, в том числе привлечения в процесс исследования прошлого непрофессионалов, методики актуализации исторических исследований, более полного подчинения их задачам современного и будущего общественного развития. Такое ознакомление может быть плодотворным для других общественных наук, например юриспруденции, экономической истории зарубежных стран, сравнительной педагогики, учитывая внимание многих буржуазных историков к проблемам фашистских преступлений, экономики Германии в 1933—1945 гг., методики преподавания истории фашизма и антифашизма³⁹.

Критика западногерманской немарксистской историографии фашизма и Сопротивления способствует изучению современной общественной жизни ФРГ, особенно небывало сильной поляризации политических сил на рубеже 70—80-х годов. Критика призвана поддержать патриотические, демократические, антивоенные круги в их борьбе за мир и социальный прогресс, против современного милитаризма, идеологи которого спекулируют на общечеловеческом⁴⁰. В таких условиях очень важно показать, что милитаризм в фашистском и любом ином обличье является главным врагом всего человечества, а не какой-то отдельной его части. В этом значительную роль могут сыграть материалы историографии ФРГ, которые обличают антигуманный характер фашизма⁴¹.

Научный анализ немарксистской историографии ФРГ может содействовать совершенствованию популярной и учебной литературы по новейшей истории, в частности преодолению в ней некоторых упрощенных мнений. В ряде книг трактовки фашизма и антифашизма представлены вне связи друг с другом. Так, авторы некоторых учебников представляют фашизм в виде власти всей монополистической буржуазии, ошибочно полагая, что «главной причиной» прихода фашистов к власти был раскол рабочего

---

³⁸ Об использовании плодотворных методик и других достижений буржуазной исторической науки подробнее см.: *Вопр. истории*. 1986. № 1. С. 24—25.

³⁹ См., например: *Der Nationalsozialismus als pädagogisches Problem*. Frankfurt a. M., 1984.

⁴⁰ См.: *Правда*. 1986. 16 нояб.; *Коммунист*. 1986. № 18. С. 66.

⁴¹ См., например: *Recht, Justiz und Faschismus nach 1933 und heute*. Köln, 1984; *Hirsch M. et al. Recht, Verwaltung und Justiz im Nationalsozialismus*. Köln, 1985; *Bromberger B. et al. Medizin, Faschismus und Widerstand*. Köln, 1985.

класса⁴². Здесь сопутствующее обстоятельство (ситуация в рабочем движении) поставлено на место коренного явления (империализма). обусловившего возникновение фашизма. Антифашистская борьба в Германии авторами отдельных учебников по существу сведена к деятельности одной лишь КПГ⁴³, что не соответствует ни самой исторической действительности, ни задаче преодоления любых сектантских тенденций в наши дни. Односторонне преподносится подчас и сама буржуазная историография. Так, в вузовском учебнике «История СССР», выпущенном в 1985 г., буржуазная историография сведена лишь к «фальсификации истории». Авторы ссылаются на труды, изданные в 60-е годы и, естественно, не отражающие современного состояния этой литературы⁴⁴.

Критический анализ новейшей западногерманской литературы о фашизме и антифашизме нельзя считать завершенным. Следует продолжить изучение этой постоянно развивающейся литературы. В СССР и ГДР остаются недостаточно изученными экономическая и социальная политика, механизм господства, обыденная жизнь населения, структура и эволюция рабочих, крестьян, интеллигенции, различных социальных групп (женщин, молодежи, пенсионеров, представителей национальных меньшинств), специфика их политических позиций, а также искусство, культура, наука и техника, образование в фашистской Германии⁴⁵. Не исследованы влияние сталинизма на деятельность КПГ, а также история различных коммунистических и социалистических оппозиционных групп. Не воссоздана история немецких церквей обеих конфессий в 1933—1945 гг. и их взаимодействие с фашистской партией. Недостаточно изучены немецкая эмиграция вообще и борьба немецких антифашистов за пределами Германии в частности, а также особенности антифашистской борьбы в Германии. Последняя задача, естественно, связана со всесторонним исследованием истории антифашистских движений в других странах⁴⁶. Остается неизученной национальная специфика освещения истории фашизма и антифашистского Сопротивления в различных странах Запада. Ныне встает также вопрос о создании специальных исследований о социальном предназначении немарксистской историографии, широко используемой различными общественными силами не только в пропагандистских, но и в других целях. Эта проблема носит междисциплинарный характер. Предстоит изучить, помимо самой литературы о фашизме и Сопротивлении, широкий круг иных источников. В их числе — современные

---

⁴² См., например: Новейшая история: 9-й класс/Под ред. В. К. Фураева. М., 1985. С. 56, 59.

⁴³ Александров В. В. Новейшая история стран Европы и Америки, 1918—1945. М., 1986. С. 79—80.

⁴⁴ История СССР. М., 1985. С. 271.

⁴⁵ См.: ZfG. 1985. Н. 4. S. 321; Н. 10. S. 928.

⁴⁶ Изучению особенностей национальных движений против фашизма посвящена работа историков ЧССР. См.: History and Society. Prague, 1986.

пресса, телевидение, кино, радио, документы парламентов и политических партий, общественных организаций, учебная литература высшей и средней школ, данные опросов общественного мнения, исследовательская литература по социологии и политологии, экономической, юридической и другим наукам, художественная литература.

Дальнейшее совершенствование марксистской критики буржуазной и социал-демократической литературы о фашизме и антифашистском Сопротивлении весьма актуально. Оно полностью отвечает известному программному требованию о всестороннем изучении процессов, происходящих в современном капиталистическом мире, главным задачам советских историков. Взаимопонимание с различными исследователями немарксистских направлений, разбор искажений истории, обмен конкретными достижениями способствуют не только развитию научного знания, но и утверждению нового политического мышления в мире.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1	
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ	
ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ФАШИЗМА И АНТИФАШИЗМА	
1. Методы изучения истории фашизма	17
2. Новые подходы к изучению истории немецкого Сопротивления	60
Глава 2	
БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ	
НЕМЕЦКИХ ОПОЗИЦИОННЫХ ДВИЖЕНИЙ 1933–1945 ГГ.	76
1. Крайние консерваторы о немецком Сопротивлении	76
2. Антифашистская борьба в освещении исследователей умеренно-консервативного направления	88
3. Либеральные и демократические историки о борьбе против фашизма	120
Глава 3	
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ	
НЕМЕЦКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ	151
1. Политические и организационные основы социал-демократической историографии	151
2. Антифашистская борьба в освещении социал-демократической историографии	160
Глава 4	
ИСТОРИОГРАФИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГЕРМАНИИ В	
1933–1945 ГГ.	189
1. Социальные предпосылки и источниковая база западногерманской историографии повседневности	189
2. Фашизм и Сопротивление в литературе о повседневной жизни Германии	197
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	212

Научное издание

МЕРЦАЛОВА

Людмила Андреевна

Немецкое Сопротивление в историографии ФРГ

Утверждено редколлегией серии
«Борьба народов
против фашизма и агрессии»

Редактор издательства О. Б. Константинова
Художник Ф. Н. Буданов
Художественный редактор Н. Н. Михайлова
Технический редактор Т. А. Калинина
Корректоры Л. А. Иванова, Л. А. Лебедева

ИБ № 46062

Сдано в набор 21.09.89
Подписано к печати 05.03.90
А-05958. Формат 60×90¹/₁₆

Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная новая
Печать высокая

Усл. печ. л. 14. Усл. кр. отт. 15. Уч.-изд. л. 16,8
Тираж 1100 экз. Тип. зак. 3876
Цена 3 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

8р.70к.

Л.А. Мерцалова

НЕМЕЦКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ